

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*	Микроэлектроника*
Агрохимия	Мировая экономика и международные отношения
Азия и Африка сегодня	Молекулярная биология*
Акустический журнал*	Наука в России
Алгебра и анализ	Научное приборостроение
Астрономический вестник*	Нейрохимия*
Астрономический журнал*	Неорганические материалы*
Биологические мембраны*	Нефтехимия*
Биология внутренних вод*	Новая и новейшая история
Биология моря*	Общественные науки и современность
Биоорганическая химия*	Общество и экономика
Биофизика*	Океанология*
Биохимия*	Онтогенез*
Ботанический журнал	Оптика и спектроскопия*
Вестник РАН*	Палеонтологический журнал*
Вестник древней истории	Паразитология
Вестник ЮНЦ	Петрология*
Водные ресурсы*	Письма в Астрономический журнал*
Вопросы истории естествознания и техники	Письма в Журнал технической физики*
Вопросы ихтиологии*	Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
Вопросы философии	Поверхность*
Вопросы языкознания	Почвоведение*
Восток	Приборы и техника эксперимента*
Вулканология и сейсмология*	Прикладная биохимия и микробиология*
Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*	Прикладная математика и механика
Генетика*	Природа
Геология рудных месторождений*	Проблемы Дальнего Востока
Геомагнетизм и аэрономия*	Проблемы машиностроения и надежности машин*
Геоморфология	Проблемы передачи информации*
Геотектоника*	Программирование*
Геохимия*	Психологический журнал
Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология	Радиационная биология. Радиоэкология
Государство и право	Радиотехника и электроника*
Дефектоскопия*	Радиохимия*
Дискретная математика	Расплавы
Дифференциальные уравнения*	Растительные ресурсы
Доклады Академии наук*	Российская археология
Журнал аналитической химии*	Российская история
Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова	Российский иммунологический журнал
Журнал вычислительной математики и математической физики*	Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
Журнал неорганической химии*	Русская литература
Журнал общей биологии	Русская речь
Журнал общей химии*	Сенсорные системы
Журнал органической химии*	Славяноведение
Журнал прикладной химии*	Социологические исследования
Журнал технической физики*	Стратиграфия. Геологическая корреляция*
Журнал физической химии*	США. Канада. Экономика - политика - культура
Журнал эволюционной биохимии и физиологии*	Теоретическая и математическая физика
Журнал экспериментальной и теоретической физики*	Теоретические основы химической технологии*
Записки Российского минералогического общества	Теория вероятностей и ее применение
Земля и Вселенная	Теплофизика высоких температур*
Зоологический журнал	Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
Известия РАН. Механика жидкости и газа*	Успехи математических наук
Известия РАН. Механика твердого тела*	Успехи современной биологии
Известия РАН. Серия биологическая*	Успехи физиологических наук
Известия РАН. Серия географическая	Физика Земли*
Известия РАН. Серия литературы и языка	Физика и техника полупроводников*
Известия РАН. Серия математическая	Физика и химия стекла*
Известия РАН. Серия физическая*	Физика металлов и металловедение*
Известия РАН. Теория и системы управления*	Физика плазмы*
Известия РАН. Физика атмосферы и океана*	Физика твердого тела*
Известия РАН. Энергетика	Физикохимия поверхности и защита материалов*
Известия русского географического общества	Физиология растений*
Исследование Земли из космоса	Физиология человека*
Кинетика и катализ*	Функциональный анализ и его применение
Коллоидный журнал*	Химическая физика*
Координационная химия*	Химия высоких энергий*
Космические исследования*	Химия твердого топлива*
Кристаллография*	Цитология*
Латинская Америка	Человек
Лесоведение	Экология*
Литология и полезные ископаемые*	Экономика и математические методы
Математические заметки*	Электрохимия*
Математический сборник	Энергия, экономика, техника, экология
Математическое моделирование	Этнографическое обозрение
Микология и фитопатология	Энтомологическое обозрение*
Микробиология*	Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

<http://www.naukaran.ru>

“Н А У К А”

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2011

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

**Москва
Издательство “Наука”**

© Российская академия наук, 2011 г.
© Редколлегия журнала “Российская археология”
(составитель), 2011 г.

Номер 4, 2011

Орнаменты на керамике – хронологические маркеры для эпохи ранней бронзы (по материалам телья Юнаците, Болгария)	
<i>Мишина Т.Н.</i>	5
Некоторые данные о технике и технологии куро-аракских гончаров (по материалам поселения Ново-Гапцах в Дагестане)	
<i>Бобринский А.А., Цетлин Ю.Б., Гей И.А.</i>	15
О культурной принадлежности некоторых памятников позднего бронзового века у г. Орска	
<i>Хаванский А.И.</i>	29
Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века–средневековья в Суздальском Ополье	
<i>Макаров Н.А., Федорина А.Н., Зайцева Г.И., Гроотс П.М.</i>	35
Раннесредневековые лошади второй половины IX – начала X в. на Рюриковом городище	
<i>Спаская Н.Н., Саблин М.В., Михайлов К.А.</i>	52
Фрагментация куфических монет (результаты исследования материалов Среднего и Нижнего Поочья)	
<i>Гомзин А.А.</i>	64
Каменные башни XIV в. Окольного города Великого Новгорода: неопубликованные материалы и новые исследования	
<i>Гайдуков М.П.</i>	77

Дискуссии

О косых острогах северян Посемья	
<i>Енуков В.В.</i>	89

Публикации

Вотивные наконечники стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом (Средний Урал)	
<i>Сериов Ю.Б.</i>	102
Крестовидная подвеска и ее модификации в культуре среднецнинской мордвы	
<i>Андреев С.И., Терехова Н.В.</i>	114
Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в.	
<i>Валиулина С.И.</i>	119

История науки

И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века	
<i>Салминен Т.</i>	130
Деятельность Камской экспедиции ГАИМК на территории Пермского края	
<i>Лычагина Е.Л.</i>	140

Заметки

Чаша из черепа <i>Bos primigenius</i> из окрестностей с. Ундоры (Среднее Поволжье)	
<i>Вискалин А.В., Ефимов В.М.</i>	146
Погребение мальчика с музыкальными инструментами из Кельгининского могильника в Мордовии	
<i>Беговаткин А.А.</i>	150
Исследования фрагментов текстиля с Торецкого поселения XV в.	
<i>Орфинская О.В.</i>	152

Критика и библиография

Яблонский Л.Т. Прохорова: У истоков сарматской археологии. М., 2010 <i>Фёдоров В.К.</i>	155
Andrzej B. Biernacki. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonezu Taurydzkiego (Architektura wczesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonezu Taurydzkiego). V. II. Poznań, 2009 <i>Архипова Е.И.</i>	159
Дьякова О.В. Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня. М., 2009 <i>Леонова Н.Б.</i>	164
Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009 <i>Курбатов А.В., Сакса А.И.</i>	167
Антипов И.В. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009 <i>Петров Д.А.</i>	170
Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск, 2009 <i>Скобелев С.Г.</i>	175

Хроника

Международный симпозиум “Археология в Китае и в мире: прошлое, настоящее и будущее” <i>Чжан Лянжэнь</i>	178
К юбилею Дмитрия Глебовича Савинова <i>Дервянко А.П., Молодин В.И., Бобров В.В.</i>	179
Памяти Дмитрия Яковлевича Телегина <i>Пустовалов С.Ж.</i>	181
Олег Андреевич Грабар <i>Беляев Л.А.</i>	184
Памяти Аркадия Анатольевича Молчанова <i>Гайдуков П.Г., Чернецов А.В.</i>	186
Олег Дмитриевич Чевелёв <i>Масленников А.А.</i>	188
Авторский указатель за 2011 г.	189

Сдано в набор 14.07.2011 г.

Цифровая печать

Усл.печ.л. 24,0

Подписано в печать 21.09.2011 г.

Усл.кр.-отт. 14,0 тыс.

Тираж 572 экз. Зак. 1759

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Уч.-изд.л. 25,5

Бум.л. 12,0

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

No. 4, 2011

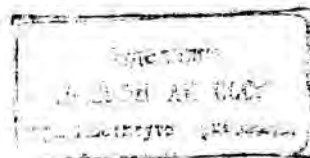
Pottery ornaments as chronological markers for the Early Bronze Age (based on material from Tell Yunatsite)	
<i>Mishina T.N.</i>	5
Certain data on the techniques and technologies used by Kura-Araxes potters (based on material from Novo-Gaptsakh settlement in Dagestan)	
<i>Bobrinsky A.A., Tsetlin Yu.B., Gey I.A.</i>	15
On the cultural identity of certain Late Bronze Age sites near the town of Orsk	
<i>Khavansky A.I.</i>	29
Radiocarbon dates for sites in Suzdal Opolye (Early Iron Age to the Middle Ages)	
<i>Makarov N.A., Fedorina A.N., Zaitseva I.V., Groot P.M.</i>	35
Early medieval horses from the second half of the 9 th – beginning of the 10 th cc. at Rurik's hillfort	
<i>Spasskaya N.N., Sablin M.V., Mikhailov K.A.</i>	52
Fragmentation of Kufic coins (based on materials from the Middle and Lower Oka regions)	
<i>Gomzin A.A.</i>	64
Fourteenth-century stone towers of the Okolny Gorod in Veliky Novgorod: unpublished materials and new research	
<i>Gaidukov M.P.</i>	77
Discussion	
On oblique palisades in the river Seim region	
<i>Yenukov V.V.</i>	89
Publications	
Votive arrowheads from the cave sanctuary at Kamen' Dyrovaty (South Urals)	
<i>Serikov Yu.B.</i>	102
Cruciform pendants and their modifications in Mordovian culture on the middle Tsna	
<i>Andreyev S.I., Terekhova N.V.</i>	114
Artifacts of non-ferrous metal found at Toretskoye settlement, 15 th c.	
<i>Valiulina S.I.</i>	119
History of Science	
J.R. Aspelin, A.M. Tallgren and the Ural-Altaic Bronze Age	
<i>Salminen T.</i>	130
The Kama expedition of the State Academy for the History of Material Culture and its work in the Perm region	
<i>Lychagina E.L.</i>	140
Notes	
Chalice made of Bos primigenius skull from the environs of Undory village (mid-Volga region)	
<i>Viskalin A.V., Yefimov V.M.</i>	146
Burial of a boy with musical instruments from the Kelgininsky cemetery in Mordovia	
<i>Begovatkin A.A.</i>	150
A study of textile fragments from the Toretskoye settlement (15 th c.)	
<i>Orfinskaya O.V.</i>	152

Critics and bibliography

Yablonsky L.T. Prokhorovka: At the Source of Sarmatian Archaeology. Moscow, 2010 <i>Fyodorov V.K.</i>	155
Andrzej B. Biernacki. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego (Architektura wczesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonesu Taurydzkiego). Vol. II. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. 328 s., 266 tabs., 61 figs. <i>Arkhipova E.I.</i>	159
Dyakova O.V. Military Architecture in Central Sikhote-Alin. Moscow, 2009 <i>Leonova N.B.</i>	164
Lapshin V.A. Tver in the 13 th –15 th cc. (based on materials from the 1993–1997 excavations). St. Petersburg, 2009 <i>Kurbatov A.V., Saksa A.I.</i>	167
Antipov I.V. Novgorod Architecture in the Time of Archbishops Euthymias II and Jonas of Otnya. Moscow, 2009 <i>Petrov D.A.</i>	170
Borodovsky A.P., Gorokhov S.V. Umrevinsky ostrog. Archaeological investigations in 2002–2009. Novosibirsk, 2009 <i>Skobelev S.G.</i>	175

Chronicle

“Archaeology in China and the World: Past, Present and Prospects” International Symposium <i>Zhang Liangren</i>	178
To the jubilee of Dmitry Glebovich Savinov <i>Derevyanko A.P., Molodin V.I., Bobrov V.V.</i>	179
In memory of Dmitry Yakovlevich Telegin <i>Pustovalov S.Zh.</i>	181
In memory of Oleg Andreevich Grabar <i>Beliaev L.A.</i>	184
In memory of Arkadiy Anatol'yevich Molchanov <i>Gaidukov P.G., Chernetsov A.V.</i>	186
Oleg Dmitrievich Chevel'yov <i>Maslennikov A.A.</i>	188

ОРНАМЕНТЫ НА КЕРАМИКЕ – ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДЛЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕЛЛЯ ЮНАЦИТЕ, БОЛГАРИЯ)

© 2011 г. Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН, Москва (tnmishina@mail.ru)

Ключевые слова: многослойное поселение, телья, ранний бронзовый век, Фракия, стратиграфия, орнамент на керамике, хронологический маркер.

Sites with long stratigraphic sequences of occupational deposits are important for the periodization of the Early Bronze Age (late 4th – 3^d millennia BC) in the Balkans. Tell Yunatsite in Western Thracia (territory of modern Bulgaria) conforms to the required criteria: the stratigraphic column for the period in question comprises 16 horizons. The article analyzes six types of pottery ornamentation and their qualitative distribution in the horizons. The resulting picture allowed identifying the ornaments that can serve as chronological markers of the Early Bronze Age.

Проблемы периодизации раннего бронзового века, его этапов и их культурных особенностей продолжают оставаться актуальными для Балканского региона (Николова, 1999; Лещаков, 2000). Для решения этих вопросов важное место занимают памятники с длинной стратиграфической последовательностью культурных отложений. К настоящему времени на территории Болгарии известно более 70 памятников с отложениями эпохи ранней бронзы (Nikolova, 1995. Р. 30), однако степень их исследованности различна и далеко не все имеют детальную и продолжительную стратиграфию. Телья Юнаците соответствует основным показателям: мощность культурного слоя превышает 9 м, он формировался с раннего энеолита до римского времени. Этот памятник изучался археологами в течение нескольких десятилетий, полностью раскопаны отложения эпохи раннего железа (пласт А) (Катинчаров и др., 1995) и эпохи ранней бронзы (пласт Б) мощностью до 4.5 м (Миков, 1940; Катинчаров, 1993; Катинчаров и др., 1995; Merpert, 1995). Стратиграфическая колонка, исследованная на телье Юнаците для эпохи ранней бронзы, или раннего бронзового века (далее РБВ), представлена горизонтами XVI/XVII–I (Мерперт и др., 2007. С. 125–148).

Западная часть Фракийской долины с неолита выделяется исследователями как “ось между севером и югом”, которая соединяла Пелопоннес и Северную Грецию с Центральной Европой (Николов, 1998. С. 9). Важность телья Юнаците обусловлена его ключевой позицией среди раннебронзовых многослойных поселений, он является хронологи-

ческим репером для Западной Фракии эпохи РБВ, равноценным по значению телью Эзеро в Восточной Фракии.

В болгарской историографии для ранней бронзы Фракии известна периодизация Р. Катинчарова, который в 1970-е годы выделил два этапа РБВ (Катинчаров, 1974; Katinčarov, 1981). В последние годы общепринята трехчленная периодизация (Alexandrov, 1998; Лещаков, 2000). Авторы к финальному этапу – к РБВ III – относят материалы начала этапа средней бронзы. Основой для построения периодизаций послужили керамические коллекции многослойных поселений, кроме того, широко привлекались материалы из сопредельных регионов: Эгеи, Греции, Малой Азии. Исследование позволило создать сравнительную стратиграфию эпохи ранней бронзы для памятников Юго-Восточной Болгарии (Лещаков, 2000. С. 79–104). По результатам радиоуглеродного датирования ранний бронзовый век относят к концу IV – III тыс. до н.э. (Görsdorf, Bojadžiev, 1996; Bojadžiev, 1998). Серия из 29 дат ¹⁴C, полученная из отложений РБВ телья Юнаците, соответствует данному временному интервалу (Чичагова и др., 2007. С. 232–235).

Отложения РБВ телья Юнаците исследовались около 20 лет. Благодаря предварительным публикациям и знакомству исследователей с его материалами поселение включено в дискуссии о периодизации РБВ Фракии и синхронизации его с другими многослойными поселениями (Nikolova, 1999 (2000). Р. 41, 42; Лещаков, 2000; Leshtakov, 2000. Р. 250–255).

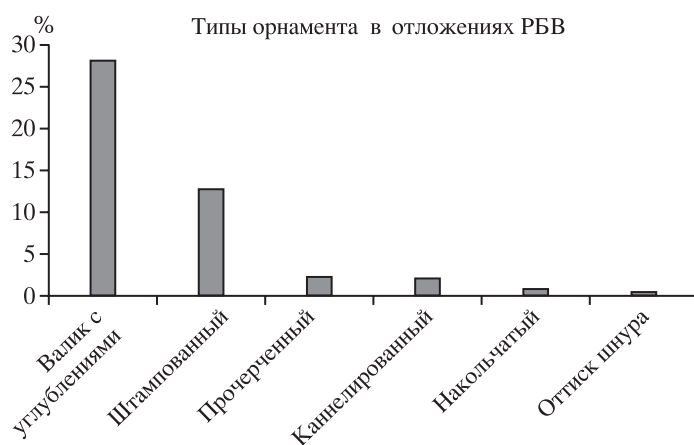
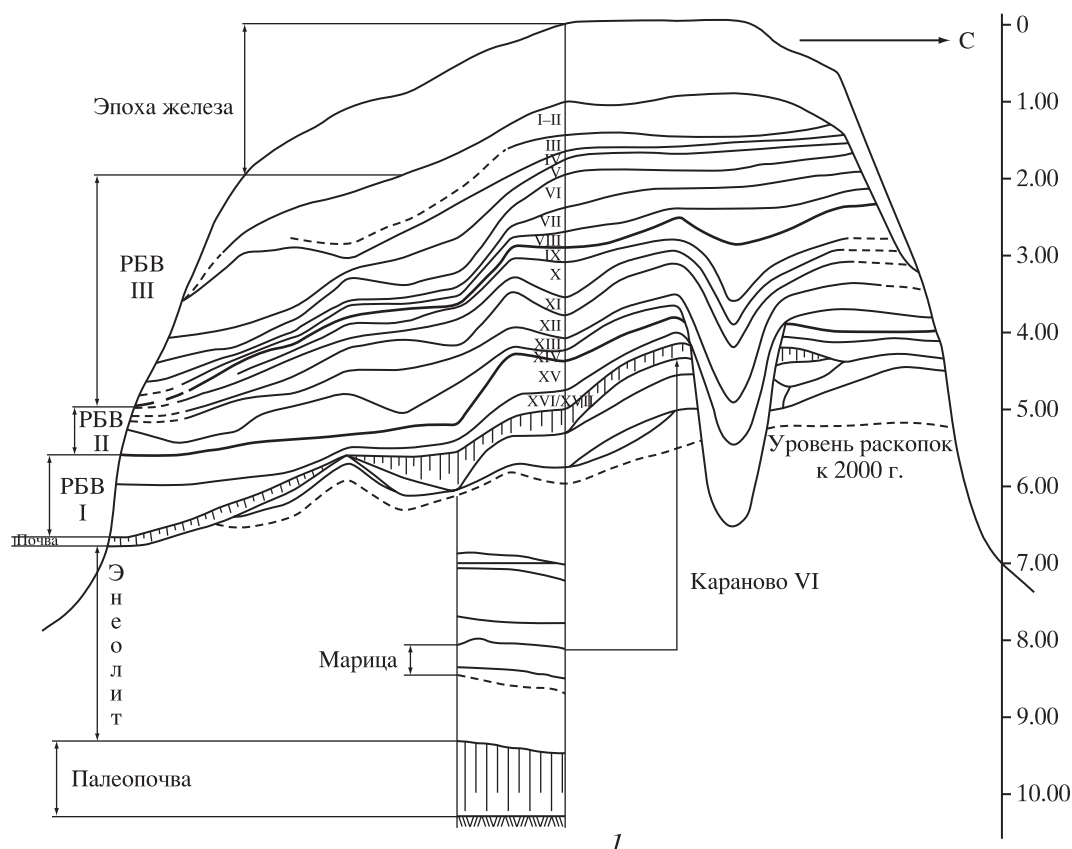

Рис. 1. 1 – стратиграфия телля Юнаците (схема центрального профиля телля Юнаците в горизонтально-сжатом масштабе); 2 – соотношение анализируемых типов орнамента в горизонтах РБВ.

Памятник исследовался значительной площадью (около 1500 м²), что позволило получить статистически представительную стратифицированную керамическую коллекцию. Она состоит как из целых сосудов, так и из фрагментов. Формирование коллекции из фрагментированного материала имеет свою историю. В начале исследования слоев РБВ в коллекции учитывались не все фрагменты керамики, а либо яркие, либо наиболее типичные, при этом

подсчет всех имевшихся на горизонте фрагментов не производился. Поэтому массовый керамический материал с I по X горизонт включительно представлен в урезанном виде, что затрудняет работу.

В данной статье предлагаются к рассмотрению орнаменты на керамике с учетом их количественного распределения на стратиграфической колонке телля. При статистической обработке массового керамического материала была подсчитана доля каж-

дого типа орнамента для горизонта. В результате получена картина распределения различных типов орнамента на каждом из 16 последовательно залегающих поселений РБВ.

Данная методика не лишена недостатков: известно нестабильное существование в культурном слое археологических артефактов небольшого размера, прежде всего керамических фрагментов. В связи с этим встает проблема “пограничных” горизонтов между этапами РБВ. Поскольку мы опираемся на статистически представительную коллекцию из 12748 фрагментов, используемых в статистической обработке, подкрепленную другими признаками, вероятность более или менее точного определения границ возрастает.

Кроме того, трудно сопоставлять материалы из различных поселений, поскольку часть из них копалась большой площадью (Юнаците, Эзеро, Дьбене-Саровка II, Дядово), часть исследована зондажами (Карасура/Калето, Перник/Кракра). Детализация стратиграфических наблюдений также различна: ряд памятников имеет подробную стратиграфию, другие ограничиваются выделением пласта РБВ в целом (Карасура/Калето, Перник/Кракра). Материалы ряда поселений опубликованы лишь частично (Нова Загора, Дядово).

Изучение орнаментов ведется различными методиками (Кобелева, Мыльникова, 2008. С. 9–15). Типы орнаментов часто являются хронологическими, локальными, а в более позднее время и этническими маркерами (Арциховский, 1954. С. 72; Калинина, Устинова, 1990. С. 11, 12; Кожин, 1991. С. 133). Эту особенность орнамента не раз выявляли исследователи на памятниках Фракии (Nemejsova-Ravusova, 1999. Р. 50–56; Николова, 1999. С. 14–18; Лещаков, 2000; Menkova, 2000. Р. 5–8). По результатам предварительных публикаций материалов телля намечено соотнесение последовательно существовавших горизонтов/поселков с этапами РБВ. К РБВ I относят XVI/XVII–XV горизонты, к РБВ II – XIV–IX горизонты и к РБВ III – VIII–I горизонты (Миков, 1940. С. 55–84; Катинчаров, Мацанова, 1993. С. 156–159; Катинчаров и др., 1995. С. 24–29; Мишина, Балабина, 2007. С. 9–17) (рис. 1, 1).

На Юнаците орнаментированная керамика составляет около половины (48.6%) от общего числа исследуемого керамического массива. Близкие показатели дает телль Эзеро, где орнаментированная часть фрагментов составляет около 40% (Георгиев и др., 1979. С. 317).

Основой для выделения типов орнамента послужила технология и способы нанесения орнамента

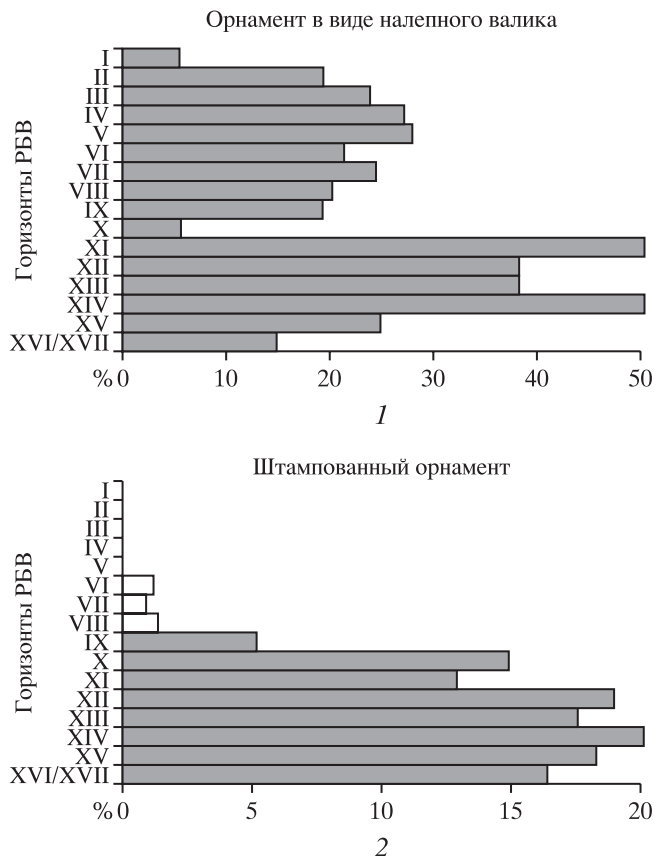

Рис. 2. Распределение орнаментов по горизонтам РБВ. 1 – наклепной валик с углублениями; 2 – штампованный.

на поверхность сосуда. В данном исследовании учтено шесть типов орнаментов.

1. Налепной валик с углублениями (пальцевыми, в виде насечек).
2. Штампованный (рабочий край штампа различный).
3. Оттиск шнура.
4. Прочерченный с инкрустацией белой пастой и без пасты.
5. Накольчатый.
6. Каннелированный.

В коллекции имеются фрагменты, где отмечено сочетание типов орнамента, например каннелированный в сочетании с накольчатым. Соотношение типов орнаментов в керамической коллекции телля представлено на графике (рис. 1, 2). Наиболее распространенный тип – наклепной валик с углублениями – 28.2% от всей коллекции. Далее по убыванию следуют фрагменты со штампованным орнаментом (%) – 12.8, прочерченным – 2.1, каннелированным (в сочетании с накольчатым) – 2, накольчатым – 0.8 и шнуровым – 0.1. Рассмотрим, как

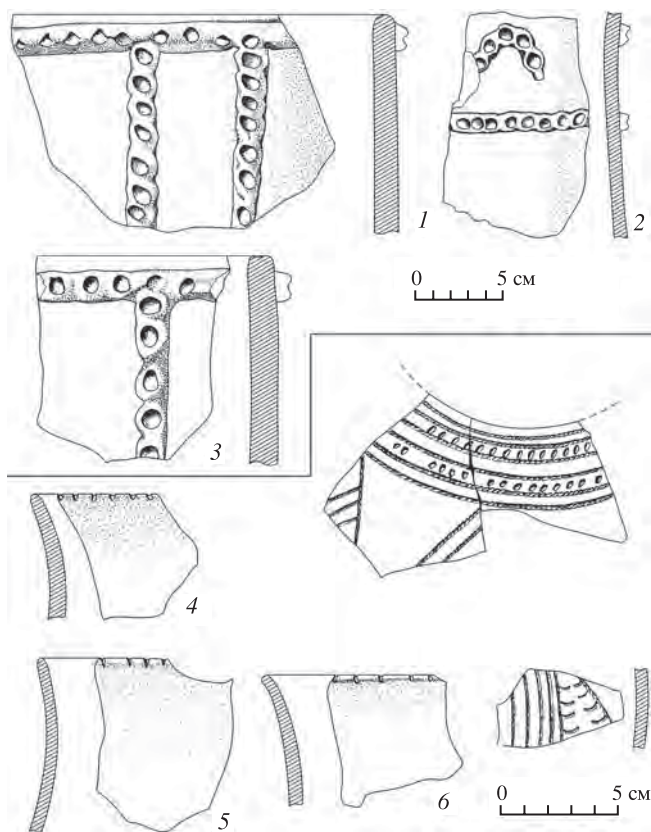

Рис. 3. Фрагменты керамики с орнаментом в виде налепного валика с углублениями (1–3); штампованным (4–6); шнуровым (7, 8).

распределялись типы орнаментов в горизонтах РБВ телля Юнаците (рис. 2).

Налепной валик с углублениями (рис. 3, 1–3). На поверхность сосуда лепились глиняный валик или лента уплощенной формы из дополнительной глины, на которые наносились углубления: пальцевые (подушечкой пальца) или ногтевые (концом пальца) вдавления, насечки. Этот орнамент характерен для толстостенных кухонных сосудов, встречается на горшках и тарной керамике больших размеров, которые, как правило, редко сохраняются полностью. На Юнаците известно лишь четыре целых сосуда с таким орнаментом (XV–XI горизонты). Обычно валик располагался горизонтальными и/или вертикальными лентами, реже фестонами. Зоны орнаментации: под венчиком, по плечу или в области максимального расширения тулова сосуда. Процентное соотношение фрагментов с орнаментом в виде налепного валика с углублениями на каждом горизонте представлено на графике (рис. 2, 1).

Этот тип отмечен во всех горизонтах. На графике фиксируются два пика: первый приходится на XIV–XI горизонты, второй – на II–IX. Вероятно, такое распределение объясняется деформированностью

керамической коллекции, которая имела место с I до X горизонта включительно, и пики не отражают реальной картины. Орнамент в виде налепного валика с углублениями известен в отложениях телля Юнаците на всех горизонтах и не может служить хронологическим маркером.

Штампованный орнамент (рис. 3, 4–6) наносился инструментами, рабочий край которых давал различные отпечатки в виде подтреугольных, подпрямоугольных углублений или насечек. На телле Юнаците этот тип орнамента встречается чаще на кухонной толстостенной посуде: горшках, мисках, реже известен на столовой посуде (горшки с заглаженной или слабо залощенной поверхностью). Орнамент составляли вертикальные, горизонтальные, косые линии; он наносился на плечики сосуда, под венчиком и/или по краю венчика, по верхней части и максимальному расширению тулова, на ручки. В коллекции имеется девять экз. целых сосудов с подобным орнаментом (XVI/XVII–X горизонты). В массовом материале штампованный орнамент составляет 12.8% от общего числа анализируемых фрагментов. Распределение керамики со штампованным орнаментом по горизонтам представлено на графике (рис. 2, 2). Орнамент встречен с XVI/XVII по IX горизонт (не исключено, что IX горизонт – пограничный), в дальнейшем он резко сокращается и после VI горизонта не встречается. С IX по VI горизонт фрагменты с этим орнаментом представлены единично, можно предположить их переотложенный характер и искаженность коллекции в поздних горизонтах. Период его бытования соответствует РБВ I–II.

Оттиск шнура (рис. 3, 7, 8). Шнуровой орнамент наносился при помощи витой тонкой веревки по сырой глине. Он встречен на сосудах с заглаженной поверхностью. Целые сосуды со шнуровым орнаментом в отложениях поселения не обнаружены. На телле Юнаците шнур известен лишь на фрагментах венчиков и стенок сосудов. Судя по ним, композиции состоят из косо заштрихованных треугольников, горизонтальных сгруппированных линий. Шнуровой декор комбинируется с углублениями овальной или округлой формы. На телле шнуровая керамика составляет 0.1% (рис. 4, 1).

Несмотря на небольшое количество, этот орнамент образует монолитную группу в интервале между XI–VII горизонтами, достигая максимума в VIII–VII горизонтах, маркируя финал РБВ II и самое начало РБВ III¹.

¹ Светлым на графике отмечено, скорее всего, случайное попадание фрагментов в горизонт. Верхние горизонты, как правило, значительно нарушают нижележащие культурные отложения. Подобная ситуация не редкая для многослойных поселений, поэтому единичные фрагменты в анализе не учитывались.

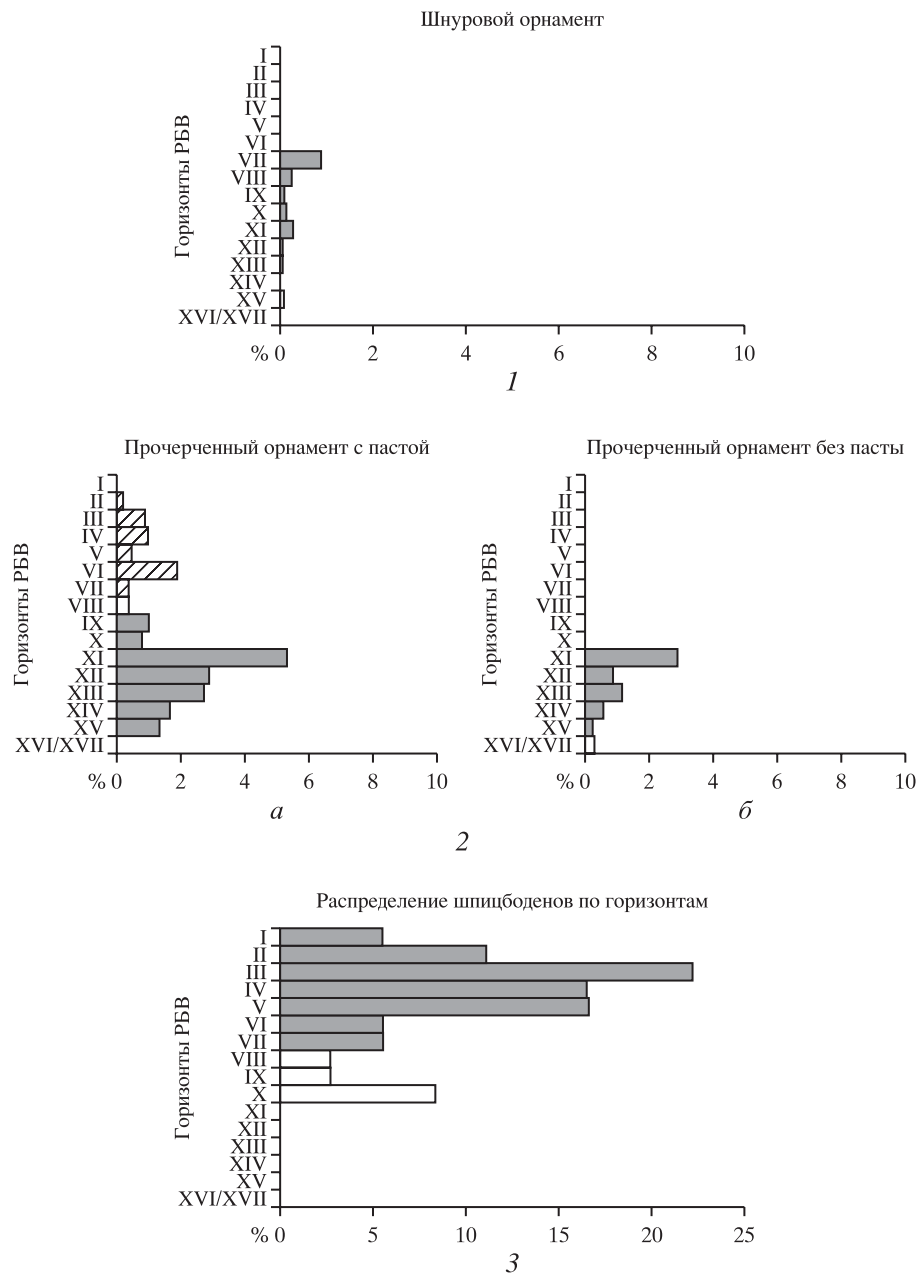

Рис. 4. Распределение по горизонтам РБВ орнаментов (1 – шнуровой; 2 – прочерченный: а – с инкрустацией белой пастой; б – без инкрустации) и чаши с острым дном (шпигбодены) (3).

Керамика с прочерченным орнаментом, инкрустированным белой пастой и без пасты. Этот орнамент наносился аккуратно заостренным концом узкой палочки по сырой глине на сосуды с заглаженной поверхностью, часто встречается на мисках, мисках с внутренним утолщением (рис. 5, 5; 6, 4), на мисках с ребром (рис. 5, 2), горшках (рис. 5, 6; 6, 3), чашах, кубках/стаканах (рис. 6, 2). В болгарской археологии данную разновидность орнамента называют “тип Михалич” по эпонимному памятнику в Юго-Восточной Болгарии, где он впервые был обнаружен (Миков,

1948. С. 7–25). Фиксируется на мисках с внешней (рис. 5, 5) или внутренней стороны (рис. 5, 7), с обеих сторон (рис. 5, 3, 4), часто на венчиках (рис. 5, 2, 5; 6, 4–6), верхней части сосудов (рис. 6, 1, 3), ручках (рис. 5, 1). В отложениях теля Юнаците зафиксированы четыре археологически целых сосуда с подобным орнаментом из XIII и X горизонтов. В массовом материале он составляет 12.8% от общего числа фрагментов.

Часто углубления заполнены белой пастой (группа А), также имеется прочерченный орнамент, ана-

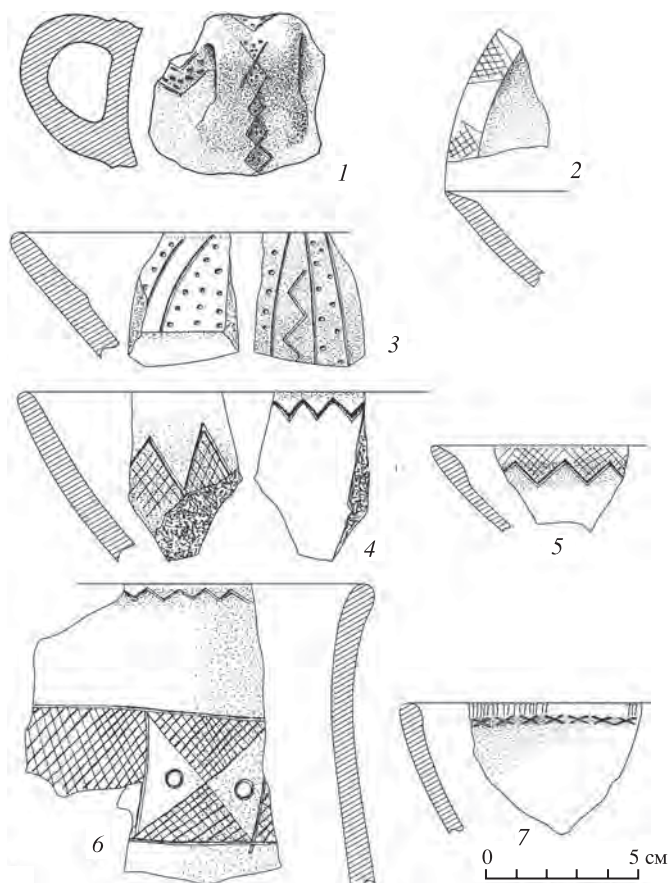

Рис. 5. Фрагменты керамики с прочерченным орнаментом, инкрустированные белой пастой (1, 3–5, 7) и без инкрустации (2, 6).

логичный по технике нанесения и элементам орнамента, но без инкрустации (группа Б). Серия фрагментов с этим орнаментом исследовалась под микроскопом, поскольку собственно инкрустация часто не сохранялась в углублениях, но ее следы всегда четко фиксировались. На фрагментах без пасты никакие следы белого заполнения не выявлены. На телье Юнаците прочерченный орнамент с пастой составил 74%, без пасты – 26. В предварительных публикациях материалов телья этот тип авторы относили ко II этапу РБВ (Катинчаров, Маданова, 1993. С. 156, 166), но точное распределение по горизонтам не приводилось.

Распределение по горизонтам керамики с углубленным орнаментом с пастой и без пасты представлено на графике (рис. 4, 2). В двух нижних горизонтах встречены единичные фрагменты, с XV–XIV горизонтов доля этого орнамента устойчиво растет в обеих группах. В последующих горизонтах число фрагментов группы А резко сокращается, а керамика группы Б исчезает вовсе.

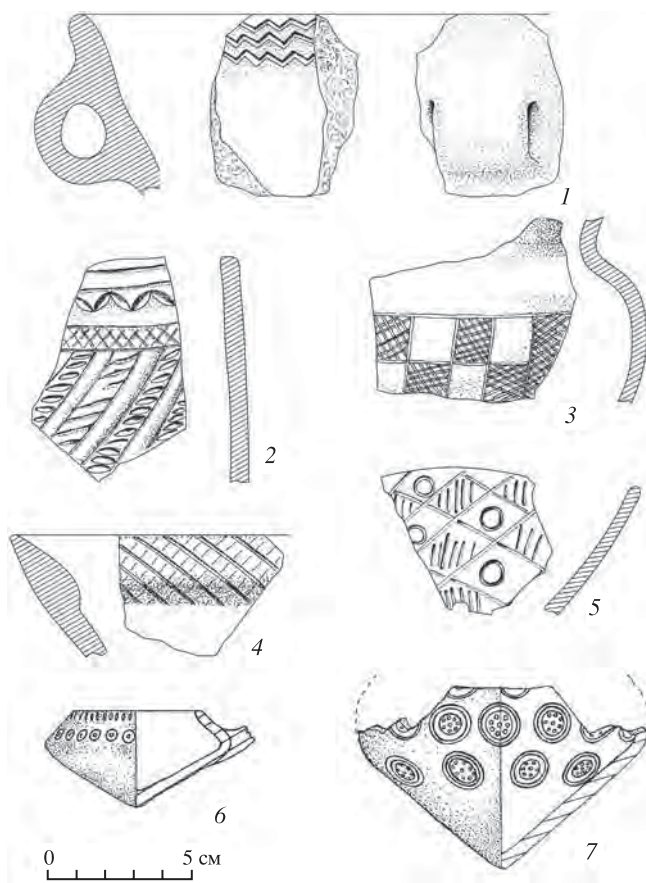

Рис. 6. Фрагменты керамики с прочерченным орнаментом, инкрустированные белой пастой (1–5), и фрагменты чаш с острым дном (шпицбодены) (6, 7).

На первом графике (рис. 4, 2а) выявляются два неравноценных пика в распределении прочерченного орнамента с пастой (группы А): с XV–XIV по IX горизонт и с VI по II. Эти пики соответствуют в целом: нижний – РБВ II, а верхний – РБВ III. При соотношении орнамента, его мотивов и формы сосудов выявляется определенная закономерность. Безусловная морфологическая доминанта с XV–XIV по IX горизонт – миски, в том числе с утолщением по внутреннему краю венчика; именно этот тип посуды чаще других имеет описываемый декор (рис. 5, 5; 6, 4). Орнаментальные мотивы указанных горизонтов для обеих групп сходны и весьма разнообразны: зигзаги, косо заштрихованные треугольники и прямоугольники, ромбы, Х-образные насечки, ленты, заполненные орнаментом.

Для орнамента с инкрустацией белой пастой из VI–III горизонтов характерны другие функционально-морфологические типы сосудов – чаши с острым дном, которые известны под названием шпицбодены, и закрытые миски с горизонтальными ручками (целые сосуды отсутствуют). Появляется и другой,

ранее не встречавшийся орнаментальный мотив, – окружности (рис. 6, 6) или двойные окружности с точками в виде розетки в центре (рис. 6, 7). На телле Юнаците чаши с острым дном представлены 15 целыми и 36 фрагментами². На стратиграфической колонке эти чаши образуют компактную группу (рис. 4, 3). Фрагменты чаш зафиксированы с X по I горизонт, целые чаши обнаружены с VI по I, с V по III горизонт отмечено их максимальное количество (10 целых и 8 фрагментов)³.

Чаши с острым дном с одной или реже двумя ручками – тип сосудов с оформившимися размерными стандартами представляет собой гомогенную группу, является надежным стратиграфическим маркером для VI–I горизонтов РБВ, что соответствует III этапу ранней бронзы.

Прочерченный орнамент с пастой живет на этапах РБВ II и III, но типы сосудов и мотивы орнамента меняются. Прочерченный орнамент с пастой и без пасты характерен только для XV–XIV–IX, при этом XV горизонт – пограничный. Орнамент “типа Михалич” стал синонимом для обозначения II этапа РБВ (Лешаков, 2000. С. 75).

Стратиграфическое положение керамики с орнаментом “типа Михалич” на телле Юнаците не противоречит его бытованию на других памятниках и маркирует II этап РБВ (Лешаков, 2000. С. 79–102). Территория его распространения – Нижнее Подунавье, Фракия до Эгейско-Анатолийской области. Поскольку статистические данные для большинства памятников не приводятся, довольно трудно выявить точный регион его основного распространения, хотя возможно указать на Фракийскую долину в целом.

Орнамент с инкрустацией, фиксирующийся с VI по I горизонт телля, отмечен на других типах посуды: чашах с острым дном и мисках с горизонтальными ручками. Для него характерны новые орнаментальные мотивы: окружности, двойные окружности, точечные розетки, в технике нанесения углублений применяются штампы.

² Коллекция шпичбоденов из раскопок В. Микова 1939 г. насчитывает 12 экз., она не имеет детальных стратиграфических привязок, для шпичбоденов указан интервал глубин обнаружения: 1–2,2 м, что с большой долей вероятности позволяет отнести этот тип сосудов к IV–I горизонтам РБВ. Материалы В. Микова не использовались в количественном анализе.

³ Единственный целый сосуд, зафиксированный в IX горизонте, был найден на дне ямы. Определить горизонт выпуска ямы не представляется возможным. Отнесение сосуда к нижнему IX горизонту, как и обнаружение пяти небольших фрагментов шпичбоденов в X, IX горизонтах, связано, вероятно, с нарушением культурного слоя.

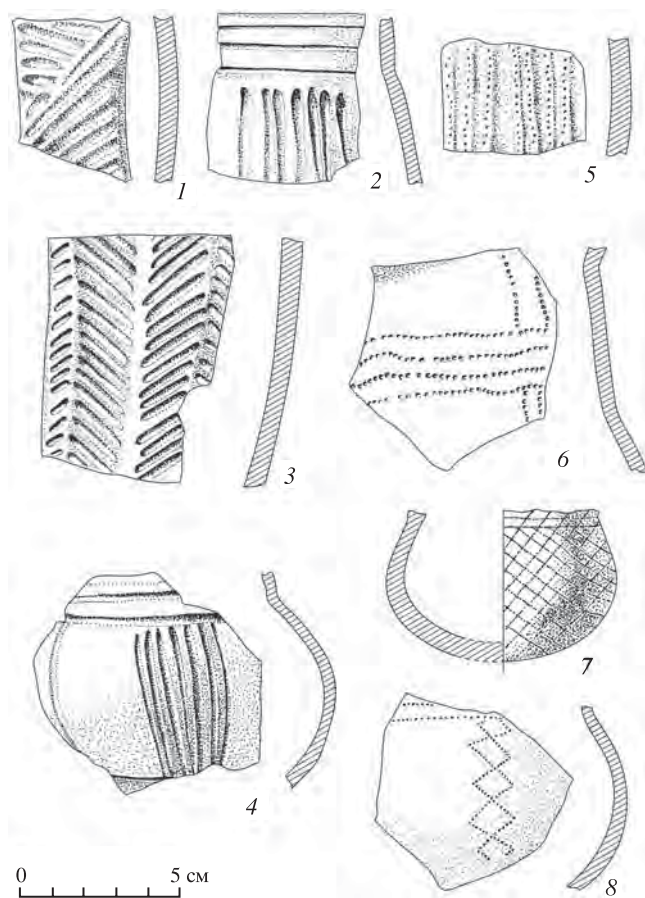

Рис. 7. Фрагменты керамики с каннелированным орнаментом (1–4), сочетанием каннелированного и накольчатого орнаментов (5), накольчатым орнаментом (6–8).

Стратиграфические характеристики этих показателей на Юнаците (Миков, 1940. С. 78–80; Катинчаров, Мацанова, 1993. С. 157, 169. Обр. 17, 1–3), в Деветашка пещере (Миков, Джамбазов, 1960. С. 122, 129), Огняново/Малтепе (Leshtakov, 2000. Р. 261, 262), Маноле/Разкопанице (Detev, 1981. С. 154) указывают на принадлежность их к РБВ III. Похожий сосудик с инкрустированным орнаментом известен в Черничево (Nikolova, 1996. Р. 176–178. Fig. 23). Собственно орнамент, инкрустированный белой пастой, не является хронологическим маркером, только в сочетании с другими признаками (типом сосуда, мотивом и техникой нанесения) становится таковым.

Накольчатый орнамент (рис. 7, 6–8) создавался тонким острым стержнем, образуя мелкие углубления, сгруппированные в горизонтальные и вертикальные линии, треугольники, ромбы. В данной коллекции он фиксировался на тонкостенных сосудах с лощеной поверхностью. Целые сосуды с подобным орнаментом из раскопок болгаро-рос-

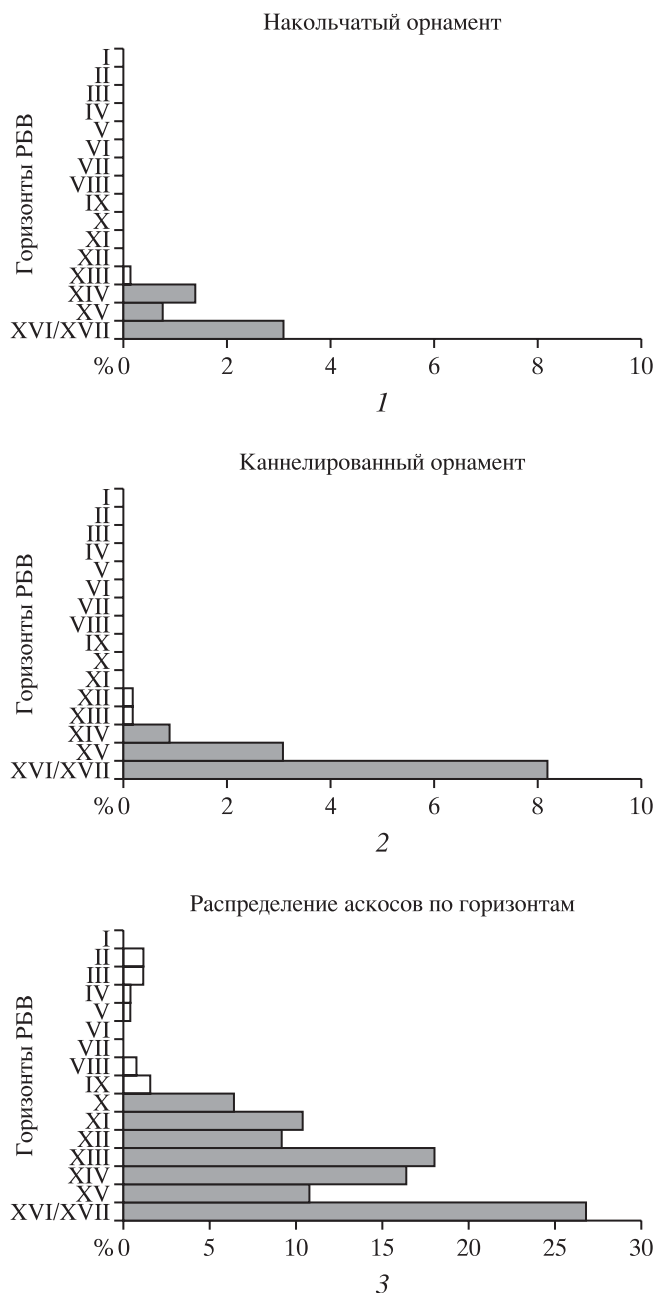

Рис. 8. Распределение по горизонтам РБВ орнаментов (1 – накольчатый; 2 – каннелированный) и асков (3).

сийской экспедиции не представлены⁴, имеющиеся фрагменты принадлежат аскам и другим формам, морфологию которых трудно определить по фрагментам. Орнамент наносился на тулово сосуда, плечики, ручки. Целые аскосы с накольчатым орна-

⁴ Из раскопок В. Микова 1939 г. известен сосуд типа аскос с накольчатым орнаментом, обнаруженный на глубине 6 м, что с большой долей вероятности позволяет отнести его к нижним (XVI/XVII 1–3) горизонтам РБВ (Миков, 1940. С. 75). Материалы В. Микова не использовались в количественном анализе.

ментом известны на поселениях Дядово (Лещаков, 2000. С. 42. Обр. 18, жс), Юнаците (Миков, 1940. С. 74, 75. Обр. 19), в могильнике РБВ Берекетская могила (Kalchev, 2002. S. 109); фрагменты – в Перник/Кракра (Радунчева, 1981. С. 42, 46. Обр. 35, 2). В массовом материале накольчатый орнамент составляет 0.8%. Распределение керамики с этим орнаментом по горизонтам тела приведено на графике (рис. 8, 1).

Почти половина имеющихся фрагментов керамики с накольчатым орнаментом зафиксирована в XVI/XVII (1–3) горизонте, в XV отмечается его сокращение, в XIV – незначительное увеличение. В XIII фрагменты единичны, что говорит об их случайном попадании в этот горизонт. Таким образом, накольчатый орнамент маркирует три нижних горизонта (XVI/XVII, XV, XIV) и в дальнейшем исчезает из употребления.

Каннелированный орнамент (рис. 7, 1–4). Существует несколько разновидностей каннелюр. В данном случае каннелированным орнаментом мы называем слабоуглубленные с помощью инструмента для лощения узкие (1–2 мм) линии. В коллекции имеются два фрагмента с широкими каннелюрами, их стратиграфия неясна. Каннелированный орнамент наносился на тонкостенные сосуды с лощеной поверхностью – аскосы, кувшины. Орнамент складывался из параллельных, сгруппированных линий каннелюр, которые располагались горизонтально, вертикально, под углом, образуя зигзаги. Этот декор покрывал тулово и плечики сосуда, а также фиксировался на поверхности ручек. На Юнаците известен единственный целый сосуд (кувшин) с каннелюрами (погр. 52, горизонт XVI/XVII–1) (Мишина, 2002; Мишина, Балабина, 2007). Общая доля этого орнамента составляет 2%. Зафиксированы фрагменты только с каннелюрами (рис. 7, 1–4), а также фрагменты, где каннелюры сочетаются с накольчатым орнаментом (рис. 7, 5). Из-за немногочисленности последних при построении графика был учтен не только собственно каннелированный орнамент, но и его сочетание с накольчатым. Процентное соотношение фрагментов с каннелированным орнаментом в каждом горизонте представлено на графике (рис. 8, 2).

Большая часть каннелированной керамики фиксировалась в нижнем XVI/XVII (1–3) горизонте. С XV наблюдается устойчивая тенденция к ее резкому сокращению, с XII он не встречается⁵. Таким образом, каннелированный орнамент достоверно

⁵ По одному фрагменту было зафиксировано в VI и IV горизонтах на периферии, попадание их в поздние отложения случайно.

маркирует только три нижних горизонта РБВ: XVI/XVII (1–3), XV, XIV (Мишина, 2002. С. 235, 236). В предварительных сообщениях указывалось на него как на маркер этапа РБВ I (Николова, 1999. С. 14; Лещаков, 2000. С. 57). В горизонте XIV каннелированный орнамент составляет лишь 0.5%, что указывает на пограничное положение горизонта.

Наиболее распространенный тип посуды с каннелюрами в данной коллекции – аскосы. Рассмотрим, как этот функционально-морфологический тип распределяется на стратиграфической колонке телля. Целые аскосы (28 экз.) из раскопок болгаро-российской экспедиции не орнаментированы, но большое количество имеющихся фрагментов асков имеют каннелюры, реже встречаются фрагменты с накольчатым орнаментом и сочетанием каннелюр и накольчатого орнамента. Как видно на графике (рис. 8, 3), аскосы (фрагменты и целые формы) хронологически образуют монолитную группу, фиксируются на телле с XVI/XVII (1–3) до X горизонта. Отчетливо фиксируется тенденция к уменьшению этого типа сосудов от ранних к более поздним горизонтам. Распределение целых асков совпадает с распределением фрагментов. Единичные фрагменты, встреченные с IX по I горизонт, связаны с периферийной зоной на памятнике и нарушением слоя, что объясняет их переотложенный характер. Аскосы диагностируют этапы РБВ I и II. Аскосы же с каннелированным или накольчатым орнаментом и их сочетанием исчезают с наступлением этапа РБВ II.

Учитывая время и характер бытования каннелюр, можно предположить, что, скорее всего, это был непродолжительный импульс из Центральной Европы. Возможно, он связан с небольшой группой населения, пришедшей из района распространения раннебаденской археологической культуры (фаза Баден-Болераз) (Nemejkova-Pavukova, 1999. S. 55) и принесшей с собой свойственные ей приемы орнаментации посуды.

В результате исследования получено распределение шести типов орнамента на стратиграфической колонке телля Юнаците. Орнамент в виде налепного валика с углублениями более или менее равномерно распределился по горизонтам XVI/XVII–I, представлен на всех трех этапах РБВ. В силу этого он не может выступать как хронологический маркер. Распределение штампованного орнамента на стратиграфической колонке Юнаците соответствует XVI/XVII–IX горизонтам, что указывает на его принадлежность к эпохам РБВ I–II.

Другие орнаменты заняли более четкую хронологическую позицию. Распределение по горизонтам накольчатого, каннелированного орнаментов и

их сочетания практически совпадает. Хотя в целом они составляют небольшой процент, их локализация на стратиграфической колонке телля Юнаците отмечена только в самых нижних горизонтах (XVI/XVII–XV) и указывает на его бытование в рамках РБВ I. Соотнесение распределения накольчатого орнамента на телле Юнаците с другими памятниками Фракии подтверждает его распространение в эпоху РБВ I. Как правило, этот тип не многочислен, sporadически встречается на обширной территории всей Фракийской долины, за пределами Болгарии имеет аналогии в баденской (классический этап) культуре (Nikolova, 1996. P. 160). При соотнесении каннелированного орнамента с таким функционально-морфологическим типом сосудов, как аскосы, была выявлена значимость его для определения хронологической позиции этого типа сосудов. Накольчатый, каннелированный орнаменты и их сочетание являются маркерами только для отложений эпохи РБВ I, неорнаментированные аскосы продолжают существовать и на следующем этапе – РБВ II.

Для датировки слоев РБВ важен шнуровой орнамент. Его стратиграфическая позиция соответствует XI–VII горизонтам, маркируя финал РБВ II и начало РБВ III.

Углубленный орнамент с белой пастой и без пасты (так называемый тип Михалич) отмечает горизонты с XV–XIV по IX и в целом укладывается в интервал, соответствующий РБВ II, являясь маркером этого этапа, что подтверждается стратиграфией других многослойных поселений Фракии. Традиция использовать инкрустацию продолжается, а функционально-морфологический тип сосудов, орнаментальные мотивы и техника нанесения меняются. Инкрустация встречается на чашах с острым дном (шпицбодены) и мисках с горизонтальными ручками, которые отмечены с VI по II горизонт. При соотнесении инкрустированного орнамента, его мотивов и формы сосудов выявлено, что инкрустация белой пастой в данном сочетании маркирует хронологию этой группы этапом РБВ III.

Остается проблема так называемых пограничных горизонтов, которая возникает в связи с использованием статистических данных в применении к массовому керамическому материалу на многослойных поселениях. Это XV–XIV горизонты между этапами РБВ I и II и IX–VIII горизонты между этапами РБВ II и III. Однако, как следует из соотнесения типов декора и функционально-морфологических типов, а также при использовании других характеристик культурных отложений РБВ (тип построек, планиграфия и пр.), границы между горизонтами уточняются. В целом, полученные результаты подтверждают наметившееся деление от-

ложений эпохи ранней бронзы (пласта Б) на телле Юнаците.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арциховский А.В.* Основы археологии. М., 1954.
- Георгиев Г.Ил., Мерперт Н.Я., Катинчаров Р.В., Димитров Д.Г.* Езеро раннобронзово селище. София, 1979.
- Калинина И.В., Устинова Е.А.* Технологическая классификация орнаментов неолитической–энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. 1990. Вып. 30.
- Катинчаров Р.* Периодизация и характеристика на културата през бронзовата епоха в Южна България // Археология. 1974. Год. XVI. Кн. 1.
- Катинчаров Р., Мацанова В.* Разкопки на селищната могила при с. Юнаците, Пазарджишко // Праисторически находки и изследвания: Сб. в памет на проф. Г.Ил. Георгиев. София, 1993.
- Катинчаров Р., Мерперт Н.Я., Титов В.С. и др.* Селищна могила при с. Юнаците (Пазарджишко). Т. I. София, 1995.
- Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н.* Орнамент древней керамики: методы и подходы к изучению. Новосибирск, 2008.
- Кожин П.М.* О древних орнаментальных системах Евразии // Этнознаковые функции культуры. М., 1991.
- Лещаков К.* Изследвания върху бронзовата епоха в Тракия // Годишник на Софийския Университет “Св. Климент Охридски”. Исторически факултет. Т. 84, 85. София, 2000.
- Мерперт Н.Я., Мацанова В., Балабина В.И., Мишина Т.Н.* Стратиграфия горизонтов раннебронзового века // Телль Юнаците. Эпоха ранней бронзы. Т. II. Ч. 1. Раздел 1. М., 2007.
- Миков В.* Селищна могила при с. Юнаците (Пазарджишко) // Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей. 1937–1939. София, 1940.
- Миков В.* Предисторическото селище до с. Михалич, Свиленградско // Разкопки и проучвания I. София, 1948.
- Миков В., Джамбазов Н.* Деветашката пещера. София, 1960.
- Мишина Т.Н.* Два раннебронзовых погребения телля “Плоская могила” во Фракии // Проблемы археологии Евразии. М., 2002.
- Мишина Т.Н., Балабина В.И.* Погребения: описание и анализ // Телль Юнаците. Эпоха ранней бронзы. Т. II. Ч. 1. М., 2007.
- Николов В.* Проучвания върху неолитната керамика в Тракия: Керамичните комплекси Караново II–III, III и III–IV в контекста на Северозападна Анатолия и Югоизточна Европа. София, 1998.
- Николова Л.* Раннобронзовата култура Юнаците // Археология. 1999. Кн. 3, 4.
- Радунчева А.* Праисторически селища (V–II хил. Пр.н.е.) // Перник. Т. 1. София, 1981.
- Чичагова О.А., Александровский А.Л., Балабина В.И. и др.* Новая серия ¹⁴C дат для телля Юнаците // Телль Юнаците. Эпоха ранней бронзы. Т. II. Ч. 1. М., 2007.
- Alexandrov St.* Pottery from the End of the Early Bronze Age in Western Bulgaria // Eds M. Stefanovich et al. In The Steps of James Harvey Gaul. V. I. James Harvey Gaul in Memoriam. Sofia, 1998.
- Bojadžiev J.* Radiocarbon dates from southeast Europe and the cultural processes during the fourth millennium BC // Eds M. Stefanovich et al. In The Steps of James Harvey Gaul. V. I. James Harvey Gaul in Memoriam. Sofia, 1998.
- Detev P.* Le Tell Razkopenica // Cultures prehistoriques en Bulgarie. Изв. на археолог. институт при БАН. 36. София, 1981.
- Görsdorf J., Bojadžiev J.* Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte // Eurasia Antiqua. 1996. Bd. 2.
- Kalčev P.* Das Frühbronzezeitliche Greberfeld von Stara Zagora “Bereketska Mogila” (Bulgarien) // Sastuma 8. Bonn, 2002.
- Katinčarov R.* Etat des recherches sur l’âge du bronze en Bulgarie du Sud-Est // Изв. на археолог. институт при БАН. 36. София, 1981.
- Leshtakov K.* The Pottery from Maltepe near Ognyanovo (Characteristics, Chronology and Innerrelations) // Technology, Style, and Society. Contributions to the Innovations between the Alps and Black Sea in Prehistory. Oxford, 2000 (BAR; Intern. Ser. 854).
- Menkova M.* Time and Space in Ezero Culture Interrelations: the Early Bronze age // Archaeologia Bulgarica. 2000. № 2.
- Merpert N.J.* Bulgaro-russian Archeological Investigations in the Balkans // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. 2. № 3. Dezember 1995. Leiden, 1995.
- Nemejcova-Pavucova V.* Bemerkungen zur Frühbronzezeit in Westbulgarien und Nordostgriechenland (Im Licht der “Importe” aus dem Karpatenbecken) // Slovenská Archeológia. 1999. V. XLVII/1.
- Nikolova L.* The Sarovka Tell Near the Village of Dubene, Karlovo District // Reports of Prehistoric Research Project. V. 1. P. 1. Sofia, 1995.
- Nikolova L.* Settlements and ceramics: the Experience of Early Bronze Age in Bulgaria // Reports of Prehistoric Research Project. V. 1. № 2–4. 1995 (1996). Sofia, 1996.
- Nikolova L.* The Yunatsite culture. Periodization, chronology and synchronizations // Reports of Prehistoric Research Project. V. 2, 3. Sofia, 1999 (2000).

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ТЕХНИКЕ И ТЕХНОЛОГИИ КУРО-АРАКСКИХ ГОНЧАРОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ НОВО-ГАПЦАХ В ДАГЕСТАНЕ)

© 2011 г. **А.А. Бобринский**, Ю.Б. Цетлин, И.А. Гей

Институт археологии РАН, Москва (yu. tsetlin@mail.ru)

Ключевые слова: гончарное производство, керамика, куро-аракская культура, технологические традиции, гончарный круг.

The article presents the results of technical and technological study of Early Bronze Age pottery (Kura-Araxes culture) from the excavations at Novo-Gaptsakh settlement in Dagestan. The authors analyze the cultural traditions in the choice and treatment of clay, making of the clay mass, use of molds and potter's wheels. Local and imported traditions are identified.

В 2009 г. Т.Н. Мишиной и Р.Г. Магомедовым проводились охранные раскопки сильно разрушенного многослойного поселения Ново-Гапцах (рис. 1). Верхние напластования его относятся к эпохе средневековья и в данной статье не рассматриваются, а нижние принадлежат к куро-аракской культуре эпохи бронзы и датируются авторами раскопок концом IV – началом III тыс. до н.э. (Мишина и др., 2010; Мишина и др., в печати). В ходе раскопок был получен достаточно представительный керамический и иной материал.

В лабораторию “История керамики” Института археологии РАН была передана для анализа коллекция образцов керамики с поселения в количестве 64 экз., происходящих, вероятнее всего, от разных сосудов. Основной материал – из шурфа размерами 2 × 2 м, а несколько образцов – из двух ям (№ 1 и 3). Предварительно исследователями памятника вся керамика была разделена следующим образом: Группа 1 – образцы предположительно “местной” посуды (38 обломков) и группа 2 – образцы условно “импортной” и, вероятно, более “престижной” посуды, представленной фрагментами керамики типа “Великент II” (22 обломка). Керамика группы 2 впервые была выделена Р.М. Мунчаевым при раскопках памятника Серженъюрт в Чечне (1975. С. 359. Рис. 76, 9–11). Кроме того, один образец отнесен авторами к беденской культуре (обнаружен вне шурфа) и еще один образец из ямы № 1 представляет собой обломок оригинального четырехугольного сосуда. Эти два образца в статье не анализируются. Все обломки сосудов были без шифров, но находи-

лись в целлофановых пакетах и сопровождалась этикетками с указанием места и глубины, где они были зафиксированы при раскопках.

Представленным для анализа образцам керамики были присвоены лабораторные номера, под которыми они фигурируют в последующем изложении: группа 1 включает образцы № 1–38, группа 2 – № 40–60 и 62–64.

Авторами раскопок были поставлены перед нами задачи выяснить: 1 – особенности технологических традиций гончаров, изготавливавших посуду обеих групп; 2 – имело ли место смешение их технологических традиций; 3 – использовались ли ими при изготовлении сосудов гончарный круг; 4 – можно ли сосуды группы 1 рассматривать как результат местного гончарного производства, а сосуды группы 2 – как некий культурный “импорт” на поселении.

Поскольку при раскопках поселения не были зафиксированы ни непосредственные следы производства (запасы сырья, формовочной массы, устройства для обжига посуды и т.п.), ни фрагменты гончарных кругов, ответы на эти вопросы мог дать только всесторонний анализ обломков самой глиняной посуды с позиций историко-культурного подхода.

Данный подход к изучению древнего гончарства и его продукции предполагает прежде всего выделение по находкам керамики информации о навыках выполнения всего комплекса работ, с помощью которых древние гончары создавали свои изделия (Цетлин, 2001; 2005).

Рис. 1. Общий вид памятника поселение Ново-Гапцах.

Навыки труда гончаров – это системно-организованные устойчивые действия и приемы последовательного исполнения множества технологических задач, начиная от выбора исходного сырья и заканчивая термической обработкой изделий. Интерес к изучению именно навыков труда обусловлен тем, что они могут служить основанием для выделения конкретных культурных традиций в различных звеньях гончарной технологии, их реликтовых особенностей, выявления случаев смешанного или несмешанного состояния традиций, анализа как региональных, так и общих этнокультурных процессов, отразившихся в технике, технологии и внешнем облике глиняной посуды.

Выделение всей исходной информации по керамике ведется по общему плану, тематическое содержание которого определяется единой структурой производственных процессов в гончарстве.

Установлено, что независимо от времени и места функционирования гончарных производств, изготовление керамики в них распадается на 3 последовательные стадии, а внутри стадий – на 10 обязательных ступеней, каждая из которых представляет собой особую узкую технологическую задачу (Бобринский, 1978; 1999). Технологический процесс изготовления глиняной посуды представляет собой следующую универсальную структуру.

Стадия 1 – подготовительная, складывается из навыков выполнения четырех узких технологических задач:

- ступень 1 – отбор исходного сырья;
- ступень 2 – добыча исходного сырья;
- ступень 3 – обработка исходного сырья;
- ступень 4 – составление формовочных масс.

Стадия 2 – созидательная, также состоит из навыков выполнения четырех узких технологических задач:

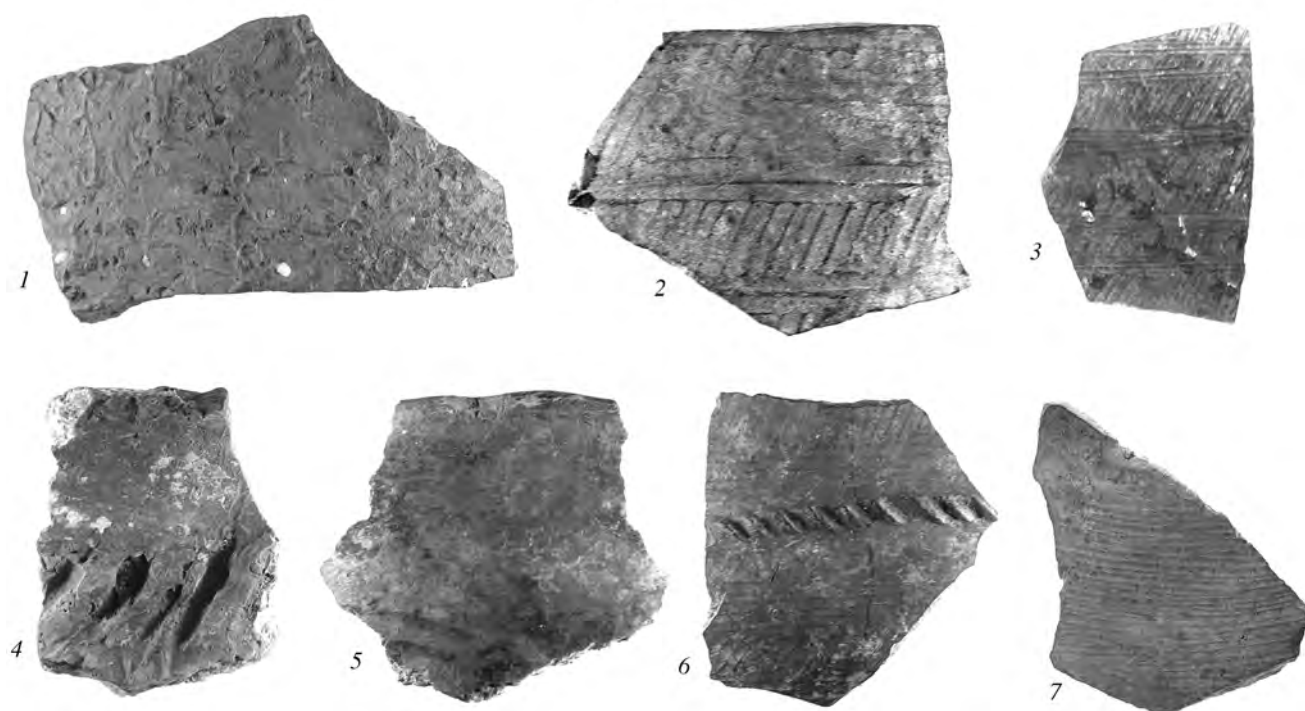
- ступень 5 – конструирование “начинов”;
- ступень 6 – конструирование “полых тел”;
- ступень 7 – придание сосудам формы;
- ступень 8 – обработка поверхностей сосудов.

Стадия 3 – закрепительная, складывается из навыков выполнения двух узких технологических задач:

- ступень 9 – устранение влагопроницаемости стенок сосудов;
- ступень 10 – придание сосудам камнеподобного состояния.

Каждая из этих задач могла решаться в разных гончарных производствах с помощью применения множества конкретных навыков и приемов труда. Например, решение задачи “отбор исходного сырья” (ступень 1) могло включать широкий спектр навыков: отбор равнинных или горных илов, высокопластичных ожелезненных или низкопластичных неожелезненных глин и т.д., решение этой задачи могло состоять в отборе помимо пластичного исходного сырья различных органических или минеральных добавок; решение задачи “конструирование начина” (ступень 5) могло осуществляться путем выдавливания донно-емкостного начина из комка глины или путем создания донного начина из жгута, навитого по спирали, и т.п. Общее число известных сегодня навыков решения различных узких технологических задач насчитывает, по меньшей мере, несколько сотен. Именно это разнообразие позволяет выделять многочисленные культурные особенности у конкретных групп древнего населения и сравнивать их между собой в единой системе анализа.

Группа 1А

Группа 1Б

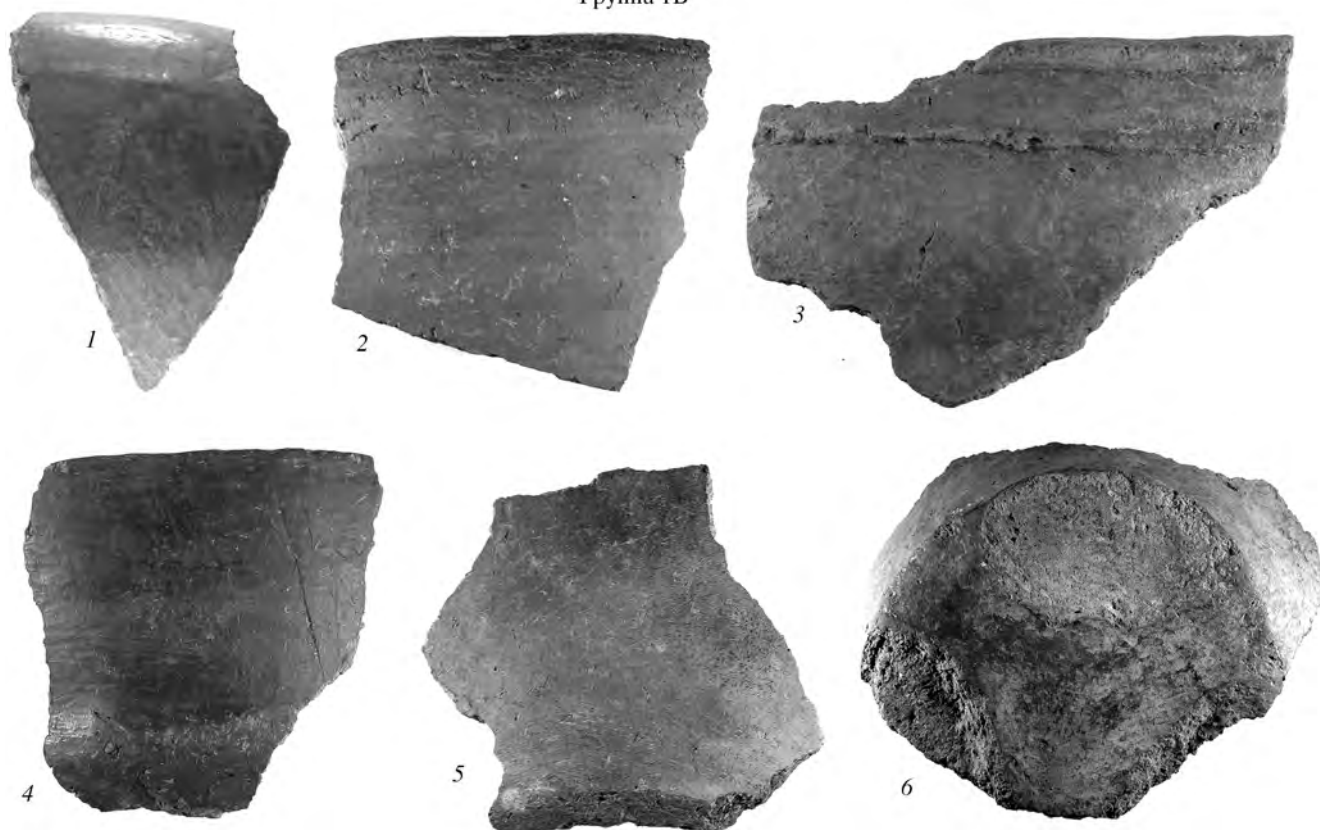

Рис. 2. Внешний вид обломков сосудов разных групп, представленных для изучения. Группа 1А: 1 – № 20; 2 – № 2; 3 – № 16; 4 – № 14; 5 – № 3; 6 – № 15; 7 – № 18; группа 1Б: 1 – № 5; 2 – № 9; 3 – № 11; 4 – № 12; 5 – № 37; 6 – № 30; группа 2: 1 – № 56; 2 – № 49; 3 – № 45; 4 – № 53; 5 – № 51.

Группа 2

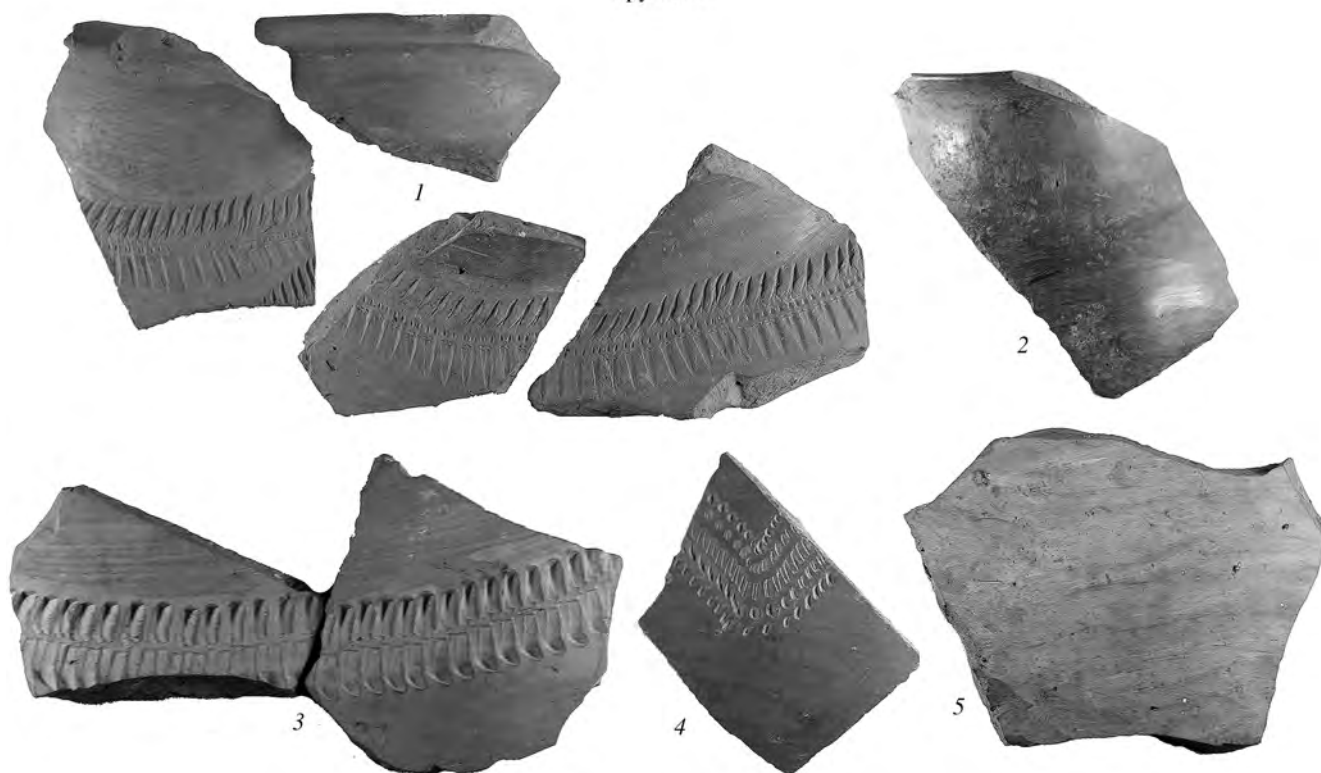

Рис. 2. (Окончание).

В связи с обсуждением общей структуры технологического процесса в гончарстве важно обратить внимание еще на один момент. Изложенная выше последовательность решения узких технологических задач представляет собой *максимально дифференцированную структуру*. Это значит, что при решении каждой конкретной задачи выполняются действия, связанные только с ее осуществлением и не выполняются действия, направленные на решение других узких технологических задач. Однако некоторые из выделенных 10 узких технологических задач могут находиться не только в полностью дифференцированном состоянии, но и пребывать в *слитном состоянии*. Например, решение задачи “устранение влагопроницаемости стенок сосудов” (ступень 9) полностью или частично подготавливается еще при отборе исходного сырья (ступень 1) и составлении формовочной массы (ступень 4), когда в нее вводятся компоненты, способствующие устранению влагопроницаемости стенок (смолы, животные жиры, различные органические материалы, растворы и т.д.); решение задачи “придание сосуду формы” (ступень 7) часто происходит одновременно с “конструированием полого тела сосуда” (ступень 6) и т.п. В истории гончарного производства наблюдаются две тенденции развития гончарной технологии: к дифференциации технологической

структуры и к ее слиянию в относительно единый процесс. Последняя наиболее заметно проявляется в навыках непосредственного конструирования сосудов с использованием вращательного движения гончарного круга.

К настоящему времени изучение навыков выполнения гончарами 10 узких технологических задач по керамическим находкам в достаточной степени обеспечено разработанными в рамках историко-культурного подхода методами анализа. Тем не менее не всегда удается выделить подробную информацию о навыках труда на всех ступенях производственного процесса. Наибольшее влияние на полноту выделяемой информации оказывают обычно два обстоятельства: чрезмерная фрагментированность керамики и уничтожение некоторых технологических “следов” еще в древности в ходе использования посуды, в моменты ее разрушения и отложения в культурном слое, а также во время камеральной обработки.

Наиболее полную информацию о навыках труда древних гончаров обычно удается выявить по так называемым развалам сосудов. Но подобные находки редко становятся объектами технико-технологического изучения, так как исследователи стараются их по возможности скорее реставрировать.

Чаще всего приходится вести анализ по небольшим обломкам от разных частей сосудов. По ним наиболее сложно восстановить навыки непосредственного изготовления сосудов (ступени 5–7). Поэтому при изучении археологических находок керамики часто приходится оперировать не только скромной по объему, но и неполной по содержанию информацией о навыках труда древних гончаров, а соответственно и о тех историко-культурных процессах, которые отразились в гончарной технологии.

К сожалению, отмеченные ограничения современных исследовательских возможностей по содержанию и полноте информации проявились и при изучении керамической коллекции с поселения Ново-Гапцах.

В связи с этим выделение и анализ исходной информации велся только по следующим направлениям.

1. Изучение распределения образцов керамики по глубинам и стратиграфическим горизонтам их залегания в культурном слое поселения.
2. Определение примерного объема сосудов и их принадлежности к разным категориям посуды.
3. Выделение навыков обработки внешней и внутренней поверхностей сосудов (ступень 8).
4. Выделение особенностей использованного гончарами основного исходного сырья по степени его пластичности, ожезженности и составу естественных примесей (ступень 1).

5. Выделение навыков обработки основного пластичного сырья (ступень 3) и навыков составления рецептов формовочных масс (ступень 4) у гончаров данного поселения.
6. Выделение технических приспособлений, использованных при изготовлении сосудов (частично ступень 7).
7. Выявление признаков, указывающих на местное гончарное производство керамики группы 2 (частично ступени 4 и 10).

Выбранная в данном случае последовательность изложения информации отличается от естественной последовательности производственного процесса, описанной выше. Это сделано с целью предварительного выделения особенностей изучаемой керамики по ее внешнему облику, который в большой мере зависит от навыков обработки поверхности сосудов (ступень 8).

В связи со значительной фрагментированностью представленного для изучения керамического материала навыки труда в области непосредственного конструирования сосудов (ступени 5–7) оказались практически недоступными для исследования.

Подготовительная работа к непосредственному изучению керамики включала вторичный обжиг в окислительной атмосфере муфельной печи при температуре 800° С небольших фрагментов (площадью 2–3 см²) от каждого образца с целью создания одинаковых условий для их последующего микроскопического анализа.

Таблица 1. Расположение изученных сосудов в слое поселения Ново-Гапцах (номера сосудов, их количество и процентное соотношение)

Горизонт	Место находки	Группа 1А	Группа 1Б	Группа 2
III	Шурф, шт. 4, гл. 0.88–0.96 м	19, 20		
	Шурф, шт. 6, гл. 1.39–1.44 м	14–18		
	Шурф, шт. 8, гл. 1.96–2 м	1–4		
II	Шурф, шт. 10, гл. 2.43–2.46 м		31–38	
	Шурф, шт. 11, гл. 2.63–2.68 м		8–13	
	Шурф, шт. 12, гл. 2.89–2.94 м		21–23, 26–30	
I	Шурф, шт. 14, гл. 3.33–3.39 м		24, 25	40–43, 60
	Шурф, шт. 15, гл. 3.6–3.67 м			49, 53–55
	Шурф, шт. 16, гл. 3.85–4 м		5–7	62, 63
	Яма 3, гл. 4.3–4.5 м			44–46, 48, 50, 51, 52, 56, 58, 59, 64
	Количество сосудов	11	27	22
	Процентное соотношение	18	45	37

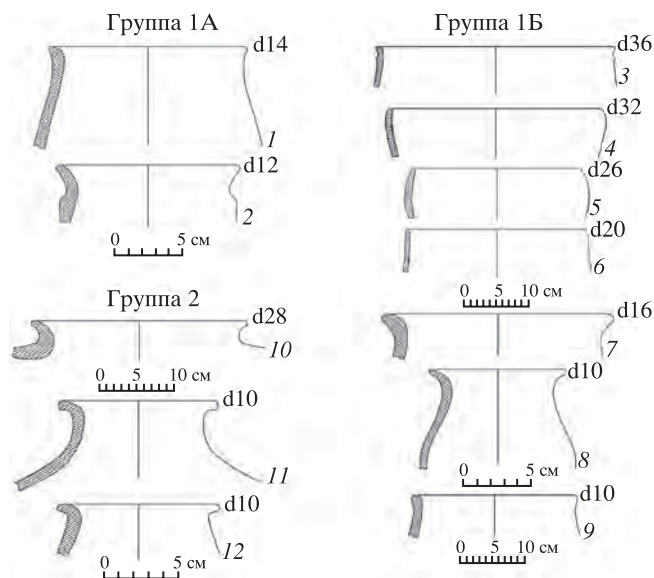

Рис. 3. Профили некоторых сосудов, представленных для изучения. Группа 1А: 1 – № 3; 2 – № 14; группа 1Б: 3 – № 11; 4 – № 9; 5 – № 23; 6 – № 12; 7 – № 33; 8 – № 49; 9 – № 32; группа 2: 10 – № 64; 11 – № 56; 12 – № 58.

Рассмотрим последовательно информацию, полученную в результате изучения образцов керамики, по каждому из обозначенных направлений.

Особенности залегания изученных образцов керамики в культурном слое поселения (табл. 1). Вся керамика происходит преимущественно из нижних горизонтов шурфа, исследованного раскопками от дневной поверхности до материка. В пределах слоя раннего бронзового века авторами раскопок выделены горизонт III (наиболее поздний, штыки 4–8), горизонт II (средний, штыки 10–12) и горизонт I (наиболее ранний, штыки 14–16 и яма № 3). Керамика группы 1 разделена на две предположительно разновременные группы: 1А включает обломки от 11 сосудов из III горизонта и 1Б объединяет обломки от 22 сосудов из II горизонта и 5 сосудов из I горизонта (рис. 2). Следует, однако,

отметить, что, по свидетельству авторов раскопок, керамика группы 1Б в большом количестве обнаружена также в I горизонте культурного слоя. Керамика группы 2 (типа “Великент II”) включает обломки от 22 сосудов, происходящих исключительно из I горизонта и ямы № 3 (рис. 2). Это практически все фрагменты данного типа, обнаруженные при раскопках. В ходе анализа установлено, что в группе 2 обломки № 45 и 47 относятся к одному сосуду, обломки № 56 и 57 – также к одному сосуду.

Приведенные данные дают возможность выделить некоторые тенденции изменения гончарных традиций у обитателей поселения Ново-Гапцах во времени. Поэтому в дальнейшем проводится сравнительный анализ исходной информации по каждому направлению исследования керамики для трех предположительно хронологических групп: группа 1А (более поздняя), группа 1Б (средняя по времени) и группа 2 (более ранняя).

Объем сосудов и их принадлежность к разным категориям посуды. Важные характеристики функционального назначения глиняных сосудов – их объем и принадлежность к определенной категории форм (кувшиновидным, горшковидным и мисковидным).

К сожалению, только по некоторым обломкам удалось выяснить, к каким категориям относятся сосуды. Профили некоторых наиболее крупных обломков верхних частей сосудов представлены на рис. 3. Так, среди сосудов группы 1А зафиксирован один кувшиновидный (№ 3), среди сосудов группы 1Б – три чашевидных (№ 9, 12, 61), два горшковидных (№ 11 и 33) и мисковидный (№ 23), а также крышка (№ 5), а среди сосудов группы 2–4 кувшиновидных (№ 45, 49, 56, 58) и горшковидный (№ 64).

Для приблизительного определения объема сосудов по фрагментам была разработана специальная методика, основанная на учете диаметров тулова и предплечья или плеча сосудов и угла на-

Таблица 2. Расчетные данные объема сосудов и их соотношение в разных группах (номера сосудов, их количество и процентное соотношение)

Группы сосудов по объему (в литрах)	Группа 1А	Группа 1Б	Группа 2
0–10	3, 18, 20 30%	9, 10, 12, 13, 23, 33 26%	45, 49, 53, 58, 59 38%
10–20	4 10%	5, 21, 24, 26, 30, 31, 34, 37 35%	40, 41, 46, 51, 56 38%
> 30	1, 2, 15–17, 19 60%	6–8, 11, 22, 27, 35, 36, 38 39%	48, 60, 64 24%
Количество сосудов	10	23	13
Сумма	100%	100%	100%

Таблица 3. Характеристика разных групп сосудов по видам обработки поверхностей (номера сосудов, их количество и процентное соотношение, КС внутренней и внешней поверхностей)

Способы обработки поверх- ности сосудов	Группа 1А		Группа 1Б		Группа 2	
	Вид обработанной поверхности сосуда					
	внешняя	внутренняя	внешняя	внутренняя	внешняя	внутренняя
Ручное заглаживание	2, 3, 14, 15, 18–20	1–4, 14, 15, 18–20	7, 11, 26–28, 29, 31, 32, 35, 37, 38	7, 11, 21, 23, 26–29, 31, 32, 34–37	40–46, 48, 49, 52, 55 59, 62–64	40, 43, 45, 46, 48, 49, 52, 54, 55, 59, 60, 62–64
Машинное заглаживание	45% 16	69% 15–17, 20	19% 10, 33	40% 33	25% 56, 58, 64	47% 41, 42, 44, 45, 49, 51, 56, 58
	6%	31%	3% 5, 6, 8–10, 12, 13, 21–25, 29, 30, 33, 34, 36–38	3% 5, 6, 9, 12, 13, 21–25, 29, 30, 33, 34–37	7% 40–46, 48–56, 58–60, 62–64	27% 40, 41, 52, 60, 64
Ручное лощение	1, 4, 17	–				
Полирование	19% –	– –	32% 5, 6, 8, 9, 21–24, 29, 34–38	48% 5, 6, 37	38% 40–46, 48, 50–52, 60	17% 50, 52
Ошершавливание	– 14, 20	– –	24% 10, 13, 26–28, 31	9% –	20% –	7% –
Выбивание	12% 14, 20	– –	10% 10, 13, 26–28, 31	– –	– –	– –
Обтачивание ножом	12% –	– –	10% –	– –	– 45, 51	– –
Смоление	– 14	– –	– 10	– –	3% –	– –
Окрашивание охрой	6% –	– –	2% –	– –	– 53–55, 63	– 54
	–	–	–	–	7% 58	2% 30
Количество сосудов	16	13	59	35		
Сумма	100%	100%	100%	100%	100%	100%
КС	0.51		0.63		0.59	

клона стенок (подробно методика будет изложена в специальной работе). Результаты оценки объемов сосудов по изученной коллекции приведены в табл. 2. (В данной и всех последующих таблицах полужирным шрифтом выделены количественные значения, отражающие доминирующие гончарные традиции.) Все сосуды по объему разделены на условные группы: 1 – малые, объемом до 10 л, 2 – средние, от 10 до 30 л, 3 – большие, свыше 30 л.

Судя по данным этнографии, посуду емкостью до 10 л правомерно рассматривать как предназначенную для повседневного индивидуального и коллективного использования, посуда емкостью от 10

до 30 л, как правило, использовалась в хозяйстве для воды и иных продуктов повседневного спроса, а сосуды объемом свыше 30 л применялись преимущественно для длительного хранения различных запасов.

Если распределить по этим трем группам все сосуды, объем которых удалось определить, то выяснится, что в группе 1А очень мало средних сосудов (10%) и очень много больших сосудов-хранилищ (60%), в группе 1Б доля разных по вместимости сосудов различается не очень значительно (от 26 до 39%), хотя также преобладают большие сосуды-хранилища. В группе 2 распределение существенно

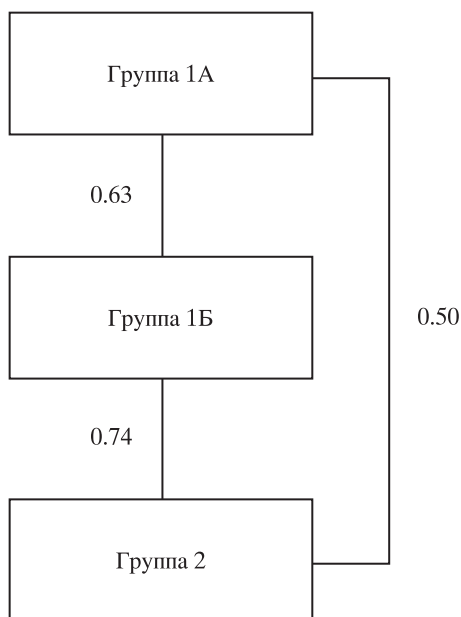

Рис. 4. Степень сходства групп сосудов по навыкам обработки внешней поверхности.

иное: здесь в равной степени представлены малые и средние сосуды (по 38%), а крупных сосудов-хранилищ значительно меньше (только 24%). Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что в каждой из трех групп (1А, 1Б и 2) представлены сосуды разного объема. Это говорит о том, что сосуды каждой из этих групп обеспечивали практически весь спектр потребностей их владельцев, а поскольку все эти группы посуды, скорее всего, сосуществовали лишь частично, есть основания полагать во всех случаях их местное производство.

Навыки обработки внешней и внутренней поверхности сосудов (ступень 8). В ходе микроскопического анализа внешней и внутренней поверхностей образцов керамики было зафиксировано девять способов обработки поверхностей, в том числе шесть способов механической, два способа химико-термической обработки, а также ошершавливание (обмазывание поверхности дополнительным грубым слоем глины) и окрашивание охрой (табл. 3). В связи с этим важно отметить следующее: *Во-первых*, способы обработки внутренней и внешней поверхностей сосуда имели заметные отличия: наиболее значительные – у сосудов группы 1А (КС = 0.51), несколько меньшие – у сосудов группы 2 (КС = 0.59) и еще меньшие – у сосудов группы 1Б (КС = 0.63). *Во-вторых*, в большинстве случаев одна и та же поверхность сосуда подвергалась не одному, а нескольким различным способам обработки.

Различия в способах обработки внешней и внутренней поверхностей проявились в том, что спосо-

бы обработки внешней поверхности сосудов всех трех групп были значительно более разнообразны: для группы 1А это соотношение равно 6:2, группы 1Б – 7:4 и группы 2 – 6:5. В частности, у сосудов группы 1А внешняя поверхность подвергалась лощению, ошершавливанию, выбиванию и смолению, а внутренняя заглаживалась вручную (69%) или на гончарном круге (31%). Внешняя поверхность сосудов группы 1Б чаще всего лощилась (32%), полировалась (24%) или подвергалась ручному заглаживанию (19%), реже использовалось ошершавливание с последующим складчатым выбиванием (по 10%) и единично – смоление. Для обработки внутренней поверхности этих сосудов массово использовались только два приема – ручное заглаживание (40%) и лощение (48%). Сосуды группы 2 с внешней стороны подвергались лощению (38%), ручному заглаживанию (25%) и полированию (20%), редко применялось заглаживание или обтачивание на круге и окрашивание охрой. Внутренняя поверхность, как правило, заглаживалась вручную (47%) или на круге (27%), реже лощилась (17%).

Сочетание разных способов обработки характерно преимущественно для внешней поверхности сосудов групп 1Б и 2. Так, у сосудов группы 1Б в 77% случаев использовалось несколько способов обработки. Основными из них были лощение + полирование – № 5, 6, 8, 9, 21–24, 34, 36; заглаживание + лощение + полирование – № 29, 37, 38; заглаживание + ошершавливание + складчатое выбивание – № 26–28, 31. Обработка внешней поверхности сосудов группы 2 во всех случаях выполнялась путем сочетания нескольких способов (чаще всего применялось ручное заглаживание + лощение + полирование – № 40–44, 46, 48, 52, реже – только заглаживание + лощение – № 49, 59, 62).

Поскольку для потребителей посуды главную “опознавательную” роль в большинстве случаев играет именно внешняя поверхность сосудов, целесообразно сравнить по степени сходства качественный состав и соотношение способов ее обработки для сосудов разных групп (рис. 4). При этом выясняется, что сосуды группы 2 (I стратиграфический горизонт) обнаруживают достаточно высокое сходство (КС = 0.74) с сосудах группы 1Б (II стратиграфический горизонт), а эти последние – также заметное сходство (КС = 0.63) с сосудах группы 1А (III стратиграфический горизонт). В то же время степень сходства сосудов групп 1А и 2, более удаленных друг от друга по времени, составляет всего 0.50. Таким образом, анализ самого керамического материала подтвердил ту предварительную хронологическую характеристику его,

Таблица 4. Степень ожелезненности и пластичности основного исходного сырья (номера сосудов, их количество и процентное соотношение)

Степень пластичности сырья	Группа 1А		Группа 1Б		Группа 2	
	Степень ожелезненности сырья					
	средняя	высокая	средняя	высокая	средняя	высокая
Низкая	17–20 36%	– –	11, 34, 36 11%	– –	46, 48 9%	– –
Средняя	1–4, 14–16 64%	– – –	5, 8, 10, 13, 21, 22, 25, 29, 33, 35, 37, 38 45%	6, 7, 9, 23, 26–28 26%	40–45, 50, 52–56, 58, 59, 60, 62–64 82%	– – –
Высокая	– –	– –	12, 24, 32 11%	30, 31 7%	49, 51 9%	– –
Количество сосудов	11	–	18	9	22	–
Процентное соотношение	100	–	67	33	100	–

которая была сделана по данным стратиграфии поселения. Отмеченное сходство внешнего облика посуды групп 1Б и 2, вероятнее всего, указывает на достаточно интенсивные контакты между носителями этих навыков.

Особенности основного исходного сырья, использованного гончарами для изготовления посуды (ступень 1). Анализ навыков отбора основного (пластичного) исходного сырья включал оценку степени его пластичности, ожелезненности и состава естественных примесей. Прежде всего следует отметить, что почти во всех случаях в качестве основного сырья использовалась природная глина и только в трех случаях для сосудов группы 1Б – глиноподобное илистое сырье (№ 11, 27, 28).

Для изготовления посуды гончары использовали разные по степени пластичности и степени ожелезненности глины (табл. 4). Установлено, что сосуды группы 1А изготавливались преимущественно из среднеожелезненной среднепластичной глины (64%) или из среднеожелезненной низкопластичной глины (36%). Сосуды группы 1Б делались, главным образом, из среднепластичной глины средней (45%) или высокой (26%) ожелезненности. Для изготовления сосудов группы 2 применялась преимущественно глина средней ожелезненности и средней пластичности (82%).

Опираясь на эти данные, можно предполагать, что для изготовления сосудов гончары использовали, по крайней мере, шесть видов залежей

Таблица 5. Состав естественных примесей в основном исходном сырье (номера сосудов, их количество и процентное соотношение)

Естественные примеси	Группа 1А	Группа 1Б	Группа 2
1. П.+Изв.	1–4, 14–17 73%	7, 8, 10–13, 21–23, 26, 29–31, 33–37 66%	44, 45, 49, 50, 53, 58 27%
2. П.+Изв. + Слюда (много)	–	–	40–43, 46, 48, 51, 54, 55–57, 59, 60, 62–64 68%
3. П.+Изв.+Минеральные включения голубого и бирюзового цветов	– 18, 19 18%	– 5, 24, 25, 38 15%	52 5%
4. Песчаник+Изв.+Бж.+Сл. гл.	20	6, 9, 27, 28, 32	
Количество сосудов	9% 11	19% 27	24
Сумма	100%	100%	100%

основного пластичного сырья средней и высокой ожелезненности и низкой, средней и высокой пластичности.

Теперь рассмотрим особенности пластичного сырья по составу естественных примесей, которые также характеризуют разные залежи глин (табл. 5). По качественному составу этих примесей выделяются четыре вида сырья: № 1 – сырье с примесью песка (П.) и оолитового и обломочного известняка (Изв.); № 2 – сырье с примесью песка, известняка и слюды в большой концентрации; № 3 – сырье с примесью песка, известняка и минеральных частиц голубого и бирюзового цветов; № 4 – сырье с примесью частиц песчаника, известняка, бурого железняка (Бж.) и сланцевой глины (Сл. гл.). Для сосудов групп 1А и Б наиболее характерным было сырье № 1 (соответственно 73 и 66%), реже использовалось сырье № 3 (18 и 15%). Кроме того, для сосудов группы 1Б часто использовалось сырье № 4 (19%). Существенно иная ситуация характерна для сосудов группы 2. Гончары, делавшие эти сосуды, чаще всего применяли сырье № 2 (68%), которое совершенно не использовали гончары двух других групп, и несколько реже сырье № 1 (27%). Таким образом, по составу естественных примесей выделяются, как минимум, четыре разных залежа глин.

Для получения более полной картины особенностей использованного гончарами пластичного сырья сопоставим данные о составе естественных примесей с результатами анализа его ожелезненности и пластичности. В результате этого мы получили 14 вариантов исходного сырья.

Сосуды группы 1А

1. Сырье № 1, средней ожелезненности и низкой пластичности (№ 17 – 1 сосуд).
2. Сырье № 1, средней ожелезненности и средней пластичности (№ 1–4, 14–16 – 7 сосудов).
3. Сырье № 3, средней ожелезненности и низкой пластичности (№ 18, 19 – 2 сосуда).
4. Сырье № 4, средней ожелезненности и низкой пластичности (№ 20 – 1 сосуд).

Сосуды группы 1Б

1. Сырье № 1, средней ожелезненности и низкой пластичности (№ 11, 34, 36 – 3 сосуда).
2. Сырье № 1, средней ожелезненности и средней пластичности (№ 8, 10, 13, 21, 22, 29, 33, 35, 37 – 9 сосудов).

5. Сырье № 1, средней ожелезненности и высокой пластичности (№ 12 – 1 сосуд).
6. Сырье № 1, высокой ожелезненности и средней пластичности (№ 7, 23, 26 – 3 сосуда).
7. Сырье № 1, высокой ожелезненности и высокой пластичности (№ 30, 31 – 2 сосуда).
8. Сырье № 3, средней ожелезненности и средней пластичности (№ 5, 25, 38 – 3 сосуда).
9. Сырье № 3, средней ожелезненности и высокой пластичности (№ 24 – 1 сосуд).
10. Сырье № 4, средней ожелезненности и высокой пластичности (№ 32 – 1 сосуд).
11. Сырье № 4, высокой ожелезненности и средней пластичности (№ 6, 9, 27, 28 – 4 сосуда).

Сосуды группы 2

2. Сырье № 1, средней ожелезненности и средней пластичности (№ 44, 45, 47, 50, 53, 58 – 6 сосудов).
3. Сырье № 3, средней ожелезненности и низкой пластичности (№ 52 – 1 сосуд).
5. Сырье № 1, средней ожелезненности и высокой пластичности (№ 49 – 1 сосуд).
12. Сырье № 2, средней ожелезненности и низкой пластичности (№ 46, 48 – 2 сосуда).
13. Сырье № 2, средней ожелезненности и средней пластичности (№ 40–43, 54–57, 59, 60, 62–64 – 13 сосудов).
14. Сырье № 2, средней ожелезненности и высокой пластичности (№ 51 – 1 сосуд).

Если исключить из рассмотрения (как предположительно менее надежные) те случаи, когда определенный вариант пластичного сырья зафиксирован только по одному сосуду, то выяснится, что по изученной коллекции можно предполагать использование гончарами, как минимум, 11 разных залежей основного пластичного сырья.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что сосуды группы 1А изготавливались главным образом из двух разных видов пластичного сырья, сосуды группы 1Б – из шести основных видов сырья, а сосуды группы 2 – из четырех основных видов сырья. Наряду с этим следует отметить, что 22 сосуда всех трех групп были сделаны из одного и того же сырья № 1 средней ожелезненности и средней пластичности.

Таким образом, можно утверждать, что изученная посуда представляет собой продукцию разных гончаров, которые использовали различные залежи глинистого сырья, а тот факт, что 22 из 60 (т.е. 37%) сосудов разных групп изготовлены из одинакового сырья, с большой долей вероятности

Таблица 6. Состояние исходного сырья и рецепты формовочных масс по группам керамики (номера сосудов, их количество и процентное соотношение)

Рецепт формовочной массы	Группа 1А				Группа 1Б				Группа 2			
	Состояние основного исходного сырья											
	влаж- ное	отму- ченное	сухое	%	влаж- ное	отму- ченное	сухое	%	влаж- ное	отму- ченное	сухое	%
ОР	17	18	—	18	—	—	—	—	—	—	—	—
Ш	3	—	1	18	—	—	—	—	—	—	—	—
МРС	—	—	—	—	—	—	—	—	—	55, 60, 62–64	49	27
Ш+ОР	4	—	2	18	11	—	—	4	—	—	—	—
МРС+ОР	15, 16, 19, 20	—	—	37	33	35	—	7	—	40–46, 50–54, 56, 58, 59	48	68
Ш+МРС	—	—	—	—	—	8	4	—	—	—	—	—
Ш+МРС+ОР	14	—	—	9	5–7, 9, 10, 12, 13, 23–27, 28–32, 34, 36–38	21, 22	—	85	52	—	—	5
Процентное соотноше- ние	73	9	18	100	85	11	4	100	5	86	9	100
Количество сосудов	8	1	2	11	23	3	1	27	1	19	2	22

указывает на существование на поселении Ново-Гапцах или в этом районе местного гончарного производства.

Навыки обработки основного пластичного сырья (ступень 3) и составления рецептов формовочных масс глиняной посуды (ступень 4). Анализ способов подготовки пластичного сырья включает выявление случаев использования сырья в состоянии естественной влажности, высушенного и дробленого, а также отмученного, т.е. сырья, из которого удалены грубые (более 0.1 мм) минеральные и иные естественные примеси. Результаты анализа этих навыков гончаров приведены в табл. 6. Выяснилось, что для составления формовочной массы сосудов группы 1А чаще всего использовалось влажное пластичное сырье (73%), реже – сухое (18%) и еще реже – отмученное (9%). При изготовлении сосудов группы 1Б также преобладали навыки применения влажного сырья (85%), а иные способы подготовки сырья использовались редко (11 и 4%). Совершенно другая картина наблюдается у гончаров, делавших посуду группы 2, здесь абсолютно преобладало использование специально отмученного сырья (86%).

По способам подготовки пластичного сырья степень сходства посуды групп 1А и Б составляет 0.86, степень сходства сосудов группы 1А и 2 равна только 0.23, а групп 1Б и 2 – 0.20. Эти данные говорят, с одной стороны, о близости гончарных традиций гончаров, делавших посуду групп 1А и Б, а с другой стороны, о существенном различии гончарных традиций гончаров, изготавливавших посуду группы 2.

Теперь обратимся к сравнительному изучению составов формовочных масс сосудов разных групп. В результате проведенного микроскопического анализа было установлено, что в качестве искусственных добавок в формовочную массу гончары использовали шмот, навоз мелкого рогатого скота и органический раствор неясного происхождения. Шмот изготавливался, главным образом, из бракованных сосудов, погибших во время обжига. Навоз мелкого рогатого скота перед введением в формовочную массу подвергался специальному высушиванию и измельчению в основном до пылевидного состояния. Органический раствор вводился в формовочную массу, скорее всего, с целью приведения ее в рабочее (пластичное) состояние. Поскольку основное пластичное сырье во всех случаях при-

Таблица 7. Концентрация шамота в формовочной массе сосудов разных групп (номера сосудов, их количество и процентное соотношение)

Концентрация шамота	Группа 1А	Группа 1Б	Группа 2
1:2	1	6, 12, 13, 21, 22, 24–26, 27–30, 36–38	–
	20%	60%	–
1:3	4, 14	8, 9, 11, 23, 31, 32; 5, 7, 10, 34	52
	40%	40%	100%
1:4	2, 3	–	–
	40%	–	–
Количество сосудов	5	25	1
Сумма	100%	100%	100%

существует как компонент формовочной массы, оно не упоминается в дальнейшем изложении.

Итак, по изученным материалам в общей сложности зафиксировано 7 видов рецептов формовочных масс керамики (табл. 6): 1 – органический раствор (ОР), 2 – шамот (Ш), 3 – навоз мелкого рогатого скота (МРС), 4 – шамот + органический раствор (Ш+ОР), 5 – навоз мелкого рогатого скота + органический раствор (МРС+ОР), 6 – шамот + навоз мелкого рогатого скота (Ш+МРС), 7 – шамот + навоз мелкого рогатого скота + органический раствор (Ш+МРС+ОР). Выяснилось, что для сосудов группы 1А чаще всего использовался рецепт МРС+ОР (36%), для сосудов группы 1Б – рецепт Ш+МРС+ОР (85%), а для сосудов группы 2 – рецепт МРС+ОР (68%). Остальные рецепты использовались значительно реже.

Обобщая данные по всем рецептам формовочных масс, можно отметить, что сходство сосудов групп 1А и Б равно 0.20, сосудов групп 1А и 2 – 0.41, а сосудов групп 1Б и 2 – 0.12. Это опять указывает на большее сходство традиций гончаров, изготавливавших керамику первых двух групп, и значительное их отличие по этому признаку от гончаров, делавших посуду группы 2. Однако, несмотря на эти различия, часть рецептов – общие для сосудов разных групп (это рецепты МРС+ОР, Ш+МРС и Ш+МРС+ОР), что указывает на существование между носителями разных традиций определенных культурных контактов.

Еще одно свидетельство этих культурных контактов – наличие здесь как несмешанных (Ш и МРС), так и смешанных технологических традиций (Ш+МРС и Ш+МРС+ОР). Это позволяет говорить о наличии среди куро-аракских гончаров носителей как исходных для смешения, так и производных (смешанных) культурных традиций в этой области гончарной технологии.

Дополнительную информацию об особенностях культурных традиций гончаров, делавших сосуды групп 1А и Б, дает анализ концентрации шамота в формовочной массе посуды. По сосудам группы 2 шамот зафиксирован только в одном случае в концентрации 1:3 (т.е. 1 объемная часть шамота на 3 части глины). Поэтому здесь приходится ограничиться только констатацией самого этого факта. Что касается первых двух групп, то там информации несколько больше (табл. 7). Так, по сосудам группы 1А шамот отмечен в концентрации 1:2 – в одном случае, 1:3 и 1:4 – по два случая, а по сосудам группы 1Б он зафиксирован в 25 случаях, причем формовочная масса 60% сосудов содержит его в концентрации 1:2 и 40% сосудов – в концентрации 1:3. Таким образом, можно заключить, что в целом концентрация шамота в формовочной массе сосудов группы 1Б (горизонт II) несколько выше, чем в сосудах группы 1А (горизонт III). Для гончаров, делавших посуду группы 2 (горизонт I), традиция использования шамота вообще не была характерна.

Таким образом, по навыкам подготовки исходного сырья и составления формовочных масс керамики наблюдается более высокое сходство сосудов групп 1А и Б и явная специфика сосудов группы 2.

Технические приспособления, использованные при изготовлении сосудов (частично ступень 7). К сожалению, возможности выделения этой информации по представленным для анализа образцам керамики достаточно ограничены прежде всего из-за их небольшого размера. Очень неполные данные удалось получить только для 53% сосудов (табл. 8). Для конструирования сосудов одни гончары применяли специальные формы-основы, на которые снаружи налепливалась глина, другие использовали гончарный круг для обработки поверхностей сосудов путем машинного заглаживания, третьи сначала конструировали сосуды на форме-

Таблица 8. Технические приспособления для конструирования и обработки поверхности сосудов (номера сосудов, их количество и процентное соотношение)

Технические приспособления	№ сосудов		
	Группа 1А	Группа 1Б	Группа 2
Форма-основа	–	8, 11, 25–28, 31, 34, 36–38 41%	40, 43, 46, 48 18%
Форма-основа+	–	–	41, 51, 56, 59
+ гончарный круг	–	–	18%
Гончарный круг	15–17, 20 36	7, 10, 33 11	42, 44, 45, 49, 58, 64 28
Нет информации	1–4, 14, 18, 19	5, 6, 9, 12, 13, 21–24, 29, 30, 32, 35 48	50, 52–55, 60, 62, 63 36
Количество сосудов	11	27	22
Сумма	100%	100%	100%

основе, а потом уже обрабатывали их на гончарном круге. Формы-основы достаточно часто применяли гончары, делавшие сосуды группы 1Б (41%), а гончарный круг – гончары, создававшие сосуды групп 1А (36%) и 2 (28%). Характерной чертой традиций гончаров, изготавливавших сосуды группы 2, было как использование форм-основ, так и сочетание их с применением гончарного круга (по 18%), что с очевидностью указывает на смешанный характер их технологических традиций с гончарами группы 1Б. Следует подчеркнуть, что, несмотря на регулярное использование гончарного круга, степень развития его функций была очень невелика, и все конструирование сосудов продолжало осуществляться способами скульптурной лепки.

Признаки, указывающие на существование на поселении местного гончарного производства (частично ступени 4 и 10). Наиболее надежные свидетельства функционирования на том или ином поселении собственного производства глиняной посуды – остатки самого этого производства, которые могут включать места складирования глины или готовой формовочной массы, обломки орудий, прежде всего гончарных кругов или их деталей, остатки специализированных обжигательных устройств и пр. Однако эти свидетельства не были обнаружены на поселении Ново-Гапцах. Поэтому в данном случае приходилось опираться на косвенные признаки, которые были выявлены в ходе анализа самой глиняной посуды. Помимо отмеченных выше признаков смешанности традиций на разных ступенях гончарной технологии, на существование местного гончарного производства указывают фак-

ты разрушения части сосудов во время их обжига, которые проявляются в неполном термическом воздействии на поверхности и изломы изделий. По изученным материалам к сосудам, разрушившимся во время обжига, могут быть отнесены образцы № 1, 19 и 20 (группа 1А), № 33 и 36 (группа 1Б) и № 52, 53 и 55 (группа 2). Таким образом, есть основания полагать, что, по крайней мере, некоторая часть сосудов всех трех групп была изготовлена местными гончарами, обитавшими либо на данном поселении, либо на каком-то ином поселении в этом районе.

В результате изучения коллекции образцов керамики с поселения Ново-Гапцах в Южном Дагестане оказалось возможным прийти к следующим выводам.

Во-первых, учитывая залегание изученных обломков керамики в трех разных стратиграфических горизонтах и результаты анализа степени сходства навыков обработки внешней поверхности сосудов, было высказано предположение об их принадлежности к трем относительно разновременным группам.

Во-вторых, реконструкция приблизительного объема сосудов по их обломкам показала, что каждая из трех групп включала сосуды малого, среднего и большого объемов, хотя и в разном соотношении. Это может указывать на тот факт, что сосуды каждой группы достаточно полно обеспечивали весь спектр потребностей местного населения.

В-третьих, изучение исходного пластичного сырья показало, что для изготовления сосудов гонча-

ры использовали, как минимум, около десятка разных залежей, причем часть сосудов, относящихся к разным группам, была изготовлена из одного и того же сырья. Это свидетельствует, с одной стороны, о достаточно большом числе гончаров, изготавливавших посуду, скорее всего, “на заказ”, а с другой стороны, о том, что, по крайней мере, некоторая часть сосудов всех групп была продукцией местных гончаров.

В-четвертых, по навыкам подготовки исходного пластичного сырья и составления формовочных масс фиксируется явная близость носителей гончарных традиций, делавших посуду групп 1А и Б, и большая культурная специфика носителей, изготавливавших сосуды группы 2. Эти факты, безусловно, указывают на то, что, несмотря на некоторые хронологические различия, носители разных гончарных традиций смешивались между собой.

В-пятых, для изготовления сосудов удалось зафиксировать использование местными гончарами двух технических приспособлений: форм-основ для непосредственного конструирования сосудов и гончарного круга для обработки их поверхностей. Причем формы-основы характерны преимущественно для посуды группы 1Б, а использование гончарного круга – для посуды группы 2 и реже – групп 1А и Б. Кроме того, зафиксированы случаи, когда заглаживанию на гончарном круге подвергались сосуды, изготовленные сначала на формах-основах. Все это еще раз указывает на существование процессов смешения между носителями разных гончарных традиций.

В-шестых, на существование на поселении Ново-Гапцах или на каком-то другом поселении этого района местного гончарного производства указывают также случаи разрушения некоторых сосудов прямо во время их обжига. Важно подчеркнуть, что эти факты зафиксированы для всех трех групп сосудов.

Подводя общие итоги проведенному исследованию, можно сделать вывод, что по своему происхождению гончары, изготавливавшие сосуды групп 1А и Б, были, скорее всего, местными, а гон-

чары, делавшие более “престижную” по внешнему облику посуду группы 2, – пришлыми из какого-то другого района. Именно в процессе их постепенной адаптации происходило смешение носителей местных и пришлых культурных традиций, что нашло яркое отражение в их гончарной технологии.

Таким образом, даже ограниченный по содержанию и полноте информации специальный анализ керамики из раскопок поселения Ново-Гапцах позволил выявить важные и интересные подробности о культурных традициях куро-аракских гончаров.

Выражаем благодарность Т.Н. Мишиной за информацию о распределении керамических образцов, представленных для изучения, по штыкам и стратиграфическим горизонтам культурного слоя поселения Ново-Гапцах, а также А.М. Ефремовой и А.М. Соротокиной, выполнившим рисунки профилей сосудов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999.
- Мишина Т.Н., Магомедов Р.Г., Будаичев А.Л.* Охранно-спасательные раскопки на куро-аракском поселении Ново-Гапцах (Южный Дагестан, 2009): Тез. докл. Междунар. науч. конф.: XXVI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Магас, 2010.
- Мишина Т.Н., Магомедов Р.Г., Амиров Ш.Н.* Охранно-спасательные раскопки поселения Ново-Гапцах // АО–2009. В печати.
- Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. М., 1975.
- Цетлин Ю.Б.* Эволюция исследовательских подходов к изучению керамики в археологии // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Цетлин Ю.Б.* Современное состояние и некоторые задачи изучения древней керамики // РА. 2005. № 3.

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА У г. ОРСКА

© 2011 г. А.И. Хаванский

Институт археологии РАН, Москва (Arkaim01@yandex.ru)

Ключевые слова: синташтинский культурный тип, раннеалакульский культурный тип, погребальный обряд.

The article covers certain archaeological assemblages dating from the beginning of the Late Bronze Age: the burial near the town of Orsk and the Ishkinovka 1 cemetery. The author analyzes the funeral rite and the inventory and compares them with Sintashta and early Alakul assemblages. The author concludes that the burial near Orsk belongs to the Sintashta type of sites, and Ishkinovka 1 cemetery to the early Alakul cultural type.

Цель данной статьи – рассмотрение материала некоторых памятников бронзового века у Орска для уточнения их культурной принадлежности.

В 1951 г. А.А. Формозовым был опубликован интересный комплекс – разрушенное погребение у Орска, которое исследователь отнес к андроновской археологической культуре и высказал мысль о неординарном статусе погребенных. В свете прошедшего с тех пор времени и колоссально возросших знаний об андроновской культуре (которая теперь рассматривается как культурно-историческая область или общность) необходимо уточнить, к какой же конкретно культуре могло принадлежать это погребение. Дело усложняется тем, что сами вещи утрачены и сохранились только их фотографии и рисунки.

По сведениям автора, погребение на поверхности каких-либо признаков не имело, другие погребения рядом не найдены. В могильной яме лежали два человеческих костяка, у черепов которых стояли два сосуда, а в ногах находились кости лошади. У головы одного из погребенных обнаружено скопление каменных черешковых наконечников стрел (21 экз.), а также украшение из просверленных клыков кабана. Справа от скелета находились бронзовые вещи: втульчатый наконечник копья с ромбическим сечением пера, нож-кинжал с перекрестьем и ромбической пяткой черенка, листовидный нож, плоское тесло-топор (Формозов, 1951. С. 120).

Признаки погребального обряда и инвентарь погребения у Орска

Могильная яма глубиной 3.5 м. Такие глубокие могильные ямы в раннеалакульской погребальной традиции не известны. Например, даже крупные ямы взрослых людей в могильнике Кривое Озеро, длиной почти 4 м, имеют глубину не более 1.5 м (погр. 1 кург. 2, погр. 2 кург. 1) (Виноградов, 2003. С. 243, 244). То же самое можно сказать и о петровских (раннеалакульских) погребениях Северного Казахстана: их максимальная глубина – 1.5 м (Зданович, 1988. С.135). В то же время для синташтинских погребений такая глубина не редкость. Например, глубина погр. 22 кург. 7 могильника Танаберген II – 3.6 м, погр. 1 кург. 9 могильника Кривое Озеро – 3.15 (Ткачев, 2007. С. 28; Виноградов, 2003. С. 82).

Кости лошади на дне ямы в ногах погребенного. По данным А.В. Епимахова, детально проанализировавшего синташтинскую погребальную обрядность, 89% костей лошади было найдено в погребениях на перекрытии или на дне, что не всегда можно разграничить, поскольку при сгнивании перекрытия кости опускаются на дно (2002. С. 48). В то же время для петровской (раннеалакульской) погребальной обрядности характерно другое положение костей лошади – на подкурганной площадке (Зданович, 1988. С. 135). Положение черепов и ног лошади в ногах погребенного было зафиксировано, например, в вышеупомянутом синташтинском погр. 22 кург. 7 могильника Танаберген II (Ткачев, 2007. С. 28).

Каменные черешковые наконечники стрел треугольной формы по классификации В.В. Ткачева относятся к двум типам синташтинских наконечников: тип 1-1 – вытянутых пропорций и тип 1-2 – приземистых пропорций (2007. С. 187, 188). В то же время для раннеалакульской (петровской) культурной традиции характерны совсем другие наконечники стрел – бесчерешковые (Зданович, 1988. С. 138).

Бронзовый нож-кинжал с перекрестьем, перехватом и ромбической пяткой черенка – подобные предметы встречаются как в синташтинской культуре, например в одноименном могильнике (Генинг и др., 1992. Рис. 57, 1, 2; 70, 2; 126, 21, 22), так и в раннеалакульской, например – погр. 1 кург. 1 могильника Кривое Озеро (Виноградов, 2003. С. 37). Однако А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых отмечают, что “ножи этого типа не были характерны для петровский металлообработки. Единичные экземпляры в петровском ареале являются, по-видимому, импортом из абашевских или синташтинского очагов металлопроизводства” (2003. С. 288).

Бронзовый листовидный нож-кинжал. Поскольку такие изделия характерны для целого ряда археологических культур, они не могут служить признаком принадлежности данного погребения к определенной культуре.

Плоское тесло. По мнению А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых, данные тесла характерны для “абашевского, синташтинского и турбинского металлопроизводства” (2003. С. 285). Так, подобные орудия были найдены в Синташтинском могильнике (Генинг и др., 1992. Рис. 127, 3; 140, 7; 148, 14–16). В то же время “в петровских древностях тесла этого типа встречаются значительно реже” (Дегтярева, Кузьминых, 2003. С. 287), например в раннеалакульских погребениях лесостепного Приобья (Потемкина, 1985. Рис. 82, 19).

Втульчатый наконечник копья с листовидным пером и ромбическим сечением стержня. В данном случае важна форма втулки – сомкнутая она или нет. Мы имеем фотографию только одной стороны копья, и нет данных о том, есть ли с противоположной стороны “разрыв” втулки, характерный для кованых копий, или же втулка литая. Однако стоит обратиться и к другим особенностям. Отчетливо видно, что втулка не оканчивается с внешней стороны валиком-манжетой, которая достаточно часто встречается на раннеалакульских копьях. На синташтинских копьях такой признак не известен. Можно указать на наконечники копий из раннеалакульских комплексов погр. 1 кург. 2 могильника Кривое Озеро (Виноградов, 2003. С. 69. Рис. 26), могильника Близицы (Федорова-Давыдова, 1960.

С. 56–59), с одной стороны, и синташтинских погр. 30 Синташтинского грунтового могильника (Генинг и др., 1992. Рис. 113, 1) и погр. 5 кург. 2 могильника Каменный Амбар V (Епимахов, 2005. Ил. 20, 1), с другой.

По классификации Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых наконечник копья из погребения у Орска должен быть отнесен к разряду КД-4 (кованые наконечники копий с относительно короткой разомкнутой втулкой и длинным листовидным пером). Длина пера равна или несколько превышает длину втулки (Черных, Кузьминых, 1989. С. 64. Рис. 25, 26). В то же время наконечники копий из могильников Близицы и Кривое Озеро относятся к разряду КД-34 (наконечники копий с ромбическим стержнем, безушковые, с манжетой по нижнему краю втулки) (Черных, Кузьминых, 1989. С. 86. Рис. 46). В исследовании Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых наконечник из Кривого Озера отнесен к разряду КД-36 (аналогичен разряду КД-34, но без манжеты) (1989. С. 86. Рис. 47). Возможно, причиной этого было то, что на тот момент материал не был опубликован. В монографии самого автора раскопок обозначено, что наконечник имеет валик-манжету (Виноградов, 2003. С. 69, 70. Рис. 26, 1), следовательно, должен быть отнесен к разряду КД-34.

Украшения из просверленных клыков кабана. Поскольку украшения из просверленных клыков встречаются во многих культурах, данная деталь вряд ли может что-то добавить к характеристике этого комплекса.

В Приуралье, где и находилось погребение у Орска, можно найти ему практически полную аналогию среди синташтинских погребений. Это уже упоминавшееся выше погр. 22 кург. 7 могильника Танаберген II (Ткачев, 2007. С. 28, 29). В ногах погребенного, правда чуть выше дна, находились кости лошади, у черепа стояли сосуды. Справа от костяка у стенки могильной ямы лежали бронзовые предметы: наконечник копья с разомкнутой втулкой и ромбическим стержнем, плоский топор-тесло. Хотя данный предмет и имеет разомкнутую втулку, но, по мнению автора раскопок, “по пропорциям и конфигурации лезвийная часть орудия практически ничем не отличается от обычных плоских топоров-тесел” (Ткачев, 2003. С. 186).

У пояса погребенного обнаружен нож-кинжал с перекрестием и ромбической пяткой черенка. В этом же погребении были найдены и кремневые черешковые наконечники стрел с шипами. В погребении найдены также мраморная булава и псалии. Все эти предметы позволили В.В. Ткачеву сделать вывод о неординарном, “вождеском” характере

Сравнительная характеристика погребения у Орска с синташтинскими и раннеалакульскими древностями

Признак	Погребение у Орска	Раннеалакульские древности	Синташтинские древности
Глубокая могильная яма (более 3 м)	+	—	+
Кости лошади на дне могильной ямы	+	—	+
Бронзовый втульчатый наконечник копья	Вид втулки неизвестен	Втулка литая	Втулка кованая
Нож-кинжал с ромбической пяткой черенка, перехватом и перекрестьем	+	+	+
Листовидный нож	+	+	+
Плоское тесло-топор	+	+	+
Каменные черешковые наконечники стрел	+	—	+
Просверленные клыки животных	+	+	+

погр. 22 (2007. С. 132). Единственное, что отличает погребение у Орска, — наличие двух погребенных.

Таким образом, часть признаков погребения у Орска совпадает и с синташтинскими, и с раннеалакульскими (наличие бронзового ножа-кинжала с перекрестием и ромбической пяткой черенка, плоского топора-тесла). Часть признаков — типичные синташтинские: глубокая могильная яма, кости лошади на дне могильной ямы у ног погребенного, каменные черешковые наконечники стрел. Наконец, о форме втулки можно судить только по косвенным признакам, но отсутствие типичного раннеалакульского валика по ее краю не вызывает сомнения. Кроме того, данному погребению найдена практически полная аналогия среди синташтинских погребений Приуралья.

Сравнительная характеристика (таблица) погребения у Орска с синташтинскими и раннеалакульскими материалами показывает, что из восьми выделенных признаков рассматриваемого погребения четыре характерны для обеих культур. Об одном признаке (форма копья) судить достаточно сложно. По остальным трем данное погребение совпадает с синташтинской традицией. Особо следует подчеркнуть, что какие-либо типичные раннеалакульские признаки не выявлены.

Итак, можно сделать вывод, что для уверенного отнесения данного погребения к синташтинским или раннеалакульским у нас нет полной информации (в первую очередь не известен облик керамики). Но те признаки, которыми мы располагаем на данный момент, позволяют говорить о синташтинской атрибуции погребения.

Другой памятник, рассмотренный в статье, — могильник Ишкиновка 1, кург. 3. Автором раскопок он определен как синташтинский, хотя какие-либо аргументы в пользу этого не выдвинуты (Ткачев, 2007. С. 62–67). Позднее керамика этого курга-

на рассматривалась как синташтинская (Ткачев, Хаванский, 2006). Однако детальное сравнение с синташтинской и раннеалакульской традициями позволяет по-новому взглянуть на существующий материал.

Компоненты погребального обряда и инвентарь кург. 3 могильника Ишкиновка 1

В кургане обнаружено шесть погребений интересующего нас времени. Все они — впускные в курган, сооруженный над энеолитическим погр. 7. Синташтинские погр. 1–5 располагались полукольцом вокруг погр. 6 (рис. 1).

Размеры могильных ям проследить не удалось, и восстанавливаются они только гипотетически на основании остатков внутримогильных деревянных конструкций. Предположительно длина ям могла составлять от 0.8 до 1.8, ширина — от 0.4 до 1 м (Ткачев, 2007. С. 62–67). Эти размеры, а также факты обнаружения детских костей в ряде погребений, которые не были разрушены грызунами, позволяют считать, что в данном кургане погребены дети и подростки. В синташтинской культуре традиция сепаратных кладбищ не известна. А вот для раннеалакульской традиции сепаратные кладбища, в том числе детские, весьма характерны (Зданович, 1983. С. 53; 1988. С. 133, 134), например могильник у с. Петровка (Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980. С. 183–193). Итак, кург. 3 могильника Ишкиновка 1 по данному признаку сближается с раннеалакульской культурной традицией.

Впускной характер погребений характерен и для синташтинской, и для раннеалакульской культурных традиций Приуралья (Ткачев, 2007. С. 78, 326), поэтому для определения культурной принадлежности этот факт не может быть использован.

Положение установлено у трех погребенных, все они находились скорченно на левом боку. Положение на левом боку характерно и для синташтин-

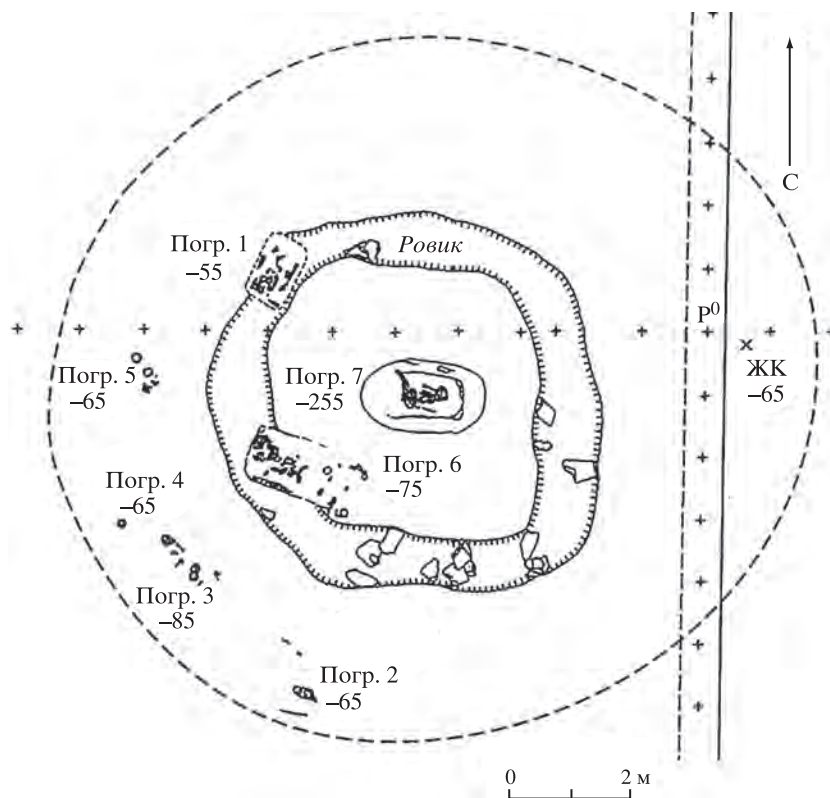

Рис. 1. План кург. 3 могильника Ишкиновка 1 (по: Ткачев, 2007).

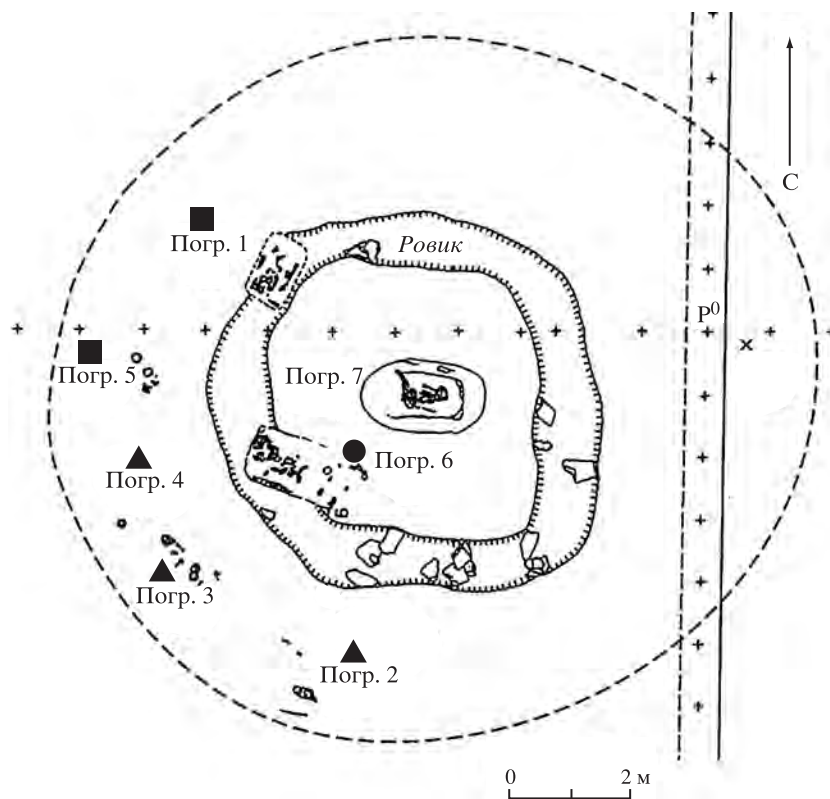

Рис. 2. Схема расположения погребений разных этапов в кург. 3 могильника Ишкиновка 1. Условные обозначения: ▲ – этап 1; ■ – этап 2; ● – этап 3.

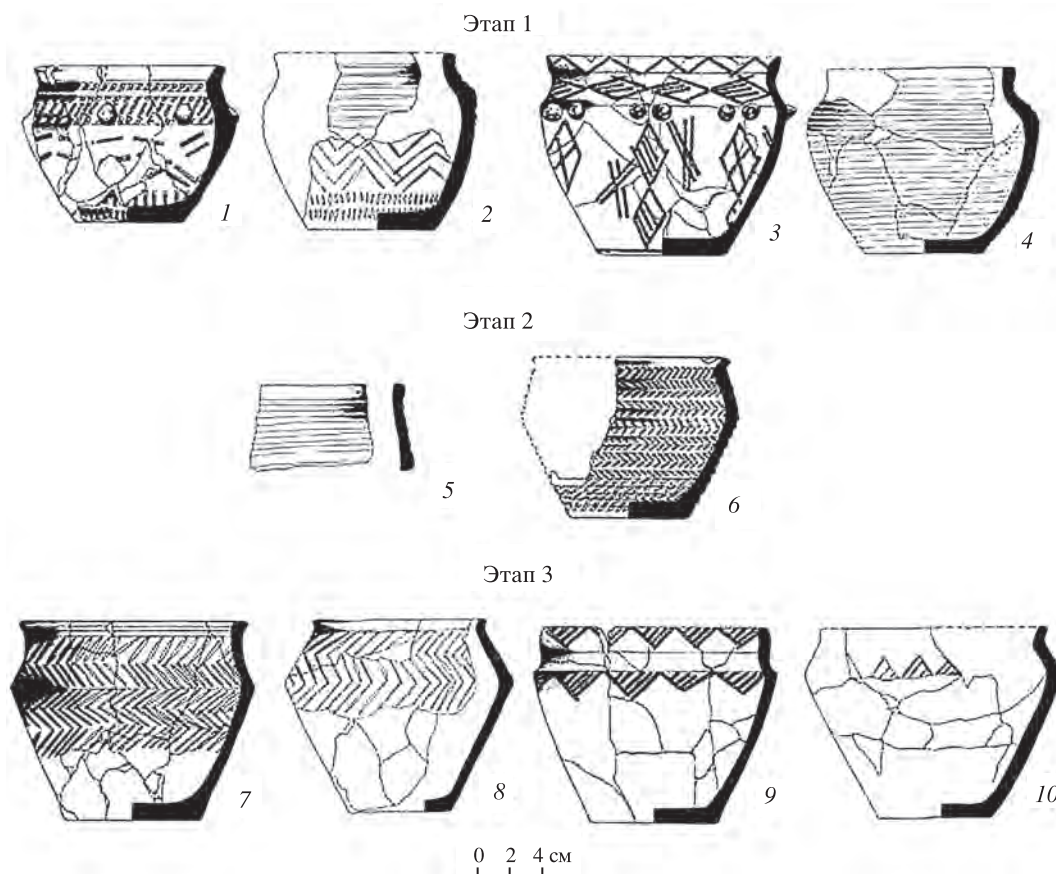

Рис. 3. Керамика кург. 3 могильника Ишкиновка 1. Этап 1: 1, 2 – погр. 1; 3, 4 – погр. 5; этап 2: 5, 6 – погр. 6; этап 3: 7, 8 – погр. 3; 9 – погр. 2; 10 – погр. 4.

ской (Ткачев, 2007. С. 102; Епи́махов, 2002. С. 46), и для раннеалакульской (Зданович, 1988. С. 135) погребальных обрядностей. Следовательно, для определения культурной принадлежности в данном случае положение погребенных существенной информации не дает.

Один погребенный ориентирован головой на юго-запад, два – на юго-восток. В синташтинских памятниках Приуралья ориентировка на юго-запад зафиксирована в 42% случаев, на юго-восток – в 12 (Ткачев, 2007. С. 89). В Зауралье ориентировка погребенных на юго-запад зафиксирована в 19% случаев, на юго-восток – в 4 (Епи́махов, 2002. С. 42). В раннеалакульских памятниках Приуралья ориентировка на юго-запад зафиксирована в 31% случаев, на юго-восток – в 17 (Ткачев, 2007. С. 330). Таким образом, данные виды ориентировки погребенных по сторонам света наблюдаются и в синташтинских, и в раннеалакульских памятниках.

Принимая во внимание небольшое число погребений в могильнике Ишкиновка 1, погребальный обряд не дает оснований для однозначного отне-

сения этого могильника к раннеалакульским или синташтинским древностям.

Инвентарь кург. 3 могильника Ишкиновка 1 представлен керамикой. Найдено 10 сосудов. Для построения относительной хронологии керамики использована методика, разработанная Ю.Б. Цетлиным (2008). В результате выяснено, что керамические комплексы этого кургана разделяются на следующие хронологические этапы: 1-й – погр. 5, 1; 2-й – погр. 6; 3-й – погр. 3, 2, 4. Если рассмотреть последовательность совершения погребений по этим этапам, то выясняется, что они совершались, скорее всего, последовательно в направлении по часовой стрелке (рис. 2). Сначала была совершена северо-западная группа погребений (погр. 5 и 1), затем центральное погр. 6 и, наконец, южные и юго-западные погребения (погр. 3, 2, 4).

Хронологические изменения орнамента и формы керамики представлены на рис. 3.

Элементы. На первом этапе набор элементов очень разнообразен: гребенчатый (17% от всех встреченных элементов на данном этапе), гладкий (24%), “шишечка” (17%), “валик” (17%), без орна-

мента (25%). К третьему этапу остаются сосуды без орнамента (50%) и с гладким орнаментом (33%). Элементы “шишечка” и “валик” исчезают. Увеличение доли гладких элементов и уменьшение гребенчатых характерно для раннеалакульской культурной традиции (Хаванский, 2010). К.В. Сальников отмечает, что для Алакульского могильника применение гребенчатого штампа является отживающей культурной традицией (1952. С. 68. Рис. 9–11).

Узоры. На первом этапе в украшении сосудов используются разнообразные узоры: линейные, ромбические, крестообразные, из парных шишечек. К третьему этапу остаются только два рода узоров: линейные и треугольные.

Мотивы. На раннем этапе используются разнообразные мотивы: простые из элементов (в данном случае из гладких); простые из узоров (в данном случае из ромбических); сложные (парные шишечки, разделенные участками без орнамента; одинарные шишечки, разделенные гребенчатыми элементами; ромбические узоры, чередующиеся с крестообразными). К позднему этапу сложные мотивы исчезают, остаются только простые. В целом, орнамент становится более “скромным”.

Композиции. Нужно отметить, что самые разнообразные композиции с 4–5 рядами мотивов отмечены на горшках раннеалакульской традиции (сложные мотивы с использованием “шишечек”, мотивы из геометрических узоров) (рис. 3, 1, 3, 7, 9). Композиции горшков синташтинской и синкретичной культурных традиций менее разнообразны: они состоят из 2–3 в основном простых мотивов из элементов (рис. 3, 6, 8, 10).

Форма сосудов. На всех этапах в погребениях совместно встречаются сосуды, характерные для раннеалакульской традиции (горшки с ребристым профилем, вогнутым плечом без внутреннего ребра) и для синташтинской традиции (горшки с ребристым профилем, прямым плечом без внутреннего ребра). Есть и синкретичные формы: горшки с ребристым профилем, прямым плечом, но без внутреннего ребра. Сосуды синташтинской традиции относятся к первому этапу, на третьем остаются раннеалакульские и синкретичные формы. Анализ керамики показал, что здесь сочетаются две культурные традиции: раннеалакульская и синташтинская. Однако раннеалакульская преобладает: возрастает доля гладкого элемента, доля мотивов из элементов, разнообразие композиций наблюдается на сосудах раннеалакульской формы.

Поскольку было установлено, что скорее всего раннеалакульское и синташтинское население сосуществовало (Хаванский, 2010), то материалы

могильника Ишкиновка 1 отражают культурные контакты этого населения. Преобладание раннеалакульской культурной традиции говорит о том, что этот памятник следует рассматривать как раннеалакульский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Н.Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск, 1992.
- Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В.* Результаты аналитического исследования металла могильника Кривое Озеро // Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Епимахов А.В.* Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
- Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск, 2005.
- Зданович Г.Б.* Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (К вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
- Зданович Г.Б., Зданович С.Я.* Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Притобоя. М., 1985.
- Сальников К.В.* Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Ткачев В.В., Хаванский А.И.* Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара, 2006.
- Федорова-Давыдова Э.А.* Андроновское погребение XV–XIII вв. до н.э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры) // Археологический сборник. М., 1960 (Тр. ГИМ; Вып. 37).
- Формозов А.А.* Археологические памятники в р-не Орска // КСИА. Вып. 36. М.; Л., 1951.
- Хаванский А.И.* Хронологическое соотношение синташтинского и раннеалакульского населения (на материале керамических комплексов) // Человек и древности: памяти А.А. Формозова (1928–2009). М., 2010.
- Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула, 2008.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия северной Евразии. М., 1989.

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА–СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

© 2011 г. Н.А. Макаров*, А.Н. Федорина*, Г.И. Зайцева**, П.М. Гроотс***

* Институт археологии РАН, Москва (nasfed@yandex.ru)

** Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург

*** Университет Кристиана-Альбрехта, Киль, Германия

Ключевые слова: радиоуглеродное датирование, средневековые поселения, Суздальское Ополье, колонизационные процессы.

Radiocarbon dates substantiate the chronology of type sites and archaeological assemblages, help ascertain the artifact- and pottery-based dating for settlements, and allow making certain general observations on the dynamics of settling the Suzdal Opolye in the Early Iron Age and the Middle Ages. A total of 100 radiocarbon dates have been obtained for 11 archaeological sites in Suzdal Opolye. A new chronological horizon of antiquities has been discovered on the territory in question, dating to the first half and the middle of the 1st millennium AD. Some of the sites in Suzdal Opolye yielded antiquities from the horizon of the 9th – first half of the 10th cc. We can assume that the new settlement network and the new material culture reflecting the integration of Suzdal Opolye into the system of international trade and Baltic cultural relations began to develop in the second half of the 9th c. at the latest. The large series of radiocarbon dates that fall into the range of 10th–12th cc. confirm earlier observations that the period in question was one of intensive colonization and settlement of the Opolye. The series of radiocarbon dates which indicate the period from the middle of the 13th to the middle of the 14th cc. confirms that some of the rural settlements that had been founded in the 10th–12th cc. survived the Mongol invasion and continued to exist in the second half of the 13th c.

Реконструкция динамики освоения территории центрального исторического ядра Северо-Восточной Руси в раннем железном веке–средневековье невозможна без разработки надежной хронологии опорных памятников. Сложившиеся в настоящее время представления о хронологии археологических памятников центра Суздальской земли основываются, главным образом, на результатах анализа и систематизации вещевого и керамического материала, накопленного за полтора столетия полевых работ в этом регионе. Общий фонд этих материалов значительно пополнился за последние 10 лет благодаря работам Суздальской археологической экспедиции ИА РАН, включавшим сплошное обследование части территории Суздальского Ополя и раскопки нескольких эталонных селищ и могильников. Вещевые и керамические коллекции, собранные в ходе этих работ (в общей сложности около 7.5 тыс. средневековых предметов и около 12 тыс. фрагментов верхних частей сосудов), позволяют определить хронологические позиции большинства археологических памятников и наметить хронологию основных этапов колонизации и культурных изменений (Макаров и др., 2005. С. 196–215; Макаров, 2008. С. 3–22; 2009. С. 1068–1077). Тем не

менее многие аспекты датирования отдельных памятников и некоторые общие вопросы хронологии исторической жизни в центре Суздальской земли остаются дискуссионными. Так, до сих пор до конца неясно время появления на этой территории мерянско-славянского комплекса древностей и первоначального распространения древностей славянского облика. В этой ситуации радиоуглеродное датирование оказывается полезным инструментом проверки и корректировки существующих хронологических разработок и определения хронологических позиций тех памятников и археологических комплексов, возраст которых не может быть точно определен по вещевым и керамическим материалам. Оно приобретает дополнительную актуальность в силу специфического характера культурного ландшафта и археологических памятников этого региона, где исключительно редки стратифицированные памятники с культурными напластованиями I – первой половины II тыс. н.э., которые возможно было бы расчленить на узкие хронологические горизонты, а основная масса датирующих вещевых материалов и керамики происходит не из закрытых комплексов, а из распаханых культурных напластований.

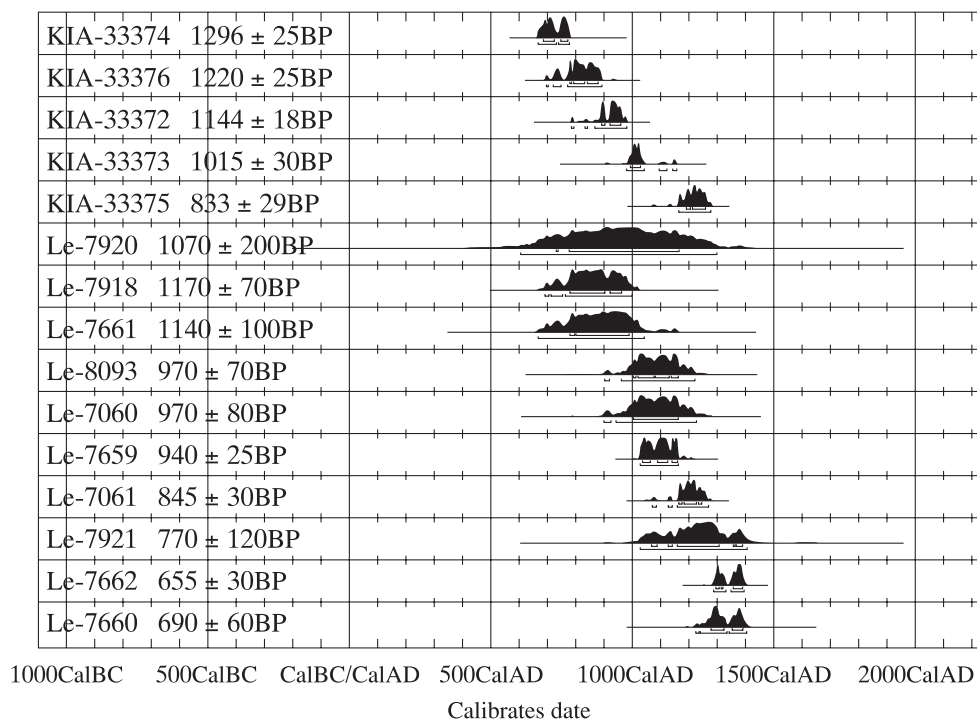

Рис. 1. Календарные интервалы радиоуглеродных дат памятника Весь 5.

При обследовании и раскопках поселений и могильников I – первой половины II тыс. н.э. на территории Суздальского Ополя в 2001–2009 гг. была отобрана значительная серия образцов угля, древесного тлена и почвенного гумуса для радиоуглеродного датирования. Полевые работы и отбор проб проводились преимущественно на средневековых селищах, выделяющихся из основной массы поселений лучшей сохранностью культурных напластований и высокой концентрацией керамики и вещевых материалов и в силу этого избиравшихся как объекты для стационарных раскопок (Весь 5, Вишенки 3, Кистыш 3, Шекшово 2, Кибол 7, Кибол 5, Большое Давыдовское 2), шурфовки (Красное, Сунгирское селище) или детального обследования поверхности с полным сбором подъемного материала (Кибол 1а). Культурный слой всех этих памятников имеет небольшую мощность (от 30 до 50, в редких случаях до 70 см), поврежден распахой, но перекрывает непотревоженные материковые ямы со средневековым заполнением. Все эти памятники, за исключением двух поселений (Вишенки 3 и Красное), имеют значительные размеры – от 2,4 до 19 га, при этом раскопками на поселениях вскрыты лишь небольшие площади.

В качестве одного из продуктивных методов обследования суздальских селищ в 2006–2009 гг. использовалась геомагнитная съемка, позволяющая, в частности, выявить и точно локализовать на

площадке памятника геомагнитные аномалии, соответствующие отдельным постройкам, остаткам печей, ямам, хозяйственным объектам (Федорина и др., 2008. С. 23–36). Часть геомагнитных аномалий на селищах прорезалась ручным буром, что давало возможность оценить мощность культурных напластований, зафиксировать их стратиграфию, а в ряде случаев определить характер объекта. В процессе бурения производился отбор проб углей из разрезов с точной фиксацией их стратиграфического положения. Датирование этих образцов позволяет установить возраст скрытых в культурном слое объектов без исследования их раскопками. Подобные приемы обследования поселений с использованием бурения для выявления стратиграфии объектов, диагностированных геомагнитной разведкой и радиоуглеродным датированием образцов из скважин бурения, широко практикуются при исследовании средневековых памятников в Балтийском регионе (фон Карнап-Борнхайд и др., 2010. С. 57–59; Ibsen, 2005. S. 124–126) и были заимствованы нами из практики немецкой полевой археологии. Они значительно расширяют наши возможности в изучении пространственных структур и хронологии объектов на больших площадях, которые не могут быть охвачены раскопками.

Всего по 11 археологическим памятникам Суздальского Ополя получено 100 радиоуглеродных дат. Датирование 55 образцов проведено в лабо-

ратории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН, где используется жидко-сцинтилляционная техника датирования, а еще 45 – в лаборатории радиоуглеродного датирования Кильского университета методом ускорительной масс-спектрометрии (руководитель – П.М. Гроотс). Основное преимущество метода ускорительной масс-спектрометрии – использование малых количеств вещества, что дает возможность отбирать для датирования образцы из отдельных археологических комплексов и стратиграфических горизонтов в ситуациях, когда археологический контекст образцов ясен и точно документирован. 56 дат получено по образцам из аномалий, диагностированных геомагнитными разведками и исследованных бурением или шурфовкой, еще 44 – по образцам из раскопок, преимущественно из заполнения материковых ям, в том числе 10 – по образцам угля и древесного тлена из погребений. В таблице приводится полный перечень радиоуглеродных дат.

На поселении **Весь 5** радиоуглеродным методом датировано 15 образцов угля, дерева и почвенного гумуса: 7 образцов из объектов в раскопах и 8 – из объектов, прорезанных бурением (из них 6 расположены в центральной части памятника к востоку от раскопа, а 2 – на северо-восточной оконечности). Пять образцов датированы в лаборатории Кильского университета, 10 – в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК.

Значения калиброванных календарного возраста радиоуглеродных дат охватывают диапазон между концом VII и концом XIV в. Образцы из раскопок и скважин бурения датируются в близких интервалах (рис. 1).

Наиболее ранняя из этих дат (KIA-33374, аномалия 23, 682–768 cal AD) не согласуется с датировкой селища по вещам – датирующие вещи конца VII – VIII в. в культурном слое поселения не найдены. Основываясь на особенностях заполнения ямы аномалии 23, возможно предполагать естественный характер образца, отложившегося в материковой западине. В общей серии важна группа ранних дат (4 даты: KIA-33372, KIA-33376, Le-7661, Le-7918), общий интервал которых соответствует концу VIII – концу X в. Присутствие среди них даты, верхняя граница которой соответствует 870 г. н.э. (KIA-33376), определенно указывает на то, что поселение возникло не позднее середины IX в. Также важна и группа из четырех поздних дат с суммарным интервалом вероятностей 1160–1390 (KIA-33375, Le-7660, Le-7662, Le-7061). Поскольку нижний хронологический рубеж двух из них соответствует последним десятилетиям XIII в., можно полагать, что жизнь на поселении продолжалась в середине XIII в., а котлованы больших погребов, из которых были взяты образцы, заполнялись мусором в конце XIII – начале XIV в.

Вещевая коллекция, собранная при раскопках поселения **Весь 5**, включает большое количество датирующих предметов. По находкам стеклянных бус (более 450 экз.), дирхемов (11 экз.) и украшений из цветного металла первый период существования поселения был датирован IX–X вв., второй – второй половиной XII – XIII в. Присутствие в коллекции стеклянных бус и металлических украшений, верхняя граница бытования которых не выходит за рамки конца IX в., и дирхемов, чеканенных в начале IX в., позволяет заключить, что поселение возникло не позднее середины IX в. Селище **Весь 5** на данный момент – единственное поселение в

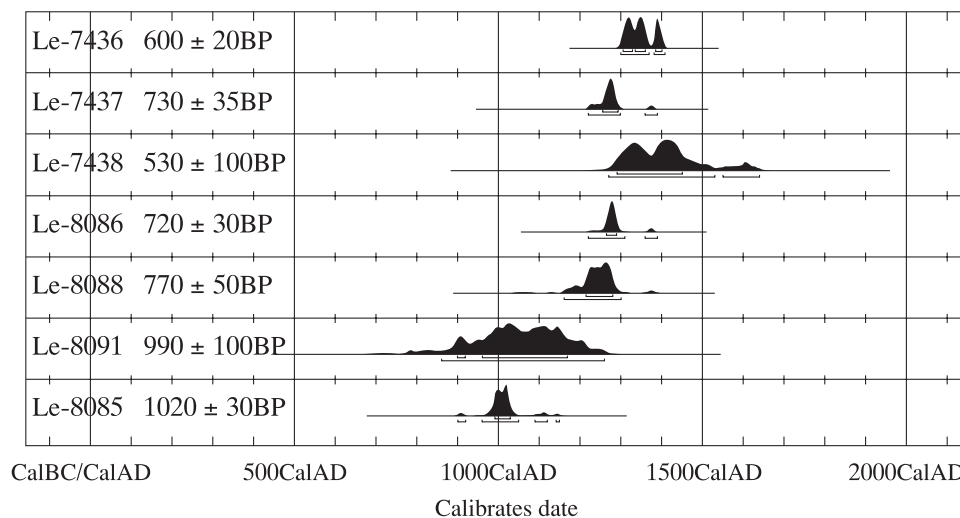

Рис. 2. Календарные интервалы образцов памятника Кибол 5.

Радиоуглеродные даты памятников Суздальского Ополья

Лабораторный №	Памятник	Место отбора	¹⁴ C-возраст (BP)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (1σ: 68.5% вероятности)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (2σ: 95.4% вероятности)	Датируемый материал	Глубина, см
Ле-8365	Б. Давыдовское 2	Аномалия 09	1050±60	890–1030	860–1160	Дерево	–44...–55
KIA-38414a	– » –	– » –	553±24	1327–1417	1316–1428	Уголь с почвой	–55...–60
KIA-38414b	– » –	– » –	1191±24	782–879	772–934	Уголь с почвой	–55...–60
KIA-38415	– » –	Аномалия 11	998±30	993–1117	985–1152	Уголь	–54
Ле-8366	– » –	Аномалия 15	1070±90	820–1120	720–1170	– » –	–100
KIA-39106	– » –	Аномалия 34	985±43	998–1151	984–1159	– » –	–93
Ле-8751	– » –	Аномалия 35	1130±50	783–984	779–1000	Почва	–35...–40
KIA-39105	– » –	Аномалия 35	844±22	1174–1220	1161–1253	Уголь	–33...–42
KIA-39108	– » –	Аномалия 38	741±29	1259–1284	1224–1289	Уголь с почвой	–115...–120
KIA-41073	– » –	Аномалия 42, яма 1	1037±25	991–1019	904–1029	Уголь	
KIA-39107	– » –	Аномалия 44	881±23	1058–1211	1046–1218	Уголь	–40...–42
Ле-8752	– » –	Аномалия 46	1230±70	692–886	662–963	Уголь с почвой	–35...–50
KIA-39109	– » –	Аномалия 46	754±20	1260–1278	1227–1282	Уголь	–49
KIA-38186	– » –	Погр. 3	1673±53	260–427	244–533	Тлен	Под ножницами
KIA-38187	– » –	Погр. 4	1795±38	139–315	128–337	Тлен	Под черепом
KIA-38185	– » –	Погр. 9	1787±36	140–332	131–337	Уголь	Под височным кольцом у черепа
KIA-41060	– » –	Погр. 14	1875±27	78–208	72–220	– » –	У костей
Ле-8877	– » –	Погр. 16	1640±150	240–570	50–700	– » –	Под № 1, 2
KIA-41062	– » –	Погр. 16	1924±24	55–122	25–128	Тлен	Над костяком, зап. часть погр.
Ле-8878	– » –	Погр. 18	1859±100	50–330	50–410	– » –	Нижний уровень тлена
KIA-41063	– » –	Погр. 18	1942±24	22–84	1–127	– » –	под черепом
KIA-41065	– » –	Погр. 17	1917±27	62–124	17–135	Уголь/тлен	Около позвоночника, под ребрами
KIA-41064	– » –	Погр. 20	1566±43	433–540	410–585	Тлен	–724, около костей
Ле-8881	– » –	Яма 86	890±40	1040–1210	1030–1220	Уголь	–715...–716, под вещами
KIA-41066	– » –	Яма 86, нагар на посуде	1009±25	995–1029	982–1147	Нагар	–728
KIA-41068	– » –	Яма 80	1025±27	993–1022	903–1040	Уголь	Сосуд
KIA-41069	– » –	Яма 80	1047±24	987–1017	900–1025	– » –	Прослойка гумуса под желтым песком
KIA-41070	– » –	Яма 80	958±23	1026–1149	1022–1054	– » –	–600, углистая прослойка
							–654, профиль прослойки гумуса

Лабораторный №	Памятник	Место отбора	^{14}C -возраст (BP)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (1 σ : 68.5% вероятности)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (2 σ : 95.4% вероятности)	Датируемый материал	Глубина, см
KIA-41071	— » —	Яма 98	941 $\pm$ 23	1034–1152	1030–1155	Уголь	Профиль, углистая прослойка
KIA-41072	— » —	Яма 99	1003 $\pm$ 22	997–1033	987–1147	— » —	—459...–463
Ле-8882	— » —	Яма 64	970 $\pm$ 70	1010–1160	890–1220	— » —	—762...–764
KIA-41067	— » —	Следы лопат на материке	4475 $\pm$ 32	3329–3094 BC	3339–3028 BC	— » —	
KIA-33372	Весь 5	Аномалия 07	1144 $\pm$ 18	888–957	783–978	— » —	—60
KIA-33373	— » —	Аномалия 08, слой 4	1015 $\pm$ 30	993–1028	976–1154	— » —	—75
Ле-7918	— » —	Аномалия 08, углистая прослойка	1170 $\pm$ 70	770–960	680–1000	— » —	—70...–75
Ле-7920	— » —	Аномалия 21	1070 $\pm$ 200	770–1170	700–1300		
KIA-33374	— » —	Аномалия 23	1296 $\pm$ 25	682–768	665–774	Уголь	—80
Ле-7921	— » —	Аномалия 34	770 $\pm$ 120	1060–1390	1020–1410	Почва	—60...–70
Ле-8093	— » —	Аномалия 34, раскоп 3, яма 1	970 $\pm$ 70	1000–1160	890–1220	Почва	
KIA-33375	— » —	Аномалия 35, слой 5	883 $\pm$ 29	1190–1255	1161–1272	Уголь	—120
KIA-33376	— » —	Аномалия 37	1220 $\pm$ 25	775–874	694–888	— » —	—85
Ле-7659	— » —	Раскоп 1, пл. 3, кв. 38/72b	940 $\pm$ 25	1030–1160	1020–1170	— » —	Слой 3
Ле-7662	— » —	Раскоп 1, яма 1, кв. 37/69	655 $\pm$ 30	1290–1390	1280–1400	— » —	Слой 13
Ле-7060	— » —	Раскоп 1, яма 2, смешанный слой	970 $\pm$ 80	990–1170	890–1250	— » —	Смешанный слой
Ле-7061	— » —	Раскоп 1, яма 2, придонная часть	8450 $\pm$ 30	1160–1245	1060–1280	— » —	Слой на материке
Ле-7661	— » —	Раскоп 1, яма 28Б	1140 $\pm$ 100	770–990	660–1040	— » —	Пл. 8
Ле-7660	— » —	Раскоп 1, яма 40	690 $\pm$ 60	1270–1390	1220–1410	— » —	Пл. 15
Ле-7914	Вишенки 3	Аномалия 05	1280 $\pm$ 50	670–780	650–890	Почва	—80...–90
KIA-33377	— » —	Аномалия 05	865 $\pm$ 22	1162–1213	1059–1246		—100

Лабораторный №	Памятник	Место отбора	¹⁴ C-возраст (BP)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (1σ: 68.5% вероятности)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (2σ: 95.4% вероятности)	Датируемый материал	Глубина, см
Ле-7913	— » —	Аномалия 06, углистая прослойка	1960±220	350BC–350 AD	550BC–600 AD	Уголь	–110
KIA-33378	— » —	Аномалия 06	760±21	1259–1283	1236–1287	Уголь	–100
Ле-7062	— » —	Раскоп 1, яма 15	890±30	1040–1220	1030–1220	Дерево	
Ле-7063	— » —	Раскоп 1, яма 19	935±20	1030–1160	1020–1160	Дерево	
KIA-39112	Кибол 1	Аномалия 29, прослойка 2	1690±40	262–411	241–432	Уголь	–63
Ле-7436	Кибол 5	Раскоп 1, объект 1	600±20	1305–1400	1300–1410	Уголь	Пл. 4
Ле-7437	— » —	Раскоп 1	730±35	1255–1295	1220–1390	Дерево	
Ле-7438	— » —	Раскоп 1	530±100	1290–1450	1270–1640	Дерево	
Ле-8085	— » —	Раскоп 1, яма 3А	1020±30	992–1025	900–1160	Уголь	–198
Ле-8086	— » —	Раскоп 1, яма 17	720±30	1272–1298	1240–1390	Уголь	–77
Ле-8088	— » —	Раскоп 1, яма 17А	770±50	1220–1285	1165–1300	Уголь	–210
Ле-8091	— » —	Раскоп 2, яма 1	990±100	900–1190	860–1270	Уголь	–20...–37
KIA-38407	Кибол 7	Аномалия 01	1618±24	440–530	393–534	Уголь	–40...–45
Ле-8368	— » —	Аномалия 03	1630±210	170–640	100BC–900 AD	Уголь	–100
Ле-8369	— » —	Аномалия 05	2630±100	920–550 BC	1050–400 BC	Уголь	–55...–75
KIA-38410	— » —	Аномалия 06	2838±25	1025–935 BC	1109–916 BC	Гумус/уголь	–147
KIA-38408	— » —	Аномалия 09	1636±30	360–528	342–534	Гумус/уголь	–98
Ле-8373	— » —	Аномалия 10	2440±100	750–400 BC	810–360 BC	Уголь	–50
KIA-38409	— » —	Аномалия 10	1542±35	436–566	428–593	Уголь	–60
Ле-8370	— » —	Аномалия 11	2900±120	1270–930 BC	1400–800 BC	Уголь	–67...–85
Ле-8371	— » —	Аномалия 17	1970±150	170 BC–220 AD	400 BC–400 AD	Уголь	–75...–85
Ле-8372	— » —	Аномалия 19, яма 1	2500±190	820–390 BC	1150–100 BC	Уголь	
Ле-8374	— » —	Аномалия 29	2400±320	834–91 BC	1264 BC–255 AD	Уголь	–80...–90
Ле-7930	— » —	Раскоп 2, яма 1	1440±110	430–690	380–870	Уголь	35/34

Лабораторный №	Памятник	Место отбора	¹⁴ C-возраст (BP)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (1σ: 68.5% вероятности)	Интервалы калиброванного возраста, Cal AD (2σ: 95.4% вероятности)	Датируемый материал	Глубина, см
Ле-7653	– » –	Раскоп 2, яма 2	1600±90	340–570	250–650	Уголь	30/29
Ле-7654	– » –	Раскоп 2, яма 2	1640±100	260–540	100–650	– » –	18/16
Ле-7439	Кистыш 3	Раскоп 1, яма 16	920±40	1040–1150	1020–1210	– » –	Пл. 6
Ле-7440	– » –	Раскоп 1, канавка	790±80	1160–1300	1030–1390	Дерево	–46
Ле-7663	Красное	Кв. 1, из-под вала	2310±100	520–200 BC	800–100 BC	Уголь	–80
Ле-8381	Сунгирское селище	Шурф 6, яма 1	930±130	990–1230	750–1300	– » –	– » –
Ле-7657	Троица-Берег 5	Яма 3	580±170	1240–1620	1000–1700	– » –	– » –
Ле-7656	– » –	Яма 5	750±60	1220–1300	1130–1400	– » –	– » –
Ле-7658	– » –	Яма 14	780±50	1215–1255	1150–1300	– » –	– » –
Ле-7925	– » –	Кв. 50-AB	1030±50	900–1150	890–1160	Почва	– » –
Ле-8096	– » –	Яма 18	1580±25	430–535	43–540	– » –	– » –
KIA-33379	Шекшово 2	Аномалия 01	1024±22	999–1021	982–1028	Уголь	–40...–50
KIA-33380	– » –	Аномалия 03	1160±35	782–958	779–976	– » –	–70...–90
Ле-7915	– » –	Аномалия 04	930±40	1030–1160	1020–1210	– » –	–30...–35
Ле-7917	– » –	Аномалия 05	4260±50	2920–2700 BC	3020–2660 BC	– » –	–70...–100
KIA-33381	– » –	Аномалия 09, слой 3	1175±36	781–935	775–976	– » –	–75
Ле-8375	– » –	Аномалия 17	810±70	1020–1380	850–1450	Гумус/уголь	–89
KIA-38416	– » –	Аномалия 23	1124±22	893–983	884–983	Гумус/уголь	–78...–80
KIA-38412	– » –	Аномалия 24	1173±19	782–891	778–938	Почва	–80...–100
Ле-8378	– » –	Аномалия 24	2220±140	402–54 BC	760 BC–68 AD	Уголь	–30...–35
Ле-8379	– » –	Аномалия 28	1260±240	560–1020	337–1258	Гумус/уголь	–62
KIA-38413	– » –	Аномалия 29	985±23	1017–1146	994–1152	Почва	–36
Ле-8753	– » –	Аномалия 48	1580±260	417–542	343–619	Почва	–51...–60
Ле-8754	– » –	Аномалия 53	1100±80	782–1021	717–1156	Уголь	–65...–70
KIA-41074	– » –	Аномалия 51	1049±29	980–1020	898–1026	– » –	–151...–156
KIA-41075	– » –	Аномалия 54	2091±29	164 BC–56 AD	92 BC–44 AD	– » –	–145...–150
KIA-41076	– » –	Аномалия 54	1072±835	900–1016	894–1020	– » –	–65...–68
KIA-41077	– » –	Аномалия 59	2016±37	51 BC–48 AD	153 BC–68 AD	– » –	– » –

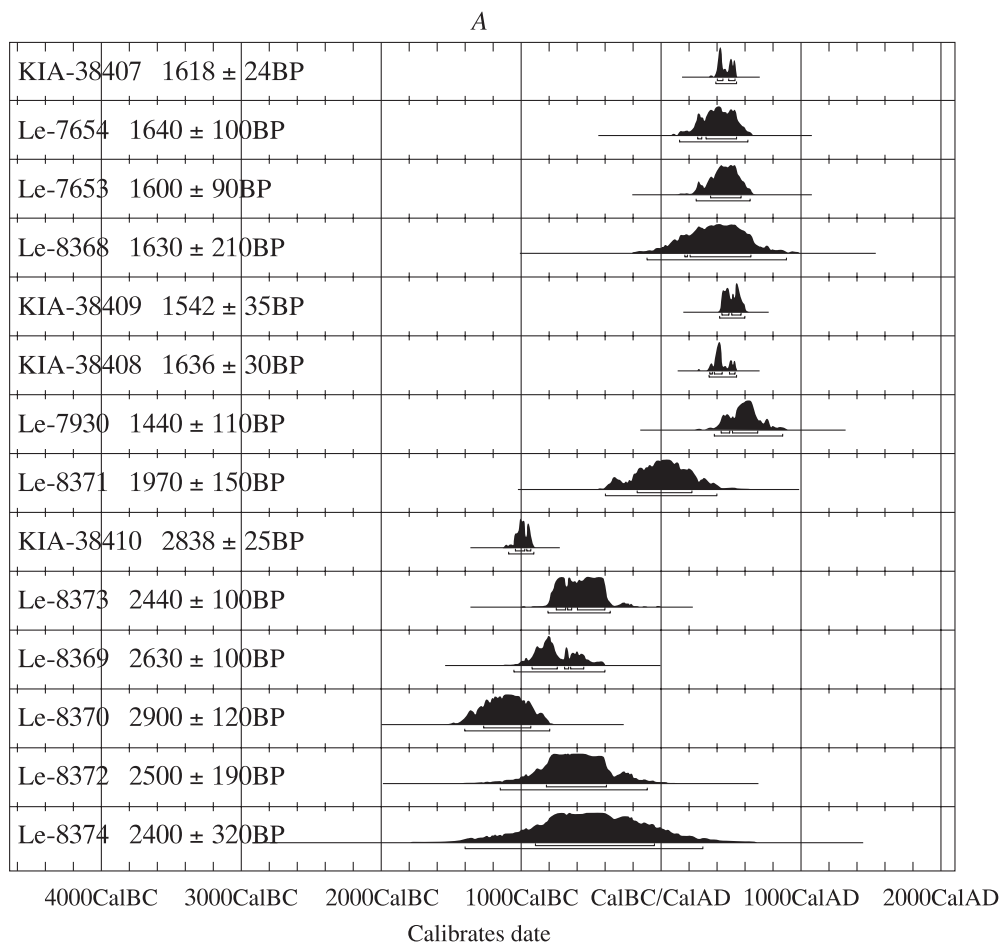

Рис. 3. Калиброванные интервалы радиоуглеродных дат памятника Кибол 7 (А) и керамика из ямы 1 (Б).

Суздальской округе, при раскопках которого собраны выразительные вещевые материалы IX в. В XI – первой половине XII в. поселение было заброшено, площадка его использовалась сначала как пахотное поле, а затем для устройства могильника (Макаров и др., 2010. С. 113–141). Радиоуглеродные даты не противоречат датировке поселения по вещам и при этом позволяют уточнить его нижнюю и верхнюю даты.

На поселении **Кибол 5** датировано семь образцов углей и древесного тлена, отобранных в раскопах в центре поселения: шесть образцов из раскопа 1, один – из раскопа 2 (Ле-8091). Датирование всех образцов произведено в лаборатории ИИМК. Распределение календарных интервалов показано на рис. 2.

Хронологический диапазон – от X до первой половины XV в. (900–1450 AD). Выделяется группа из пяти поздних дат с общим интервалом первая половина XIII – первая половина XV в. (1220–1450 AD). Интервал двух ранних дат: X–XII вв. (900–1190 AD; Ле-8085, Ле-8091), одна из них позволя-

ет отнести начало заселения участка ко времени не позднее начала XI в. (900–1025 AD). Эта дата хорошо соотносится с археологическим материалом изученного участка в раскопе 2, где зафиксировано значительное количество лепной, а также круговой керамики ранних типов. Керамика и вещевые находки из раскопа 1 относятся к периоду X–XVIII вв., преобладают материалы XII–XIV вв. (Шполянский, 2008. С. 18–26). К этому времени относятся подполья и хозяйственные ямы, откуда были взяты образцы, предоставившие поздние даты (Ле-7436; Ле-7437; Ле-7438; Ле-8086; Ле-8088). В раскопе в переотложенном слое найдены также сетчатая и гладкостенная лепная керамика середины–второй половины I тыс. н.э., однако непотревоженные напластования этого времени не выявлены.

На поселении **Кибол 7** для получения радиоуглеродных дат использовано 14 образцов углей, 3 – из заполнения ям, исследованных в раскопе, 11 – из аномалий, исследованных бурением. Отбор проб был произведен на нескольких участках, где локализуются скопления археологического материала и концентрируются геомагнитные аномалии

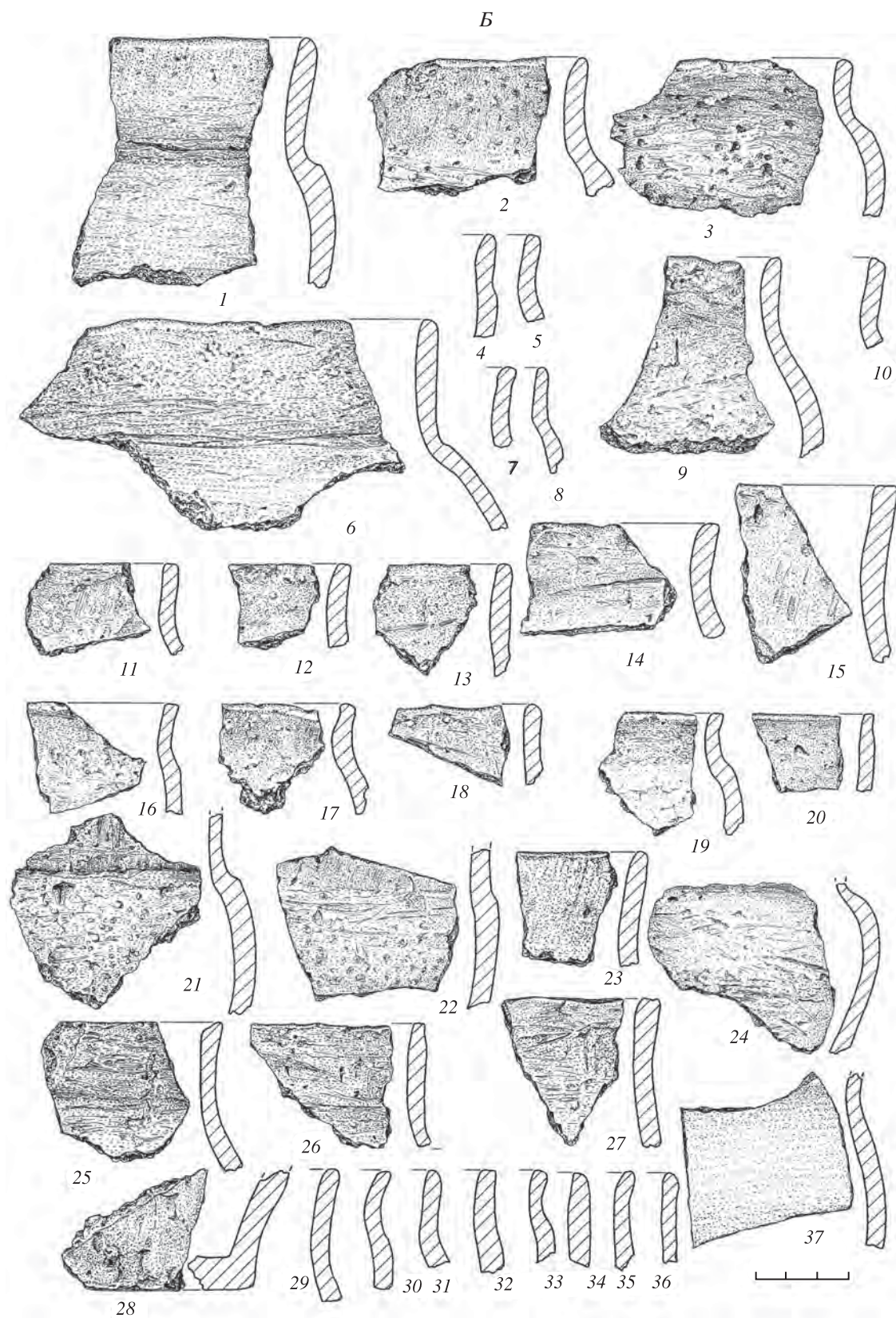

Рис. 3 (Окончание).

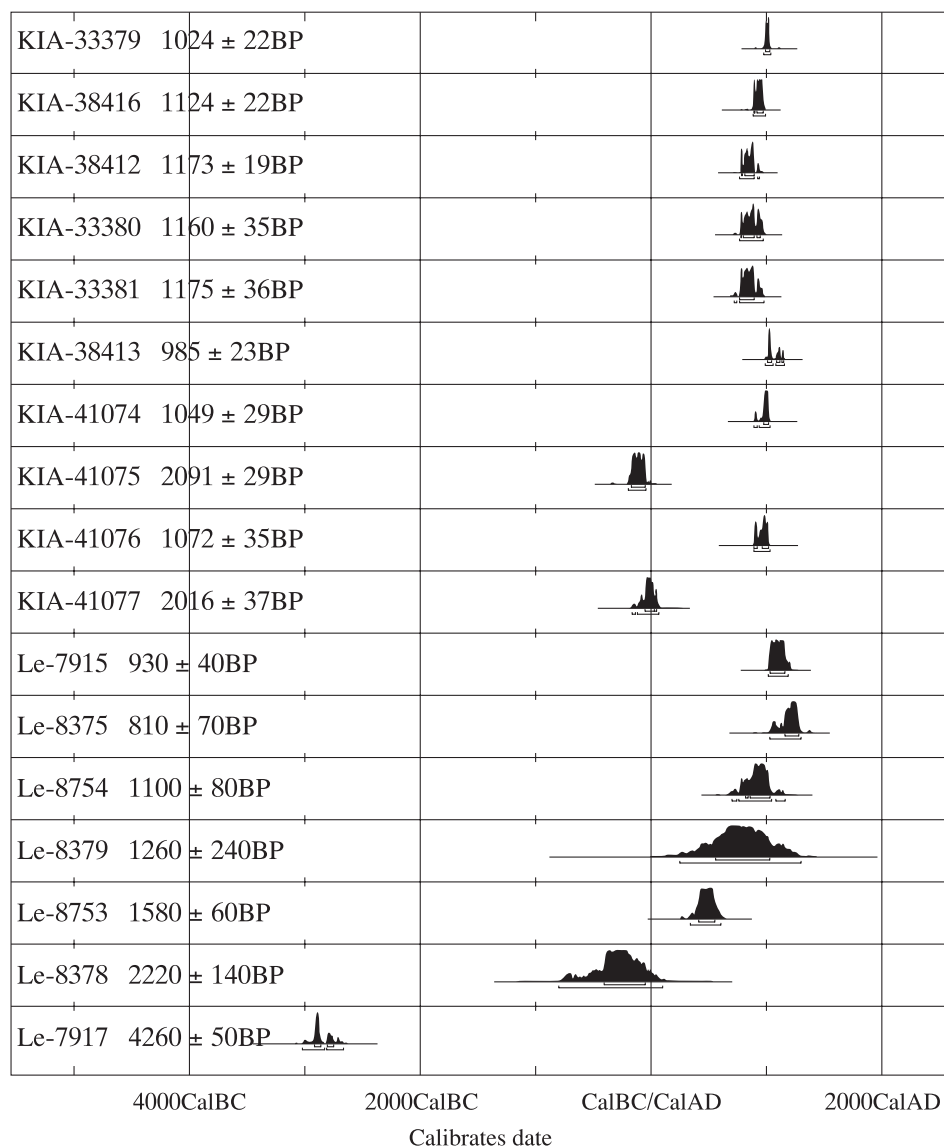

Рис. 4. Календарные интервалы радиоуглеродных дат памятника Шекшово 2.

(12 проб), а также на окраинах поселения (3 одиночных объекта), таким образом, чтобы датировать объекты на всей площади селища. Четыре даты получены в лаборатории Кильского университета, 10 – в лаборатории ИИМК (рис. 3А).

Как видно из рис. 3А, календарные значения дат находятся между первой половиной XIII в. до н.э. и концом VII в. н.э. (1270 BC–690 AD). В общей серии выделяются две группы дат: ранняя, из четырех дат с общим интервалом конца X – начала I в. до н.э. (920–91 BC) (Le-8369, Le-8372, Le-8373, Le-8374), при этом общий хронологический диапазон трех дат, определенных с небольшой погрешностью, соответствует концу X – началу IV в. до н.э.; и поздняя, из семи дат с общим хронологическим интервалом конца II – конца VII в. н.э. (170–690 AD,

Le-7653, Le-7654, Le-7930, Le-8368, KIA-38408). Ранние даты получены по образцам из аномалий, исследованных бурением, из четырех поздних дат три получены по образцам из объектов в раскопе, одна – по образцу органики из объекта, прорезанного бурением. Особняком стоят три даты, интервал которых соответствует середине XIII – середине X в. до н.э. и середине II в. до н.э. – началу III в. н.э. Зафиксировано значительное расхождение двух дат, полученных в лабораториях ИИМК и Кильского университета по двум образцам из разреза одной аномалии (Le-8373 (750–400 BC) и KIA-38409 (436–566 AD)), взятым из близких стратиграфических горизонтов. Причиной этих расхождений может быть смешение в одном слое углей различного происхождения. Судя по радиоуглеродным датам,

поселение функционировало с конца II тыс. до н.э. до конца VII в. н.э., периоды наиболее высокой активности определяются в пределах первой половины I тыс. до н.э. и III–VII вв. н.э.

Обширная керамическая коллекция, собранная на распаханной поверхности поселения и в раскопах на поселении Кибол 7, включает неорнаментированную лепную керамику с шероховатой и заглаженной поверхностью, которая может быть датирована в широких хронологических рамках I тыс. н.э. (отдельные фрагменты имеют характерную профилировку второй четверти – середины I тыс. н.э.), и небольшое количество сетчатой керамики I тыс. до н.э. (рис. 3Б). Немногочисленные украшения и детали костюма, собранные на селище в 2002–2006 гг., датируются V–VII вв. При раскопках также найдены фрагмент дирхема второй половины X в. и несколько бусин, характерных для X в. (рубленный бисер) (Макаров, 2007. С. 10–12).

Сопоставление радиоуглеродных дат, вещевых и керамических материалов позволяет сделать заключение, что поселение с сетчатой керамикой функционировало в первой половине I тыс. до н.э., а возникло, возможно, несколько ранее (конец II тыс. до н.э.). Очевидно, жизнь на поселении продолжалась и в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. Основной период жизни на поселении в I тыс. н.э. определяется в рамках III–VII вв., однако, судя по вещевым находкам из раскопа, один из участков был заселен или посещался в X в.

На поселении **Кистыш 3** при обследовании распаханной поверхности собрана одна из наиболее крупных коллекций средневековых вещей, насчитывающая более 400 предметов; раскопками вскрыт небольшой участок (чуть более 100 м²) в северной части поселения. Вещевой материал с распаханной поверхности и раскопа датируется XII–XIV вв., в керамической коллекции преобладают формы, характерные для XII – первой половины XIII в., фрагменты венчиков с профилировкой XIII–XIV вв. единичны. Радиоуглеродным методом в лаборатории ИИМК датированы два образца из раскопа – уголь из подпечной ямы и древесный тлен из канавки со столбами частокола. Первый объект датируется 1040–1150 гг., второй – 1160–1300 гг. Обе даты хорошо согласуются с датировкой культурного слоя по вещам и керамике (Федорина, 2007. С. 33–42).

На селище **Вишенки 3** радиоуглеродным методом датировано шесть образцов углей и почвенного гумуса, два – из объектов, исследованных в раскопе, и четыре – из объектов, исследованных путем бурения аномалий, расположенных на северной и южной оконечностях памятника вне пределов основного пятна поселения. Датирование двух образ-

цов проведено в лаборатории Кильского университета, датирование четырех – в лаборатории ИИМК в Санкт-Петербурге. Суммарный диапазон четырех дат соответствует второй половине XI – XIII вв. (1040–1283 AD). Важны две радиоуглеродные даты с узкими интервалами 1162–1213 AD (KIA-33377) и 1259–1283 AD (KIA-33378), фиксирующие существование поселения в конце XII – начале XIII в. и во второй половине XIII в. В лаборатории ИИМК по двум образцам из тех же объектов, выявленных геомагнитной разведкой, получены более ранние даты, сильно расходящиеся с археологической датой поселения, установленной по вещам и керамике: 350 BC–350 AD (Ле-7913), 670–780 AD (Ле-7914). Ошибка может объясняться тем, что образцы оказались загрязнены почвенным гумусом, подстилающим культурный слой. Вещевой материал из раскопок и сборов на поверхности поселения относится к XII–XIII вв., в керамической коллекции присутствует раннекруговая керамика с S-видным профилем, которая может быть датирована XI – первой четвертью XII в. (Федорина, 2007. С. 33–42). Очевидно, период существования поселения охватывал конец XI – XIII в., включая послемонгольское время.

На поселении **Шекшово 2** датировано 17 образцов угля и почвенного гумуса из объектов, выявленных геомагнитной разведкой и исследованных бурением (рис. 4). Исследованные объекты расположены на центральном (11 проб) и восточном участках селища (6 проб). Датирование 10 образцов проведено в лаборатории университета в Киле, 7 – в лаборатории ИИМК. Суммарный диапазон 11 дат определяется в пределах 780–1380 AD, при этом суммарный диапазон 8 соответствует интервалу 780–1020 гг. Еще одна дата имеет широкий интервал 560–1020 AD, что, возможно, связано с особенностями залегания образца: фрагменты угля с примесью гумуса собраны на глубине –30...–35 см от современной поверхности, на границе зоны современной распашки. Диапазоны шести дат значительно отделены от основной серии: 417–542 AD (Ле-8753), 402–54 BC (Ле-7917), 164–56 BC (KIA-41075), 51 BC–48 AD (KIA-41077), 2920–2700 BC (Ле-8378).

Археологический материал, собранный на поселении Шекшово 2 в обнажениях поверхности и шурфах, включает керамику и вещевые находки конца I – первых веков II тыс. н.э. (рис. 5). В коллекции представлены характерные типы вещей и керамики IX–X, X–XI и XII–XIII вв., позволяющие сделать заключение, что поселение существовало в период с X до первой половины XIII в. Вещи – хроноиндикаторы IX в. – в коллекции не выделе-

Рис. 5. Шекшово 2, вещевой материал из сборов и расколов, 2, 9, 15, 19–21, 27–33 – подъемный материал; 7, 8, 23, 26 – раскоп 1; 1, 3–5, 14, 16 – раскоп 2, пахота; 11, 17 – раскоп 2, ямы 1, 7; 6, 10, 12, 13, 18, 22 – раскоп 2, яма 13. 1–8, 10, 11 – стекло; 12–17 – цветной металл; 18–20, 22–24, 26 – кость; 21 – камень; 25 – глина; 27–33 – железо.

ны, однако в подъемном материале присутствует значительное количество лепной керамики и предметы, датирующиеся в широких хронологических границах конца I тыс. Для определения нижней хронологической границы важны три радиоуглеродные даты, общий диапазон которых охватывает последнюю четверть VIII – первую половину X в. (KIA-33380, KIA-33381, KIA-38412). Вещевой и керамический материалы, происходящие с участков, где были отобраны пробы, предоставившие “ранние” даты, позволяют датировать наиболее ранние культурные напластования IX – первой половиной X в. Подтверждение этому – комплекс ямы 13, частично исследованной раскопом 2009 г., не содержащий фрагментов круговой керамики. Дата Ле-8753 (417–542), возможно, отражает присутствие на поселении под средневековым слоем участков с культурным слоем середины I тыс. (поселение, соответствующее могильнику Большое Давыдовское 2, находящемуся на противоположном берегу р. Урды?). Ранние радиоуглеродные даты четырех образцов, не согласующиеся с датировкой вещевого материала, могут отражать как присутствие на площадке участков древнего почвенного гумуса, не потревоженного средневековой жизнедеятельностью, так и наличие участков с более ранним культурным слоем (вторая половина I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.), не задетым современной распашкой. Так, при датировании аномалии 24 с уровня –78...–80 см от современной поверхности в слое слабо обожженной глины с пережженным камнем была отобрана проба угля, получившая в ходе исследований в Киле дату 782–891 гг., а на уровне –80...–100 см – проба почвенного гумуса для лаборатории ИИМК с датой 402–54 BC. При датировании двух образцов из аномалии 54, находящейся в приречной части поселения, на пониженном участке площадки по образцу угля из верхнего горизонта получена более древняя дата (164 BC–56 AD), а по образцу из нижнего – более поздняя (900–1016 AD), соответствующая датировке культурных напластований на этом участке по вещам и керамике. Очевидно, верхний горизонт гумусированного слоя на этом участке образовался в результате смыва и аккумуляции древнего почвенного гумуса с вершины холма.

Один из наиболее ярких археологических объектов, выявленных в 2000-х годах в Суздальском Ополе, – селище и могильник **Большое Давыдовское 2**. На этом памятнике под культурным слоем средневекового поселения, содержащим керамику и вещевой материал древнерусского облика, выявлены грунтовые погребения первой половины–середины I тыс. н.э., близкие по характеру инвентаря и погребального обряда рязано-окским могильникам (Макаров и др., 2010. С. 41–52). По-

левые работы на поселении и могильнике помимо обследования распаханной поверхности, геомагнитной съемки и исследования геомагнитных аномалий бурением и шурфами включали широкомасштабные раскопки, охватившие площадь около 860 м².

Радиоуглеродным методом датирован 31 образец углей, древесного тлена, нагара и почвенного гумуса: 13 – из аномалий, расположенных в центре пятна культурного слоя (6 образцов) и вдоль границ распространения культурного слоя (7 образцов), 9 – из различных объектов в раскопе, относящихся к горизонтам, перекрывающим могильник, и 9 – из погребений. 23 образца, в том числе 7 из погребений, датированы в лаборатории Кильского университета, остальные 8 – в лаборатории ИИМК РАН.

Суммарный диапазон 12 дат по образцам из аномалий дает 692–1284 AD, что в целом согласуется с датировкой вещевого и керамического материалов, собранных на распаханной поверхности поселения и в раскопе (X–XIII вв.) (рис. 6).

Радиоуглеродная дата еще одного образца: 1327–1417 (KIA-38414a) существенно моложе основного массива археологических материалов, собранных на распаханной поверхности и в раскопе. Следует отметить, что отдельные фрагменты круговой посуды с профилировкой XIII–XIV вв., а также вещи, период бытования которых не ограничивается домонгольским временем, присутствуют в материалах пахотного горизонта раскопа 1. Возможно, они указывают на продолжение жизни или хозяйственной активности на отдельных участках площадки поселения в удельное время. При датировании углей и почвы из трех аномалий, прорезанных бурением, получены значительно расходящиеся между собой даты образцов, отобранных на близких уровнях в одном и том же разрезе: аномалия 09: 890–1030 AD (Ле-8365), 1327–1417 AD (KIA-38414a), 782–879 AD (KIA-38414b); аномалия 35: 783–984 AD (Ле-8751), 1174–1220 AD (KIA-39105); аномалия 46: 692–886 AD (Ле-8752), 1260–1278 AD (KIA-39109). При этом во всех трех разрезах ранние даты получены по образцам почвы и угля с почвой, образцы углей дают более поздние даты. Очевидно, разброс дат объясняется смешением органики в культурном слое в результате перекопов, не диагностируемых в разрезе бурения, или в процессе отбора проб. Как достоверные в двух случаях следует рассматривать более поздние даты, сделанные по углям: 1227–1282 AD (аномалия 46, KIA-39109) и 1161–1253 AD (аномалия 35, KIA-39105), что археологически подтверждается результатами шурфовки обоих объектов, где в заполнении ям собраны фрагменты круговой керамики XII–XIII вв.

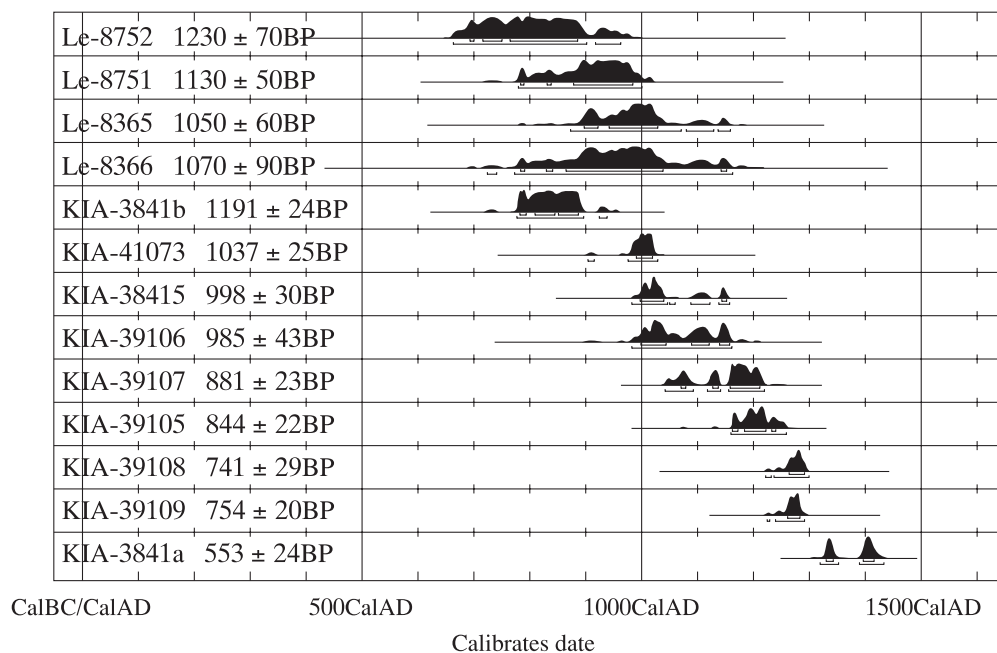

Рис. 6. Интервалы калиброванного возраста образцов из аномалий памятника Большое Давыдовское 2.

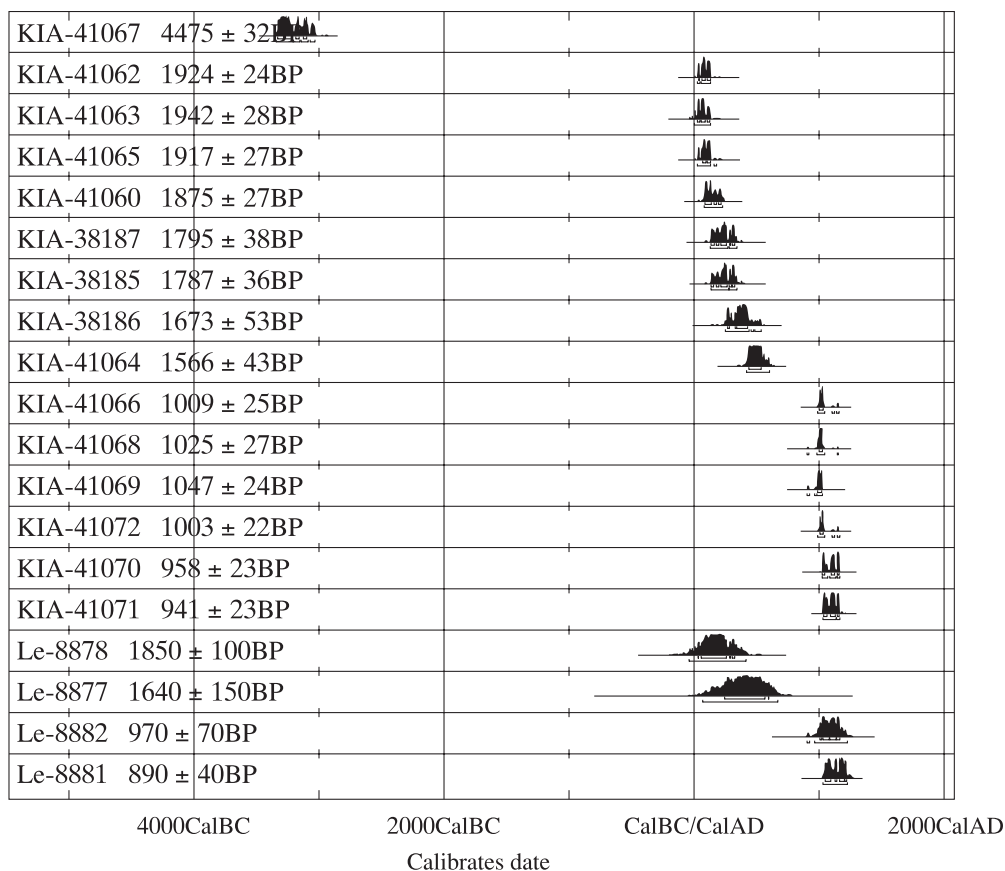

Рис. 7. Калиброванный возраст образцов из погребений и ям Большого Давыдовского 2.

Суммарный диапазон семи дат углей из заполнения средневековых ям, исследованных в раскопе, составляет 987–1210 AD (Ле-8881, Ле-8882, KIA-41068–KIA-41072), что согласуется с датировкой вещевого и керамического материалов, происходящих из раскопа (рис. 7).

Весь массив радиоуглеродных дат распадается на две группы: раннюю, с общим диапазоном 987–1033 AD (три даты – образцы KIA-41068, KIA-41069, KIA-41072), и позднюю, с общим диапазоном 1010–1210 AD (четыре образца: Ле-8881, Ле-8882, KIA-41070, KIA-41071). В ранней серии наибольший интерес представляет образец KIA-41072 из заполнения ямы 99, дата которого 997–1033 AD, датировка двух других образцов из заполнения ямы 80 не соответствует стратиграфической ситуации (по третьему образцу, залегавшему значительно ниже, получена наиболее поздняя дата). Во второй группе лишь у одной даты интервал охватывает начало XIII в. (Ле-8881), верхняя граница остальных – середина XII в. Нижняя граница большинства дат этой группы – вторая треть XI в. Полученные даты в целом соответствуют археологической датировке изученных объектов, в заполнении которых преобладают фрагменты круговой керамики ранних типов.

Благодаря сотрудничеству с лабораторией г. Киль впервые в практике изучения древностей Северо-Восточной Руси предпринято датирование раннекруговой керамики по нагару. Датированы частицы нагара на фрагменте сосуда из заполнения ямы 86. Сосуд (рис. 8) представлял собой горшок S-видного профиля с оттянутым вверх венчиком, орнаментированный по всей высоте неглубоким линейным орнаментом, и был обнаружен во фрагментах в переотложенном виде в заполнении небольшой хозяйственной ямы, датированной 1040–1210 гг. Полученная по нагару дата – 995–1029 (KIA-41066) – соответствует существующим хронологическим схемам появления и бытования раннекруговой керамики в регионе (Горюнова, Лапшин, 2004. С. 68, 69; Лапшин, 1989). Ее можно рассматривать как один из хронологических реперов для определения времени появления круговой керамики в Суздальском Ополье. Существенна разница в дате нагара и углей из заполнения ямы, отражающая, вероятно, различие в возрасте сосуда и углей, взятых из археологического объекта длительного накопления.

Радиоуглеродные даты фиксируют присутствие в средневековом культурном слое селища Большое Давыдовское 2 сооружений, относящихся к концу X – первой четверти XI в. Для определения верхней границы функционирования поселения важны две даты: 1259–1284 AD (KIA-39108) и 1260–1278 AD

Рис. 8. Большое Давыдовское 2. Раннекруговой сосуд из ямы 86.

(KIA-39109), показывающие, что жизнь на поселении продолжалась в середине–третьей четверти XIII в.

В северной части раскопа под остатками средневековой печи был зафиксирован участок материка с небольшими полуовальными в плане ямками с гумусированным заполнением – следами лопаты, появившимися, очевидно, при использовании этого участка под огорода. Дата почвенного гумуса в ямках – 3329–3094 BC (KIA-41067), по-видимому, отражает время сложения древнего почвенного горизонта, перекопанного средневековым огородом.

В могильнике Большое Давыдовское 2 датированы 10 образцов углей и древесного тлена из 8 погребений. В семи случаях для датирования отбирался древесный тлен с волокнистой структурой, представлявший собой остатки погребальных сооружений, в трех – угли, находившиеся под костными остатками или над ними, их точное происхождение и функции в погребальных комплексах не определены.

Суммарный диапазон 10 дат: 28–570 AD. Общий интервал пяти из этих дат (KIA-38186; KIA-38187; KIA-38185; Ле-8877; KIA-41064, погр. 3, 4, 9, 16, 20) соответствует 139–570 AD и хорошо сочетается с датировкой вещевых комплексов погребений, хронологическое положение которых определяется в рамках второй половины III – начала V в. н.э. К этой серии близка еще одна дата (Ле-8878,

50–330 AD, погр. 18), часть интервала которой согласуется с археологической датировкой погребального комплекса. Даты еще четырех образцов (KIA-41060, KIA-41062, KIA-41063, KIA-41065, погр. 14, 16, 18, 17) образуют суммарный интервал 22–208 AD, не соответствующий возрасту вещей из погребений. При этом для погр. 16 и 18 зафиксировано значительное расхождение радиоуглеродных дат, сделанных по образцам углей и древесного тлена, отобранных из одной и той же могильной ямы. Поскольку две из четырех “ранних” радиоуглеродных дат получены в результате датирования древесного тлена от погребальных сооружений, находившихся в могилах (KIA-41062, KIA-41063), одним из объяснений расхождения радиоуглеродной и “вещевой” дат комплексов может быть использование для погребальных конструкций старых деревьев. Нельзя исключить и попадание в заполнение и на дно могильных ям при совершении захоронения почвенного гумуса.

На поселении **Кибол 1а** радиоуглеродным методом датирован уголь из углистой прослойки, выявленной в профиле одной из аномалий, исследованной бурением, расположенной на периферии памятника. Дата образца, полученная в лаборатории Кильского университета: 262–411 AD. По археологическим материалам – лепной керамике с грубой, заглаженной и подлощенной поверхностью, ножам, шильям, наконечникам стрел и железной подковообразной фибуле – дата поселения определяется в широких рамках середины – второй половины I тыс. н.э., что в целом согласуется с возрастом угля из разреза аномалии.

На поселении **Красное** радиоуглеродным методом датированы угли, отобранные под валообразной насыпью, представляющей собой выброс из рва, которым мысообразная площадка поселения была отделена от остальной части террасы. Калиброванный возраст образца – 520–200 BC. В перемешанном распашкой культурном слое на площадке поселения и во рву зафиксированы следы жизнедеятельности различных периодов, в том числе единичные фрагменты лепной керамики эпохи средневековья, раннего железного и бронзового веков. Рекогносцировочные раскопки 2006 г. показали, что поселение, первоначально атрибутированное как городище раннего железного века, в действительности не является таковым: ров был сооружен в период позднего средневековья – раннего нового времени, когда площадка на краю террасы использовалась в производственных целях. Радиоуглеродная дата соответствует раннему периоду заселения этого участка, документированному находками лепной керамики раннего железного века.

В ходе обследования Суздальского Ополя в 2001–2005 гг. удалось точно локализовать ряд курганных могильников, раскопки которых проводились А.С. Уваровым в 1851–1852 гг., и осуществить повторные исследования на площадке одного из них, обозначенного в дневниках А.С. Уварова как “курганы на лугу села Погост-Быкова близ реки Нерли”, и получившего новое название **Троица-Берег 5**. Насыпи курганов не сохранились, на предполагаемом месте курганной группы был заложен раскоп площадью около 250 м², в котором выявлены многочисленные ямы, частью природного характера, частью содержавшие отдельные фрагменты и развалы круговых сосудов XII – первой половины XIII в. и представлявшие собой части курганных ровиков и остатки межкурганных сооружений (Красникова, 2007. С. 50–57; Макаров и др., 2009. С. 432–454). Радиоуглеродным методом в лаборатории ИИМК датировано пять образцов углей из ям в раскопе.

Суммарный диапазон трех дат (Je-7656; Je-7658; Je-7925) – 900–1300 AD, к этой серии близка еще одна дата, установленная с очень большой погрешностью (Je-7657; 1240–1620 AD). Пятая дата, полученная по образцу почвенного гумуса из ямы 18, значительно отстоит от остальных (Je-8096; 430–535 AD), что, очевидно, указывает на природный характер объекта. Судя по датам углей из ям 3, 5 и 14 (Je-7657, Je-7656; Je-7658), заполнение некоторых ям на площадке могильника могло формироваться во второй четверти – середине XIII в., что в целом согласуется с датировкой керамического материала из раскопок.

На поселении **Сунгирское селище** в ходе шурфовочных работ 2007–2008 гг. удалось отобрать один образец угля, пригодного для датирования. Он происходит из верхней части заполнения вскрытой частично неглубокой ямы с остатками очага и значительным количеством круговой керамики XII–XIII вв., расположенной в центральной части поселения. Образец датировался в лаборатории ИИМК (Je-8381). Полученная дата 990–1230 охватывает значительный временной интервал, что, возможно, связано с тем, что проба представляла собой сбор углей с примесью гумуса в рамках выделенного горизонта с очагом. Археологический материал, собранный в шурфе, а также на поверхности в центральной части поселения, содержит материалы как конца I тыс. (стеклянные бусы, в том числе мозаичные, фрагменты шумящих украшений, кресты ранних типов, ножи с узким клиновидным лезвием), так и XII–XIII вв. (шиферные пряслица, стеклянные браслеты, фрагменты амфор, украшения, пред-

меты личного благочестия и т.д.), что согласуется с возрастом датированного образца.

Радиоуглеродные даты дают надежное обоснование хронологического положения ряда опорных памятников и археологических комплексов, уточняют датировку некоторых поселений, установленную по вещевым и керамическим материалам, и позволяют сделать некоторые общие наблюдения о динамике заселения Суздальского Ополя в раннем железном веке – средневековье.

На территории Суздальского Ополя выявлен ранее неизвестный хронологический горизонт древностей первой половины – середины I тыс. н.э. Присутствие материалов этого времени документировано радиоуглеродными датами трех памятников: Большое Давыдовское 2, Кибол 7 и Кибол 1а, эти даты хорошо сочетаются с датировками, установленными по вещевым и керамическим материалам.

Установлено присутствие на отдельных памятниках Суздальского Ополя (Весь 5, Шекшово 2) горизонта древностей IX – первой половины X в. С учетом радиоуглеродных дат и вещевых материалов поселения Весь 5 можно полагать, что формирование новой сети расселения и новой материальной культуры, отражающее интеграцию Суздальского Ополя в систему международной торговли и балтийских культурных связей, началось не позднее второй половины IX в.

Значительная серия радиоуглеродных дат с хронологическим диапазоном X–XII вв. подтверждает сделанные ранее наблюдения об этом периоде как о времени наиболее интенсивной колонизации и плотного освоения Ополя.

Наконец, серия радиоуглеродных дат с диапазоном середина XIII – середина XIV в. (Большое Давыдовское 2, Весь 5, Вишенки 3, Кибол 5) подтверждает, что целый ряд основанных в X–XII вв. сельских поселений не был уничтожен монгольским нашествием и продолжал существование во второй половине XIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горюнова В.М., Латишин В.А. О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. СПб., 2004.
- Красникова А.М. Курганы у д. Исады (Троица-Берег 5) // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 1. М., 2007.
- Латишин В.А. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. 1989. Вып. 195.
- Макаров Н.А. Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 1. М., 2007.
- Макаров Н.А. Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 2. М., 2008.
- Макаров Н.А. Археологическое изучение Северо-Восточной Руси: колонизация и культурные традиции // Вестн. РАН. 2009. № 12.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В. О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздаlem // Диалог культур и народов Средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополе // РА. 2010. № 1.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпунин А.А. Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. статей к 80-летию акад. В.Л. Янина. М., 2009.
- Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Русь в IX–XIV вв. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
- Федорина А.Н. Керамические комплексы средневековых селищ Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительная характеристика // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 1. М., 2007.
- Федорина А.Н., Красникова А.М., Меснянкина С.В. Локализация и исследование жилых и хозяйственных сооружений на селищах Весь 5 и Шекшово 2 с использованием методов геофизики и археологии // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 2. М., 2008.
- Фон Карнап-Борнхайд К., Хильберг Ф., Кальмринг С., Шульце Й. Хедебю, поселение и порт: старые материалы и новейшие исследования // РА. 2010. № 1.
- Шполянский С.В. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г.: опыт археологического изучения исторических сел Суздальской округи // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матер. науч. семинара. Вып. 2. М., 2008.
- Ibsen Timo. Die Suche nach der Nadel im Heuhaufen // Neue Siedlungsforschungen am wikingerzeitlichen Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet. Starigard. 2005. 6.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛОШАДИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ IX – НАЧАЛА X в. НА РЮРИКОВОМ ГОРОДИЩЕ

© 2011 г. Н.Н. Спасская*, М.В. Саблин**, К.А. Михайлов***

* Научно-исследовательский Зоологический музей Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова

** Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург

*** Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург
(mikhailov_kirill@mail.ru)

Ключевые слова: кони, морфология, породы, палеозоология, Рюриково (Новгородское) городище, эпоха викингов.

The article studies the bone remains of horses that were found in strata dating from the 9th – early 10th cc. in Novgorod (Rurik's hillfort). The material comes from small specimens with a rough body composition, which are morphologically similar to existing aboriginal breeds: Mongol, Kazakh, Polish primitive horse. The bones bear no traces of butchering, hence there is no indication that the horses could have been eaten. All the skulls belonged to stallions, 5 to 15 years old, which had been actively used for riding. All of the above indicates the possible military, or *druzhina*, nature of the site.

Новгородское или Рюриково городище – это один из самых ранних древнерусских торгово-ремесленных и военно-административных центров на Северо-Западе России. Городище расположено в истоке Волхова и в 2 км к югу от современного г. Великий Новгород. Благодаря исследованиям экспедиции Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), которые более 30 лет возглавляет чл.-корр. Е.Н. Носов, стала ясна важная историческая роль городища не только в качестве резиденции новгородских князей, но и как прямого предшественника древнего Новгорода. В ходе раскопок выяснилось, что самобытная культура первых жителей поселения на волховском холме тесным образом переплелась с культурой Скандинавии эпохи викингов. Об этом свидетельствуют многочисленные находки женских и мужских украшений, предметы вооружения и быта, обнаруженные в ходе многолетних раскопок (Носов, 1990; 2007. С. 23–40). Не менее интересные данные о жизни первых жителей городища были получены в ходе изучения остеологических коллекций экспедиции.

Значительная часть костей рыб, птиц и млекопитающих найдена в многометровом заполнении древнего рва, который, главным образом, исследовался в южной части городищенского холма, на северном берегу Сиверсова канала. Раскопки на месте рва показали, что в нем накопился мощный культурный слой, толщина которого достигала 6 м, причем нижние напластования относились к рубежу IX–X вв. (Носов и др., 2005. С. 89, 90. Табл. 77; Носов, 2007. С. 30–32). Раннесредневеко-

вый культурный слой представлял собой аморфный слой органики черного и коричневого цветов, перемешанный со слоями глины и песка, древесных остатков и находок. Всего из него было определено 3689 костей (табл. 1). Видовой состав птиц крайне разнообразен (определения А.Н. Пантелеева, ЗИН РАН). Среди диких птиц доминируют водоплавающие (11 видов) и хищные (5 видов). Много остатков домашней курицы, утки, гуся. Кости диких животных (бобр, заяц, лисица, медведь, лось) в слоях раннесредневековой органики редки и составили лишь 1.8% от общего количества костей (табл. 1). Среди домашних животных преобладают свинья – 36.7%, корова – 32.4% и лошадь – 16.8%. Лошадь представлена практически всеми частями скелета (табл. 2); ее кости в отличие от костей парнокопытных не несут на себе следов расчленения для кулинарного потребления. Особый интерес вызвали обнаруженные во время раскопок черепа лошадей.

В 1977–2002 гг. вдоль западного внутреннего склона рва были обнаружены дубовые клетки от первых оборонительных сооружений городища. Трехстенные срубы, из которых была сложена стена крепости, оказались разрушены в конце IX – начале X в. при дальнейшем расширении поселения. Начиная с первой половины X в. ров стал использоваться в качестве хозяйственной зоны: на его дне возведены хлебные печи. Во время их изучения была собрана первая коллекция черепов и костей домашних лошадей *Equus caballus* (рис. 1. № 1–9) (Носов, 1990. С. 51; Семёнов, 1997. С. 182. Рис. 1). Всего вокруг хлебных печей в 1978–1979 гг. най-

Таблица 1. Фауна из слоев раннесредневековой органики Рюрикова городища, относимых к рубежу IX–X вв.

Вид	Кости/особи
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	2/1
Заяц (<i>Lepus timidus</i>)	12/1
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	14/1
Медведь (<i>Ursus arctos</i>)	3/1
Лось (<i>Alces alces</i>)	4/1
Всего дикие млекопитающие	35/5
Собака домашняя (<i>Canis familiaris</i>)	74/4
Кошка домашняя (<i>Felis catus</i>)	42/2
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	311/13
Свинья домашняя (<i>Sus domestica</i>)	679/33
Корова домашняя (<i>Bos taurus</i>)	601/24
Коза (<i>Capra hircus</i>)	7/2
Овца (<i>Ovis aries</i>)	138/11
Всего домашние млекопитающие	1852/89
Цапля (<i>Ardea sp.</i>)	1/1
Лебедь-кликун (<i>Cygnus cygnus</i>)	3/1
Лебедь (<i>Cygnus sp.</i>)	2/1
Чирок-свистунок (<i>Anas crecca</i>)	42/6
Свиязь (<i>Anas penelope</i>)	6/2
Шилохвость (<i>Anas acuta</i>)	6/2
Широконоска (<i>Anas clypeata</i>)	1/1
Чирок-трескунок (<i>Anas querquedula</i>)	30/4
Хохлатая черныш (<i>Aythya fuligula</i>)	14/3
Морянка (<i>Clangula hyemalis</i>)	5/2
Гоголь (<i>Bucephala clangula</i>)	35/5
Утки неопределимые (<i>Anatidae indet.</i>)	16
Орлан-белохвост (<i>Haliaeetus albicilla</i>)	12/3
Ястреб-тетеревятник (<i>Accipiter gentilis</i>)	1/1
Ястреб-перепелятник (<i>Accipiter nisus</i>)	5/1
Пустельга (<i>Cerchneis tinnunculus</i>)	1/1
Белая куропатка (<i>Lagopus lagopus</i>)	1/1
Филин (<i>Bubo bubo</i>)	1/1
Ворон (<i>Corvus corax</i>)	3/1
Всего дикие птицы	185/37
Гусь серый домашний (<i>Anser anser</i>)	38/4
Кряква домашняя (<i>Anas platyrhynchos</i>)	109/10
Курица домашняя (<i>Gallus gallus var. domesticus</i>)	121/8
Всего домашние птицы	268/22
Неопределимые птицы	59
Рыбы	1290
Всего птиц	512/59
Всего млекопитающих	1887/94
Всего определимых костей	3689
Неопределимые крупные фрагменты	1526
Неопределимые мелкие фрагменты	3580
Всего неопределимых костей	5106

дено девять черепов и несколько нижних челюстей лошади. Все находки располагались вдоль западного внутреннего склона древнего рва. Черепа лежали вплотную к северной и западной стенкам сруба с хлебной печью. Глубина залегания варьировала от –0.83 до –1.48 м. Изучение стратиграфии находок

заставило С.А. Семёнова соотнести расположение черепов с разрушением древнейшей печи и сооружением печи внутри деревянного сруба. Расположение находок из раскопа 1978–1979 гг. вокруг неоднократно возобновлявшегося хозяйственного комплекса позволило сопоставить их с этнографическими традициями славян. Исследователь пришел к выводу, что животные стали охранительной жертвой во время строительства (Семёнов, 1997. С. 184–189).

После длительного перерыва исследования на южном участке рва продолжились в 1997–2002 гг., и вновь одной из массовых находок в древнейших отложениях стали еще 13 черепов лошадей. Во время исследований верхней части слоя с раннесредневековой органикой коричневого цвета в 1998 г. нашли 2 экз. (рис. 1. № 10, 11); в 1999 – 4 (рис. 1. № 12–15); в 2000 – 3 (рис. 1. № 16–18); в 2002 – 3 (рис. 1. № 19–21) (Носов и др., 1999; 2000; 2001). Всего на склоне рва было найдено 22 черепа. Таким образом, установлено, что краниумы лошадей располагались по всей длине внутреннего склона рва с юго-запада на северо-восток на протяжении более 20 м. Последняя находка оказалась связана с исследованиями на новом участке памятника. Конский череп обнаружили в 2009 г. в раннесредневековом

Таблица 2. Остатки лошади *Equus caballus* из слоев раннесредневековой органики Рюрикова городища, относимых к рубежу IX–X вв.

Кости	Шт.
Череп	13
Фрагменты черепа	2
Фрагменты нижней челюсти с зубами	4
Фрагменты нижней челюсти без зубов	3
Зубы	17
Фрагменты шейных позвонков	4
Фрагменты лопатки	12
Плечевая	10
Локтевая	20
Лучевая	19
Передняя метаподия	5
Крестец	1
Тазовая	3
Бедренная	13
Коленная чашечка	1
Большая берцовая	13
Пяточная	16
Таранная	9
Кости запястья/заплюсны	54
Задняя метаподия	13
Грифельная	35
Фаланга 1	16
Фаланга 2	14
Фаланга 3	14
Всего	311

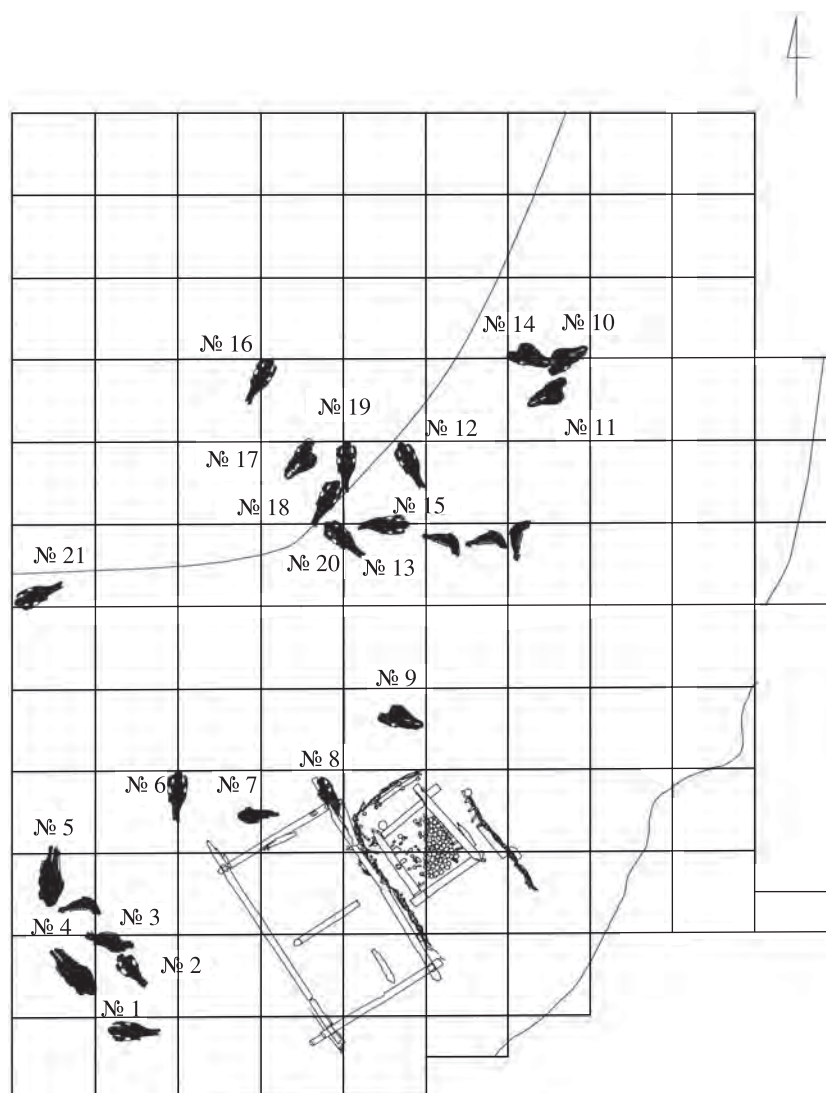

Рис. 1. Рюриково городище. План-схема расположения конских черепов в заполнении древнего рва. Раскопы 1978–1979, 1997–2002 гг.

заполнении рва около ц. Благовещенья в 200 м к северу от главной группы, но в том же раннесредневековом культурном слое. Она позволяет предположить, что скопления конских черепов могут располагаться по всей длине рва.

Черепки домашних лошадей в слое органики коричневого цвета располагались сразу же поверх разрушенных фортификационных конструкций, сложенных из дубовых бревен. Большинство из них залегало в слое органики, который отложился между разрушением первой хлебной печи и строительством печи внутри сруба (рис. 1. № 1–18). Порубочные даты бревен из этих сооружений – 889, 896–897 и 902–906, 910, 911 гг. Таким образом, большинство черепов попали в ров в начале – первой четверти X в. Вероятно, это произошло сразу после разрушения оборонительных конструкций первой крепости на Рюри-

ковом городище. Поверх остатков оборонительных сооружений и черепов откладывался культурный слой поселения. Засыпка рва происходила в течение X–XI вв. со стороны площадки городищенского холма. Еще три черепа попали в ров до разрушения крепостных сооружений городища, возможно, в период их строительства. Эти находки были сделаны в 2002 г. на глубине от –2.18 до –2.45 м, непосредственно под слоем разрушенных конструкций деревянной стены (рис. 1. № 19–21). Древнейшая крепостная стена была сооружена на городище до строительства первой хлебной печи, т.е. до 889, 896–897 гг. Как считает Е.Н. Носов, ее могли построить во второй половине IX в. (2007. С. 32–34). Следовательно, три черепа могли попасть в ров в середине – второй половине IX в., непосредственно перед возведением стен или в период их функционирования.

Как уже упоминалось, С.А. Семёновым было высказано предположение о культовом характере найденных черепов лошадей (1997. С. 184–189). Однако исследования 1998–2009 гг. наглядно продемонстрировали, что эти находки не могут быть привязаны исключительно к месту расположения хлебных печей. Они оказались расположены по всему внутреннему склону оборонительного рва. Таким образом, версия о животных, принесенных в жертву перед строительством печей, не получила подтверждения. В то же время, отсутствие сочлененных с черепами фрагментов скелетов не позволяет соотнести находки с обычным скотомогильником.

С другой стороны, не вызывает сомнений связь жителей городища с воинской и политической элитой Древней Руси. Е.Н. Носов и Н.В. Хвоцинская отмечают высокую концентрацию на городище специфических и богато декорированных скандинавских воинских фибул и предметов вооружения (2006. С. 130–140). Бесспорна тесная связь первых жителей городища со скандинавским миром эпохи викингов с его межрегиональной материальной культурой. Особенно ярко североевропейские, скандинавские черты проявляются в наиболее ранних культурных напластованиях городища. Многие исследователи отмечали использование германцами лошадей в качестве жертвенных животных. В Центральной и Северной Европе именно для германского мира эпохи переселения народов и эпохи викингов характерны ритуалы, связанные с массовыми жертвоприношениями лошадей. Подробный каталог подобных находок погребений и ритуальных жертв был составлен немецким археологом М. Мюллером-Вилле (Müller-Wille, Vierck, 1971. S. 119–248). В языческой Скандинавии наиболее важные религиозные ритуалы проводились вождями родо-племенных групп, членами королевской династии. На городище как резиденции князей из скандинавского дома Рюрика, несомненно, должны были проводиться языческие жертвоприношения. Поэтому можно предполагать, что конские черепа могли попасть в ров из разрушенного жертвенного места, которое находилось на центральной площадке поселения. Безусловно, многочисленные находки останков верховых лошадей, обнаруженные в слое разрушения первых оборонительных сооружений городища, также связаны с воинским, “дружинным” характером этого памятника. На зубах лошадей были обнаружены явные следы стертости, появившиеся после использования железных удиц. Можно утверждать, что большинство лошадей были верховыми и, скорее всего, входили в состав княжеского табуна.

Всего археологами в 2004–2009 гг. было передано в Зоологический институт РАН пять фрагментарных и восемь целых черепов *Equus caballus*.

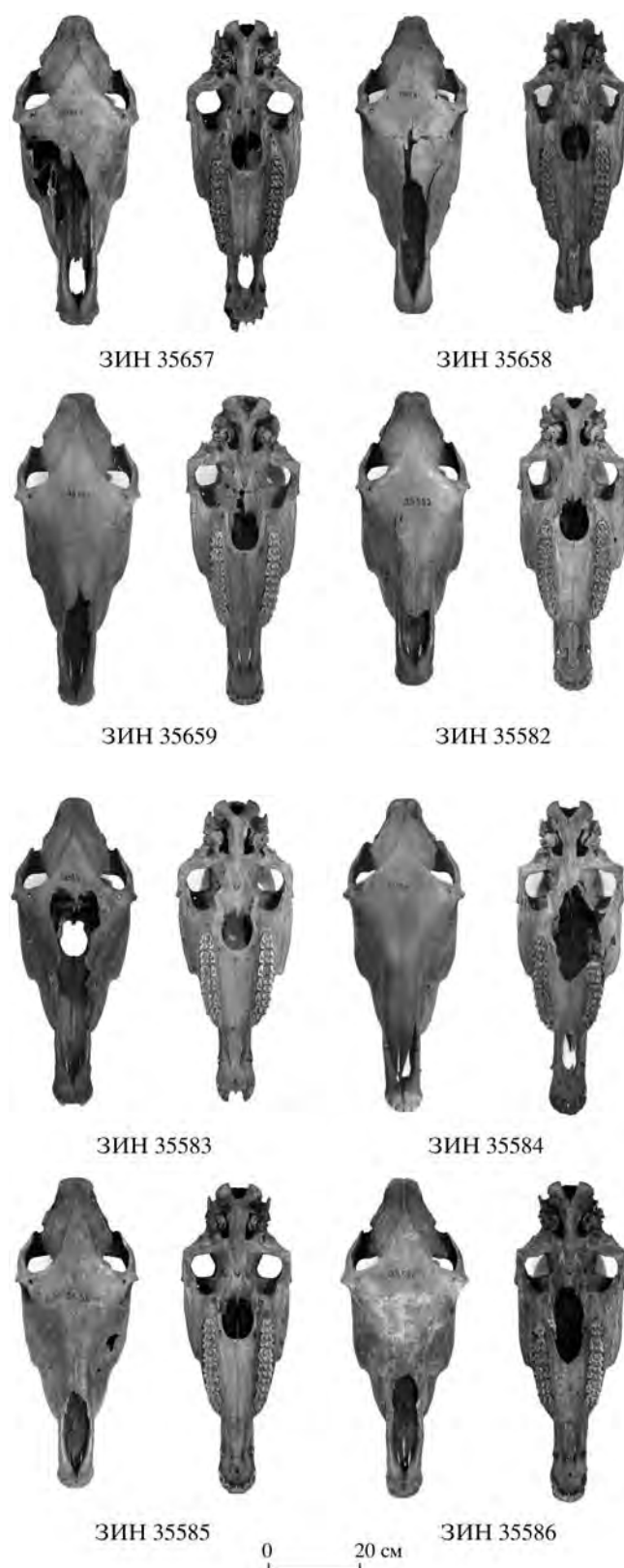

Рис. 2. Черепа *Equus caballus* из слоев раннесредневековой органики Рюрикова городища, относимых к рубежу IX–X вв., вид сверху, снизу.

Таблица 3. Промеры краниумов *Equus caballus* из слоев раннесредневековой органики Рюрикова городища, относимых к рубежу IX–X вв.

Коллек- ционные номера (ЗИН РАН)	35582	35583	35584	35585	35586	35657	35658	35659	Min	Max	M	SD
	6-7	13-14	7-8	8	7-8	13-15	8	5-6				
Возраст в годах												
Основная длина	459.5	477.8	488.2	480.7	492	482.5	463.7	490.5	459.5	492.0	479.4	12.0
Предкоренная длина	114	125.4	136.2	127.2	141.5	129	118.8	136	114.0	141.5	128.5	9.3
Длина диастемы	84	99.4	100	93.3	105	97.2	85.5	101.8	84.0	105.0	95.8	7.6
Длина ряда Р	91.5	88	89.5	91	86.1	85.2	93.2	93	85.2	93.2	89.7	3.0
Длина ряда М	75	77.5	81	75.2	78	74.8	75.4	81.3	74.8	81.3	77.3	2.7
Длина зубного ряда	165.4	163	160.4	165.2	162	159.3	166.2	170.5	159.3	170.5	164.0	3.6
Премолярная основная длина	346.2	349	356.2	358	356.5	354.2	343.5	360.8	343.5	360.8	353.1	6.1
Передняя глазная линия	351	365	369	372.2	377.4	371.2	358.2	383	351.0	383.0	368.4	10.2
Задняя глазная линия	188.5	199.5	191	199.2	204	197.5	182.2	199.4	182.2	204.0	195.2	7.2
Теменная длина	501.5	519.8	520.5	526	532.2	526.3	501	536	501.0	536.0	520.4	13.0
Орбито-лицевая длина	292.5	303.2	309.8	312.5	319.2	314.8	297	322.5	292.5	322.5	308.9	10.6
Премолярная орбито-лицевая длина	179.4	176	181.8	187	184	185.3	175.8	187.5	175.8	187.5	182.1	4.6
Задний край носовой вырезки – перед- ний край орбиты	148		156.7	163	166	166.1	146.7	164	146.7	166.1	158.6	8.3
П1 – задний край носовой вырезки	157.8		168	163	168	167	159	171	157.8	171.0	164.8	5.0
Длина лицевого гребня	173.5	169.3	167.5	170.3	182	164	159.5	174	159.5	182.0	170.0	6.8
Анатомическая мозговая ось	176.4		186	189.5	188	187	168	194.1	168.0	194.1	184.1	8.9
Анатомическая лицевая ось	340.8		355.8	363.5	365.8	361.2	346.7	372.2	340.8	372.2	358.0	11.0
Резцовая ширина	67.8	69.3	65	64.8	64.2	75.3	66	66	64.2	75.3	67.3	3.6
Ширина диастемы	50	48.1	45	48	41.7	58.3	51	48.2	41.7	58.3	48.8	4.8
Ширина нёба у Р2	63.8	70.5	65.2	69	68	77	69.8	68.5	63.8	77.0	69.0	4.0
Ширина нёба у середины Р4	64	65.4	63.2	65.2	62	66.1	63.2	67.3	62.0	67.3	64.6	1.8
Ширина челюсти	114	118	116.4	115	109.5	117.7	113	119.7	109.5	119.7	115.4	3.3
Ширина затылка между затылоч- ными мышечками	80	79	80.2	81.2	78.7	76	68	83.1	68.0	83.1	78.3	4.6

Таблица 3. (Окончание).

Коллек- ционные номера (ЗИН РАН)	35582	35583	35584	35585	35586	35657	35658	35659	Min	Max	M	SD
	6-7	13-14	7-8	8	7-8	13-15	8	5-6				
Возраст в годах												
Мастоидная ширина	116.7	113	110.1	117	115.8	119.5	109	119.5	109.0	119.5	115.1	4.0
Ширина между лицевыми гребнями	155.2	153	149.8	147	148.5	157	145.2	157	145.2	157.0	151.6	4.6
Ширина между передн. точками глазниц	163.7	171	157.8	164.8	158	165	145.5	158.5	145.5	171.0	160.5	7.6
Ширина у передних краев глазниц	178.2	191.2	178	185	177	186.1	168.2	185	168.2	191.2	181.1	7.2
Межглазничная ширина	163	170	163.2	148	172.2	165.4	142	161	142.0	172.2	160.6	10.4
Ширина лба у задних краев глазниц	195.4	210.1	197.8	203	206.8	208.2	184.5	207.2	184.5	210.1	201.6	8.6
Ширина мозговой коробки в заглазничном сужении	83	84.5	79.5	79.5	82	84.9	79.2	87.2	79.2	87.2	82.5	3.0
Мах ширина мозговой коробки	104	112.8	105	116.3	105.4	112.5	99.3	112.3	99.3	116.3	108.5	5.8
Ширина черепа у наружных краев суставной ямки	181.4	200.5	186.3	196	193.8	201.5	185.5	201.6	181.4	201.6	193.3	8.0
Высота черепа между P4-M1	111.3		118.7	122.2	118	124.6		113	111.3	124.6	118.0	5.1
Высота черепа у M3	115.2	120.5	124.5	123	121.7	128.7	109	121.5	109.0	128.7	120.5	6.0
Минимальная ширина скуловой дуги	7	7.3	9.1	6.6	9.6	12.4	7.1	7.7	6.6	12.4	8.4	1.9
Горизонтальный поперечник глазницы	59.5	62.3	56.5	60.8	58	56	60.3	63.3	56.0	63.3	59.6	2.6
Вертикальный поперечник глазницы	49.2	52	57	53.1	49.8	54.1	50.8	53	49.2	57.0	52.4	2.5
Высота затылка малая	58.8	54.7	62.8	62	58.5	61.6	51.7	59.7	51.7	62.8	58.7	3.8
Высота затылка большая	92.4	92.6	95.2	93	92.7	93.8	85.7	62.4	62.4	95.2	88.5	10.9

Таблица 4. Рост в холке средневековых лошадей (мм)

Группа, возраст	Методика	Количество черепов	Min	Max	M	SD
Рюриково городище, IX–X вв.	H	8	1378.5	1476.0	1438.1	36.1
	K	8	1352.7	1447.2	1405.1	35.1
Саркел, IX–XI вв.	H	4	1384.8	1482.0	1426.6	45.2
	K	4	1355.4	1482.3	1408.5	57.9
Тува, VIII–IX вв.	H	4	1386.6	1441.5	1411.6	24.3
	K	4	1358.1	1431.0	1386.1	31.4
Венгрия, IX–X вв.	H	11	1320	1455	1396.6	46.7
	K	11	1341.9	1482.3	1401.8	44.0
Венгрия, VI–VIII вв.	H	9	1368	1530	1426	59.5
	K	9	1366.2	1536.3	1425.6	63.0
Новгород, Неревский раскоп, X в.	H	11	1320	1530	1416	65.6
	K	11	1323	1503.9	1402.3	64.5
Словакия, VII–IX вв.	H	8	1341.0	1521.0	1429.5	58.2
	K	8	1314.9	1485	1407.4	53.3
Польша, XI–XIII вв.	H	5	1284.0	1467.0	1420.8	77.2
	K	5	1266.3	1474.2	1405.6	81.6

H – коэффициент по Нерингу (Nehring, 1884); K – коэффициент по Кизевальтеру (Kiesewalter, 1889).

Уникальность и хорошая сохранность материала побудила нас провести детальные исследования с целью выявления морфологических особенностей раннесредневековых лошадей Северо-Западного региона России. Для исследования выбраны восемь черепов (рис. 2; табл. 3); для сравнительного анализа привлечен археозоологический материал из хазарского городища Саркел IX–XI вв. (четыре черепа); курганов VIII–IX вв., Республика Тува, Байтайгинский р-н (четыре черепа). Также были использованы морфометрические данные (взрослые особи, от 5 лет и старше) по современным аборигенным породам лошадей из Монголии (пять черепов) и Казахстана (пять черепов), а также по заводским древним породам – арабской (два черепа) и ахалтекинской (два черепа) и группе тарпано-

подобных лошадей (три черепа). К последней были отнесены следующие породы.

а) Дикие европейские лошади – тарпаны (*Equus gmelini*, Antonius, 1912), ареал которых охватывал территорию Европы, видимо, до Волго-Уральского междуречья до XIX в. (Гептнер, 1955). Но сохранившиеся в музейных коллекциях два черепа тарпана принадлежат уже гибридам с домашними лошадьми (Спасская, Павлинов, 2008).

б) Польский коник – аборигенная порода лошадей из Польши с примесью крови тарпана и фенотипически идентичная диким европейским лошадям – так называемый восстановленный тарпан (Ветуляни, 1952; Прусский, 1965; Vetulani, 1948; Pruski, Javoronska, 1963).

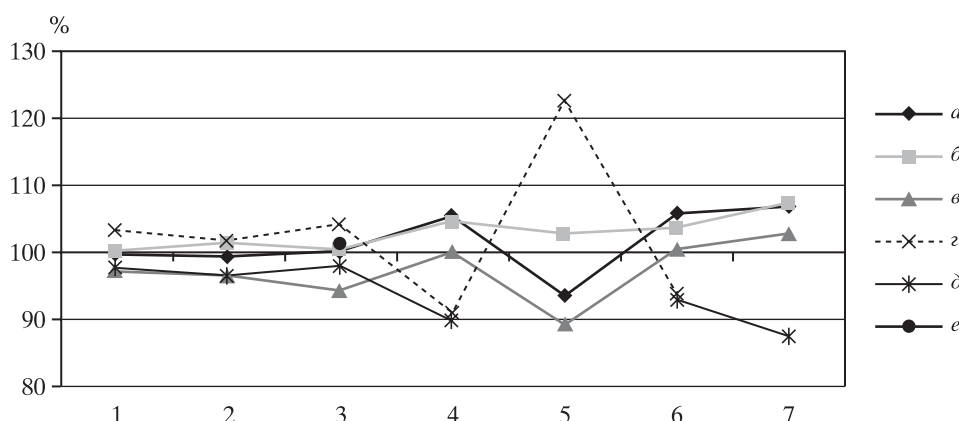

Рис. 3. Профили средних значений наиболее значимых промеров краниума и нижней челюсти. Промеры: 1 – длина ряда премоляров; 2 – длина ряда моляров; 3 – длина зубного ряда (у альвеол); 4 – задняя глазная линия; 5 – высота затылка малая; 6 – длина нижней челюсти; 7 – высота челюсти от мыщелковидного отростка (*processus condylaris*). Условные обозначения: а – Рюриково; б – Саркел; в – Тува; г – Словакия; д – Исландия; е – Польша.

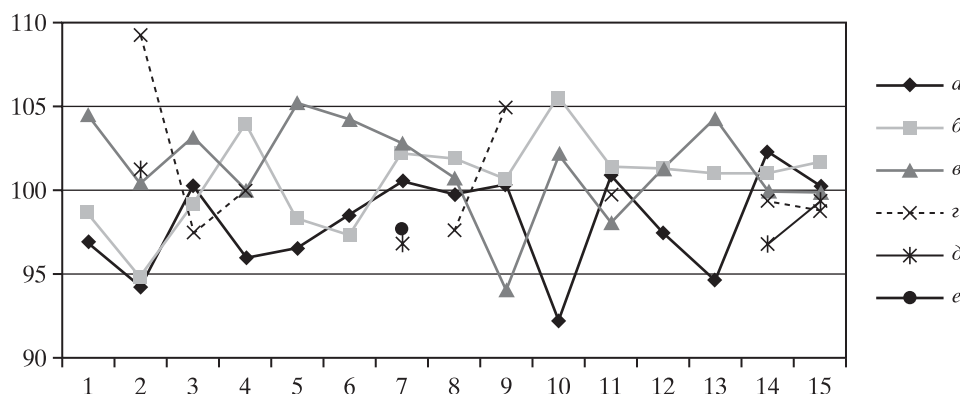

Рис. 4. Профили средних значений черепных индексов. Индексы: 1 – анатомических осей = (анатомическая лицевая ось/анатомическая мозговая ось)·100; 2 – положения глазницы = (передняя глазная линия/задняя глазная линия)·100; 3 – положения нёба = (*prosthion* – задний край нёба/задний край нёба – *basion*)·100; 4 – сошниковый = (*basion* – сошниковая вырезка/сошниковая вырезка – задний край нёба)·100; 5 – мозговой коробки А = (мах ширина мозговой коробки/анатомическая мозговая ось)·100; 6 – мозговой коробки Б = (ширина мозговой коробки в заглазничном сужении/анатомическая мозговая ось)·100; 7 – мозговой коробки С = (мах ширина мозговой коробки/ширина мозговой коробки в заглазничном сужении)·100; 8 – предкоренной длины = (предкоренная длина/длина зубного ряда)·100; 9 – зубного ряда = (длина зубного ряда/орбито-лицевая длина)·100; 10 – затылочный = (большая высота затылка/анатомическая мозговая ось)·100; 11 – глазничный = (горизонтальный поперечник глазницы/вертикальный поперечник глазницы)·100; 12 – высоты морды А = (высота черепа у МЗ/длина зубного ряда)·100; 13 – высоты морды Б = (высота черепа у Р2/длина зубного ряда)·100; 14 – лобно-основной = (основная длина/ширина лба у задних краев глазниц)·100; 15 – молярно-премолярный верхней челюсти = (длина ряда М/длина ряда Р)·100. Условные обозначения: см. рис. 3.

Сравнительный остеологический материал происходит из фондовых коллекций Зоологического института РАН; Зоологического музея МГУ им. М.В. Ломоносова; Музея коневодства РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, Москва.

Для исследования привлечены также данные из литературных источников, содержащие морфометрические промеры средневековых лошадей из Словакии (Ambros, Muller, 1980), Польши (Swiezynski et al., 1989) и лошадей XIX в. из Исландии (Benecke, 1990). Промеры в данных работах были сделаны по методике А. Дриш (Driesch, 1976), которая значительно отличается от методики В.И. Громовой и В. Айзенманн (Громова, 1949; Eisenmann, 1980): соответственно были выбраны только аналогичные промеры. Из работ по средневековым лошадям Венгрии (Bokonyi, 1974) и Новгорода (Цалкин, 1956) взяты для сравнительного анализа данные по отдельным промерам.

Пол животных определялся по наличию и степени развитости клыков. Определение возраста особей проводилось по степени прорезания и стертости зубов (Кулешов, Красников, 1928; Корневен, Лесбр, 1932; Дюрст, 1936). Промеры черепов проводились по объединенной методике (Громова, 1949; Eisenmann, 1980) штангенциркулем (допустимая погрешность 0.1 мм): всего 82 промера. Для определения роста (высоты в холке) животных по костным остаткам использовались коэффициенты для основной и теменной длин черепа (Nehring, 1884;

Kiesewalter, 1889). Индексы по краниуму и нижней челюсти рассчитывались согласно методике, предложенной В.И. Громовой (1949).

Для детального анализа особенностей сходства и различия между исследуемыми группами лошадей по отдельным признакам использован метод профилей: для каждого признака по всей совокупности среднегрупповых значений вычисляли среднюю для всей выборки величину признака, относительно которой рассчитывали отклонения (%) в отдельных группах экземпляров. На основании этих отклонений строили соответствующие профили для каждой группы. При статистической обработке данных применены следующие стандартные статистические методы: дисперсионный анализ (MANOVA, тип III, статистическую значимость эффектов принимали при $p < 0.01$), пошаговый восходящий дискриминантный анализ (оценивали значения дистанций Махаланобиса D^2 между центроидами групп, апостериорную идентификацию считали правильной при $p > 0.75$)¹.

В результате исследования установлено, что раннесредневековые лошади Рюрикова городища характеризуются небольшими размерами черепов (табл. 3) с прямым профилем. У трех черепов (37%) есть следы присутствия Р1, так называемого волчьего зуба – рудимента, который чаще проявляется у

¹ Расчеты производились в программах Exel 6.0, Statistica 7.0 for Windows.

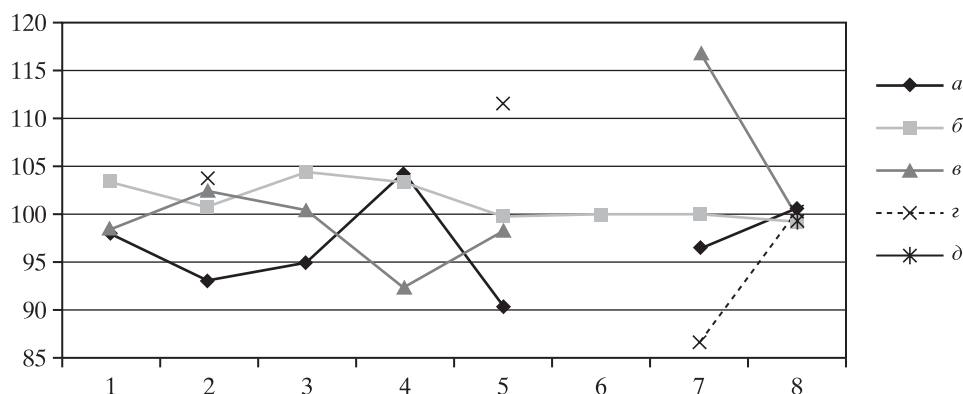

Рис. 5. Профили средних значений индексов нижней челюсти. Индексы: 1 – высоты восходящей ветви нижней челюсти = (ширина восходящей ветви/длина зубного ряда)·100; 2 – высоты нижней челюсти у P2 = (высота челюсти у P2/длина зубного ряда)·100; 3 – высоты нижней челюсти у M1 = (высота челюсти у M1/длина зубного ряда)·100; 4 – симфизно-диастемный = (длина симфиза/длина диастемы нижней челюсти)·100; 5 – резцовый = (резцовая длина нижней челюсти/длина диастемы нижней челюсти)·100; 6 – наименьшей ширины челюсти = (ширина челюсти под M1/длина диастемы нижней челюсти)·100; 7 – диастемно-зубной = (длина диастемы нижней челюсти/длина зубного ряда)·100; 8 – молярно-премолярный нижней челюсти = (длина ряда M/длина ряда P)·100. Условные обозначения: см. рис. 3.

аборигенных (примитивных) пород лошадей. Примечательно, что Ш. Бёкони (Bokonyi, 1974) отмечает наличие “волчьего зуба” у значительного числа краниумов коней из могил мадьяров IX–X вв. Все исследованные черепа из Рюрикова городища имеют стертость разной степени на первых премолярах (P2), свидетельствующую об использовании животных в качестве верховых лошадей, и принадлежат взрослым жеребцам в возрасте от 5 до 15 лет.

Небольшие размеры черепов раннесредневековых лошадей из Рюрикова городища дают и соответственно невысокий рост в холке, рассчитанный по коэффициентам Неринга и Кизевальтера (Nehring, 1884; Kiesewalter, 1889) – в среднем 140.5–143.5 см – по современной классификации конских пород это размерный класс “пони”; группа среднерослых лошадей по В.О. Витту (1952). Рассчитанные по литературным данным размеры средневековых лошадей (табл. 4) также попадают в класс “пони”. Возможно, что использование для расчетов метаподиальных костей дало бы еще более мелкие размеры: лошади примитивных пород характеризуются крупной грубой головой, которая несколько искажает экстерьерные пропорции (Спасская, 2003). К сожалению, фрагментарность метаподиальных костей из слоев раннесредневековой органики Рюрикова городища, относимых к рубежу IX–X вв., не позволила провести подобное исследование.

В целом, и по абсолютным размерам, и по пропорциям черепа средневековых лошадей оказываются достаточно однотипными. График (рис. 3) построен на выявленных в дисперсионном анализе достоверных различий ($p < 0.001$) по промерам черепа и нижней челюсти между группами лошадей. Не-

сколько более крупными оказываются животные из Саркела и Словакии. Словацкие лошади значительно отличаются от остальных по высоте затылка, но, возможно, здесь имеют место некоторые особенности в авторских промерах (Ambros, Muller, 1980). Островная форма домашних лошадей (пони) из Исландии, как и следовало ожидать – наиболее мелкая.

Лошади из Рюрикова городища вместе с лошадьми из Саркела имеют среднюю длину морды (рис. 4), их индекс положения глазниц чуть менее 190 (Браунер, 1916; Громова, 1949). Лошади из Тувы, Исландии и, особенно, Словакии оказываются длинномордыми с индексом более 190. По лобно-основному индексу городищенские лошади

Таблица 5. Нагрузка на факторы при дискриминантном анализе

Признаки	Фактор 1	Фактор 2
Основная длина	0.36	0.08
Расстояние <i>basion</i> – сошниковая вырезка	0.33	0.09
Расстояние <i>basion</i> – задний край нёба	0.26	0.11
Передняя глазная линия	0.33	0.00
Задняя глазная линия	0.08	0.17
Ширина затылка между затылочными мыщелками	0.36	0.00
Ширина между лицевыми гребнями	0.10	0.57
Ширина мозговой коробки в заглазничном сужении	–0.04	–0.05
Вертикальный диаметр глазницы	0.22	–0.09
Высота затылка малая	0.11	0.20
Высота затылка большая	0.22	0.11

узколобы (индекс мозговой коробки от 238), в то время как остальные среднелобы (225–234). Высота морды (рис. 4) по двум индексам для новгородских лошадей средняя (25–27.5 или 19–21), но меньше, чем у остальных. Показатели сошниково-го и затылочного индексов у лошадей из Рюрикова городища минимальны среди всех средневековых лошадей (115 и 47.9 соответственно).

Высота нижней челюсти по двум индексам (28.8 и 41.4) и резцовый индекс (61.2) у новгородских лошадей минимальны (рис. 5). По симфизно-диастемному (92.2) и диастемно-зубному (117) индексам резко различаются тувинские лошади, что связано с коротким симфизом и длинным зубным рядом у одного из экземпляров. Лошади из Словакии отличаются по резцовому и диастемно-зубному индексам, в последнем случае диаметрально противоположно тувинским.

Таким образом, раннесредневековые лошади городища узколобые, со средними значениями длины морды и высоты черепа. Изменению пропорций краниума довольно трудно дать адаптационное объяснение. Хотя, например, В.И. Громова (1949) предполагала, что укорочение симфиза каким-то образом связано с обитанием в засушливом климате. Уменьшение длины зубного ряда, удлинение диастемы, укорочение лицевого отдела черепа, уменьшение размеров мозговой коробки связывают с доместикационными процессами у млекопитающих (Хавесон, 1958; Боголюбский, 1959; Шмальгаузен, 1982). Для пород домашних животных увеличение разнообразия признаков может происходить как накапливающийся эффект при селекции. Аборигенные породы будут принципиально отличаться от заводских конских пород, так как народная селекция в большей степени уделяет внимание рабочим и адаптивным качествам животных, находящихся круглогодично на подножном корме. Не только лошади, но все домашние животные примитивных, аборигенных пород наиболее близки по строению и пропорциям тела к диким предкам. При селекции заводских пород большее значение придают экстерьерным показателям: если посткраниальный скелет непосредственно обеспечивает рабочие ка-

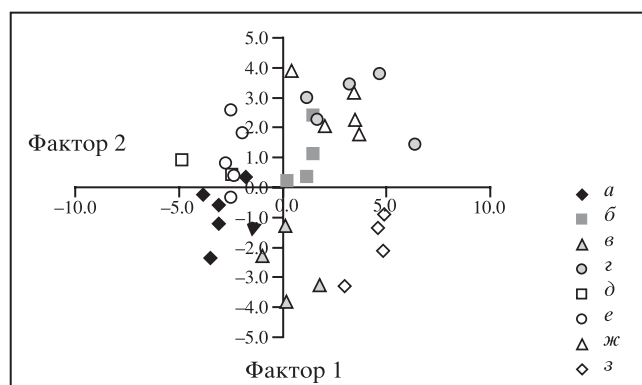

Рис. 6. Дискриминантный анализ по черепным признакам. Условные обозначения: а – Рюриково; б – Саркел; в – Тува; г – Словакия; д – тарпаноподобная лошадь; е – монгольская; жс – казахская; з – ахалтекинская/арабская.

чества, то форма или постав головы во многом отражает эстетические представления о породе.

Можно предполагать, что в период средневековья именно рабочие качества лошади были наиболее значимы в повседневной жизни. Исходя из этого предположения сравнение средневековых лошадей по морфологическим параметрам было проведено с современными представителями аборигенных и древних пород лошадей, считавшихся элитными уже в период средневековья, – арабской и ахалтекинской.

Из-за небольшой выборки исследуемых групп в дисперсионном анализе выделены наиболее значимые краниальные признаки, которые затем включены в дискриминантный анализ (табл. 5). Из анализа были исключены группы польских и исландских лошадей из-за недостаточного количества необходимых промеров. В целом, признаки средневековых лошадей образуют довольно плотное “облако” (рис. 6), что косвенно подтверждает описанную выше однотипность по черепу. Лошади из Рюрикова городища оказываются наиболее близки с тарпаноподобными лошадьми и лошадьми монгольской породы (табл. 6, 7); лошади из Саркела (нижнее течение р. Дон) близки к тувинским и казахским. Совершенно обособлено в пространстве двух фак-

Таблица 6. Дистанция между группами в дискриминантном анализе (расстояние Махаланобиса D^2)

Группы	Рюриково	Саркел	Тува	Тарпаноподобная лошадь	Монгольская	Казахская
Саркел	25.46					
Тува	23.68	25.50				
Тарпаноподобная лошадь	13.59	41.31	39.95			
Монгольская	22.59	28.75	23.46	22.41		
Казахская	44.80	15.91	37.21	49.86	36.78	
Ахалтекинская/арабская	55.96	28.01	21.85	75.86	61.46	25.25

Таблица 7. Уровень значимости различий между группами в дискриминантном анализе

Группы	Рюриково	Саркел	Тува	Тарпаноподобная лошадь	Монгольская	Казахская
Саркел	0.03					
Тува	0.03	0.05				
Тарпаноподобная лошадь	0.46	0.04	0.04			
Монгольская	0.03	0.02	0.05	0.20		
Казахская	0.00	0.15	0.01	0.01	0.00	
Ахалтекинская/арабская	0.00	0.04	0.08	0.00	0.00	0.04

торов оказываются современные представители элитных древних пород (рис. 6; табл. 6, 7). Включение в дискриминантный анализ данных по лошадям из Венгрии (Vokonyi, 1974) аварской эпохи (VI–VIII вв.) и эпохи обретения Родины венграми (IX–X вв.), а также по костям лошадей из Неревского раскопа Новгорода, датированных концом X – началом XI в. (Цалкин, 1956. С. 53–97), по 11 сопоставимым промерам дало сходную с рис. 6 картину. Признаки раннесредневековых лошадей и аборигенных современных пород дали в пространстве двух факторов плотное “облако”, обособленными оказались представители арабской и ахалтекинской пород.

В целом, результаты изучения раннесредневековых домашних лошадей получились несколько неожиданными: лошади оказались довольно близки по размерам и пропорциям черепа независимо от географического происхождения и эпохи. Найденные отдельные различия между группами могут быть обусловлены небольшой выборкой исследованных экземпляров и влиянием индивидуальной изменчивости. Исследованный материал представлен некрупными особями грубой конституции, морфологически сходными с современными аборигенными породами: монгольской, казахской, тарпаноподобным польским коником. Можно предположить, что большинство населения в средние века использовало примитивных рабочих лошадей и оказавшийся в нашем распоряжении остеологический материал принадлежит такому “рядовому” составу. В ту эпоху, судя по историческим документам, население знало о высококровных, элитных лошадях из южных регионов, но таковые были доступны только знати. Их количество было чрезвычайно мало по сравнению с основным конским поголовьем, поэтому находка остатков элитных коней в общей массе археозоологических материалов – большая редкость.

Причина, по которой более двух десятков целых черепов домашних лошадей оказались в слое раннесредневековой органики на рубеже IX–X вв. в Рюриковском городище, пока не ясна. Отсутствие сочлененных с черепами фрагментов скелетов не

позволяет соотнести способ захоронения со скотогильником. На костях нет следов разделки и соответственно нет основания предполагать использование лошадей в пищу. Все исследованные черепа принадлежат жеребцам в возрасте от 5 до 15 лет, которые до момента гибели активно служили в качестве верховых лошадей. Все это заставляет искать объяснения, связанные, возможно, с воинским, “дружинным” характером памятника. Морфометрическими исследованиями установлено, что городищенские лошади были грубой конституции, некрупные (размерный класс “пони”), не были элитными, т.е. принадлежали к “рядовому” составу. По морфологии они оказались сходны с современными аборигенными (примитивными) породами.

Авторы признательны чл.-корр. Е.Н. Носову за разрешение опубликовать материал из раскопок на городище; И.Я. Павлинову – за методические консультации; Е. Сыромятниковой и Е. Петровой – за помощь в проведении исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боголюбский С.Н. Морфологические закономерности доместикационных изменений // Изв. АН СССР. Сер. Биология. 1959. № 4.
- Браунер А.А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. // Записки Импер. Об-ва сельского хозяйства Южной России. Т. 86. Кн. 1. Одесса, 1916.
- Ветуляни Т. Проблема тарпана на фоне новейших работ АН СССР по истории лошадей в Старом Свете // Зоологический журнал. 1952. Т. XXXI. Вып. 5.
- Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI.
- Гентнер В.Г. Заметки о тарпанах // Зоологический журнал. 1955. Т. XXXIV. Вып. 6.
- Громова В.И. История лошадей (рода *Equus*) в Старом Свете. Ч. 1. Обзор и описание форм. Ч. 2. Эволюция и классификация рода // Тр. Палеонтолог. ин-та АН СССР. 1949. Т. 17. Вып. 1, 2.

- Дюрст У. Экстерьер лошади. М.; Л., 1936.
- Корневен Ш., Лесбр Ф. Распознавание возраста по зубам и производным эпителия. М.; Л., 1932.
- Кулешов П.К., Красников А.С. Определение возраста сельскохозяйственных животных. М., 1928.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Историко-археолог. сб.: Матер. междунар. науч. конф., 4–7 октября 2005 г. Великий Новгород, 2007.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (Новые материалы и исследования). СПб., 2005.
- Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Михайлов К.А. и др. Раскопки на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999.
- Носов Е.Н., Дорофеева Т.С., Михайлов К.А., Янссон И. Итоги изучения Рюрикова городища в 1999 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 14. Новгород, 2000.
- Носов Е.Н., Михайлов К.А., Васильев С.А. и др. Новые исследования на Рюриковом городище в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 15. Новгород, 2001.
- Носов Е.Н., Хвоцинская Н.В. Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры. СПб., 2006.
- Прусский В.К. О восстановлении в Польше лошадей, называемых тарпанами // Зоологический журнал. 1965. Т. XXXIV. Вып. 9.
- Семёнов С.А. Некоторые дополнения о культовом и хозяйственном назначении хлебных печей конца IX – X в. на Рюриковом городище // Древности Поволховья. СПб., 1997.
- Спаская Н.Н. Измерение роста лошадей опосредованными методами // Териофауна России и сопредельных территорий (VII съезд Териологического общества): Матер. Междунар. совещания, 6–7 февраля 2003 г. М., 2003.
- Спаская Н.Н., Павлинов И.Я. Сравнительная кра ниометрия “шатиловского тарпана” (*Equus gmelini Antonius*, 1912): проблема видоспецифичности // Зоологические исследования. М., 2008.
- Хавесон Я.И. Морфологические данные в пользу представлений о происхождении лошадей монгольской группы от лошади Пржевальского // Бюл. МОИП. Отд. Биология. 1958. Т. 63. Вып. 4.
- Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М., 1956 (МИА; № 51).
- Шмальгаузен И.И. Избранные труды. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. М., 1982.
- Ambros C., Muller H.-H. Frühgeschichtliche Pferdeskelettfunde aus dem Gebiet der Tschechoslowakei // Archaeologia Slovaca-Fontes. T. 13. Bratislava, 1980.
- Benecke N. The Krabbe Collection of Icelandic Horses and its significance for archaeozoological research // Jr. Archaeological Science. 1990. № 2. V. 17.
- Bokonyi S. History of Domestic Mammals in Central and Eastern Europe. Budapest, 1974.
- Driesch A. von den. A Guide to the measurement of animal bones from archaeological sites. Cambridge, MA, 1976 (Peabody Museum Bulletins; Bull. 1).
- Eisenmann V. Les chevaux (*Equus sensu lato*) fossiles et actuels: cranes et dents jugales supérieures // Cahiers de Paléontologie. Paris, 1980.
- Kiesewalter L. Skelettmessungen am Pferde ais beiträd zur theoretischen grundlage der beurteilungslehre des Pferdes: Inaug. Dissert. Leipzig, 1889.
- Müller-Wille M., Vierck H. Pferdgrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter // Berichten Rijksdienst voor het Ouheidkundig Bodemonderzoek. Jg. 20/21. Leiden, 1971.
- Nehring A. Fossile Pferde aus deutschen Diluvial-Ablagerungen und ihre Beziehungen zu den lebenden Pferden. Berlin, 1884.
- Pruski W., Javoronska M. Prace i badania naukowe prowadzone w Polce nad regeneracia dzikich koni zwanych tarpanami. Ser. D. T. 108. Warszawa, 1963.
- Swiezynski K., Serwatka S., Kobryn H. Szczatiki konia Equus przewalskii f. caballus (Pallas, 1811) w materialach wykopaliskowych z skedniowiloznego crodu w Kaliszu-Zawodzin // Archeologia Polski. 1989. T. 34. Z. 2.
- Vetulani T. Premieres observations sur la regeneration du Tarpan sylvestre europeen das la foret vierge de Bialowieza // Bulletin de l'Academie Polonaise des Sciences et des Letters. Classe des Sciences Mathematiques et Naturelles. Ser. B: Sciences Naturelles (II). Cracovie, 1948.

ФРАГМЕНТАЦИЯ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ПООЧЬЯ)

© 2011 г. А.А. Гомзин

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
(gomzin_a@mail.ru)

Ключевые слова: куфические монеты, подражания, Среднее и Нижнее Поочье, Борковские клады, целые и фрагментированные дирхамы, повреждения, отверстия, граффити.

The article analyzes the fragmented Kufic coins from 9th – early 11th-century hoards and single finds in the Middle and Lower Oka regions. The author identifies the types of damage to the coins and the possible purpose of such damage. Analysis of whole and fragmented coins with various types of damage (apertures, loops, graffiti, etc) allows assuming that some of that damage testifies to the movement of the dirhams along the trading routes inside Eastern Europe, and that the movement was not transit. In addition, the hoards and individual finds allow assuming that in some of the cases the fragmentation of the dirhams was not aimed at obtaining just any part of the coin, but had the purpose to get ½ or 1/3 of the whole coin. The assemblages from the last quarter of the 10th c. also indicate that within the region in question payment in dirhams was accepted both in whole coins and fractions and by weight, depending on the circumstances of the payment.

Одним из источников изучения особенностей и выявления закономерностей обращения куфических монет в Восточной Европе являются различного рода повреждения на них. К повреждениям дирхамов можно относить следующие виды нарушения первоначального облика монетной поверхности или утраты части монетной пластины: потертость, фрагментацию, изготовление отверстий или приклепывание ушек к монетному кружку, нанесение граффити.

Все выделенные виды поврежденных куфических монет отмечались исследователями XIX–XX вв. Уже в период становления и развития куфической нумизматики в России указывалось на значительное число фрагментов исламских монет в восточноевропейских кладах. Они именовались либо просто частями дирхамов, либо, учитывая способ изготовления, обломками, обрезками и обрубками. Считалось, что дирхамы и их части являлись основными участниками древнерусского денежного обращения VIII–XI вв. и соответствовали различным денежным единицам, упоминаемым в письменных источниках. Особо выделялись монеты, обрезанные по кругу, или, как это вошло в не менее частое употребление, в кружок (ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 14. Л. 42об.; Григорьев, 1841. С. IV, 52; 1850. С. 159; Давидович, 1966. С. 113; Савельев, 1849. С. 82, 83; 1855а. С. 420, 421; 1855б. С. 369; Тизенгаузен, 1855. С. 47, 48; Черепнин, 1892а. С. 3–6, 29, 30, 37; 1892б. С. 1, 4, 5; 1900. С. 52–55, 58–62, 71).

В XX в. исследователи пришли к выводу, что в Восточной Европе существовали области, где куфические монеты принимали на счет, для чего их оставляли в нетронутым виде или обрезали по кругу, и регионы, где дирхамы употреблялись на вес, в связи с чем их делили на части. В то же время большая часть куфических монет, поступающих в Восточную Европу, с 970-х годов подвергалась фрагментации. На протяжении второй половины X в. доля частей дирхамов в кладах колеблется от 40 до 60%. Комплексы конца X – начала XI в. уже состоят преимущественно из мелких фрагментов куфических монет. Какого-то постоянства или закономерностей в форме и весовых нормах восточноевропейских частей дирхамов выделить не удалось, за исключением монет, обрезанных по кругу, которые подразделяют на несколько весовых групп и связывают в основном с особенностями денежного обращения в пограничье и южных областях Древней Руси (Гайдуков, Фомин, 1986. С. 104; Давидович, 1966. С. 114–118; Леонтьева и др., 1994. С. 87, 88, 104; Назаренко, 2001. С. 126, 127, 195, 196, 198, 216, 217; Петров, 2000. С. 206, 207; Петров, Калинин, 2000. С. 181, 182; 2004. С. 181, 182, 184, 193, 200, 204, 208–210; Фомин, 1983. С. 77; 1984. С. 133–136, 138; 1996. С. 190; 2002. С. 55, 56; Янин, 1956. С. 74–78, 128–130, 132, 134, 135, 140, 142, 143, 150–152; Янина, 1963. С. 288).

Вместе с тем стоит отметить, что для изучения характера использования дирхама в Восточной

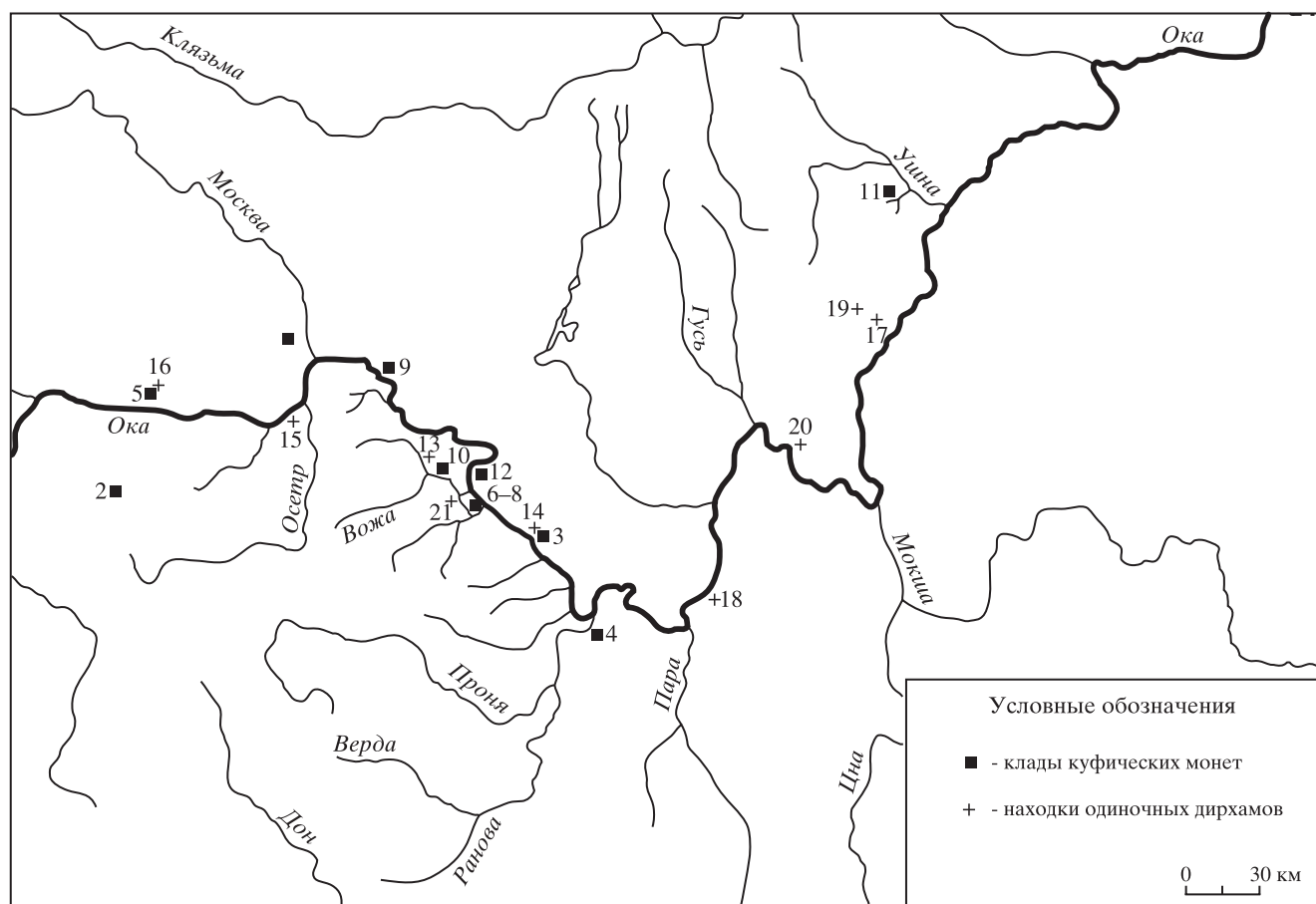

Рис. 1. Карта распределения находок дирхамов, использованных в работе. Клады: 1 – Настасьинский, 2000 г. (младшая монета – 251 г.х.); 2 – Одинцовский, 1968 г. (СИХМ. КП-3969; ЯРХКМ. КП-726 – КП-750; младшая монета – 291 г.х.); 3 – Казарский, 1928 г. (РИАМЗ. КП-3328; младшая монета – 296 г.х.); 4 – Засеченский, 1929 г. (РИАМЗ. КП-5736; младшая монета – 308 г.х.); 5 – Туровский первый, 2000–2001 гг. (младшая монета – 315 г.х.); 6 – Борковский, 1948 г. (РИАМЗ. КП-3398; младшая монета – 365 г.х.); 7 – Борковский, 1951 г. (РИАМЗ. КП-3419; младшая монета – 366 г.х.); 8 – Борковский, 1958 г. (РИАМЗ. КП-6185; младшая монета – 372 г.х.); 9 – Белоомутский, 1839 г. (младшая монета – 366 г.х.); 10 – Сидоровский, 1960 г. (РИАМЗ. КП-7075; младшая монета – 368 г.х.); 11 – Савковский, 1924 г. (МИХМ. М-8424; младшая монета – 386 г.х.); 12 – Коростовский, 1891 г. (младшая монета – начало XI в.). Одиночные находки: 13 – д. Нагорное, 2004 г. (1 экз., 153 г.х.); 14 – городище Казарь, 2008 г. (1 экз., вторая половина VIII в.); 15 – городище Ростиславль, 2007 г. (2 экз., VIII–IX вв.); 16 – поселение у с. Турово, 2000–2001 гг. (6 экз., VIII–X вв.); 17 – Подболотьевский могильник, 1910 г. (МИХМ. М-8412/4–6; 3 экз., IX–X вв.); 18 – Тереховское городище, 1997 г. (фонды ШРКМ; 1 экз., 320–е гг.х.); 19 – Тумовское селище, 2003 г. (МИХМ. М-19499; 1 экз., 365 г.х.); 20 – городище Земляной Струг, 2002 и 2007 гг. (9 экз., X в.); 21 – поселение Фефелов Бор, 1890, 2006–2008 гг. (5 экз., X в.).

Европе разные виды повреждений монет привлекались далеко не в одинаковой мере. Отсюда естественно, что не сложился общепринятый порядок их фиксации, и каждый автор и по сей день сам для себя решает, насколько детально их следует описывать. Данное обстоятельство серьезно препятствует поиску аналогий и сравнительному анализу поврежденных монет с различных территорий, поскольку основная масса исследовательских работ даже сегодня содержит слишком мало необходимой информации.

Автором настоящей работы фиксировалась сохранность дирхамов 15 кладов IX – начала XI в. и 57 одиночных монет VIII–X вв. из бассейна Средней и Нижней Оки для выявления разных поврежде-

ний. Кроме того, были привлечены экземпляры еще двух кладов (Григорьев, 1841; Фомин, 2004. С. 130, 131) и несколько одиночных дирхамов, известных по фотографиям и протиркам в литературе и архивных документах. Объем полученных данных весьма значителен, поэтому здесь представлена только их часть, касающаяся фрагментированных монет (рис. 1).

Следует отметить, что ряд выдвинутых на сегодняшний день положений относительно фрагментации дирхамов находит лишь частичное подтверждение в конкретных материалах. Необходимо указать, что определение способа изготовления частей куфических монет в большинстве случаев проводилось чисто визуально и эмпирически, по-

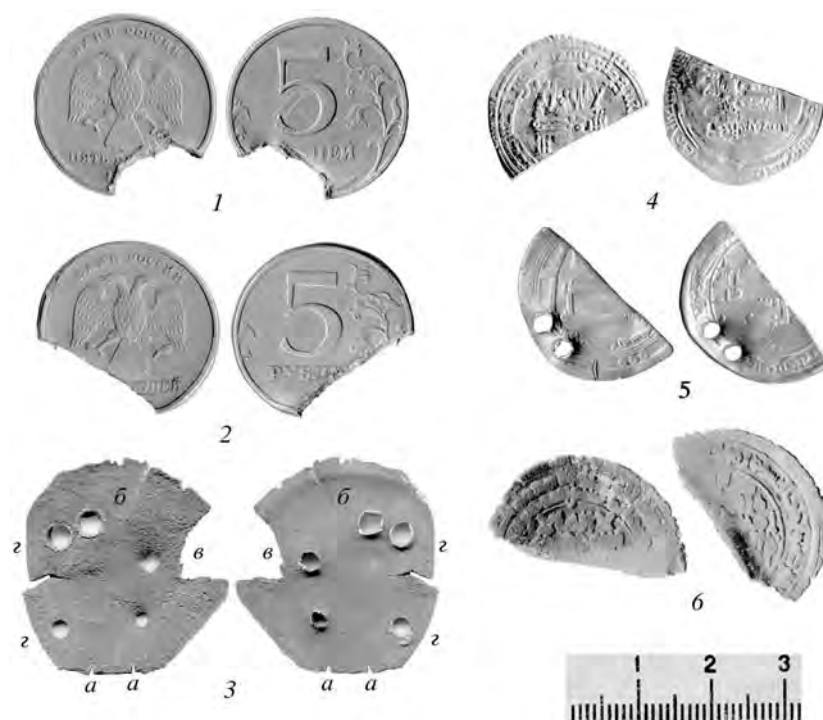

Рис. 2. Моделирование фрагментации монет и поврежденные дирхамы: 1, 2 – 5 рублей 1997 г.; 3 – шаблон, изготовленный по результатам исследования повреждений дирхамов (*а* – надрезы края ножом; *б* – надрез с края ножницами вглубь примерно на 1/3 диаметра пластины; *в* – вылом фрагмента с помощью предварительного нанесения с края двух надрубов зубилом; *г* – обрезка края ножницами); 4 – Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, 280-е гг.х. (сохранившийся край обрезан ножницами); 5 – Аббасиды, ал-Махди, ал-Мухаммадийя; 6 – Бувайхиды или Зийариды, 350–360-е гг.х.

этому прежде чем рассматривать эти повреждения на дирхамах в Среднем и Нижнем Поочье, нужно определиться с их признаками и возможным предназначением.

Значительное число дирхамов, как правило, X в. имеет так называемые рваные края в виде утраты небольших секторов иногда с маленькими центростремительными трещинками. Часть этих повреждений, конечно, могла появиться в процессе чеканки из-за изменений в составе металла, однако основная масса была нанесена позднее. Судя по форме и деформации краев, они определяются как надрубы и надрезы (рис. 2, 3; 3, 2; 4, 2, 13; 5, 1, 8; 6, 5). Соответственно следует предполагать их изготовление с помощью зубила, ножа или ножниц. Нож, пожалуй, одна из наиболее массовых металлических находок на средневековых поселениях Восточной Европы IX–XI вв. (Завьялов и др., 2007. С. 18; Терехова и др., 1997. С. 266). Зубила для холодной рубки и ножницы по металлу с синхронных археологических памятников также известны (Колчин, 1951. С. 67, 68; 1953. С. 18, 63, 64, 127; Терехова и др., 1997. С. 186).

Часть надрубов и надрезы наносились перпендикулярно ребру монеты, при этом следы зажима для

обездвиживания дирхамов не обнаружены, видимо, их придерживали рукой, помещали на плоскую поверхность с упором и свободным доступом орудия к гурту или в какой-нибудь футляр пакетного типа с тем же условием. В древнерусских материалах считается вероятным применение деревянных зажимов (Колчин, 1953. С. 69). Остальные надрубы имеют неодинаковые размеры с разных сторон монеты. Судя по всему, это указывает на несколько иную технологию, когда нож или зубило оказывались под углом к поверхности лежащего дирхама и задевали его не всей рабочей частью.

Следует, очевидно, отказаться от трактовки надрубов и надрезов как проб металла, поскольку по ним практически невозможно даже рассмотреть внутреннюю структуру монеты. Только очень немногие из указанных повреждений могут быть связаны с этой функцией. Для всех остальных реальным оказывается другое предназначение: они помогают лучше преодолевать сопротивление плотных приповерхностных слоев дирхама при фрагментации, уменьшают степень деформации монетной пластины и дают возможность в какой-то мере контролировать форму и размер отделяемой части.

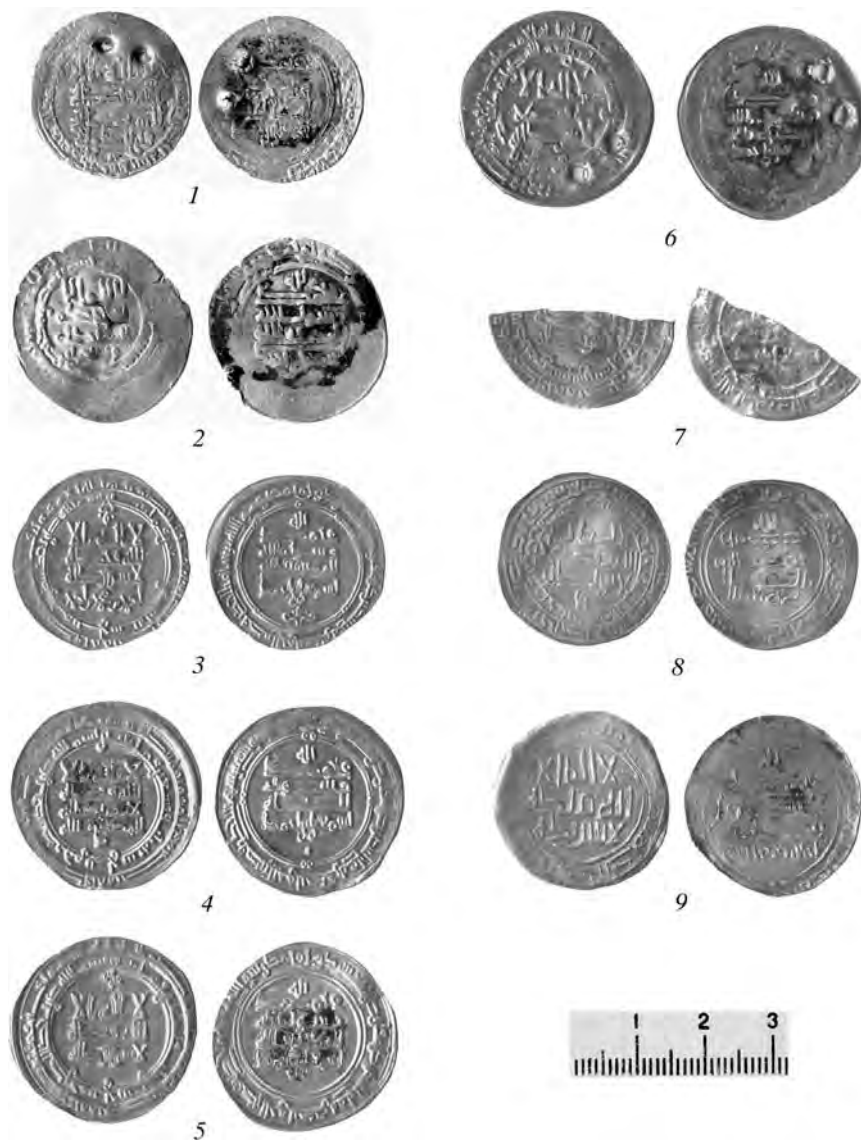

Рис. 3. Дирхамы Казарского клада 1928 г.: 1, 2 – Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, Андараба, 291 г.х. (903/904 г.); 3 – Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, Балх, 292 г.х. (904/905 г.); 4, 5 – Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, Балх, 293 г.х. (905/906 г.); 6 – Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, Самарканд, 291 г.х. (903/904 г.); 7 – Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, аш-Шаш, 294 г.х. (906/907 г.); 8, 9 – подражания куфическим монетам.

Для подтверждения изложенного технология была опробована на металлических пластинках и пятирублевых монетах образца 1997 г. Экземпляры, надрубленные в двух местах зубилом, позволили затем с помощью пассатижей (в принципе, это могут быть любые пинцетовидные или клещевидные инструменты) достаточно быстро отделить фрагмент трапециевидной формы (рис. 2, 1). Более того, осмотр дирхамов показал, что при большой глубине рассматриваемых повреждений, особенно если от них к центру пошли трещины, фрагмент можно отломить рукой. Тем же инструментом без надрубов отделяемую часть монеты пришлось откачивать, в результате чего край оставшейся монет-

ной пластины характерно изогнулся (рис. 2, 2). Иллюстрации всех этих особенностей фрагментации присутствуют на куфических монетах, например на экземплярах Борковского 1948 г. и Сидоровского 1960 г. кладов (рис. 4, 8, 10; 5, 4).

При получении фрагментов дирхамов рубка зубилом также использовалась, оставляя прямую линию отруба и скошенный край в поперечном сечении монеты, но, судя по всему, в бассейне Оки это происходило довольно редко (Гомзин, 2004. С. 162, 164. № 1) (рис. 2, 6).

Подрезка части или всего периметра, а также фрагментация резкой в поперечном сечении монетной

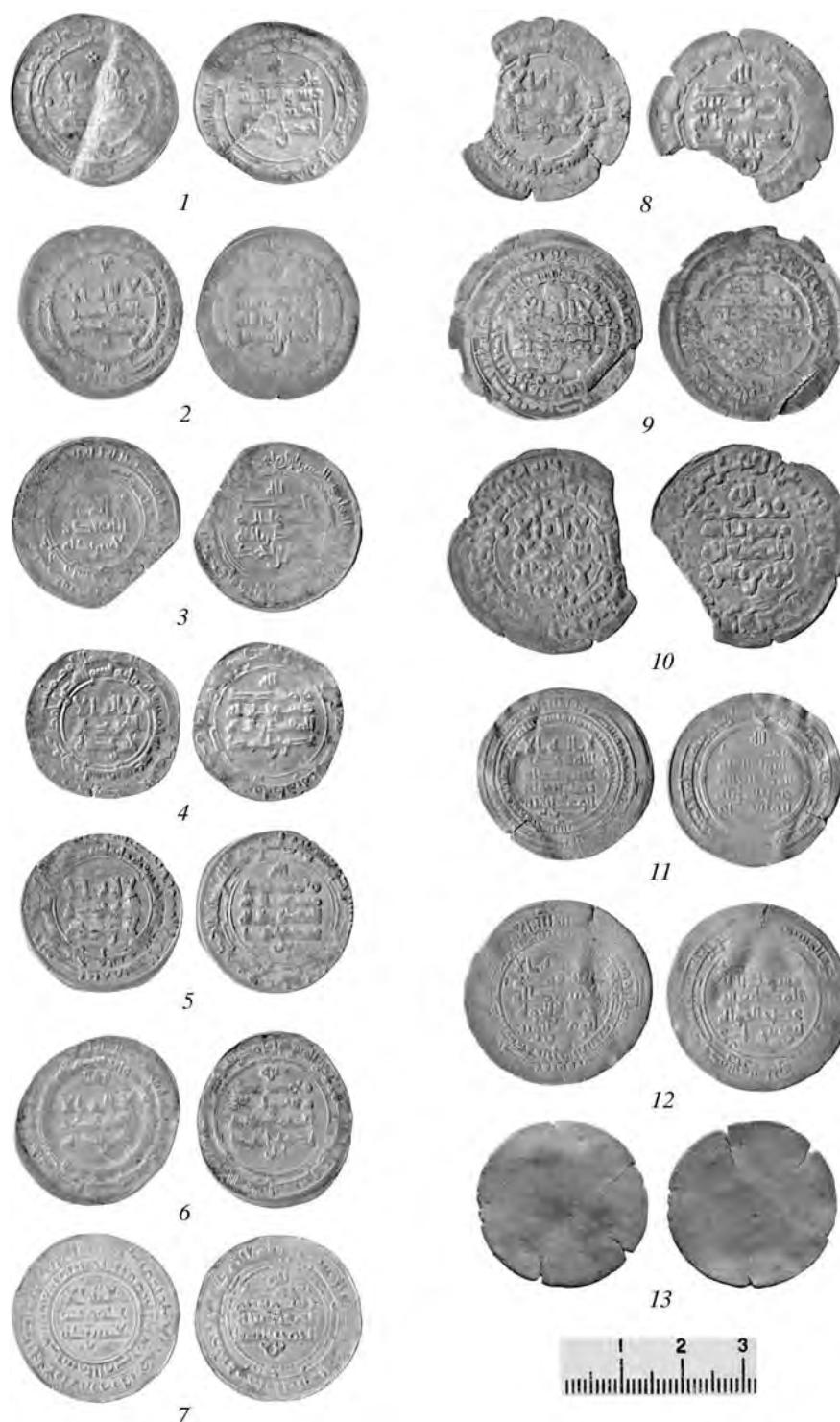

Рис. 4. Дирхамы Засеченского 1929 г. (1–7) и Сидоровского 1960 г. (8–13) кладов: 1 – Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, аш-Шаш, 300 г.х. (912/913 г.); 2 – Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, аш-Шаш, 301 г.х. (913/914 г.); 3 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 303 г.х. (915/916 г.); 4, 5 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 305 г.х. (917/918 г.); 6 – Саманиды, Наср б. Ахмад, аш-Шаш, 30х г.х.; 7 – подражание дирхаму Ахмада б. Исма‘ила; 8 – Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Самарканд, 348 г.х. (959/960 г.); 9 – Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, Балх, 349 г.х. (960/961 г.); 10 – Саманиды, Нух б. Мансур, аш-Шаш, 368 г.х. (978/979 г.); 11 – Бувайхиды, ‘Адуд ад-даула Абу Шуджа’ и Рукн ад-даула Абу ‘Али, Арраджан, 348 г.х. (959/960 г.); 12 – Бувайхиды, ‘Адуд ад-даула Абу Шуджа’ и Рукн ад-даула Абу ‘Али, Арраджан, 351 г.х. (962/963 г.); 13 – “слепой” дирхам.

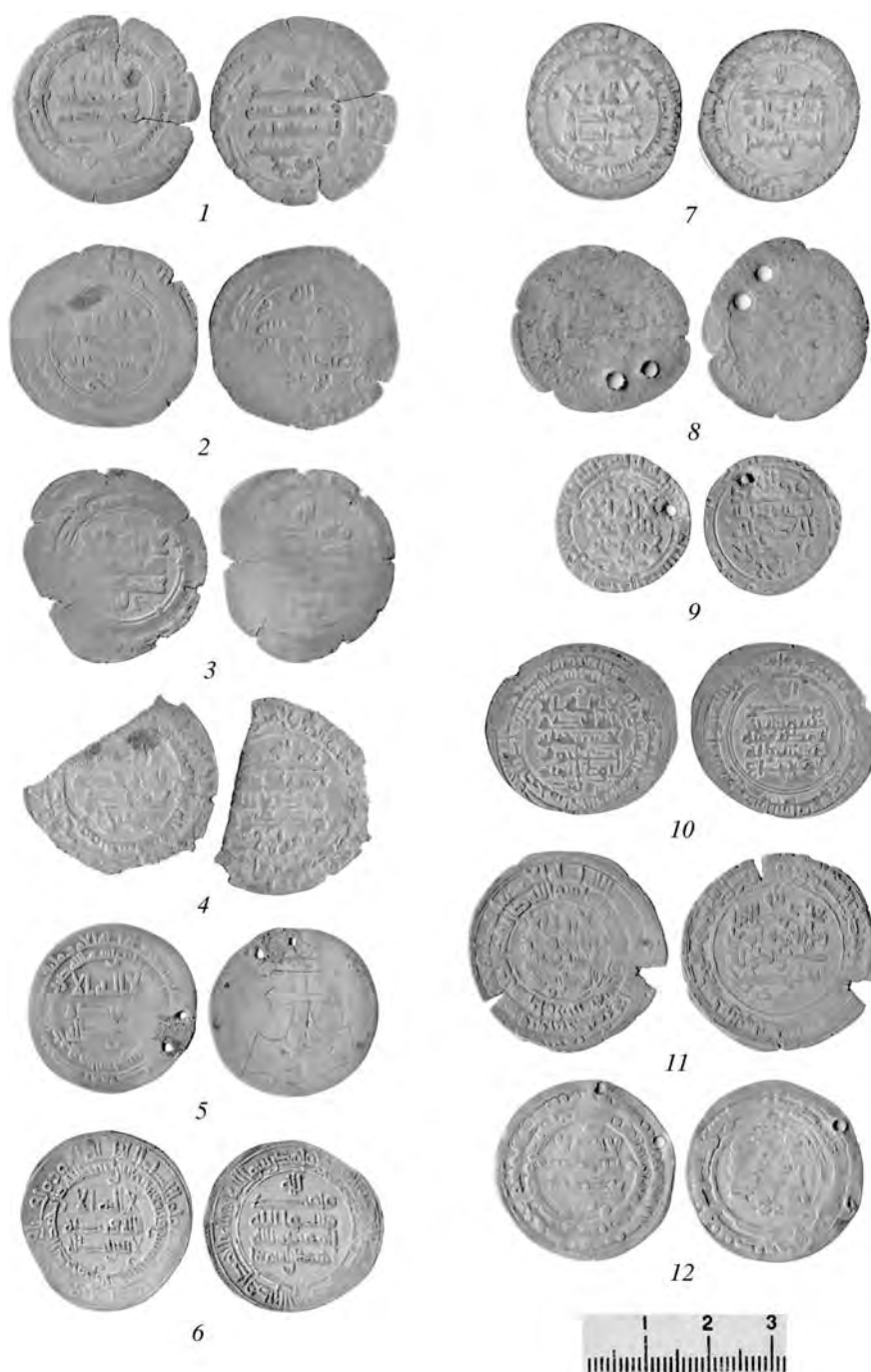

Рис. 5. Дирхамы Борковского 1948 г. (1–4) и Борковского 1958 г. (5–12) кладов: 1 – Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, аш-Шаш, 346 г.х. (957/958 г.); 2 – Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, аш-Шаш, 346 (?) г.х. (957/958 г.); 3 – Саманиды, ‘Абд ал-Малик б. Нух, аш-Шаш, 348 г.х. (959/960 г.); 4 – Саманиды, Мансур б. Нух, аш-Шаш, 364 г.х. (974/975 г.); 5 – Саманиды, Исма‘ил б. Ахмад, аш-Шаш, 28х г.х.; 6 – Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, аш-Шаш, 297 г.х. (909/910 г.); 7 – Саманиды, Ахмад б. Исма‘ил, аш-Шаш, 301 г.х. (913/914 г.); 8 – Саманиды, Нух б. Наср, Самарканд, 334 г.х. (945/946 г.); 9 – Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд, 365 г.х. (975/976 г.); 10 – Бувайхиды, ‘Адуд ад-даула Абу Шуджа’ и Рукн ад-даула Абу ‘Али, Арраджан, 358 г.х. (968/969 г.); 11 – Зийариды, Загир ад-даула Абу Мансур Вушмагир, Амул, 361 г.х. (971/972 г.); 12 – подражание дирхаму Насра б. Ахмада, 308 или 316 г.х.

пластины оставляют довольно ровный след, порой с закраинами и небольшой деформацией, что зависит от толщины пластины и состава металла. Чем производилась такая операция, во всех случаях установить затруднительно. В Сидоровском кладе

оказался один дирхам, надрезанный ножницами (рис. 4, 9). Судя по всему, ножницами же были изготовлены пластины для чеканки некоторых подражаний в Казарском, Засеченском и Борковском 1951 г.кладах.

Резка ножницами подлинных дирхамов и металлических пластинок показала, что это действие требует некоторых усилий по контролю направления повреждения, особенно на участках чередования гладкой поверхности и надписей. Данное обстоятельство свидетельствует против предположения о применении шаблонов при обрезке куфических монет по кругу, слишком разные при этом могут получиться фрагменты (Петров, Калинин, 2004. С. 207). Например, при обрезке внешней круговой легенды л.с. дирхама наполовину в результате оказались участки, где надписи не пострадали совершенно или, наоборот, были полностью срезаны (рис. 2, 4).

Чем конкретно производились различной конфигурации обломы дирхамов, установить пока невозможно, ясно только, что это могли быть инструменты “зажимного” действия (клещи, пинцеты и т.п.), способные зафиксировать отделяемую часть монетной пластины. В поперечном сечении от рассматриваемой операции остается неровная внутренняя структура монеты с выступами и углублениями.

Разновидность обламывания – откачивание – заключается в неоднократном сгибании и разгибании пластины и имеет в месте повреждения характерно изогнутый край, иногда с параллельными линиями отделения трещинами. Оно хорошо идентифицируется и неоднократно фиксируется на дирхамах в бассейне Оки. Если монета или ее фрагмент не слишком толстые и обладают достаточной площадью для захвата пальцами, то откачивание можно провести руками. Как показало моделирование, это вполне реально сделать с качественными саманидскими дирхамами Исма‘ила б. Ахмада – Ахмада б. Исма‘ила. При фрагментации целых экземпляров, край которых обладает повышенной сопротивляемостью, монету следует упереть в твердую поверхность или, как указывалось выше, сделать на ней надруб/надрезы. В остальных случаях придется воспользоваться инструментами для обездвиживания монетной пластины.

В материалах Поочья каких-либо закономерностей в предпочтении фрагментации именно потертых дирхамов выявить не удалось. Стоит только отметить присутствие в Борковских кладах 1951 и 1958 гг. по одному специально затертому саманидскому дирхаму, что, видимо, связано с нанесением на них отверстий (рис. 5, 5; 6, 3).

Для характеристики разных видов фрагментации были тщательно осмотрены дирхамы девяти кладов (см. Приложение). Среди проанализированных материалов совершенно не встретились обрубки или фрагменты, полученные рубкой и ломкой. Хотя в Поочье они присутствуют, возможно, в незначительных количествах.

Ранее уже отмечалось, что наличие надрубов или надрезов на краях целых дирхамов помогает эффективнее отделять от них фрагменты. Любопытно, что в кладах начала X в. количество экземпляров с такими повреждениями не превышает 17.14%. Надрубы или надрезы на них, как правило, невелики по своим размерам и зафиксированы на целых дирхамах.

В то же время в комплексах последней четверти X в. число монет с указанными повреждениями существенно возрастает от 21.31 до 81.25%, и это уже не только целые дирхамы, но и их фрагменты. Стоит отметить одиночные надрубы на четырех целых экземплярах. Один из них происходит из Борковского клада 1948 г., два – из Борковского 1951 г., один – из Борковского 1958 г. (рис. 5, 2, 11, у последнего отделен еще небольшой фрагмент; 6, 8). Это хорошо заметные повреждения в виде широких секторов длиной 3–5 мм. Не исключено, что нанесены они были не для облегчения фрагментации, а для проверки качества металла.

Возможно, с той же функцией следует связывать и другой вид повреждений дирхамов, представленный в семи кладах в нескольких вариациях, из которых доминирует прямой срез края с надрубом или надрезом, как правило, по центру среза (Приложение). Такие срезы позволяют неплохо видеть внутреннюю структуру монетной пластины на разных ее участках. Встречены они, за единственным исключением, на целых экземплярах или дирхамах в форме овала и иногда сочетаются лишь с надрубками или надрезами края (рис. 3, 4; 4, 3; 5, 3, 6; 6, 7). Конкретно время и место появления указанных повреждений установить пока не удалось. Лишь на одном дирхаме Борковского клада 1951 г. четко видно, что срез появился после отчеканивания монеты, так как закраины от него со стороны гурта выступают над рельефом букв (рис. 6, 7).

Цель выламывания маленьких кусочков с края в одном или нескольких местах у целых дирхамов пока не совсем ясна, как и вырезка подобных фрагментов, хотя число указанных повреждений в кладах к концу X в. возрастает (Приложение).

Веских доказательств в пользу применения обрезки части периметра дирхамов под какую-нибудь восточноевропейскую весовую норму, как это обычно практикуется, подобрать не удалось, равно как и в отношении удаления частей пластины, не попавших под штемпель для получения излишков металла (порча монеты), что вполне может оказаться более вероятным, но трудно доказуемым. В то же время наблюдения над поврежденными дирхамами позволяют выделить и другие целевые установки рассматриваемой операции.

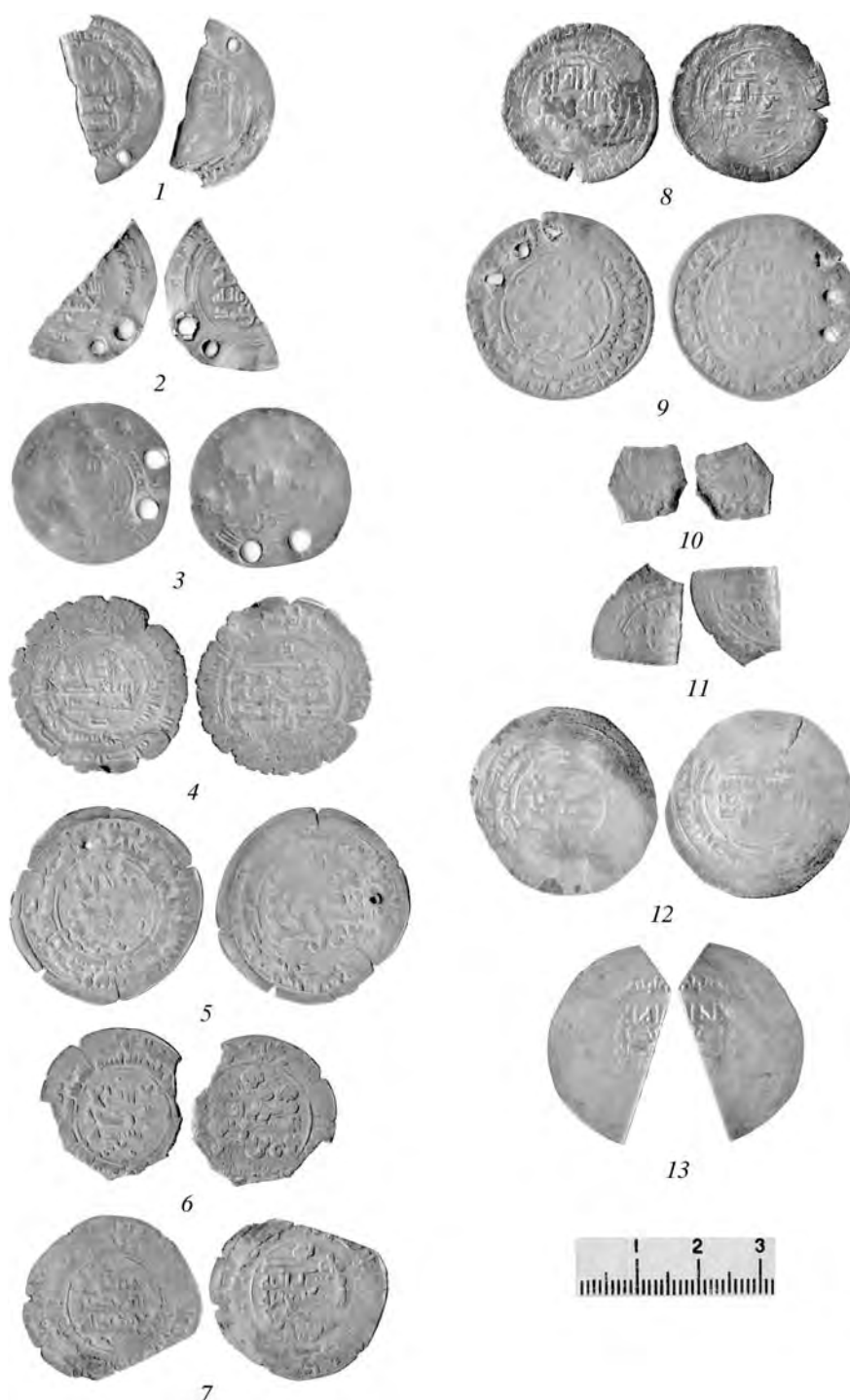

Рис. 6. Дирхамы Борковского клада 1951 г.: 1 – Саманиды, Исма‘ил б. Ахмад, Андараба, 293 г.х. (905/906 г.); 2 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 303 г.х. (915/916 г.); 3 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 310 г.х. (922/923 г.); 4 – Саманиды, Наср б. Ахмад, Самарканд, 321 г.х. (933 г.); 5 – Саманиды, Нух б. Наср, Самарканд, 339 г.х. (950/951 г.); 6 – Саманиды, Нух б. Наср, Самарканд, год чеканки не установлен; 7 – Саманиды, Мансур б. Нух, Самарканд, 354 г.х. (965 г.); 8 – Саманиды, Мансур б. Нух, Амул, 356 (?) г.х. (966/967 г.); 9 – Саманиды, Мансур б. Нух, аш-Шаш, 359 г.х. (969/970 г.); 10, 11 – Саманиды, Мансур б. Нух, место и год чеканки не установлены; 12 – подражание дирхаму Насра б. Ахмада; 13 – подражание куфической монете.

В Казарском кладе оказались две монеты, у которых от подрезки части периметра пострадали круговые легенды, но при этом полностью сохранились участки пластины, не затронутые штемпелем. Их обмер показал, что им, судя по всему, пытались придать более правильную, близкую к круглой форму (26.75×26 мм и 27.5×27.25) (рис. 3, 3, 5).

В Засеченском комплексе присутствуют три саманидских дирхама, получившие подрезку края еще до чеканки. Со стороны гурта у них виден рельеф букв, выступающих над монетной пластиной, а часть уцелевших закраин от обрезки деформирована штемпелем и загнулась обратно на гурт (рис. 4, 4, 5). Отсюда можно предполагать, что подрезка была сделана на стадии монетного кружка в стране-эмитенте. Пока, впрочем, неясно, следует воспринимать эту операцию как юстировку или ее провели с иными целями.

На дирхамах в форме овала остаточных следов обрезки не удалось зафиксировать совершенно, хотя число таких монет весьма существенно (рис. 4, 6; 5, 7, 10). Все они, за исключением одного, происходят из Борковского клада 1958 г. Цель нанесения указанных повреждений пока не установлена, возможно, что здесь мы как раз и имеем дело с порчей монеты.

В отношении обрезанных по кругу дирхамов следует, очевидно, отказаться от однозначных трактовок этого явления как подгонки под определенную весовую норму или выделения неких стандартов для упрощения торговых операций при мелких штучных расчетах. В материалах Поочья явственные подтверждения данных гипотез не обнаруживаются, что, правда, окончательно их и не опровергает.

Например, среди обрезанных по кругу монет Коростовского клада 1891 г., неизменно попадающих в сводки исследовательских работ по этому вопросу, присутствуют и экземпляры, разрезанные пополам, т.е. потерявшие свою округлую форму, но данное обстоятельство не было принято во внимание, возможно, не укладываясь в рамки выдвинутых предположений. Объяснения ему, кроме самого общего о сложных взаимоотношениях систем принятия дирхамов по счету и на вес, в литературе не найти (ГАРО. Ф. 869. Оп. 1. Д. 540. Л. 22; Петров, 2000. С. 207; Фомин, 1984. С. 136, 138; Черепнин, 1892б. С. 5. Табл. I).

Помимо монет Коростовского клада из находок XIX в. в Поочье известен одиночный обрезанный по кругу дирхам Насра б. Ахмада, обнаруженный в 1890 г. в с. Канищево (поселение Фефелов Бор) (РГОМ. Инвентарная карточка подотдела II-9.

№1378; Гомзин, 2002. С. 227; Городцов, 1905. С. 579; Черепнин, 1892а. С. 3). К сожалению, местонахождение означенных экземпляров в настоящее время не выяснено, поэтому говорить об особенностях их обрезки не приходится.

Из находок XX в. к обрезанным по кругу или кажущимся таковыми дирхамам в бассейне Оки относятся монеты Борковского 1958 г., Засеченского, Казарского, Савковского 1924 г. и Туровского первого кладов.

Монеты клада из с. Засечье, как и находки XIX в., в основном не сохранились, поэтому сказать что-либо определенное о них невозможно. Во всяком случае дошедшие до нас два самаркандские дирхама 305 г.х., которые могли быть приняты за обрезанные по кругу, на самом деле имеют только частично подрезанный край (рис. 4, 4, 5).

Видимых следов обрезки на дирхаме и подражании соответственно из Казарского и Туровского первого комплексов обнаружить не удалось, поэтому приходится пока с равной вероятностью считать, что они или были повреждены таким образом или отчеканены на кружках меньшего размера (рис. 3, 1).

В Савковском кладе 1924 г. содержится аббасидская или саффаридская монета (из-за потертости династическую принадлежность точно не установить) 294 (?) г.х., которую можно было бы считать обрезанной по кругу, так как на пластине уместились только надписи поля и небольшая часть внутренней круговой легенды л.с. с обозначением года чеканки. Однако этот экземпляр несколько толще обычного дирхама, не имеет следов обрезки, а гурт его округлый, бочкообразного профиля с трещинками и пятью надрубками. Очевидно, данную монету следует считать фракцией дирхама, возможно, его половиной. Дробные единицы основного серебряного номинала, известные для стран мусульманского мира VIII–XI вв., отмечаются исследователями и упоминаются в письменных источниках (см., например: Давидович, 1966. С. 111, 113, 118; Кочнев, Настич, 2002. С. 69–71; ал-Мас'уди, 2002. С. 132; Розен, 1904. С. 56; Врооме, 1985. Р. 28, 47, 54, 55, 64–66). Так что вероятность попадания фракций дирхама в Восточную Европу вполне возможна. Кроме того, в этом же кладе находится дирхам (Саманиды, Наср б. Ахмад, Андараба, 303 г.х.) весом 1.89 г, обрезанный по периметру, слегка задевая внешнюю круговую легенду л.с.

В Борковском кладе 1958 г. есть дирхам с отверстием весом 1.46 г с надписями поля и внутренней круговой легендой л.с. (рис. 5, 9). На его л.с. никаких следов обрезки обнаружить не удалось, кроме незна-

чительной скошенности концов некоторых букв у края монеты. На о.с. они также не сохранились, за исключением небольших заусенцев с края рядом с отверстием, где они уцелели из-за деформации пластины при пробивке. Данное обстоятельство наводит на мысль, что обрезка монеты и изготовление отверстия могут быть непосредственно связаны и следуют друг за другом. Факт подгонки дирхамов под определенную форму и нанесение им при превращении в привеску каких-либо физических повреждений подтверждается и другими наблюдениями.

Например, в том же кладе имеется саманидская монета с разметкой, двумя отверстиями и предметным граффити, нанесенными в порядке их упоминания. Перед изготовлением отверстий о.с. дирхама была практически полностью затерта, что подтверждается варьирующейся глубиной черты разметки, которая оказывается больше в местах меньшей затертости и наоборот (рис. 5, 5).

В Казарском кладе 1928 г. одному из дирхамов подрезкой с двух противоположных сторон придали подчетыреугольную форму (рис. 3, 6). Из другой пары противостоящих сторон одна имеет широкую закраину, не затронутую штемпелем, у которой и помещены два отверстия. Вторая монета (Саманиды, Исма'ил б. Ахмад, аш-Шаш, 289 г.х.) подрезкой получила остrokонечный край, где расположены два отверстия.

Следует отметить, что в Поочье фактически неизвестны подражания куфическим монетам, обрезанные по кругу. В Туровском первом комплексе, состоявшем из пяти саманидских дирхамов и 26 имитаций, только один экземпляр так обрезан, все остальные просто имеют по одной круговой легенде на л.с. (Гомзин, 2006. С. 267; Селезнев, Осипов, 2002. С. 194, 195).

Еще по одному подражанию с одной круговой легендой на л.с. происходит из Казарского и Борковского 1951 г. кладов (рис. 3, 9; 6, 13). Монетная пластина первого экземпляра несет на себе четкие следы обрезки по кругу, возможно, ножницами в виде загнутых краев с л.с. и заусенцев с о.с., у второго (фрагмент примерно в половину целой монеты) сохранились лишь небольшие закраины. Обе монеты по размеру вполне сопоставимы, как и имитации Туровского первого комплекса, с обычными дирхамами (диаметр 26.1 мм; 32.5×? мм). Ситуацию проясняют подражания этих же комплексов с такими же следами и имитации Засеченского клада (см., например, рис. 3, 8; 4, 7; 6, 12). Эти 10 экземпляров, хоть и имеют по две круговых легенды на л.с., т.е. ближе копируют оригинальные куфические монеты и не отличаются от них по размерам, но также обнаруживают заметные следы круговой обрезки, а

в нескольких случаях подражания даже получили форму многоугольника. Объяснение этому очевидно: часть заготовок для чеканки имитаций дирхамов получалась вырезкой, видимо, ножницами.

Помимо всего прочего, не следует исключать и случайного появления дирхамов, обрезанных под форму кружка или многоугольника. В Борковском кладе 1951 г. находится экземпляр, с нижней половины которого разновременно были отделены три фрагмента, причем ориентиром их нижней границы служили внутренняя круговая легенда л.с. и отделявший ее от поля ободок (рис. 6, 6). Если бы процесс фрагментации продолжился дальше, то оставшаяся центральная часть дирхама в конечном итоге получила бы форму многоугольника (рис. 6, 10).

Необходимо отметить, что операция резки в разных своих проявлениях оказалась наиболее употребляемой по сравнению с другими способами фрагментации куфических монет. Например, в Борковском кладе 1951 г., где количество частей дирхамов значительно превышает целые экземпляры, насчитывается 44 обрезка, еще на 86 фрагментах резка применена в комбинации с другими видами повреждений, что в совокупности представляет 61.61% состава всего комплекса (Приложение).

Реже применявшимся, но ничуть не хуже идентифицируемым является откачивание частей дирхамов. В материалах Поочья оно встречено в нескольких вариантах. Во-первых, незавершенное, собственно, поэтому его и удалось выделить, откачивание небольших фрагментов с края монеты. Разное по интенсивности сопротивление плотных приповерхностных слоев и близлежащих участков при нем приводило к деформации монетной пластины и, видимо, препятствовало получению необходимого фрагмента. К незавершенному откачиванию отнесены и повреждения в виде линии сгиба на дирхамах. В этом случае половину или меньшую часть монеты один или несколько раз сгибали, но затем по каким-то причинам останавливали отделение и оставляли дирхам целым (рис. 4, 1, 11, 12; 6, 4). Не исключено, что сгибание монет здесь связано с попыткой проверить качество их металла, основываясь на свойстве пластичности серебра, однако подобрать этому убедительные доказательства пока не удалось.

Во-вторых, характерно деформированная при откачивании часть пластины выделена на небольших фрагментах куфических монет, сохранивших только один или вовсе не имеющих краев от целого экземпляра. Здесь эту операцию применяли либо из-за незначительной площади отделяемого участка, который было неудобно, скажем, отрезать, либо ее использовали для получения части в 1/2 или 1/3

дирхама, а затем следы от нее пострадали от дальнейших повреждений (рис. 6, 10, 11).

Отделение половины или трети монеты с помощью откачивания опознается достаточно уверенно и оказывается весьма рациональной операцией. В этих случаях оно, как правило, сочетается с резкой (рис. 3, 7; 6, 1, 2). Сначала дирхам с одной или двух сторон прорезается по прямой до границы монетного поля или легенд на нем, а оставшийся участок затем откачивается (Приложение).

Необходимо отметить, что на половинке дирхама из Борковского клада 1951 г. прорезка прошла через середину одного из отверстий (рис. 6, 1). Из бассейна Оки известна еще одна обрезанная половинка дирхама с отверстиями и граффити, расположенным в поле центрированно по отношению к легендам, что указывает на резку как на последнюю операцию в череде повреждений (рис. 2, 5). Как отмечено нами ранее, часть наборов отверстий по своему происхождению может быть связана с Нижним Поочьем и прилегающими землями Поволжья (Вячин, Гомзин, 2008. С. 35, 36). Учитывая это, следует полагать, что, по крайней мере, какая-то доля “правильно” разделенных дирхамов также появилась в Восточной Европе и, в частности, в Поочье. Кроме того, присутствие таких характерных фрагментов монет в совокупности с половинками и третями, полученными только обрезкой, в кладах Среднего и Нижнего Поочья позволяет считать, что в бассейне Оки такое деление могло иметь своей целью получение не весового довеска, а именно 1/2 или 1/3 части целого дирхама.

В принципе, если обратить внимание на содержание фрагментов куфических монет в кладах последней четверти X в., которых больше, по сравнению с комплексами других периодов, в настоящее время доступно для визуального изучения, то можно прийти к заключению, что в исследуемом регионе в указанное время дирхамы принимались комбинированно: как поштучно и фракциями, так и на вес, видимо, в зависимости от условий проводимых платежей. Из шести кладов этого периода в четырех (Борковских 1948 и 1958 гг., Сидоровском, Савковском) доля целых экземпляров не составляет меньше 90%. В Белоомутском 1839 г. комплексе целые и фрагментированные монеты примерно равны, а в Борковском 1951 г. части дирхамов преобладают. Такая картина существенно отличается от реконструируемой в целом для Восточной Европы, где доля фрагментов в 950–990-х годах составляет 40–60%, а в дальнейшем увеличивается до 70–90%.

Еще одна из проблем, которую стоило бы затронуть, – восприятие факта наличия отверстий поводом для дальнейшей фрагментации монеты. В

рассмотренной автором настоящей работы выборке 71 дирхам может быть интерпретирован как целый и только 12 – в качестве фрагментов. Выше уже отмечалось, что по соотношениям целых и фрагментированных дирхамов в рассматриваемом регионе встречаются все три условных вида кладов. Даже в комплексах, где фрагменты преобладают над целыми монетами, примером которых является Борковский клад 1951 г., целые дирхамы с отверстиями по численности превосходят фрагментированные: 12 и 8 соответственно. Исходя из этого можно полагать, что наличие отверстий не было поводом к фрагментации.

В то же время наличие отверстий порой было нежелательным. Так, некоторые дирхамы Казарского и Борковских 1951 и 1958 гг. кладов несут на себе явные попытки частично забить их закраины обратно в места повреждения (рис. 3, 1; 5, 12; 6, 9).

Сделанные наблюдения и выводы по фрагментации дирхамов в Среднем и Нижнем Поочье в большей степени касаются монет конца IX – X в., поскольку основная масса кладов IX в. была обнаружена еще в XIX столетии и не сохранилась.

Работа с монетным материалом из бассейна Оки на основании характерных признаков позволила выделить части дирхамов, изготовленные резкой, рубкой и ломкой, и подобрать для некоторых повреждений возможные варианты предназначения. Наиболее употребляемой, по сравнению с другими способами деления куфических монет, оказалась операция резки в разных проявлениях и в комбинации с другими видами повреждений.

Присутствие неоднократно поврежденных фрагментов монет в совокупности с обрезками в половину и треть в кладах Среднего и Нижнего Поочья позволяет считать, что в бассейне Оки такое деление могло быть направлено на получение не весового довеска, а именно 1/2 или 1/3 части целого дирхама. В дальнейшем, если окажется реальным приурочить те или иные виды повреждений к конкретным территориям, можно будет детальнее проследивать экономические и торговые связи между отдельными регионами.

Состав кладов Поочья последней четверти X в. также неполностью соответствует закономерностям, выделенным для подобных комплексов. Часть этих кладов относится к группе со значительным преобладанием целых дирхамов над фрагментами. Учитывая наличие в регионе и других видов комплексов: с примерно равным содержанием целых монет и их частей и доминированием последних, – можно полагать, что в бассейне Оки в указанное время дирхамы, в зависимости от условий платежей, принимались как поштучно и фракциями, так и на вес.

Приложение. Повреждения, связанные с фрагментацией дирхамов, вкладах Среднего и Нижнего Поочья

Повреждения	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX
Надрубы, надрезы края	—	2	4	5+1 ¹	11+2 ¹	30+1 ³ +9 ⁴ +14 ⁵ +7 ⁶ +4 ⁷ +1 ⁸ +1 ¹⁰ +1 ¹¹ +2 ¹⁵	11+3 ¹ +3 ² +1 ³ +2 ⁴	61+6 ¹ +6 ² +1 ⁴ +1 ⁵ +1 ⁶	23+1 ¹ +1 ⁴ +1 ⁵
Ломка края	1+1 ^{2*}	—	1	—	—	1	3+3 ²	6 ²	16+2 ² +1 ⁴
Подрезка края	1 ²	4	12	7+1 ¹	—	2	3+2 ⁴	13+1 ⁴	3+2 ² +1 ⁵
Прямой срез края	—	—	1	1	—	1 ¹¹	1	1	—
Два прямых среза края	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Прямой срез края с надрубом или надрезом	—	—	—	2	2 ¹	4 ⁷	—	1+6 ¹	1+1 ¹
Прямой срез края с двумя надрубками или надрезами	—	—	—	—	—	1 ¹⁰	—	1	—
Два прямых среза края с надрубками или надрезами	—	—	—	—	—	1 ⁸	—	—	—
Обрезки	1	3	—	—	—	44+9 ⁴ +12 ⁹ +1 ¹²	—	—	1
Обломки	2	—	—	—	—	4+7 ⁶ +1 ¹¹ +1 ¹³	1+3 ¹	—	2+1 ³
Незавершенное откачивание	—	2	—	2	—	1 ³	2+1 ³	1	4
Откачивание	1 ¹	—	—	—	—	3+2 ⁵ +12 ⁹ +1 ¹³ +1 ¹⁴	—	1+1 ⁶	1 ³
Один надрез и откачивание	1	—	—	—	—	8+1 ¹² +2 ¹⁵	—	—	—
Два надреза и откачивание	—	—	1	—	1	4	—	—	1
Обрезки-обломки	5+1 ¹	3	—	—	—	34+13 ⁵ +1 ¹⁴	—	1+1 ⁵	—
Обрезки-обрубки	—	—	—	—	—	1	—	—	—

I – Настасьинский клад 2000 г.; II – Одинцовский клад 1968 г.; III – Казарский клад 1928 г.; IV – Засеченский клад 1929 г.; V – Борковский клад 1948 г.; VI – Борковский клад 1951 г.; VII – Сидоровский клад 1960 г.; VIII – Борковский клад 1958 г.; IX – Савковский клад 1924 г.

* В каждом столбце одинаковое число верхнего индекса означает присутствие на одной и той же монете разных видов повреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вячин А.А., Гомзин А.А. Куфические монеты из погребений Крюковско-Кужновского могильника (раскопки П.П. Иванова 1933–1936 гг.) // Тр. Рязанского исторического общества. Вып. V. Рязань, 2008.
- Гайдуков П.Г., Фомин А.В. Монетные находки Изборска // КСИА. 1986. Вып. 183.
- Гомзин А.А. Коллекция восточных монет Рязанской губернской ученой архивной комиссии // МИРК. 2002. Т. 3.
- Гомзин А.А. Находки арабских дирхамов в Касимовском р-не Рязанской обл. // МИРК. 2004. Т. 5.
- Гомзин А.А. Об особенностях топографии находок куфических монет VIII–IX вв. в восточной части Среднего Поочья // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань, 2006.
- Городцов В.А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Тр. XII АС. Т. I. М., 1905.
- Григорьев В.В. Описание куфических монет X в., найденных в Рязанской губернии в 1839 г. СПб., 1841.
- Григорьев В.В. Куфические монеты, найденные в Псковской губернии // ЗАНО. 1850. Т. II.
- Давидович Е.А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // НЭ. 1966. Т. VI.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007.
- Колчин Б.А. Металлообрабатывающее ремесло Древней Руси // КСИИМК. 1951. Вып. XLI.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953 (МИА; № 32).
- Кочнев Б.Д., Настич В.Н. Младший номинал в системе караханидского серебряного обращения (XI–XII вв.) // Десятая Всерос. нумизмат. конф.: Тез. докл. и сообщ. М., 2002.
- Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Ключи к тайнам Клио. М., 1994.
- ал-Мас'уди – Абу-л-Хасан 'Али ибн ал-Хусайн ибн 'Али ал-Мас'уди. Золотые копи и россыпи самоцветов (История Аббасидской династии: 749–947 гг.). М., 2002.

- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Петров П.Н.* Клад дирхемов X в. Безымянный-2 // Древности Поволжья и других регионов. М., 2000 (Нумизматический сб.; Т. 2).
- Петров П.Н., Калинин В.А.* Еще один клад начала IX в. // Древности Поволжья и других регионов. М., 2000 (Нумизматический сб.; Т. 2).
- Петров П.Н., Калинин В.А.* Обрезанные куфические дирхемы X в. // Древности Поволжья и других регионов. М., 2004 (Нумизматический сб.; Т. 4).
- Розен В.Р.* Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана // ЗВОРАО. 1904. Т. XV. Вып. II, III.
- Савельев П.С.* О важности изучения восточной нумизматики и археологии в России // ЗАНО. 1849. Т. I.
- Савельев П.С.* Дополнения к описанию саманидских монет // ЗАО. 1855а. Т. VI.
- Савельев П.С.* О жизни и ученых трудах Френа // ЗАО. 1855б. Т. VI.
- Селезнев А.Б., Осипов И.Н.* Нумизматические находки VIII–XVII вв. на территории Серпуховского района (хронология и топография) // Десятая Всерос. нумизмат. конф.: Тез. докл. и сообщ. М., 2002.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И. и др.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Тизенгаузен В.Г.* О саманидских монетах // ЗАО. 1855. Т. VI.
- Фомин А.В.* Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX–X вв. // ВИД. 1983. Т. XIV.
- Фомин А.В.* Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X – начале XI в. // НЭ. 1984. Т. XIV.
- Фомин А.В.* Куфические монеты Гнёздовского клада // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994. Новое в нумизматике. М., 1996.
- Фомин А.В.* Южнорусский клад куфических дирхемов конца X в. // Десятая Всерос. нумизмат. конф.: Тез. докл. и сообщ. М., 2002.
- Фомин А.В.* Опись куфических монет, обнаруженных у поселения Настасьино // Средневековое поселение Настасьино. Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2. М., 2004.
- Черепнин А.И.* Значение кладов с куфическими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892а.
- Черепнин А.И.* Коростовский клад. Рязань, 1892б.
- Черепнин А.И.* О гривенной денежной системе по древнимкладам. М., 1900.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янина С.А.* Второй Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 1963. № 117.
- Broome M.* A Handbook of Islamic Coins. L., 1985.

КАМЕННЫЕ БАШНИ XIV в. ОКОЛЬНОГО ГОРОДА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА: НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2011 г. М.П. Гайдуков

Институт археологии РАН, Москва (aspgmp@list.ru)

Ключевые слова: Древняя Русь, история фортификации, строительная техника, Новгород, Окольный город, валы, рвы, каменные укрепления, ворота, башни, герсы.

The article is devoted to Novgorod stone towers from the late 14th c. (the towers existed from 1391 to 1502), which were an element of the Okolny (outer) circle of fortifications around Veliky Novgorod. The article uses published and unpublished material from architectural and archaeological investigations, written sources and the author's recent (2009–2010) archaeological investigations at two of the towers. The author gives a comparative analysis of the main structural features and architectural elements using data from several of the excavated towers, and identifies similar edifices in neighboring regions and in Central and Western Europe.

Окольный город – уникальное, грандиозное по масштабам фортификационное сооружение Древней Руси. В конце XIV – XV в. в неразрывной связи с ним складывался градостроительный характер и весь облик Великого Новгорода. По общей планировке Окольный город можно отнести к типу кольцевых укреплений с важной оговоркой: его размер (периметр – 11 км) во много раз превосходит все известные кольцевые городища. План города с замкнутым кольцом укреплений, рассеченным посередине рекой, – результат продуманной градостроительной концепции, отправной точкой для которой, на наш взгляд, послужили типичные для Средневековой Руси круглые городища.

Окольный город – сложный многослойный памятник, включающий каменные конструкции (фрагменты стен и проезжие башни); земляные сооружения (валы и рвы) с деревянными внутренними структурами (хаковые конструкции и городни); остатки деревянного частокolata-тына. На разных участках вал имеет разные профили, а в его плане отдельные участки прямые или плавно круглятся, что может свидетельствовать о разновременности постройки или о разных группах строителей, возводивших сооружение.

Особый элемент Окольного города – более 40 каменных проезжих башен конца XIV в., включенных в тело вала. Археологически полностью или частично их раскрыто более 12; остатки еще 20 видны на поверхности валов или фиксировались ранее при наблюдениях поверх и непосредственно в валах.

Накопленный за долгий период изучения материал и данные последних лет, полученные в результате целенаправленных исследований автора, позволяют по-новому осветить археологический комплекс “Окольный город Великого Новгорода” как редкий памятник русского оборонного зодчества и каменные фортификационные элементы в его составе.

Опираясь на письменные источники, можно выделить две отправные точки хронологии каменных башен Окольного города. Начало строительства отмечено летописью в 1391 г., когда “...новгородци взяли серебра 5000 у Святей Софьи с полатей, скопления владычня Алексея, и разделиша на пять концов, по 1000 на конец; и изставиша костры каменные, по обе стороне острога у всякой улицы” (Новгородские летописи, 1848. С. 98). Более чем через 100 лет (1502 г.) сообщается о частичном разрушении каменных башен и строительстве новых деревянных на старых каменных основаниях: “Повелением великого князя Ивана Васильевича всеа Руси поставлен бысть деревянный Великий Новгород по старому спуску и стрелницы деревянные, а старые камены розбили” (Новгородская летопись..., 2004. С. 212).

По описям XVII в. известны деревянные башни и деревянные стены между ними на валу на отдельных участках. “Описание оборонительных сооружений Новгорода 1626 г.” подробно характеризует каждое сооружение, например: “Башня Володимирская четвероугольная, крыта тесом. Внутре в дли-

ну четырех сажен с четью, поперег тож. А под нею были проезжие ворота, и те ворота при немцах зарублены тарасом и засыпаны хрящом. А на стенах у тои башни з загородные стороны щели болшие сверху и до подошвы..." (Кузьмина, Филиппова, 1997. С. 76).

В XIX в. Окольный город изучали Е. Болховитинов (1808), а позже – В.С. Передольский (1898), но их подход можно назвать скорее описательным, краеведческим. Впервые город был научно описан и обмерен Б.К. Мантейфелем (1937), который, не проводя археологических исследований, а ограничившись, где возможно, фиксацией размеров, характеристикой кладки и материалов, составил первый план Окольного города, сопоставив видимые еще остатки кладок с башнями, изображенными на плане Новгорода 1611 г. На Софийской стороне оказалось 12 башен, на Торговой – 11; были отмечены и участки каменной стены.

В 1947–1948 гг. А.Л. Монгайт продолжил исследования Окольного города; их результатом стала обширная публикация (1952). Было зафиксировано 27 выходов кладки ракушечника на поверхности вала, маркировавших места 27 башен (на 4 башни больше, чем у Мантейфеля; в подсчете не учтена Алексеевская или "Белая" башня и участок стены на Торговой стороне). А.Л. Монгайт впервые раскопал одну каменную проездную башню ("ворота окольного города" на Торговой стороне; по версии П.М. Алешковского – Ильинскую), изучил характер кладки и строительный материал, определил размеры сооружения и конструкцию фундамента. "Ворота" были облицованы кладкой из крупного красного ракушечника (размер плит – около $0.50 \times 0.25 \times 0.30$ и $0.45 \times 0.15 \times 0.40$ м), а внутреннее пространство заполнял бут из валунов (все – на известковом растворе: "...плитняк-ракушечник, крупный и мелкий булыжник и скрепляющий раствор", см.: Монгайт, А–1948. Л. 38).

Значимой находкой стал и участок каменной стены на Торговой стороне к югу от Первомайской (Спасской или Знаменской) улицы (раскопано 70 м). По характеру кладки (внутренняя часть – крупные валуны, залитые известковым раствором, лицевая – прямоугольный тесаный камень на высококачественном известковом растворе; плотная подгонка камней друг к другу; малая толщина швов), материалу (красный новгородский известняк) и культурному слою, на котором стоит стена, А.Л. Монгайт (1949) датировал ее не позднее XIV в.

Важную роль в изучении Окольного города сыграли многолетние исследования М.Х. и П.М. Алешковских, в полном объеме авторами не опублико-

ванные, но достойные самого подробного разбора (Гайдуков, 2008; 2009а). В 1968 г. М.Х. Алешковским были исследованы остатки двух башен на Торговой стороне – Федоровской и Славковой (последняя была переатрибутирована П.М. Алешковским как Коржева). При раскопках было зафиксировано несколько участков кладки пилонов башен, расширен верхний ряд валунного фундамента, сделаны разрезы вала, прослежена стратиграфия культурных напластований и подсыпок (Алешковский М.Х., А–1968). П.М. Алешковским в конце 1970 – начале 1980-х годов было исследовано восемь каменных башен: из них на трех были проведены шурфовки, а пять были раскопаны полностью или частично (Алешковский П.М., А–1979; А–1980; А–1981; А–1982). Им же в 1980 г. был составлен опорный план, на который были нанесены остатки 32 башен, включая раскопанные (Алешковский П.М., А–1980).

Итог этих исследований подведен в монографии Н.Н. Кузьминой и Л.А. Филипповой (1997), где даны реконструкции внешнего облика отдельных башен и Окольного города с трассой валов, рвов и башнями. Реконструкции делались на основе данных археологии и письменных источников XVII в., но авторы лишь свели воедино накопленную ранее информацию, новых сведений о хронологии в работе нет.

В 2008–2010 гг. автор статьи полностью осмотрел Окольный город с целью нанесения на план всех сохранившихся остатков каменных башен. На современный план Окольного города удалось нанести, сопоставив результаты осмотра с данными письменных источников, археологических исследований предыдущих лет, топографических и картографических исследований С.Н. Орлова (1965) и В.Л. Янина (1999), 46 каменных башен (24 – на Софийской стороне и 22 – на Торговой) (рис. 1). О наличии руин башни внутри вала говорят, как и 40 лет назад, выходы красного ракушечника на поверхности и каменная крошка у подножия насыпи. Фрагменты каменной кладки в теле вала достоверно фиксируются для 18 башен (8 – на Софийской стороне, 10 – на Торговой). Кроме того, автор обмерил башню на Холопье башне Загородского конца, а на Козороговской башне Людина конца провел архитектурно-археологические раскопки.

Все выявленные башни – крупные сооружения, имеющие одинаковую строительную технику и конструктивные особенности. Их материал – красный ракушечник на известковом растворе с минимальным использованием кирпича в ответственных участках кладки – типичен для всего каменного строи-

Рис. 1. План Окольного города с существующими на данный момент рунированными остатками каменных башен.

тельства Новгорода XIV в. (фортификационного, жилого, церковного).

Исследования стен Детинца показывают, что он выстроен в той же “бескирпичной” технике кладки (Алешковский М.Х., 1962. С. 21. Рис. 16; Кирпичников, 1995. С. 82–85). Обнаруженная в 1960 г. и частично раскопанная в 1981 рунированная стена, отходящая с внешней стороны Детинца от Владимирской башни и шедшая на юг к Тайничным воротам, по времени сооружения (1331–1334 гг.) близка к

башням Окольного города. В 1981 г. ее участок был вскрыт отдельными шурфами и прослежен на протяжении 60 м, причем “Боевая преграда 1331–1334 гг. оказалась сложенной из ильменского известняка серой и розовой окраски. Размер облицовочных блоков составляет 7–8 × 30–60 см” (Кирпичников, 1995. С. 83). Каменные крепости Новгородской земли XIV–XV вв. тоже сложены без использования кирпича, в основном из плитняка и серого или кремового известняка (Кирпичников, 1984).

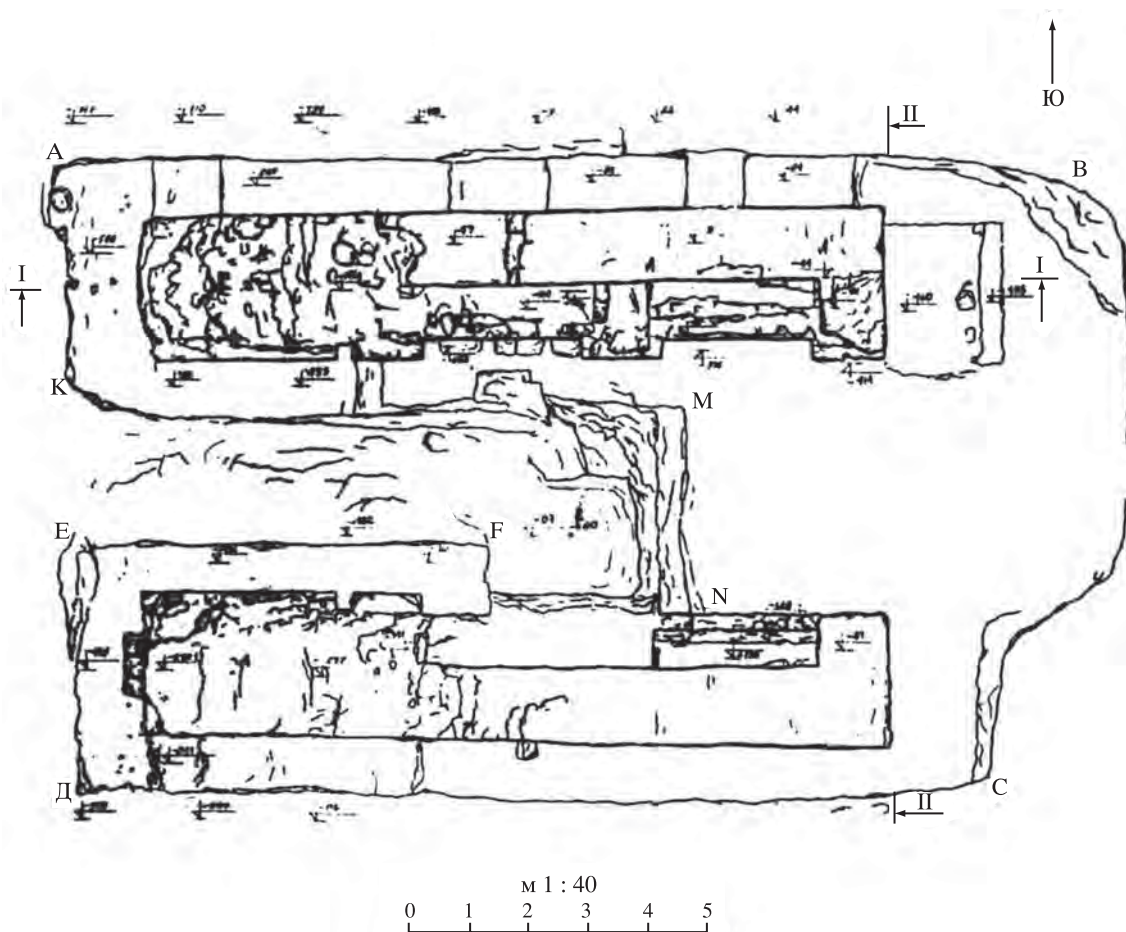

Рис. 2. Конюхова башня, план (раскопки П.М. Алешковского).

Как показали исследования А.Н. Кирпичникова (1969–1970 гг.) в древнем Орешке, кладка и строительные материалы крепости 1352 г. сходны с новгородскими. Остатки стены и проезжих ворот сложены в нехарактерной для этих мест манере, из валунов на известковом растворе с лицевыми выравнивающими прокладками серого, коричневатого и зеленоватого плитняка (Кирпичников, 1984. С. 102). Аналогична и строительная техника Порховской крепости 1387 г.: “К Малой башне примыкают уцелевшие в первоначальном виде прясла стен. Как и башня, они сложены из серых и коричневатых известняковых плит на известковом растворе с небольшой примесью цемянки” (Кирпичников, 1984. С. 233).

Отличие строительной техники башен 1391 г. – большее количество использованного ракушечника. Специальные исследования раствора каменных крепостей Новгородской земли не проводились (А.Н. Кирпичников упоминает, что раствор кремового цвета сходен с раствором в новгородских башнях). Статья К.С. Носова посвящена анали-

зу растворов русских крепостей, но материалы не подходят по времени, так как работа ограничена хронологическими рамками XVI–XVII вв. (2009).

Все известные башни новгородского Окольного города одинаковой формы: прямоугольные в плане, они вытянуты по оси проезда поперек вала. Размеры колеблются: самые крупные¹ Коржева (12.5 × 9.4 м), Федоровская (12.5 × 9.6 м; обе раскопаны М.Х. Алешковским), Конюхова (12.4 × 9.6 м; исследована П.М. Алешковским). Длина пилонов Ильинской башни – не более 9 м (раскопки А.Л. Монгайта), Старой Ямской – столько же (раскопки П.М. Алешковского). На коротких торцевых сторонах, обращенных к напольной стороне и внутрь города, располагались воротные проезды шириной от 4 (Старая Ямская) до 4.4–4.8 м (Конюхова, Федоровская). Форма проездов неизвестна, вероятнее всего проемы были арочными, но не исключены плоские перекрытия с деревянными балками, встречающиеся в зодчестве соседней

¹ Сначала дана длина башни, потом ширина (суммарная толщина двух пилонов и ширина проезда).

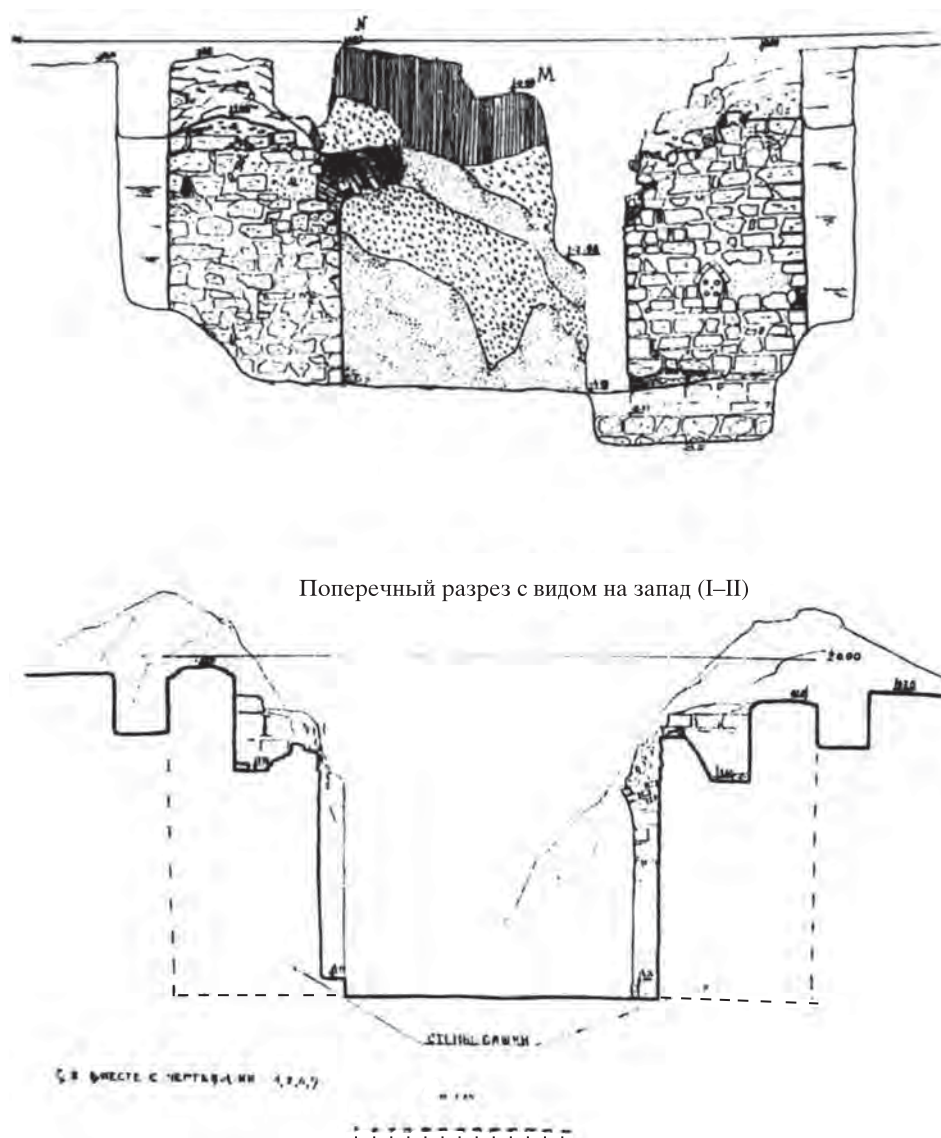

Рис. 3. Конюхова башня, чертеж фасада с отмеченными кирпичами на пятах сводов (раскопки П.М. Алешковского): а – земля; б – глина; в – песок; г – строительный мусор.

Прибалтики. С боковых длинных сторон к башням примыкали валы. Таким образом, в нижней части новгородские башни представляли сооружения, присыпанные валом (своего рода каменные вставки в земляном теле), а выше вала они становились самостоятельными объемами (высота неизвестна), к которым примыкали деревянные стены. В некоторых случаях к башням могли примыкать отрезки каменных стен (вроде “стены Монгайта” на Торговой стороне), но достоверно такое сочетание нигде не зафиксировано.

Конструктивно башню всегда образуют два параллельных пилон П-образной или Е-образной формы, имеющие в зависимости от размера по две или три лопатки, обращенные внутрь проезда

(рис. 2). Из-за плохой сохранности и малой изученности большинства раскопанных башен (обычно исследовали один пилон и часть второго) трудно судить о типичном варианте плана, но пилоны длиной менее 10 м имели, как правило, две лопатки, а сооружения большего размера (максимальный размер у Коржевой башни – 12,5 м) – три; у Конюховой башни, сохранившейся лучше всех и на наибольшую высоту, на каждом пилоне по три лопатки, на которые опирались подпружные арки свода проезда.

Пока не исследовано ни одной башни с полностью сохранившимся сводом, в отчетах зафиксированы *in situ* лишь кирпичи, укреплявшие пята свода. Меньше всего сведений о каменных арках над проездом – все раскопанные башни сохранили

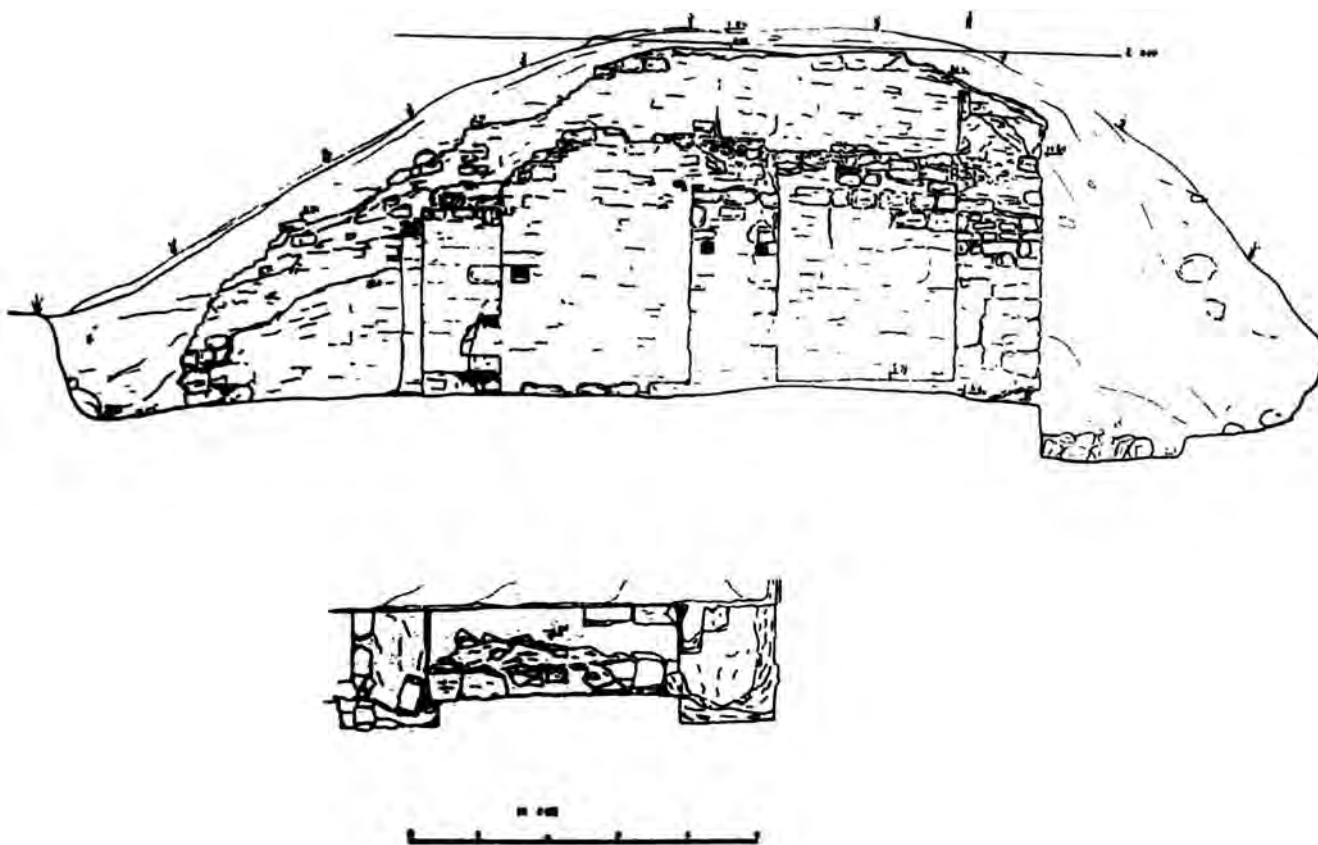

Рис. 4. Конюхова башня. Северный и южный пилоны, вид с северо-запада (раскопки П.М. Алешковского).

только пилоны, в лучшем случае рухнувшая кладка арки лежала в пространстве проезда.

Остатки конструкций сводов отмечены П.М. Алешковским дважды (1980 и 1981 гг.) на Торговой стороне. При раскопках Молотковской башни обнаружены фрагменты кладки из плитняка на таком же известковом растворе и часть кирпичной кладки: «Проездное пространство было целиком заполнено квадрами красного ракушечника, раствора и кирпича от рухнувшего свода и второго этажа самой башни. На глубине 280 см от высшей точки гребня вала была найдена часть свода, упавшая монолитом» (Алешковский П.М., А–1980. Л. 5). У Конюховой башни «своды проездного пространства, как и подпружные арки, от которых остались лишь небольшие остатки в бровке... были сложены из серого известняка-плитняка и, частично, пятки сводов для укрепления выкладывались кирпичом» (Алешковский П.М., А–1981. Л. 3, 4) (рис. 3). М.Х. Алешковский упомянул слой тонкого плитняка, обнаруженный в проезде Федоровской и Коржевой башен, и реконструировал сводчатую конструкцию арки из такого плитняка. По этим материалам нельзя с точностью судить о конструкциях арочных сводов (они могли быть сооружены с

применением только плитняка, только кирпича или в смешанной технике). Подпружные арки, как отдельный архитектурный элемент, также почти не сохранились; их материалом мог быть серый известняк-плитняк, но в основании подпружные арки усилены кирпичом.

При раскопках ряда башен перед их воротными полотнами (в нижних частях боковых стен) зафиксированы пазы (щели), по которым скользила *герса* – опускная решетка, обычно деревянная с железной оковкой. Поднятая на блоках, при внезапном нападении она мгновенно опускалась. В Западной Европе герса устраивалась либо открытой, в специально вырезанной для того арке спереди башни, либо углублялась и не была заметна на фасаде.

Впервые щель для герсы была зафиксирована М.Х. Алешковский при раскопках Коржевой башни. Ширина щелей-пазов составляла 0.4 м, глубина – 0.3. Решетка была утоплена внутрь проезда для затруднения доступа к ней с напольной стороны. Также во внутренней проездной части в кладке пилонов были обнаружены прямоугольные горизонтальные пазы, по мнению М.Х. Алешковского, предназначенные для воротных засовов. Самых засовов, как и остатков ворот, обнаружено не было.

Щель для герсы шириной 0.35 м была прослежена и у Конюховой башни. Она располагалась с внутренней стороны, т.е. в проезде, на южном пилоне и отстояла от восточной (напольной) оконечности пилона на 2 м (рис. 4). В проездном пространстве был найден обломанный подстав от ворот башни. С внутренней стороны их вероятно закладывали с помощью мощного бруса – глубокие выемки от него зафиксированы на обоих пилонах. Самих засовов, как и в Коржевой башне, обнаружено не было.

В Новгородской земле известны аналогичные элементы проездных башен. Так, раскопанная в 1969–1970 гг. башня Орешка середины XIV в. стояла примерно посредине северной стены крепости, имея “проездной проем, снабженный парными боковыми пилонами...”; “наружные части ворот были усилены двумя боковыми выступами”, в толще которых открылись “гнезда двух вертикальных бревен, приспособленных, очевидно, в качестве пазов для движения опускной решетки – герсы” (Кирпичников, 1984. С. 105, 106). Автор привел близкие по времени аналоги из Прибалтики, Финляндии и Скандинавии: замок Або (Турку) (1280–1290 гг.), имевший аналогичные системы воротного засова и опускной решетки с описанными пазами; королевскую резиденцию Кальмар (конец XIII – начало XIV в.); первоначальные башни и стены нижнего города Таллинна (1330–1340 гг.); литовские крепости Медининкай и Креве (1320–1350 гг.) (Кирпичников, 1984. С. 114, 115).

Необходимо отметить полное отсутствие следов бойниц в первом ярусе всех изученных новгородских башен: как и большинство воротных башен XIII–XV вв. Прибалтики и Северо-Западной Руси, он служил только для проезда, с его уровня не вели ни прямой, ни фланкирующей стрельбы.

При раскопках Коржевой башни был зафиксирован обломанный подстав ворот и глубокие выемки для мощного бруса – запорного механизма. Система запора аналогична запорам башен замка Або (Кирпичников, 1984. Рис. 53); единственное отличие заключается в том, что на примере западноевропейского образца выемка прослежена в одном из пилонов, а в новгородских башнях выемки есть у обоих (могли существовать два засова на разных уровнях, или один, который “ходил” туда-сюда).

Интересно, что герса – эффективное устройство для остановки внезапной атаки – в большинстве башен Окольного города не была применена. Возможно, в возведении разных башен участвовали разные группы мастеров, но не исключено и возведение герс по требованию заказчика. Тем не менее этот довольно редкий на Руси прием указывает на

хорошее знакомство мастеров с современной им западноевропейской фортификационной практикой.

На верхние ярусы башен иногда вели внутристенные лестницы. Начало лестницы (15 ступенек и вход в виде кирпичной арки со стороны города) открыто внутри пилона Молотковской башни (Алешковский П.М., А–1980. Л. 3), она вела на второй, не сохранившийся ярус. Раскопки шли только внутри лестничного пространства, фасадная часть не копалась из-за ветхости кладки. По обнаруженному в кладке нижнему железному подставу двери и конструкции арки установлено, что дверь открывалась внутрь башни. На стенах лестничного входа найдены пять перекрывавших лестницу ступенчато расположенных коробовых сводов. Так как внутристенная лестница обнаружена лишь в одной из башен, логично предположить, что в остальных случаях на боевые ярусы попадали через проемы по сторонам башен, со стен на валах или по деревянным лестницам с тыльной стороны башен.

К декоративным и символическим деталям относятся вкладные каменные кресты на лицевых фасадах Славковой и Конюховой башен. В первой крест был вмазан в фасадную кладку стены со стороны города. От него сохранилась левая часть перекрестия и фрагмент правой лопасти (размеры – 0.26 x 0.28 x 0.11 м). На обратной стороне, прилегающей к стене башни, была обнаружена сохранившаяся лишь частично надпись из пяти строк: “Помилуи [раба своего]... Остафъ [я... и дай] ему...”. П.М. Алешковский, судя по тексту, предположил, что крест нельзя отнести к надгробным; скорее всего, это обетный крест, вмонтированный в стену башни во время ее строительства, а после использованный заново во время одного из ремонтов. Палеографический анализ относит надпись к XIV–XV вв.

В Конюховой башне крест (высота – 0.58, размах крестовины – 0.33 м) помещен на западном фасаде южного пилона на высоте 1.75 м от верхнего обреза фундамента (рис. 5). Он был вставлен в специально подготовленную нишу в стене, тщательно замазан раствором и укреплен кирпичами XIV в. (рис. 6). По облику это типично новгородский крест, характерный для каменного строительства XIV–XV вв. Верхняя часть таких крестов как бы вписана в круг. То, что крест был вставлен в специально заготовленную нишу, дало П.М. Алешковскому основание датировать его не позднее 1391 г. В обоих случаях кресты были расположены со стороны города и смотрели внутрь, а не вовне, в связи с чем едва ли могли выполнять градозащитную функцию, как кресты из плит на внешних сторонах стен Изборска и Порхова.

Рис. 5. Вкладной белокаменный крест на фасаде Конюховой башни (раскопки и фото П.М. Алешковского).

Фундаменты башен однотипны. Это несколько заглубленных в материковую глину рядов валунов (от сравнительно небольших, диаметром 0.2–0.3 м, до внушительных, диаметром 0.5–0.7 м), обильно пролитых известковым раствором. Полная глубина фундаментов не выяснена, в разных башнях он раскрыт на разную глубину, но, как правило, исследователи не доходили до дна фундаментного рва. Обычно удавалось проследить до четырех рядов валунов, в отдельных случаях их, видимо, могло быть и больше (в Рогатицкой башне прослежено три ряда, в Конюховой, несмотря на ее значительные размеры, – всего два). При шурфовке Козороговской башни зафиксировано два ряда небольших валунов округлой и овальной формы (самые крупные не превышали 0.4 м в диаметре: Седов, А–2010). Деревянных конструкций в фундаментах не обнаружено.

О возможной высоте башен судить трудно. Наиболее подробно описанная П.М. Алешковским Конюхова башня (два отдельно стоящих пилона с обрушенным сводом) сохранилась до 5.37 м, т.е. выше уровня проездной арки. Точных данных об уровне кирпичей в пятах сводов нет, по имеющимся материалам, высота от начала фундамента до начала свода рассчитана приблизительно, для Конюховой башни – это 3.35 м (Алешковский П.М., А–1982. Приложение. Лист № 3).

Единственная башня с сохранившейся аркой проезда (вероятно, Холопья) исследована в 2009 г. автором на Софийской стороне, на границе Загородского и Неревского концов, непосредственно в насыпи вала

(как и все остальные) (Гайдуков, А–2009б). Верхние небольшие участки кирпичной кладки сводов видны на поверхности, на склонах напольной и внутренних сторон вала. О высоте сооружения судить сложно, высота вала на этом участке достигает 10 м, а остатки кладки обнаружены в двух верхних метрах насыпи. По-видимому, башня полностью скрыта оплывшим валом и поздними засыпками.

Автором исследована также Козороговская проезжая башня на Софийской стороне (изучен фундамент, характер кладки, особенности раствора; расчищена непрерывная “задняя” стена башни, обращенная лицом к городу). Сопоставление нивелировочных отметок кладки на вершине вала и валунов фундамента дает высоту более 5 м (Седов, А–2010). Это означает, что башня может иметь сохранный арочный свод, а прослеженная на вершине вала стенка – остатки второго яруса сооружения. В целом башня скорее всего была трехъярусной, так как два уровня не обеспечивали обзор и высоту обстрела, необходимые для обороны. Как трехъярусное сооружение с двухскатной кровлей реконструируют и проезжую Конюхову башню (Кузьмина, Филиппова, 1997. С. 185. Рис. 107, 108). Трехъярусную конструкцию в связи с большими размерами башен (длина пилонов Коржевой башни – 12.5 м, Федоровской – 12.15) предполагал и М.Х. Алешковский. Кровля могла быть двускатной, но возможна и четырехскатная пирамидальная; покрытия более сложных форм.

По характеру кладки, строительным материалам, раствору и другим конструктивным особенно-

стям все исследованные башни сходны и относятся к одному строительному периоду конца XIV в. По размерам и технике кладки среднюю проездную каменную башню конца XIV – начала XV в. можно соотнести с небольшой церковью или каменными палатами. Кирпич, встречающийся при раскопках некоторых башен, мог бы помочь в датировке, но его немного. В Конюховой башне кирпича “крайне мало – несколько штук на пятах сводов на лопатках, размеры их близки (26 x 14 x 7 см); весь кирпич по определению Г.М. Штендера – XIV в.” (Алешковский М.П., А–1981. Л. 6). В 2009 г. при обмерах сохранившейся части свода Холопьевой башни на Софийской стороне (часть арки выступает на склоне вала с обеих сторон) зафиксирован размер 26–29 × 13–13.5 × 6–7 см (Гайдуков, А–2009б), сходный с кирпичом новгородского храма Рождества на Красном поле (1381–1382 гг.).

На всем протяжении валов Окольного города Новгорода непроезжих башен XIV в. нет вообще, изначально все они строились как воротные: в XV в. город имел по башне в конце каждой улицы. Такое количество проездов не повышало боевых качеств крепости: неприятель мог штурмовать ворота, самую уязвимую часть укрепления, сразу в нескольких местах. Характер укреплений возможно указывает на вторичность оборонительных функций и объясняется особенностями социального устройства средневекового Новгорода. В контексте знаний о кончанском и уличанском делении это объяснение представляется вполне вероятным (Янин, Алешковский, 1971; Буров, 1985; 1994). Можно предположить, что каждую башню строили силами “своей” улицы как обособленной городской ячейки. Сравнение башен и земляных насыпей отдельных участков Окольного города и сопоставление их с историей новгородских концов объясняет, почему самые высокие валы (до 15 м) с крутыми склонами и башни наибольшего размера отмечены на Софийской стороне в районе одной из богатейших улиц – Прусской, в то время как вал в Плотницком конце почти в два раза ниже и имеет покатые склоны. Конечно, археологически исследованы немногие каменные башни, а после XV в. вал реконструировали в связи с изменением фортификационных требований, но отдельные участки Окольного города на Софийской и Торговой стороне, безусловно, резко различаются.

В 1970 г. М.Х. Алешковский и Л.Е. Красноречев опровергли устоявшуюся к тому времени датировку новгородского вала XII в. В первую очередь они отметили, что обнаруженные в разные годы внутри вала стены и башни датируются концом XIV в. Интерпретируя раскопки А.Л. Монгайта в

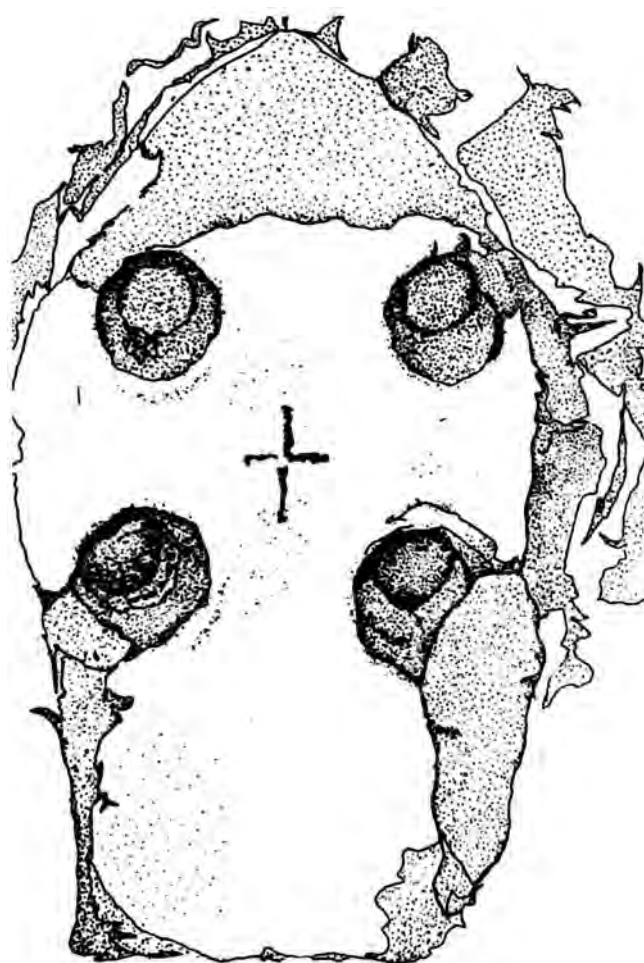

Рис. 6. Вкладной белокаменный крест из раскопок Конюховой башни (раскопки П.М. Алешковского).

районе Первомайской улицы на Торговой стороне, авторы утверждали, что в основании раскопанной насыпи, под стенами XIV в., не было никаких признаков или остатков вала XII в. Раскопки Коржевой и Федоровской башен (М.Х. Алешковский) также не выявили остатков вала до строительства башен в 1391 г. Отдельные наблюдения (характер примыкающих к валу стен; пальцы строительных лесов и т.д.) убеждали в том, что башни были сооружены раньше вала, а не врезаны в уже существующую насыпь. Нам это представляется не совсем точным. По нескольким примерам раскопанных башен, особенно расположенных рядом, можно судить о конкретном участке (стратиграфические данные в таком случае только дополняли бы друг друга), но никак не об Окольном городе в целом. Отсутствие вала конкретно на этом участке к моменту начала строительства башен вполне возможно. Несмотря на то что некоторые признаки указывали на первичность башен, видеть за ними общую для всего Окольного города картину не стоит.

Из летописных сообщений XIV в. о строительстве частей Окольного города ранее 1391 г. нам особенно интересны две записи: под 1372 г. (“Того же лета копаша ровь около Людина конца, и Загородиа, и Неревьскаго конца” (Новгородские летописи, 1841. С. 90)) и под 1383 г. (“Копаша ровь около Софеиской стороны, къ старому валу” (Новгородские летописи, 1841. С. 93)). Обе относятся к строительным работам на Софийской стороне. Торговая сторона была прикрыта обширными участками заболоченной местности, своего рода естественной преградой, и новгородцы могли соорудить первой основную часть вала Окольного города, куда впоследствии (1391 г.) “впустили” каменные башни.

Хотя сообщений о насыпке вала нет, он, вероятно, возводился параллельно со рвом. Все археологические исследования Окольного города свидетельствуют, что и первичная насыпь, и более поздние подсыпки состоят из красно-коричневой материковой глины, вынутой при копании рва. Согласно летописным сообщениям, ров начали копать (а вал насыпать) примерно за 20 лет до строительства каменных башен, так что, хотя М.Х. Алешковский и Л.Е. Красноречьев (1970) доказывали первичность башен по отношению к насыпи, это утверждение не согласуется с единственно возможной трактовкой летописных сообщений.

Представив хронологию и логику сооружения комплекса в целом, можно понять механизмы строительства каменных башен, поэтому один из важнейших вопросов – последовательность строительства Окольного города. Археологических или иных данных о ней крайне мало, но нам представляется следующая схема строительства. С 1372 до конца 80 – начала 90-х годов XIV в., в несколько этапов, с разной интенсивностью на разных участках насыпался вал. Возведение древнейшего вала шло до середины 1390-х годов. При разрезе М.Х. Алешковского насыпи вала на Софийской стороне близ ц. Петра и Павла в Кожевниках в 1972 г., в самом его первоначальном ядре были расчищены деревянные конструкции. Четыре или пять бревен из них по спилам получили дендрохронологическую дату рубки – 1394 г. (Янин, Колчин, 1978. С. 13, 14; Колчин, Янин, 1982. С. 43; Алешковский М.Х., 1994. С. 120; Урьева, 1994. С. 127). В местах основных улиц-магистралей (Пробойная, Славная, Прусская и т.д.) еще оставались проезды – здесь вал прерывался и не насыпался. После начала сооружения каменных башен в 1391 г. количество проездов стало на порядок больше. После строительства башни в тех местах, где проезды в насыпи существовали, вал досыпали, поэтому пальцы от строительных лесов фиксируются на внешних, примыкающих к валу

стенах. Та же ситуация прослеживается с обмазкой башен: несколько раз при раскопках она была зафиксирована на сторонах башен, примыкающих к телу вала. В местах, где проездов не было, вал, по-видимому, подрезали для удобства строительства. После постройки подрезанный вал приобретал первоначальную форму и профиль.

Вполне возможно, что проезды в валу оставляли не только на самых значимых участках, что в каждом из концов существовало несколько выездов из города. В таком случае крупномасштабные строительные работы по насыпке валов (и одновременно копке рвов) во второй половине XIV в. и сооружение проезжих башен были двумя главными аспектами некоего централизованного проекта усиления новгородских фортификаций. Насыпка валов была первым этапом этой программы, и проезд в местах пересечения вала и улицы оставлялся намеренно, чтобы через 10–15 лет “вставить” туда каменную башню, избежав долгих земляных работ.

Поздние письменные источники (описи строительства и ремонтов Окольного города XVII в.) указывают на укрепления по берегам Волхова, т.е. внутри кольца вала. Пока нельзя ничего сказать об их существовании в XV в., но в начале XVII башни по берегам Волхова на обеих сторонах Новгорода стояли и были отмечены в описях как проезжие. Возможно, стены с башнями существовали и в начале XV в., но со стороны реки они носили временный характер и были менее значимы, чем укрепления основного кольца Окольного города. Присоединение Новгорода к Москве в 1478 г. надолго преостановило развитие церковного строительства (первая каменная церковь была сооружена лишь в 1508 г.). Осада города Иваном III в 1477 г. выявила слабые места в новгородских фортификациях, и все силы, по-видимому, были сосредоточены на строительстве укреплений: кроме новых стен и башен Детинца “московская” власть начала сооружать линию укреплений со стороны Волхова.

В средневековой Руси можно привести ряд аналогий, близких рассмотренным новгородским укреплениям. В Пскове строительство одного за другим трех крепостных колец провели в XIV – середине XV в., но кремль и Довмонтов город ставили у впадения р. Псковы в Великую, а не на открытом берегу реки, как в Новгороде. Только в 1465 г. в Пскове провели стену Запсковья, продолжавшую линию Окольного города через р. Пскову, так что в этом решении можно видеть влияние новгородской ситуации. И.К. Лабутина отмечает наличие в трассе стены Среднего города 1374–1375 гг. трех каменных прямоугольных в плане проезжих башен, выстроенных в 1386–1387 гг. Эти башни схожи с нов-

городскими по общему облику, форме и дате: оба памятника были выстроены в конце XIV в. с разницей в несколько лет (Лабутина, 1985. С. 46, 47. Рис. 9, VIII–X; 59).

Упомянем и Тайничную башню Нижнего городища Торжка, обнаруженную в 2002 г. Новоторжской археологической экспедицией. “В раскопе на глубине 1.7 м от поверхности был вскрыт развал белокаменной кладки на известковом растворе, под которым появилась конструкция одного из пилонов Тайничной воротной башни длиной 4.6 и шириной 2.6 м... Ширина ворот Тайничной башни составляла 3.4 м” (Малыгин, Сарафанова, 2009. С. 89). По размерам и строительным материалам башня отличается от новгородских каменных костров. Тем не менее авторы интерпретируют строительство Новоторжского кремля как одну из составляющих в масштабной фортификационной программе по защите Новгородской земли каменными крепостями.

Упомянутая выше башня Орешка, раскопанная А.Н. Кирпичниковым, по облику (планировка, размеры, строительные материалы), дате (1352 г.) и конструктивным деталям (наличие решетки-герсы) напоминает новгородские башни. Другой аналог – башня Орлецкого городка, исследованная О.В. Овсянниковым (1964; 1974). В 1970–1971 гг. он выявил каменную стену детинца и каменную воротную башню, датировав их 1342–1398 гг. “Техника кладки башни идентична кладке стен; отличается она лишь более тщательной подгонкой лицевых блоков. Башня состоит из двух мощных пилонов (северный – 2.8×5 , южный – 2.4×5 м), имеющих на внутренних фасадах по паре лопаток... При исследовании проезжей части башни такие детали, как гнезда для бруса-запора и для подпятника, на которое навешивалось воротное полотнище, обнаружить не удалось. Внешний контур башни составляет 5×8.5 м; размер проезжей части башни – 3.25×4.25 м” (Овсянников, 1974. С. 116, 117). Таким образом, башни крепостей Новгородской земли по размерам намного меньше любой из каменных башен Новгородского Острога.

Наконец, древняя Москва с XIV в. имела каменный Кремль, но ее посады оставались практически неукрепленными. Неукрепленные посады имела и Тверь – опасный сосед Новгорода и Москвы. Так что планировка и сама идея строительства города такого облика – оригинальное градостроительное решение в историческом контексте XIV в. Сооружение каменных проезжих башен Окольного города в конце XIV – начале XV в. – важный этап городского строительства. В последующие десятилетия столь масштабного и централизованного строительства в Новгороде не было. Новгородская бояр-

ская республика в это время выходит на пик своих возможностей, а сам город – на пик своего развития, за которым последовал плавный спад, затянувшийся более чем на 70 лет – вплоть до покорения Новгорода Иваном III в 1478 г.

Совершенствование фортификационных сооружений в XVI в., необходимое в связи с распространением пушечного боя, выявило недостатки новгородских каменных костров. Необходимость фланкирующего огня, который не могли обеспечить устаревающие башни, как и дороговизна их постоянной починки вынудили московские власти снести “старые стрельницы”. Каменные основания остались в толще насыпи вала в качестве основы для более дешевых деревянных стрельниц, отвечавших нуждам современной обороны. Отдельные башни перестали быть проезжими, их основания были засыпаны изнутри, и они дошли до нашего времени; другие оставались как каменные ворота в валу, но и на них стояли деревянные башни.

Валы и рвы Окольного города с их полусотней каменных башен представляли величественное зрелище и были уникальны для Древней Руси. Ансамбль крупных многочисленных схожих по формам и снабженных эффектными деталями (герсы) элементов производил впечатление мощи, силы, богатства вечевой республики. Но факт сооружения одной улицей (не несколькими и не концом) отдельной проезжей башни указывает на сложность и раздробленность новгородской городской административной системы. “Лишние” воротные башни ослабляли оборонительные возможности Окольного города. Нам представляется, что новгородские фортификаторы это понимали, но пошли на беспрецедентное строительство примерно 50 башен Окольного города по требованию своих “корпоративных” заказчиков. Строительство башен могло занять примерно 10 лет, и позже мы не сталкиваемся ни с чем подобным в истории новгородской архитектуры. Столь крупных башен не сооружали ни в других новгородских, ни в псковских крепостях – в этом просматривается желание новгородских строителей и заказчиков соорудить как можно более престижные и внушительные мощные воротные сооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский М.Х.* Новгородский детинец 1044–1430 гг. (По материалам новых исследований) // Архитектурное наследство. Т. 14. М., 1962.
- Алешковский М.Х.* Новгород. Вал Окольного города. Отчет об археологических раскопках Славковской и

- Федоровской башен 1391 г. на валу Торговой стороны в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. А-1968. № 3678.
- Алешковский М.Х. Новые материалы по датировке вала Новгородского острога концом XIV – началом XV в. // ННЗ. 1994. Вып. 8.
- Алешковский М.Х., Красноречьев Л.Е. О датировке вала и рва Новгородского острога (В связи с вопросом о формировании городской территории) // СА. 1970. № 4.
- Алешковский П.М. Отчет об археологических раскопках башен на валу Торговой стороны Окольного города Новгорода в 1979 г. // Архив ИА РАН. А-1979.
- Алешковский П.М. Отчет об археологических раскопках в г. Новгороде на валу Окольного города в 1980 г. (раскопки башни, что против Молотковского монастыря) // Архив ИА РАН. А-1980.
- Алешковский П.М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях башен (Конюховой и Старой Ямской) новгородского Острога в 1981 г. // Архив ИА РАН. А-1981. Р-1. № 8769.
- Алешковский П.М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на валу Окольного города Новгорода и Белой (Алексеевской) башне за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. А-1982. № 9026.
- Арциховский А.В. Городские концы в Древней Руси // Исторические записки. Т. 16. М., 1945.
- Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. СПб., 1808.
- Буров В.А. Уличанская община древнего Новгорода по археологическим данным // СА. 1985. № 4.
- Буров В.А. Новгородская уличанская община и ее место в феодальной Руси // Буров В.А. Очерки по истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994.
- Гайдуков М.П. Археологическое изучение каменных башен Окольного города Великого Новгорода (по материалам археологических раскопок М.Х. и П.М. Алешковских) // ННЗ. 2008. Вып. 22.
- Гайдуков М.П. Археологическое изучение каменных башен Окольного города Великого Новгорода (по материалам археологических раскопок П.М. Алешковского) // ННЗ. 2009а. Вып. 23.
- Гайдуков М.П. Отчет об археологических исследованиях на валу Окольного города Великого Новгорода и Холопней башни в 2009 г. // Архив ИА РАН. А-2009б.
- Кирпичников А.Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Кирпичников А.Н. Архитектурно-археологическое изучение Новгородского кремля // НИС. Вып. 5 (15). СПб., 1995.
- Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сб.: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.
- Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М., 1985.
- Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А. Новоторжский кремль в XIV в. // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сб. статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009.
- Мантейфель Б.К. Обследование оснований башен новгородского вала // НИС. 1937. Вып. 2.
- Монгайт А.Л. Отчет об археологических раскопках городского вала в Новгороде Великом в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р-1. А-1948. № 279.
- Монгайт А.Л. Каменная стена “Окольного города” Новгорода Великого // КСИИМК. 1949. Вып. 27.
- Монгайт А.Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Матер. и исследов. по археологии древнерусских городов. Т. II. М., 1952 (МИА; № 31).
- Новгородские летописи // ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841.
- Новгородские летописи // ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848.
- Новгородская летопись по списку Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004.
- Носов К.С. Строительные растворы русских крепостей XVI–XVII вв. // РА. 2009. № 1.
- Овсянников О.В. Орлецкое городище // КСИА. 1964. Вып. 96.
- Овсянников О.В. Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины // КСИА. 1974. Вып. 139.
- Орлов С.Н. К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода // Уч. зап. НГПИ. Т. I. Вып. 1. Новгород, 1965.
- Передольский В.С. Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
- Седов Вл.В. Отчет о работах в 2010 г. // Архив ИА РАН. А-2010.
- Урьева А.Ф. Дополнение к статье М.Х. Алешковского // ННЗ. 1994. Вып. 8.
- Янин В.Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв. М., 1999.
- Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. № 2. М., 1971.
- Янин В.Л., Колчин Б.А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

ДИСКУССИИ

О КОСЫХ ОСТРОГАХ СЕВЕРЯН ПОСЕМЬЯ

© 2011 г. В.В. Енуков

Курский государственный университет (vuenikov@gmail.com)

Ключевые слова: *роменская культура, Северская земля, Посемье, городища, фортификация, частокольные укрепления.*

The issue addressed in the article is the existence in Romny culture of oblique palisades, a type of fortifications known from late medieval descriptions. The author argues against Yu. Yu. Morgunov's critique of the hypothesis. The source base for the author's argumentation comprises data from Rat' hillfort as well as from Bolshoye Gornalskoye and Kapystichi. Rat' revealed three obligatory elements of oblique palisade fortifications: rampart, fighting-platform and oblique palisade at the outer foot of the rampart. Only two of the above elements, the rampart and the palisade, can be indubitably identified at Gornal' and Kapystichi.

В № 3 “Российской археологии” за 2008 г. вышла статья Ю.Ю. Моргунова «О следах “косых острогов” X в. на городищах Курской области». В ней известный исследователь древностей Южной Руси обратился к материалам предшествующей эпохи, в результате чего пришел к отрицанию существования у населения роменской культуры таких укреплений (Моргунов, 2008. С. 42, 43). Я признателен Ю.Ю. Моргунову за первый в историографии детальный анализ гипотезы о ранних косых острогах, что побудило обратиться к вопросу о реальности существования у роменцев этой строительной схемы с учетом появившихся возражений.

Кратко предыстория вопроса такова. В литературе предлагались реконструкции роменских фортификаций в виде рва и вала с частоколом на его вершине, стен из двух частоколов с забутовкой внутри, срубных стен (Сухобоков, 1975. С. 62–64; 1990. С. 27, 28; Григорьев, 2000. С. 65). В начале 1990-х годов мной совместно с О.Н. Енуковой была предложена (Енуков, Енукова, 1993), а затем развита еще одна схема, в основу которой легли результаты раскопок Ратского городища, дополненные материалами Горналя и Капыстичей. Эти памятники находятся в пределах “Посемья” летописей, которое в IX–X вв. было самым густонаселенным и динамично развивающимся регионом Северской земли (Енуков, 2005. С. 200–257). Суть предложенной схемы, которая, подчеркну, не отрицает использования роменцами и других вариантов, сводится к следующему. С внешней стороны подножья специально возведенного вала устанавливался наклонный частокол, а на вершине насыпи размещался связанный с тыновой преградой настил боевого хода (Енуков, 2005. С. 69–83. Рис. 17, 1). Такие укрепле-

ния хорошо известны в позднем средневековье под названием “косых острогов” (Крадин, 1988. С. 14; Носов, 2003. С. 62). Для удобства этот термин будет использоваться и в дальнейшем.

Несогласие Ю.Ю. Моргунова с предложенной реконструкцией базируется на следующих основных положениях. Во-первых, валы не являются резуль-

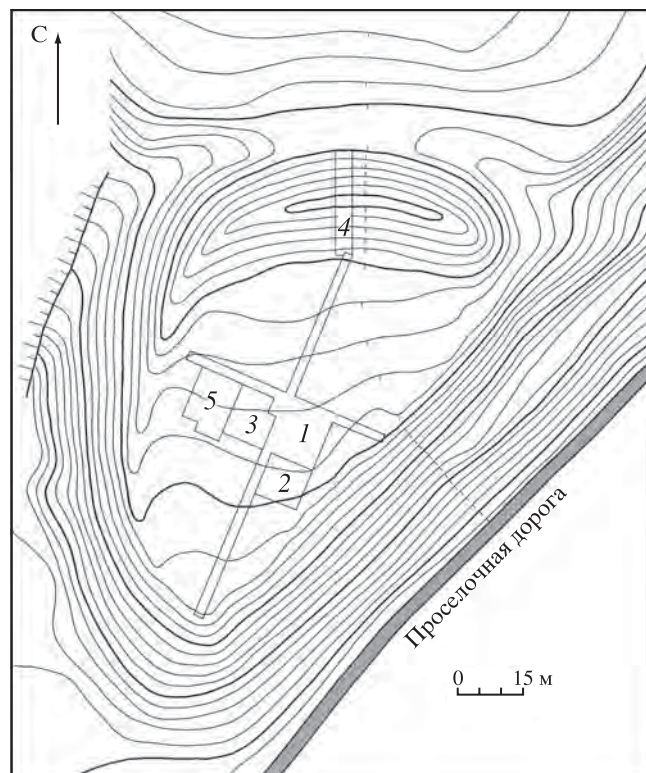

Рис. 1. Ратское городище. Цифрами обозначены номера раскопок.

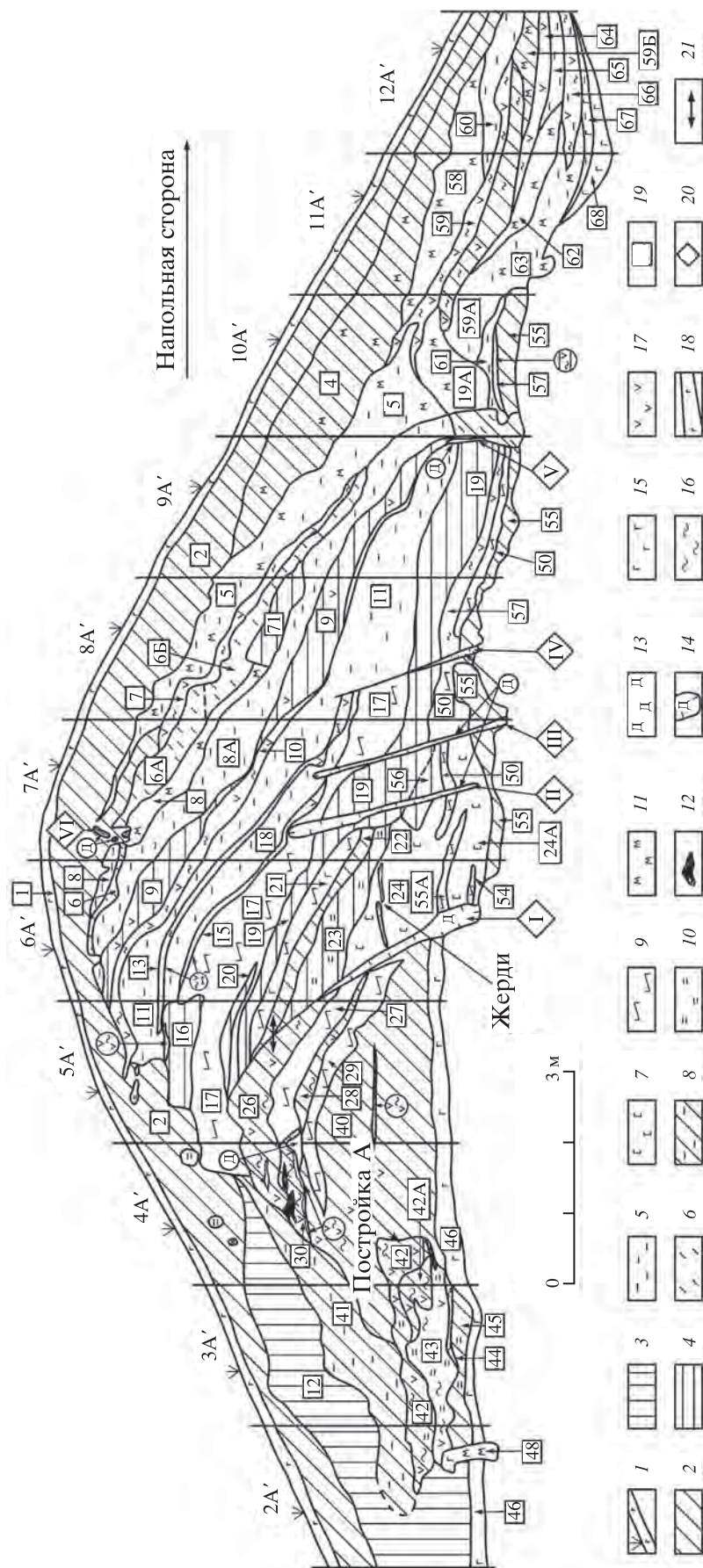

Рис. 2. Ратское городище. Западный борт раскола 4. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – темно-серый суглинок; 3 – светло-серый суглинок; 4 – бурый суглинок; 5 – желтовато-серый суглинок; 6 – желтовато-серый (более темный) суглинок; 7 – темно-бурый суглинок; 8 – темно-серый суглинок с примесью желтовато-серого; 9 – светло-бурый суглинок; 10 – обожженный суглинок оранжевого цвета; 11 – мертвый; 12 – горелый; 13 – древесный тлен; 14 – пустоты от бревен с остатками древесного тлена; 15 – включения гумуса; 16 – зола; 17 – угли; 18 – погребенная почва; 19 – номер слоя; 20 – номер частокла; 21 – уровень, до которого прослеживался древесный тлен бревен частокла.

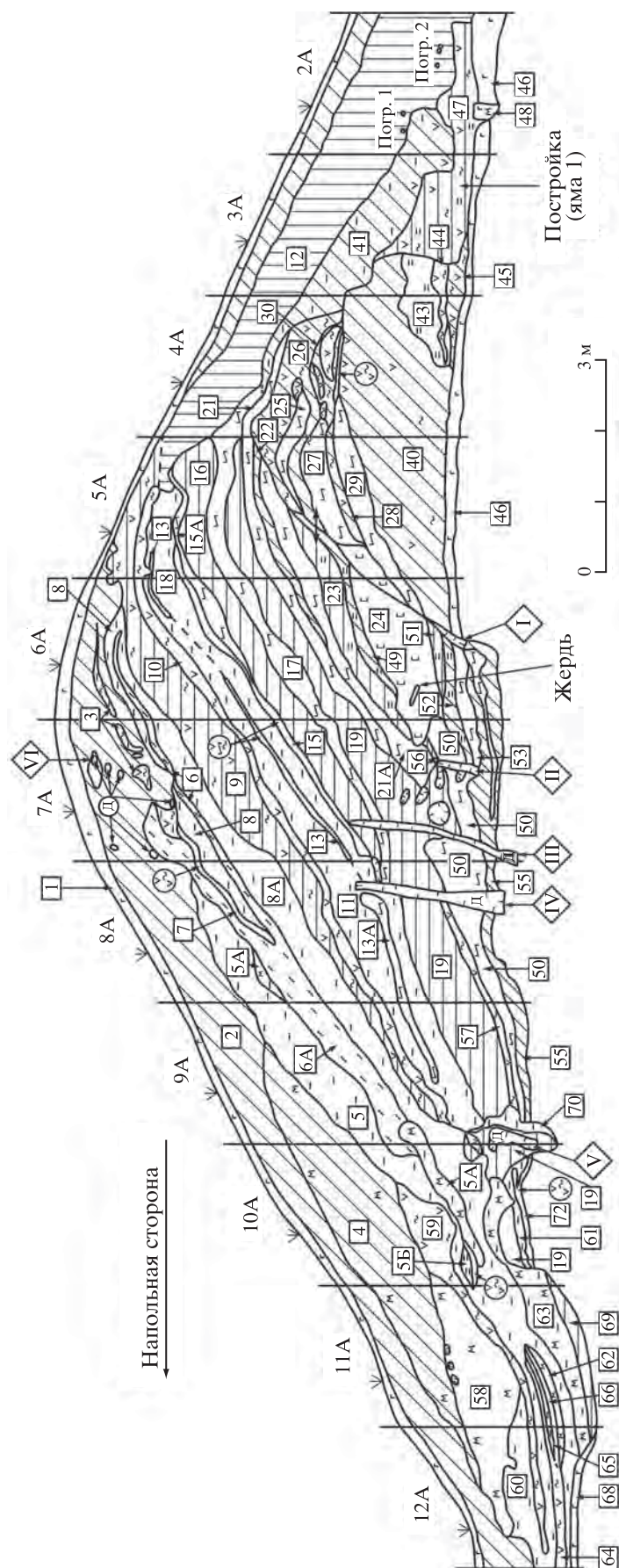

Рис. 3. Ратское городище. Восточный борт раскопа 4. Условные обозначения см. рис. 2.

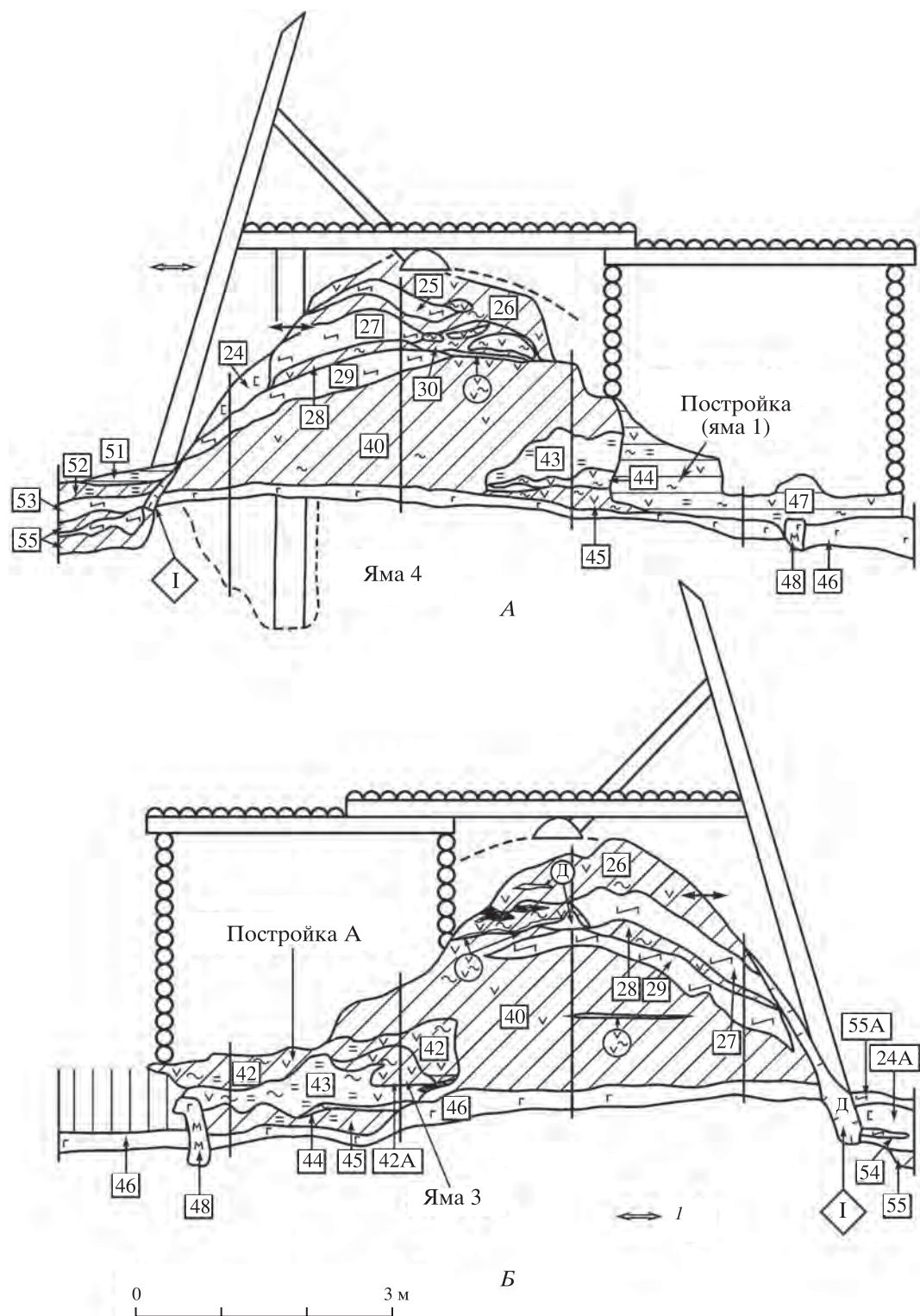

Рис. 4. Ратское городище. Второй строительный период в восточном (А) и западном (Б) разрезах с реконструкцией схемы укреплений первого этапа. Условное обозначение: I – уровень, до которого сохранился частокол в кв. 5А.

татом целенаправленной деятельности, а образовались при расползании древо-земляных укреплений, основным элементом которых были срубы (городни, клетки). Во-вторых, наклонные частоколы представляли собой не более чем облицовку подножья укреплений для предотвращения осыпей.

Рассмотрим материалы Ратского городища, которые впервые позволили предположить существование у роменцев косых острогов. Памятник расположен на р. Рать, притоке Сейма. В 1992 г. на городище раскопом 4 были изучены укрепления (рис. 1). Работы велись пластами по 20 см, что позволило детально сопоставить данные стратиграфии и планиграфии. Ранее профиль западного борта раскопа был опубликован без крайних южного и северного квадратов, что определялось форматом издания (Енуков, 2005. Рис. 16). Ю.Ю. Моргунов воспроизвел разрез, но он был еще больше “подрезан”, что привело к потере важного участка стратиграфии (2008. Рис. 3). В результате возникла необходимость привести полный вариант чертежа наряду с неопубликованным восточным профилем (рис. 2; 3). В напластованиях вала было выделено семь строительных периодов. Первый связан со скифской эпохой и представлен насыпью высотой до 1 м с основой из обожженных суглинков (слои 43–45) и канавкой от ограждения (слой 48). Периоды со 2-го по 6-й относятся к роменскому времени, 7-й – к древнерусскому (Енуков, 2005. С. 70, 71). Все фортификации роменцев сопровождались установленными у подножья вала наклонными частоколами, причем в ряде случаев была отмечена сегментовидная в сечении форма бревен.

Согласно Ю.Ю. Моргунову, начальная стадия строительства отразилась в следующей картине: “За осыпь укреплений первого строительного периода (нумерация Ю.Ю. Моргунова. – В.Е.) я принимаю суглинистую насыпь высотой 2 м с внутренними следами продуктов горения (слой 40), перекрытую узким глинистым языком слоя 12¹. Это руины сгоревшей преграды неясной (но не столбовой) конструкции, установленной поверх погребенного дерна” (Моргунов, 2008. С. 39). Из упоминания “не столбовой” конструкции и последующего изложения следует, что речь идет о стене из срубов, однако доказательная база этой схемы исчерпывается приведенной цитатой. Следы предполагаемого пожара отсутствуют (рис. 4): слой 29 продуктов горения вообще не содержал, в слое 40 присутствовали только отдельные включения угольков и золы,

что объясняется небольшой примесью культурного слоя (Енуков, 1992а. С. 60, 61). В одном случае они образуют прослойку, однако незначительность размеров и размещение в толще слоя 40 не дают оснований для ее соотнесения со срубами (рис. 4Б). В целом, слои 29 и 40 были достаточно однородны и не имели следов деревянных конструкций.

Ввиду отсутствия признаков срубов на первый план выходит предположение о возведении вала как элемента укреплений, чему имеются косвенные и прямые доказательства. К числу первых относится следующее. В состав роменского вала была “вписана” насыпь скифского времени. При возведении срубной стены она создавала дополнительные трудности. Для такой конструкции идеальна горизонтальная строительная площадка. При ее отсутствии северяне Посемья использовали подвалины и стулья, но чаще нивелирующие подсыпки или подрезки, иногда на значительных участках, что зафиксировано на Ратском, Горнальском и Шуклинском городищах (Енукова, 2007. С. 25, 30–42). Следов таких работ под подошвой вала нет. Да и были ли смысл ставить срубы на месте столь неудобного элемента рельефа, если первые славянские поселенцы могли немного их сместить? Однако такое расположение обретает смысл, если вал возводился как составная часть фортификаций. Объем работ заметно сокращался, а внутренняя сторона насыпи получала “подпорку” из обожженного и улежавшегося грунта.

Прямое доказательство существования роменского вала – размещение ряда объектов в его теле. Внутренний склон насыпи был прорезан прямоугольной в плане постройкой (яма 1) (рис. 4А; 5). После окончания использования ее засыпали материковым суглинком с небольшой примесью культурного слоя и грунта вала раннего железного века. Яма 2 с таким же заполнением (рис. 5) была разрушена при возведении постройки А (слой 42), к которой, возможно, относится и яма 3 (слой 42А). С оружием уничтожил пожар, после чего оно было разобрано. Лучшее всего сохранился его небольшой участок у западного борта раскопа (рис. 4Б). В отличие от других объектов в постройке А было найдено много керамики и обломок футляра для трута.

Заметный интерес для реконструкции укреплений, к чему я еще вернусь, представляет яма 4 (рис. 5). Ее правильная грушевидная в плане форма была выявлена на уровне погребенной почвы, однако пятно ее заполнения меньших размеров и неправильной конфигурации фиксировалось, как минимум, на полметра выше, в толще слоя 40. Другими словами, яма была выкопана в склоне вала

¹ Номер указан ошибочно, абзацем ниже слой 12 уже обозначен правильно как слой 29. Та же ошибка присутствует на рис. 3, 2, хотя на следующем чертеже (рис. 3, 3) слой выступает под “своим” номером.

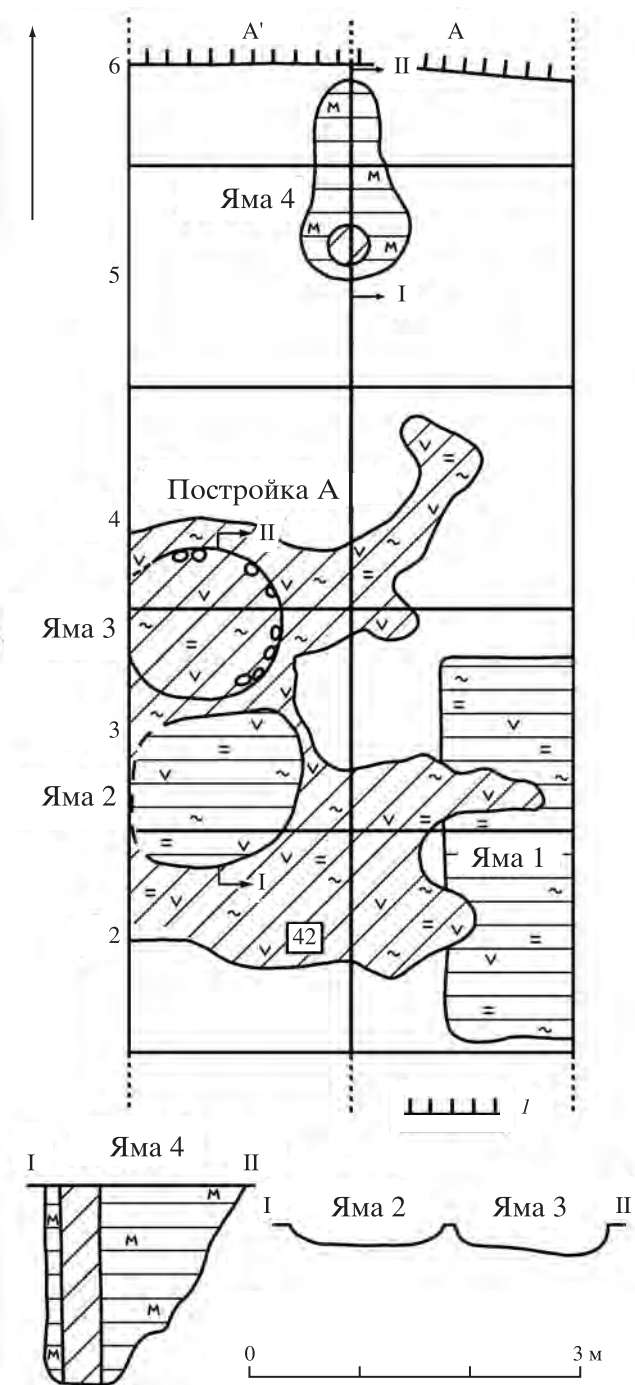

Рис. 5. Ратское городище. Сооружения в насыпи вала 2-го строительного периода. Условное обозначение: *I* – граница подножья вала.

тогда, когда он, вероятнее всего, еще не был полностью отсыпан. В южной части объекта располагалась круглая столбовая яма от мощного, диаметром 40 см, столба.

Обе постройки могли быть срубными, в пользу чего свидетельствует отсутствие столбовых ямок, однако они никак не соотносятся со стеной укреп-

лений. Во-первых, их внешние стенки образуют “уступ”, а основания располагаются на разной глубине, что отрицает предположение Ю.Ю. Моргунова о едином строительном периоде. Во-вторых, постройки существовали асинхронно. Более ранней была яма 1. Возможно, одновременно с ней использовалась и яма 2. Так или иначе, оба объекта были повреждены при возведении “перекрывающей” их постройки А (рис. 5), которая также была “врезана” в насыпь. Все сооружения использовались на протяжении какого-то периода времени синхронно с валом, но никак не после того, как, по Ю.Ю. Моргунову, укрепления превратились в “осыпь”. На это прямо указывает стратиграфия: постройку А частично перекрывал слой 40 (рис. 4Б). Так как объекты использовались одновременно с насыпью и не могли “висеть в воздухе”, то вал является *результатом изначального и целенаправленного возведения в качестве конструктивного элемента фортификаций.*

Не укладывается в схему Ю.Ю. Моргунова и суглинистый слой 29. Каково было его назначение? Как он, не имея следов пожара, занял верхнюю часть “руин сгоревшей преграды”, когда они “осыпались”? Для ответа на эти вопросы обратимся к общей характеристике грунтов вала. Ю.Ю. Моргунов по этому поводу пишет: “...непонятно, откуда добывались использованные для строительства виды грунтов при явном отсутствии рва. На практике известны многочисленные примеры, когда при возобновлении укреплений использовался грунт, счищенный с площадки” (2008. С. 39). С абсолютизацией этого положения вряд ли можно согласиться, что как раз демонстрирует пример роменских памятников. Выше отмечалось, что на городищах Посемья были зафиксированы специальные нивелировочные работы с целью получения площадок для строительства срубных домов. Такая деятельность плохо согласуется со сколько-нибудь значительной счисткой слоя. Можно, конечно, предположить синхронность обоих видов работ, однако такие ситуации не могли возникать часто, а при нивелировках также требовался грунт. На городищах, включая Рать, открыта плотная застройка. Как в этих условиях производилась выборка грунта? В виде траншей между сооружениями? Следует признать, что на рассматриваемых памятниках культурный слой при возведении фортификаций мог использоваться весьма ограниченно.

Убедительные доказательства этому имеются как раз в ратских материалах. Основу подавляющего большинства слоев вала составляли материковые грунты, состав которых имел специфику. Многометровая толща меловых отложений пере-

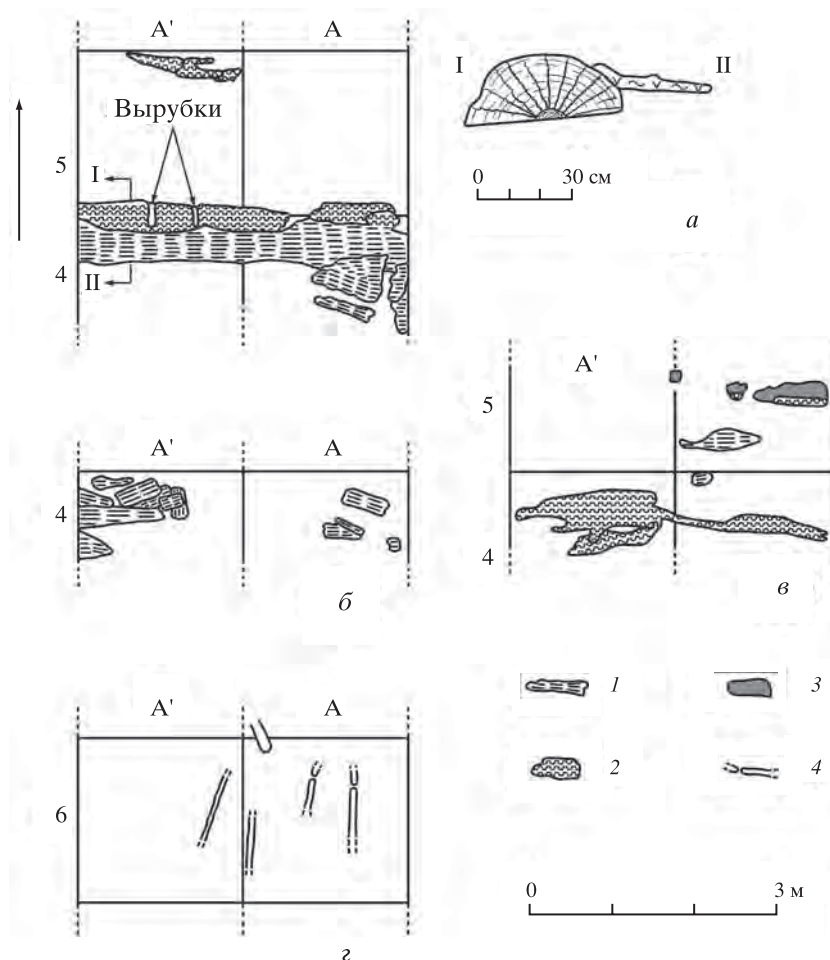

Рис. 6. Ратское городище. Детали фортификационных сооружений в нижней (а) и верхней (б) частях слоя 30, в слоях 26 (в), 23 и 24 (г). Условные обозначения: 1 – обгоревшее дерево с указанием направления волокон; 2 – негорелое дерево с указанием направления волокон; 3 – остатки верхней части частокола I в плане; 4 – пустоты от жердей.

крывалась суглинками близкой, однако варьирующей цветовой гаммы. На нее влияли и попадавшие в подсыпки в явно небольших количествах “не материковые” почвы, в первую очередь дерн и культурный слой, который своим происхождением мог быть связан не только с городищем. Именно этим и объясняется незначительное количество находок, по поводу чего недоумевает Ю.Ю. Моргунов.

Можно гипотетически ответить и на вопрос о месте запаса грунта. С северо-запада к городищу примыкает большой овраг, а к северо-востоку от памятника начинается балка меньших размеров, в результате чего образуется площадка подпрямоугольной формы, сужающая подступы к укреплениям (Археологическая..., 1998. Рис. 38). Вполне вероятно, начало эрозии террасы относится к средневековью. Отмечу, что слои вала с материковой основой отличала исключительная плотность. При их разборке использовались такие нетипичные при раскопках славянских памятников орудия труда,

как лом и кайло. Судя по всему, эти подсыпки специально трамбовали, возможно, поливая водой, что относится и к покрывающему внешний склон первоначального вала слою 29, который играл роль его “панциря”.

С валом смыкались остатки деревянных конструкций у подножья (частокол I) и на его вершине. Вдоль гребня насыпи в слое 30, насыщенном углем и золой с включениями древесного тлена, шло мощное, расколотое пополам бревно (рис. 6, а). Его сегментовидная, немного “сплюснутая” под давлением грунта форма прослеживается и в западном разрезе (рис. 4Б). В лучше сохранившейся западной части бревна имелись две вырубki-паза, внутренние стороны которых в разрезе образовывали прямой угол. Ширина западной была 10 см при глубине 16, восточной – 4 при глубине 11. Сохранность восточной части бревна была хуже. В обоих случаях сторона, обращенная к городищу, несла следы пожара, а внешняя их не имела. Брев-

но перекрывалось горелой прослойкой толщиной 4–5 см, увеличивающейся до 20–30 у восточного борта (рис. 4А). Она представляла собой спекшуюся древесную массу, и только ее северо-восточная оконечность переходила в древесный тлен. Отдельные детали в ней “не читались”, однако на всем протяжении прослеживалась ориентация волокон вдоль вала (рис. 6, а).

Над основным массивом конструкций располагались остатки дерева в виде отдельных горелых плах с господствующей ориентацией вдоль вала (рис. 6, б). В залегавшем выше слое 26, содержащем меньше продуктов горения, схема расположения древесных остатков была идентичной. Вдоль вала шло бревно, большая часть которого превратилась в труху (рис. 6, в). Лучшее всего эта деталь сохранилась в центре кв. 4А', где ее ширина превышала 50 см при толщине 20. У западного борта бревно почти полностью истлело, “переходя” во вкрапления древесного тлена, которые, однако, образовывали хорошо заметную в профиле прослойку (рис. 4Б). Между верхним “выходом” частокола I и бревном в древесных остатках сохранилось несколько расположенных вдоль вала плашек.

Бревна частокола I попали в разрезы только своими краями, однако по непрерывным линиям тлена они прослеживались до уровня слоя 26 включительно (рис. 4). Вне разрезов, в кв. 5А, небольшой участок частокола даже “врезался” в слой 21А, связанный уже со следующим строительным периодом (Енуков, 1992б. Рис. 62). Для представления о высоте, на которую сохранился тын, его верхняя граница была спроецирована на ближайший к нему восточный разрез (рис. 4А).

Напластования на вершине вала Ю.Ю. Моргунов связывает с новым периодом, в ходе которого была возведена стена с забутованными срубами, а ее “сгоревшие бревенчатые остатки прослеживаются как стопка из трех углистых линз в слоях 30 и 26” (Моргунов, 2008. С. 39). Но в этой “стопке” (рис. 4Б) верхняя и нижняя “линзы” – стратиграфическое отражение описанных выше толстых бревен, причем верхнее вообще не имело следов огня. Бревна располагались в явно разновременных слоях, а планиграфия древесных остатков менее всего напоминает следы городней, зато хорошо соотносится с настилами боевого хода. Во 2-ом строительном периоде (1-ом роменском) выделяется два этапа, которые, судя по всему, отражают ремонтные работы, существенно не изменившие облик укреплений. С первым связан слой 30, со вторым – перекрывающие его новые облицовки из суглинка (слои 27, 25) и слой 26, который фиксирует финал 2-го периода. Остатки деревянных конструкций в слоях 26 и 30

при заметном сходстве несут взаимодополняющую информацию. В обоих случаях в их основании располагалось бревно диаметром около полуметра, которое, судя по всему, являлось опорой настила, лучше сохранившегося в горизонте первого этапа в виде горелой прослойки (рис. 6, а). Она особенно отчетливо прослеживается в западном разрезе, где, проходя по подошве слоя 30, перекрывает опорное бревно и вершину вала вплоть до его внутреннего склона (рис. 4Б). Полностью соответствует настилу и ориентация плах. Единственная поперечная плаха (рис. 6, б) соотносится с лагой.

Строительство укреплений можно представить следующим образом (рис. 4). Прямо на почве был возведен вал, внутренняя сторона которого “подпиралась” насыпью скифского времени. Для этого был использован снятый перед укреплениями грунт и небольшое количество культурного слоя. Его внешний склон и вершина были укреплены “панцирем” (слой 29). Позднее рыхлые гумусированные грунты при отсыпках практически не употреблялись, что, не исключено, объясняется первым опытом их использования. Нельзя установить, одновременно с валом или несколько позднее была возведена постройка (яма 1), но их сосуществование на каком-то хронологическом отрезке не вызывает сомнений. На гребне вала сооружается настил боевого хода. Расколотое пополам дубовое, по определению специалистов, бревно вкупе с валом играли роль его основной опоры. На внешнем склоне насыпи в яме 4 была установлена дополнительная опора настила², который, похоже, был связан с наклонным тыном с помощью поперечных лаг. Вероятнее всего, к первому этапу относится и постройка А, уничтоженная пожаром вместе с внутренней частью косога острога. Отремонтированные на втором этапе укрепления в конце эксплуатации также испытали какое-то воздействие огня, однако заметно меньшей силы. Необходимо оговориться, что аргументы в пользу существования частокола I не только на протяжении второго, но и первого этапа отсутствуют. Есть только косвенные доказательства его длительного использования. В финале 2-го периода частокол отличался ветхостью и был завален или рухнул сам. Этим объясняется его сильный наклон и “изогнутость” в профилях, что в последующих периодах не наблюдается. Показателен в этом смысле восточный разрез (рис. 3). В нем хорошо видно, что под давлением сползшей части насыпи тыновая преграда обломилась и куски конструкций в виде пустот с древесным тленом оказались у подножья вала.

² Для более ясного представления о схеме фортификаций яма 4 была спроецирована на один из разрезов (рис. 4А).

Основание частокола I незначительно перекрывалось свитой прослоек (рис. 4). Стратиграфическое несовпадение в разрезах указывает на их “не целенаправленное”, естественное формирование. В любом случае они не могли удерживать тын. Закреплял частокол боевой ход, однако, весьма вероятно, использовались и наклонные упоры, известные по поздним тынам (Красовский, 1916. Рис. 100, B). Для этого идеально подходят вырубки в опорном бревне (рис. 6, а), которые сложно связать с какими-либо элементами срубных соединений. В таком случае упор из бревна одним концом, который затесывался, упирался в вырубку, вторым – в частокол, а скорее всего, в горизонтальное бревно, превращавшее участок тына в отдельную “секцию”. В результате фортификации в разрезе имели вид треугольника – единственной геометрической фигуры, придающей строительным конструкциям жесткость. Парность пазов может объясняться использованием двух упоров одновременно, однако, скорее всего, отражает текущий ремонт.

Привлекает внимание факт возобновления временных в вал построек. Помимо утилитарного назначения такие сооружения укрепляли общую конструкцию, расширяя при этом полезную площадь боевого хода. Попутно коснусь частного вопроса о происхождении слоя 28, располагавшегося между облицовочными подсыпками первого и второго этапов (рис. 4). Ю.Ю. Моргунов считает, что им выравнивалась и пополнялась рабочая площадка для строительства новой стены (2008. С. 39), с чем трудно согласиться ввиду его незначительности, рыхлости и наклонного расположения. Судя по всему, он образовался в ходе эксплуатации укреплений первого этапа за счет постепенно просыпавшегося грунта, который в небольших количествах неизбежно попадал на настил.

Представленная реконструкция, естественно, отражает только основные принципы возведения укреплений, при этом условно считалось, что осадка вала за прошедшее тысячелетие составила одну треть общей высоты. Идентичные фортификации известны в позднем средневековье, хотя при сохранении общей схемы они могли различаться конкретными решениями. Ю.Ю. Моргунов в качестве примера поздних косых острогов представляет один из вариантов (2008. Рис. 1, 2), который менее других совпадает с предложенным и, как указывает автор реконструкции М. Красовский, использовался редко (1916. С. 95. Рис. 100, А), хотя ранее мной были приведены точные аналогии (Енуков, 2005. С. 83. Рис. 17, 2). Исследователь считает, что косые остроги – порождение эпохи огнестрельного оружия, так как “угол наклона бревен способствовал рекошетированию пушечных ядер” (Моргунов, 2008.

С. 42), однако такая конструкция была еще более эффективна при ударах стенобитных машин. По Ю.Ю. Моргунову, от настила должно было остаться значительное скопление углей, но в профиле их немного (2008. С. 39). Аргумент тем более удивителен, что при возведении срубных стен лесоматериалов использовалось несравненно больше. Это не мешает оппоненту в тех же самых остатках увидеть именно эту схему.

В ходе 3-го периода вал расширился за счет суглинистых подсыпок, которые ограничивались снизу слоем 24, сверху – слоями 19³ и 20. Основной преградой выступает вбитый в подножье вала частокол II (рис. 2; 3). В слоях 23 и 24 поперек вала примерно на одном уровне были уложены жерди, от которых сохранились прослеженные в профилях (рис. 2; 3) и плане (рис. 6, в) пустоты с древесным тленом. Такой прием укрепления насыпей известен и в поздних фортификациях (Енуков, 2005. Рис. 17, 2). Слой 24 частично “затек” под остатки частокола I, что хорошо видно в восточном профиле (рис. 3). Следовательно, отсыпки производились тогда, когда бревна еще полностью не истлели, т.е. между двумя периодами временной разрыв был минимальным, что подтверждается отмеченным “проникновением” частокола I в слой 21А. Этот факт также свидетельствует о том, что тыновая стена примыкала к насыпи только своей нижней частью.

Укрепления 3-го периода, похоже, были разобраны после обветшания. В ходе 4-го периода вал был отсыпан слоями 15А, 16 и 17, а в его внешнее подножье был вбит частокол III (рис. 2; 3). Гибель фортификаций фиксирует горелый слой 15. В последующих периодах сохраняется похожая схема стратиграфии “упрощенного” характера с четкими маркерами по внешней границе в виде очередного частокола и примыкающей к нему сверху прослойки пожарища. Для 5-го периода такими маркерами являются частокол IV и слой 13, для 6-го – частокол V и слой 10, который дополняется слоем 9 с меньшим количеством продуктов горения, что в совокупности указывает на особо сильный пожар (рис. 2; 3).

Описанная часть напластований Ю.Ю. Моргуновым интерпретируется иначе. Слои на вершине вала являлись, по его мнению, забутовкой стены, нижняя часть которой “рассыпалась вниз по склону

³ В ходе полевых исследований слой 19 был ошибочно воспринят как единый вплоть до частокола V (рис. 2; 3), что объясняется схожестью грунта, использованного для подсыпок вала. В силу этого его расчленение вызывает затруднения, однако, по крайней мере, участок слоя 19 к северу от частокола IV относится к иному строительному периоду, на что указывает иной характер напластований как под ним (слой 57), так и над ним (слой 11).

и уложилась в слои 27, 24 и 56”, а верхняя “уложилась в слои 26 и 23”. Слой 21 отражает процесс задерновки осыпей, что свидетельствует о значительном промежутке прошедшего времени (Моргунов, 2008. С. 39). Однако исследователь не объясняет, в силу чего заполнение срубов “рассыпалось” и “уложилось” так аккуратно, что в результате образовалось пять, а фактически шесть⁴ стратиграфически разных слоев. Конечно, городни могли быть заполнены разнородными грунтами, но если принять логику исследователя, они и рассыпаться должны были “строго индивидуально”. Кроме того, на вершине вала, как было показано, признаки каких-либо стен отсутствовали. Что касается слоя 21, то гумусированные включения в нем вполне могут объясняться тем, что при заборе грунта в него попал дерн. Выше приведены свидетельства минимального временного разрыва между строительными периодами.

Следующий, 3-й по Ю.Ю. Моргунову, период знаменовался подрезкой внешней части осыпи, куда был вбит частокол, а затем “подсыпками 19 и 20 был расширен гребень вала”. Залегавшие выше слои 15 и 17 представляют собой осыпи забутовки и руины новой стены. Слой 17 пересыпался через частокол II, что вызвало необходимость установки частокола III. Далее неожиданно слой 16 объявляется “не менее очевидными следами стены третьего строительного периода”, а слои 13, 15 и 18 – ее осыпями (Моргунов, 2008. С. 39). Данная схема четко отражает не один, а два строительных периода, что совпадает с моими выводами. В противном случае невозможно объяснить, как стена 3-го периода (слой 16) могла оказаться поверх “осыпи забутовки негоревшей стеновой городни” (слой 17) того же 3-го периода. Наличие двух периодов подтверждается и двумя частоколами (II и III), асинхронность которых признает Ю.Ю. Моргунов. И только недоразумением можно объяснить тот факт, что горелый слой 15 исследователь связал как с руинами “первой” стены, так и “второй”.

Рассмотрим аргументы Ю.Ю. Моргунова в пользу городней. Первый сводится к тому, что верхний абрис и внутренний край слоя 17 “живо напоминает очертания часто встречающейся в валах осыпи

забутовки негоревшей стеновой городни” (Моргунов, 2008. С. 39). Но эта форма стала результатом более поздних и разновременных земляных работ. Следы этой деятельности, в том числе связанные и с совершением погребений, отмечены в виде “ступенек” в обоих профилях (рис. 2; 3). Вторым доказательством является слой 16, который имеет подпрямоугольное сечение, что обычно для “срубной городни шириной в 1.5 м” (Моргунов, 2008. С. 39). Оперировать в данном случае размерами невозможно, а формой сечения – сложно по тем же причинам: слой также был “обрезан”. Внешняя его часть и основание действительно образуют нечто похожее на прямой угол, однако восточный разрез уже имеет иной облик (рис. 2; 3). В пластах 10–12, которыми выбирался слой 16, следы срубов отсутствовали (Енуков, 1992б. Рис. 54–56а). Судя по всему, внешний “уступ” образовался в связи с тем, что на небольшом участке слой 16 начали насыпать, когда отсыпка слоя 17 только завершалась.

Последующие укрепления Ю.Ю. Моргунов не рассматривает, ссылаясь на то, что я однажды упомянул настилы. Действительно, они были обнаружены только в слоях двух этапов 1-го периода, однако и этого достаточно для вывода о реальности их существования. Здесь же надежно фиксируются и два других элемента конструкции косого острога – опора настила в виде вала и наклонного тына у его подножья. Стабильное “тиражирование” последнего вкупе с отсутствием следов срубов позволяет считать, что и в дальнейшем использовалась уже апробированная строительная схема. Показательны в связи с этим маркерные горелые прослойки (4–6-й периоды), которые перекрывали связанные с ними валы. Считаю, они представляют собой остатки рухнувших во время пожара конструкций косых острогов. Интерпретировать их как древесные части городней, которые обязательно перемешались бы с забутовкой, крайне затруднительно.

Кратко коснусь древнерусских укреплений Ратского городища. Древесные остатки 7-го периода были определены как плохо сохранившийся частокол VI, который был зафиксирован как в разрезах (рис. 2; 3), так и плане (Енуков, 1992а. С. 70; 1992б. Рис. 44). В определенных случаях волокна дерева шли вертикально, что нашло отражение и в публикации (Енуков, 2005. Рис. 16). Ю.Ю. Моргунов в трех обломках вертикально установленного бревна без следов, как и весь частокол (рис. 4), огня увидел торцы (?) четырех (?) обгоревших (?) нижних бревен городни, что позволило ему даже представить графическую схему конструкции (2008. С. 39, 40). Интересно отметить, что ямки в основании тыновой стены имели наклон, аналогичный роменским частоколам.

⁴ В перечне почему-то отсутствует слой 30, хотя ранее Ю.Ю. Моргунов “stopку линз” из слоев 30 и 26 интерпретировал как остатки стены. Согласно предложенной им схеме слой 30 соотносится с нижней частью заполнения стены, тогда как слой 26 – с верхней, что “разрывает” предполагаемую конструкцию. Кроме того, при определении характера осыпей исследователь исходил из того, что верхняя часть забутовки – “сильнее обгоревшая” (Моргунов, 2008. С. 39), тогда как нижний слой 30 содержал заметно большее количество продуктов горения.

На городище у д. Капыстичи с внешней стороны подножий разновременных валов были обнаружены два наклонных частокола, которые А.В. Зорин интерпретировал как остатки косых острогов (2003). Отмечаются сходные с фортификациями Ратского городища черты: вал состоит в основном из материковых суглинков, в его внутренний склон была врезана постройка, частокольные бревна раскалывались пополам. Ю.Ю. Моргунов проанализировал материалы только 1-го периода. По его схеме, фортификации состояли из двухрядной срубной стены. Внутренний представлен клетями, с которыми связывается упомянутая постройка (рис. 7А)⁵. Внешний ряд был из городней, которым соответствуют “ядро вала (осыпь забутовки)” и “затеки забутовки”. “Бревенчатый каркас городни не сохранился”, поэтому его существование доказывается следующим образом. Если укрепления были уничтожены пожаром, но частокол не горел, то “эти полустолбы не возвышались над насыпью вала” и могли играть только роль облицовки склона рва (Моргунов, 2008. С. 40. Рис. 5, 1, 2).

Согласиться с предложенной аргументацией нельзя. Так, расценивать постройку как клеть стены невозможно, что доказывается данными планиграфии. На уровне пласта 14 траншея была расширена как раз для доследования объекта, в результате чего был выявлен его угол, врезавшийся в заполнение вала – слой 14 (Зорин, 2001а. Рис. 233). В свою очередь постройка не могла быть возведена после формирования вала, так как их перекрывал слой 13, который, по моему мнению, связан с последующей строительной деятельностью. Нет и подтверждений мысли о пожаре. Сгорела только постройка, причем не полностью (Зорин, 2001б. С. 75), а следы огня в слоях 13 и 14 отсутствуют. Признать свидетельством пожара слой 27 нельзя из-за его незначительности. Кроме того, он образовался до окончания эксплуатации укреплений 1-го периода, так как находится внутри затеков ровика, верхний уровень которых фиксируется по слою 35. Таким образом, отпадает аргумент в пользу изначально малой высоты частокола. Попутно уточню: частокол сохранился на высоту не 1,7 м, как указывает Ю.Ю. Моргунов, а 2,28 (Зорин, 2003. С. 374). Отсутствие признаков срубных стен в однородном, материковом в своей основе, “ядре вала” наряду с врезанной в него синхронной постройкой свидетельствует о специальном возведении насыпи как элементе фортификаций.

⁵ В данном случае есть необходимость повторить чертеж реконструкции Ю.Ю. Моргунова, на котором была проставлена опущенная исследователем нумерация слоев, без чего сложно апеллировать к стратиграфии.

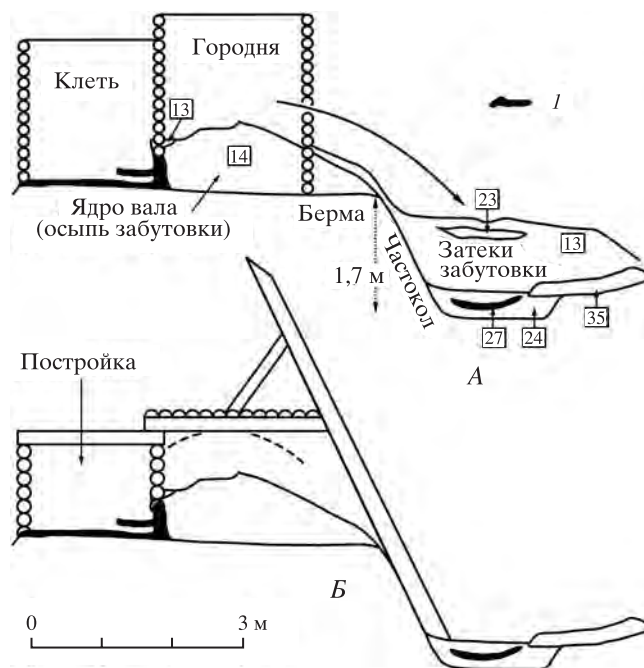

Рис. 7. Городище Капыстичи. Укрепления 1-го строительного периода. Варианты реконструкций Ю.Ю. Моргунова (А) и автора (Б). Условное обозначение: 1 – деревянный уголь.

В Капыстичах при отсутствии следов срубов фиксируется два из трех основных элементов конструкции косого острога: вал и наклонный частокол у его подножья. Поиски настилов не имеют перспектив, так как верхняя часть насыпи была заметно повреждена перекопами. В представленной реконструкции укреплений, как и ранее, условно считалось, что насыпь вала “осела” на треть (рис. 7Б). Основания бревен частокола в грунте практически не закреплялись, поэтому в реконструкции по аналогии с Ратью использованы наклонные упоры.

Материалы Горналя, в которых Ю.Ю. Моргунов видит стены из забутованных городней с укрепляющими их подножье частоколами, играют роль отправной точки в его построениях. Но в качестве доказательств приводятся только отсылки к замечке в “Археологических открытиях” и отчету, в которых ничего не говорится о срубных конструкциях. В итоге Ю.Ю. Моргунов утверждает: А.В. Куза “...смог уверенно заявить, что северяне строили не только частоколы, но и деревянные стены (как в Титхихе и Горнале)” (Моргунов, 2008. С. 36). Реально позиция А.В. Кузы была заметно осторожнее. Неслучайно в отчете и публикациях материалов памятника он обходит этот вопрос (Башилов, Куза, 1977; Куза, 1981). Что касается приведенной цитаты, то обращение А.В. Кузы к Горналю в работе общего характера ограничивается только этой

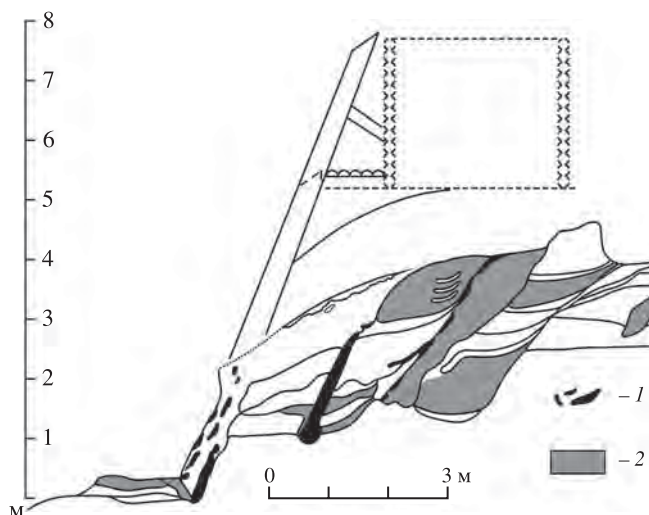

Рис. 8. Большое Горнальское городище. Укрепления последнего строительного периода (пунктиром обозначен вариант реконструкции, выполненный по описаниям Ю.Ю. Моргунова, сплошными линиями – автора). Условные обозначения: 1 – реальные остатки обгоревших или истлевших бревенчатых частоколов; 2 – субструкции, которые, согласно Ю.Ю. Моргунову, содержали переотложенные следы древних пожаров.

короткой фразой без каких-либо аргументов и пояснений (1985. С. 168).

К сожалению, в научном отчете информация об остатках укреплений Горналя представлена очень скупо и почти без планов, однако все описания деревянных конструкций были мной проанализированы. В результате сделан вывод о том, что имеющиеся сведения в большей степени соответствуют остаткам настилов боевого хода, нежели срубам (Енуков, 2005. С. 78–81). Против использования забутованных городней имеется и аргумент планиграфического характера. В насыпи вала обнаружено сооружение размерами $1,7 \times 1,4$ м из пяти уложенных на лаги широких досок, углового столбика и жердей западной и южной стен (Куза, 1973а. С. 19; 1973б. Рис. 11). А.В. Куза интерпретировал его как наземную постройку-“клеть” столбовой конструкции (1981. С. 21. Рис. 9, 5). Ранее мной высказывалось предположение о том, что это остатки настила (Енуков, 2005. С. 80). Однако не исключено, что сооружение действительно соотносится с хозяйственной клетью, так как “все кругом было засыпано углем и целым слоем сгоревшего зерна” (Куза, 1981. С. 21). Возможно, оно представляет собой некий аналог построек в валах Рати и Капыстичей. В любом случае связывать этот объект с остатками забутованной городни нельзя, а место предполагаемой срубной стены оказывается “занятым” конструкцией принципиально иного характера.

Ввиду отсутствия доказательств существования срубных сооружений анализ описания “осыпей городней” не имеет смысла. Коснусь только вопроса о вале, реальность которого Ю.Ю. Моргунов отрицает (2008. С. 36). На “необрезанном” чертеже первоисточника хорошо видны, по крайней мере, ранние насыпи в виде сегментовидных в разрезе слоев материкового происхождения. Именно о постепенно увеличивающихся валах везде писал и А.В. Куза (1973а. С. 37–39; 1973б. Рис. 35а; 1981. С. 28. Рис. 20; Башилов, Куза, 1977. С. 22, 23). Другое дело, эти насыпи были невелики, что объяснимо: с напольной стороны площадку городища “отсекала” седловина естественного происхождения. Это позволяло максимально сократить объем земляных работ, а каждый новый частокол “спускался” по ее склону (Енуков, 2005. С. 81).

Косвенно против вспомогательного характера частоколов свидетельствуют абсолютные размеры фортификаций, что нагляднее всего демонстрирует схема стратиграфии последнего строительного периода, выполненная Ю.Ю. Моргуновым. Исследователь не дает графической реконструкции фортификаций Горналя, однако по его описаниям можно представить их облик (рис. 8). Оказывается, что высота частокола с учетом минимальной осадки вала превышала 5 м, т.е. он сам по себе представлял весьма серьезное препятствие. Для сравнения: Ю.Ю. Моргунов укрепления в Капыстичах с рассчитанной им общей высотой в 3,2–3,5 м расценивает как стену “солидной мощности” (2008. С. 41). В Горнале достаточно было удлинить бревна частокола на полтора метра (высота до уровня груди защитника)⁶ и достроить настил, чтобы получить более чем достойную преграду, при этом в разы сокращался расход лесоматериалов, объем земляных и плотничьих работ, не говоря уже о существенном упрощении последних. Тыны предшествующих строительных периодов были ниже, однако их высота все равно превосходила расчетный вариант стен Капыстичей.

В заключение остановлюсь на возражениях общего характера. Один из аргументов Ю.Ю. Моргунова против раннего появления косых острогов – хронологический разрыв между ними и аналогичными поздними фортификациями. Однако

⁶ Полагаю, частоколы могли возвышаться над настилами несколько больше, что отражено в представленных реконструкциях. Получившийся в результате “kozyрек” прикрывал защитников от стрельбы из лука “навесом”, которые в свою очередь для ответных ударов использовали амбразуры. Последние было легко сделать в стыках бревен, что известно по позднесредневековым материалам. В целом, однако, это не более чем предположение, которое не изменяет общие принципы строительной схемы.

примеров подобных лакун в археологии много и они нередко объясняются уровнем наших знаний. Исследователь является твердым сторонником идеи безраздельного господства в древнерусское время срубных укреплений при полном отказе от тыновых, одним из вариантов которых и были косые остроги. Считаю, в общей структуре оборонительного зодчества Древней Руси могли занимать свою нишу и частокольные стены, чему постепенно появляются доказательства, в том числе и в рассматриваемом регионе. Именно такое решение использовалось при возведении фортификаций Курска первой половины XI в., причем здесь фиксируются общие с косыми острогами предшествующего времени черты в виде расколотых пополам бревен, мелкой канавки в основании частокола, идущей по краю неглубокого рва практически без “отступа”-бермы (Енуков, 1998. С. 84. Рис. 2; 2008. С. 143, 144). Напомню, тыновая схема была использована на Рати в ходе 7-го строительного периода, который, судя по керамике из относящихся к нему напластований вала, датируется временем не ранее XII в. Частокольные укрепления окружали богатые боярские усадьбы XI в. верхнего Киева, в реконструкциях которых имеется много общего с косыми острогами северян Посемья: к тыну на краю рва с внутренней стороны примыкают насыпи, на которые опираются настилы боевого хода (Мовчан и др., 2005. Рис. 5, 1–3).

Вряд ли стоит расценивать частокольные укрепления северян как “примитивные”, что, по мнению Ю.Ю. Моргунова, должно лишний раз подтверждать справедливость мысли о широком распространении “сложных” приемов строительства уже в племенную эпоху. В противном случае “ренессанс” тыновых фортификаций в позднем средневековье – Новом времени следует рассматривать как регресс славяно-русского фортификационного зодчества. Есть все основания считать, что конкретные исторические ситуации порождали свои требования к строительным схемам, которые были призваны решать насущные задачи с наименьшими затратами труда и материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологическая карта России: Курская область / Сост. А.В. Кашкин. Ч. 1. М., 1998.
- Башилов В.А., Куза А.В. Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище // КСИА. 1977. Вып. 150.
- Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным // Тр. Тульской археолог. экспедиции. Вып. 2. Тула, 2000.
- Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках городища у с. Капыстичи Рыльского р-на Курской обл. в 2001 г. Приложение // Архив КГОМА. 2001а. I-120.
- Зорин А.В. Отчет об охранных раскопках городища у с. Капыстичи Рыльского р-на Курской обл. в 2001 г. // Архив КГОМА. 2001б. I-119.
- Зорин А.В. Укрепления северян и осадная тактика киевских дружин в X – начале XI в. (По материалам городища Капыстичи) // Куликово поле. Исторический ландшафт. Археология. История. Т. 1. Природа. Археология. Музейное дело. Тула, 2003.
- Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского р-на Курской обл. в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992а. Р-1. № 17081.
- Енуков В.В. Отчет о раскопках на Ратском городище Курского р-на Курской обл. в 1992 г. Альбом // Архив ИА РАН. 1992б. Р-1. № 17081а.
- Енуков В.В. О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.
- Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005 (Курский край: научн.-популярн. сер. в 20 т.; Т. III).
- Енуков В.В. Возникновение древнерусского Курска в контексте историко-археолого-нумизматических реалий региона // Древности эпохи Средневековья евразийской лесостепи. Воронеж, 2008.
- Енуков В.В., Енукова О.Н. Оборонительные сооружения славян Посемья (по материалам Ратского городища) // Археология и история юго-востока древней Руси. Воронеж, 1993.
- Енукова О.Н. Домостроительство населения Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск, 2007 (Тр. НИИ археологии юго-востока Руси КГУ; Вып. 1).
- Крадин Н.П. Русское деревянное зодчество. М., 1988.
- Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916.
- Куза А.В. Отчет о работах Суджанского археологического отряда на Большом Горнальском городище летом 1972–1973 гг. // Архив ИА РАН. 1973а. Р-1. № 7362.
- Куза А.В. Альбом к отчету Суджанского отряда за 1972 г. // Архив ИА РАН. 1973б. Р-1. № 7362а.
- Куза А.В. Большое городище у д. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.
- Куза А.В. Фортификация // Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
- Мовчан І.І., Козловський А.О., Іевлев М.М. Локальні оборонні споруди верхнього Києва Х–ХІ ст. // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Переяслав-Хмельницький, 2005.
- Моргунов Ю.Ю. О следах “косых острогов” X в. на городищах Курской области // РА. 2008. № 3.
- Носов К.С. Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. СПб., 2003.
- Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975.
- Сухобоков О.В. Древнерусский Путивль и его округа (по материалам археологических исследований). Путивль, 1990.

ВОТИВНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ПЕЩЕРНОГО СВАТИЛИЩА НА КАМНЕ ДЫРОВАТОМ (СРЕДНИЙ УРАЛ)

© 2011 г. Ю.Б. Сериков

*Государственная социально-педагогическая академия, Нижний Тагил
(u.b.serikov@mail.ru)*

Ключевые слова: *вотивные изделия, пещерное святилище на Камне Дыроватом, вотивные наконечники стрел, семантика стрел и святилища.*

The 20 000 arrowheads found in the unique cave sanctuary at Kamen' Dyrovaty (river Chusovaya) include an extensive series (over 600) of miniature items which can be interpreted as votive objects. Those are encountered among all the groups of arrowheads: stone, bone, bronze and iron. The votive arrowheads date to a wide chronological range, from the Mesolithic to the Middle Ages. The size ratio of the ordinary arrowheads to their miniature copies is 2-3:1 for the stone items and 3-5:1 for the bone and iron ones. Votive items could also include the stone arrowheads which are of untypical color and manufactured of rare types of minerals, and the ornamented bronze arrowheads. The votive arrowheads are an indicator of the sacrificial nature of the rituals that took place at Kamen' Dyrovaty.

Слово “вотивный” имеет латинское происхождение – *votives* (посвященный богам) от *votum* (обет, желание). Вотивные вещи в древности приносили на святилище в жертву для того, чтобы получить от божества (духов) удовлетворение просьбы, а также чтобы выпросить у него исцеление (или же в благодарность за исцеление). Обычно вотивные предметы изготавливались либо уменьшенных размеров, либо из другого (непригодного для практических целей) материала. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что использование вотивных предметов начинается уже с эпохи мезолита.

Миниатюрные копии жертвенных предметов встречены на целом ряде археологических памятников. Их количество заметно возрастает начиная с раннего бронзового века. На многослойном поселении на оз. Эзеро (Болгария) в слое ранней бронзы наряду с каменными сверленными топорами были обнаружены их глиняные модели (24 экз.), в том числе и миниатюрных размеров (Мерперт, 1975. С. 165–172). Как отмечает Н.Я. Мерперт, глиняные модели топоров неоднократно находили и на других памятниках Болгарии (1975. С. 163). Известны подобные находки и на территории России. Глиняные изображения двух кельтов и наконечника копья выявлены в культовом комплексе бронзового века Сузгун Па (Потемкина и др., 1995. С. 98). Три миниатюрные копии топориков, вылепленные из глины, обнаружены в слое поздней бронзы поселения Малая Березовая 4 (Южное Зауралье). Там же найдена уменьшенная копия бронзового серпа (Алаева,

2007. С. 128–130). Два глиняных изделия – миниатюрные копии клиновидных топоров – известны на поселении бронзового века Липовый Овраг, Средний Дон (Агапов, Иванов, 1989. С. 141). Модель вислообушного бронзового топора, изготовленная из гальки зеленого цвета, найдена в одном из погребений могильника Новые Ключи III, Самарская обл. (Мышкин, Турецкий, 2006. С. 320). На культовой площадке бронзового века, выявленной на берегу Шайтанского озера (Свердловская обл.), среди 150 бронзовых изделий найдены и вотивные предметы из бронзы: два миниатюрных кельта и маленькая копия наконечника копья (Сериков и др., 2008. С. 342. Рис. 1, 5, 12). Уменьшенные копии чеканов, кинжалов, ножей, а также наконечников стрел часто встречаются в курганах тагарской культуры V–IV вв. до н.э. (Членова, 1992. С. 214). Подобных примеров можно привести множество.

Значительная коллекция вотивных наконечников стрел (618 экз.) обнаружена в пещерном святилище на Камне Дыроватом, р. Чусовая, Свердловская обл. (Сериков, 1996). Они присутствуют во всех группах наконечников – каменных, костяных, бронзовых, железных. Наибольшее число вотивных изделий выявлено среди каменных наконечников стрел – 342 экз. (рис. 1).

Самые ранние вотивные наконечники из камня датируются эпохой мезолита. Один такой наконечник изготовлен на пластине белой кремнистой породы шириной 1.2 см (рис. 1, 1). Его длина – всего 1.8 см. Перо наконечника обработано мелкой кра-

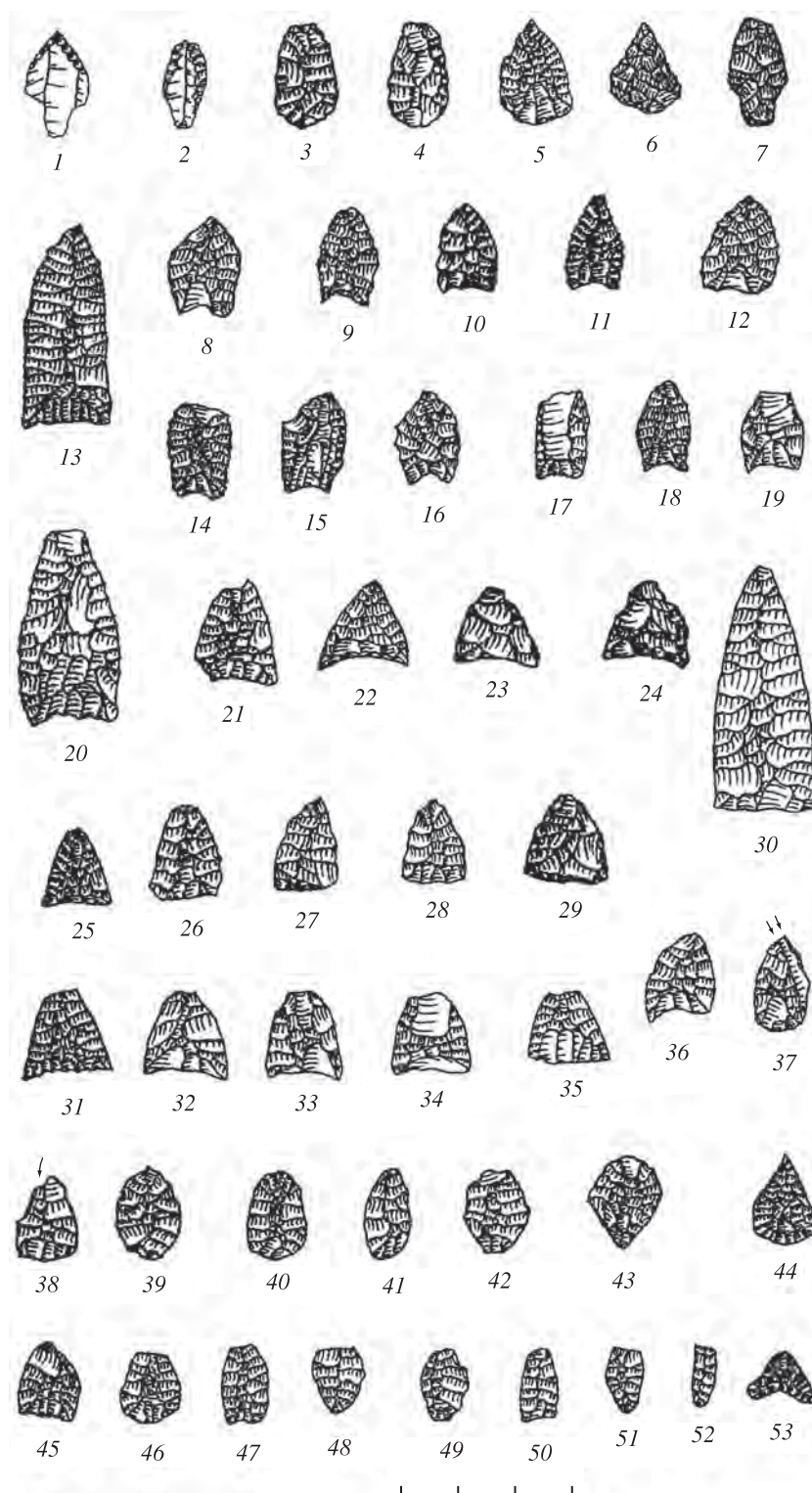

Рис. 1. Каменные наконечники стрел.

вой ретушью как со спинки, так и с брюшка, а рельефно обозначенный черешок – ретушью с брюшка (Сериков, 2005а. С. 245). Такую же частичную подработку ретушью имеет еще один наконечник на пластине. Изготовлен он из кремнистого сланца, его

длина – всего 1.5 см (рис. 1, 2). Следует отметить, что вотивные наконечники эпохи мезолита известны и на других памятниках Среднего Зауралья. Наконечник с поселения Крутяки I имеет треугольную форму, изготовлен из пластины светло-серой яшмы

Рис. 1 (Окончание).

(рис. 2, 1). Его длина – 1.7, ширина – 1 см. Перо наконечника оформлено краевой ретушью со спинки. Основание наконечника ровное, имеет незначительную подтеску со стороны брюшка. Подобный наконечник известен и на Шайтанском озере I. Он также изготовлен из светло-серой яшмы, но длина его всего 1.1 см (рис. 2, 2). Еще один наконечник с Шайтанского озера имеет длину 2.3 см. Кончик пера обработан ретушью со стороны брюшка, треугольный насад имеет хорошо выраженные

плечики, отретушированные со стороны спинки (рис. 2, 3) (Сериков, 2004. С. 102).

Основная же масса каменных votивных наконечников бытовала в широком хронологическом диапазоне – от эпохи неолита до раннего железного века. Длина votивных наконечников различается в зависимости от их типа. Наконечники иволистной и листовидной форм, которые можно отнести к неолиту, имеют длину, не превышающую в среднем 1.8 см (рис. 1, 55–64). Значительная часть каменных

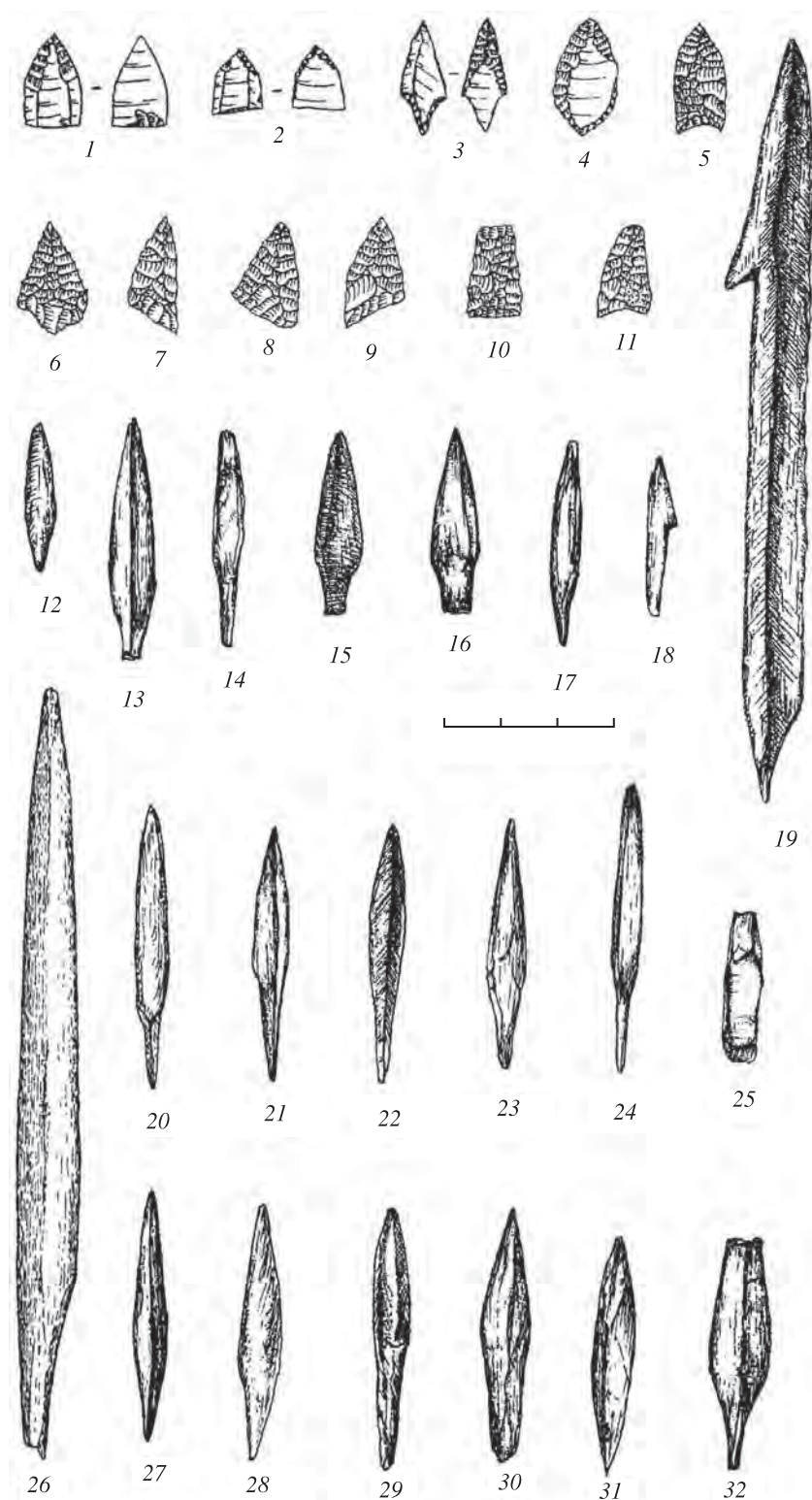

Рис. 2. Каменные (1–11) и костяные (12–32) наконечники стрел. 1 – Крутяки I; 2–6, 10, 11 – Шайтанское озеро I; 7–9 – Шайтанское озеро II; 12–32 – Пещера Туристов.

вотивных наконечников стрел относится к эпохам энеолита и ранней бронзы. Они более разнообразны по своей форме. Наибольшее распространение имеют узкие наконечники вытянутой треугольной формы с закругленным или слегка вогнутым основанием. Их длина обычно не превышает 2 см (в среднем – 1.5) (рис. 1, 3–6, 9–19, 37–52, 73–77, 94–103). Заметной серией представлены и черешковые наконечники. Их размеры колеблются от 1.2 до 2 см, что в 2 раза меньше длины обычных экземпляров этого типа. Среди них присутствуют наконечники с намеченным черешком (рис. 1, 7, 60–64, 105), с треугольным черешком и хорошо выраженными шипами (рис. 1, 80–92). Небольшой серией представлены наконечники овальной формы (рис. 1, 67–71). Единичное изделие – энеолитический наконечник с боковой выемкой (кельтеминарского типа). Длина его выходит за общие стандарты вотивных наконечников – 2.7 см (рис. 1, 66). Но если сравнивать его с обычными изделиями этого типа, то он в 2.5–3 раза меньше стандартных кельтеминарских наконечников. Некоторые вотивные наконечники эпохи энеолита имеют совсем миниатюрные размеры – 0.7–1.2 см (рис. 1, 45–53).

Заметной серией в коллекции Камня Дыроватого представлены наконечники стрел в виде широких треугольников с прямым или вогнутым основанием. Наконечники такого типа характерны для эпох поздней бронзы – раннего железа. Они имеют длину от 1.2 до 1.8 см, что в 2–3 раза меньше размеров стандартных наконечников (рис. 1, 21–29, 31–36).

Костяных вотивных наконечников в коллекции Камня Дыроватого 185 экз. Большая их часть относится к раннему железному веку и средневековью. По своим размерам они превосходят каменные наконечники, их длина колеблется от 2.2 до 4.3 см. Но в соотношении с обычными костяными наконечниками стрел их размеры меньше в 2–3 и даже 5 раз. Большой интерес среди костяных вотивных наконечников представляют миниатюрные изделия игловидной формы. Если бы они были найдены на поселении, их легко можно было бы принять за шилья, проколки. Костяные стерженьки овального сечения длиной 2–4 см и диаметром 2–4 мм с уплощенным на две грани насадом (рис. 3, 2–37). Но в пещеру они могли попасть только при помощи лука, следовательно, они являются наконечниками стрел. Самый маленький экземпляр имеет длину 2.2 см, в то время как длина обычных наконечников этого типа доходит до 17–26 см. Кроме игловидных в коллекции широко представлены наконечники с утяжеленной головкой и граненым пером. Их длина обычно укладывается в размеры от 1.5 до 3 см (рис. 3, 38–47, 49–78). Они в 3–4 раза меньше обыч-

ных наконечников. Присутствуют в коллекции костяные наконечники и других типов: листовидные (рис. 3, 79, 81, 82, 85–88, 92, 95, 98), черешковые (рис. 3, 80, 91, 108, 109), треугольные (рис. 3, 96, 97, 100, 101, 104, 110, 111), с расширенным основанием (рис. 3, 90, 94, 103) и др.

Некоторые вотивные наконечники выполнены не из кости, а из рога (рис. 3, 54, 55, 74, 101). Большой интерес представляет наконечник из рога, повторяющий форму бронзового трехлопастного наконечника (рис. 3, 112). Он, по-видимому, также имеет вотивный характер.

Среди бронзовых (медных) наконечников стрел также встречаются уменьшенные копии – 88 экз. Если средняя длина бронзовых наконечников составляет 3.5 см, а встречаются экземпляры длиной до 5.5, то длина вотивных наконечников составляет 1.8–2.4 см (рис. 4, 5–7, 9–15, 17–20, 22–33). Длину до 2 см имеют 47 наконечников, до 2.4 см – 41 экз. Это в 1.8–2 раза меньше обычных трехгранных наконечников с шипами. Следует подчеркнуть, что наконечники стрел с удлиненной втулкой в коллекции вотивных представлены единичными экземплярами (рис. 4, 30–33). Кроме втульчатых наконечников стрел к вотивным можно отнести и два плоских наконечника. Оба изготовлены из меди. Один наконечник длиной 2.4 см имеет форму вытянутого треугольника. А второй, длиной 2.6 см, – повторяет форму каменного черешкового наконечника с шипами.

В коллекции железных наконечников выявлено только 3 вотивных наконечника. Один из них имеет длину 1.7 см, второй – 2.7, третий – 3.2. Их соотношение с обычными наконечниками составляет 4:1 в первом случае и 3:1 – в остальных двух (рис. 4, 2, 3). Любопытен самый маленький железный наконечник. Он изготовлен из плоской железной пластинки, кончик которой в горячем виде был повернут на 90° по отношению к основной плоскости. В результате эта плоскость стала пером наконечника, а повернутый участок – насадом (рис. 4, 2).

Следует отметить, что на некоторых каменных наконечниках присутствуют следы удара о препятствие (скалу) в виде резцовых сколов или плоских заломов (рис. 1, 14, 17, 19, 34, 37, 38, 43, 55, 75, 81, 83, 100, 102). Такие же следы в виде плоских заломов или смятости кончика пера отмечены и на костяных и бронзовых наконечниках стрел. Это свидетельствует о том, что они попали в пещеру, будучи выпущены из лука.

Важно подчеркнуть, что среди выделенных 600 вотивных наконечников присутствуют экземпляры, в отношении которых нет сомнений в их вотивном характере. Но в коллекции Камня Дыроватого

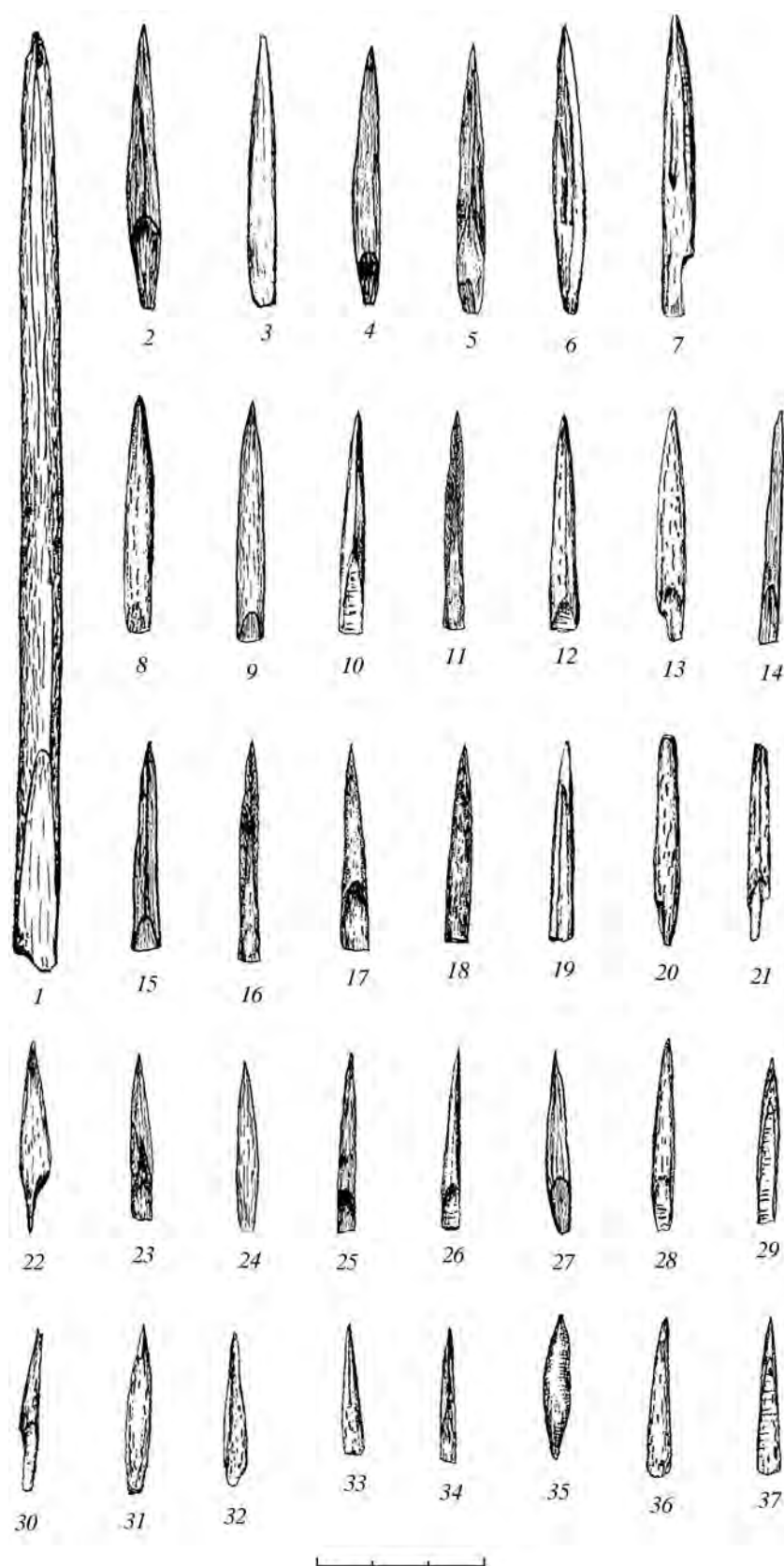

Рис. 3. Костяные наконечники стрел.

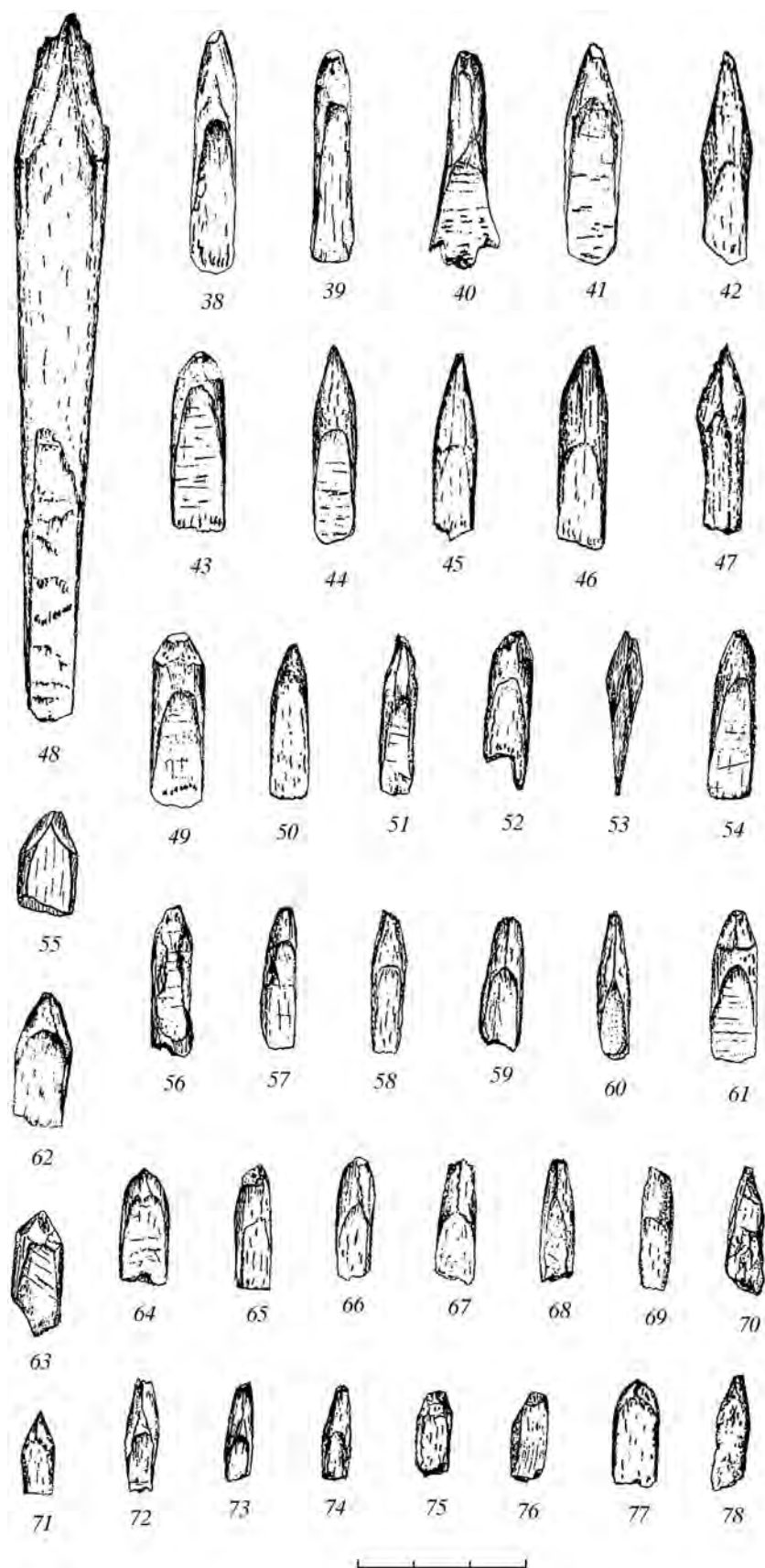

Рис. 3 (Продолжение).

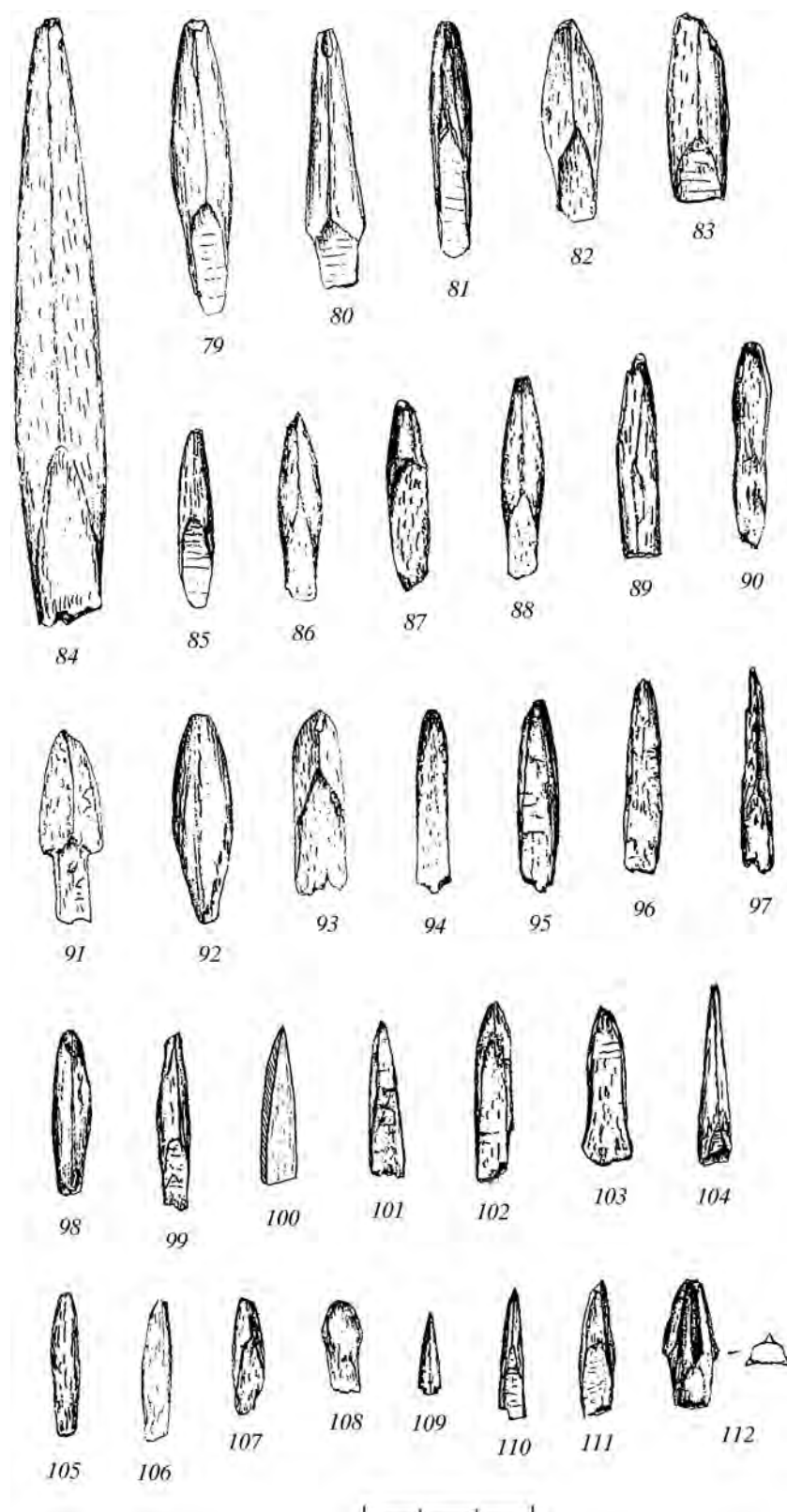

Рис. 3 (Окончание).

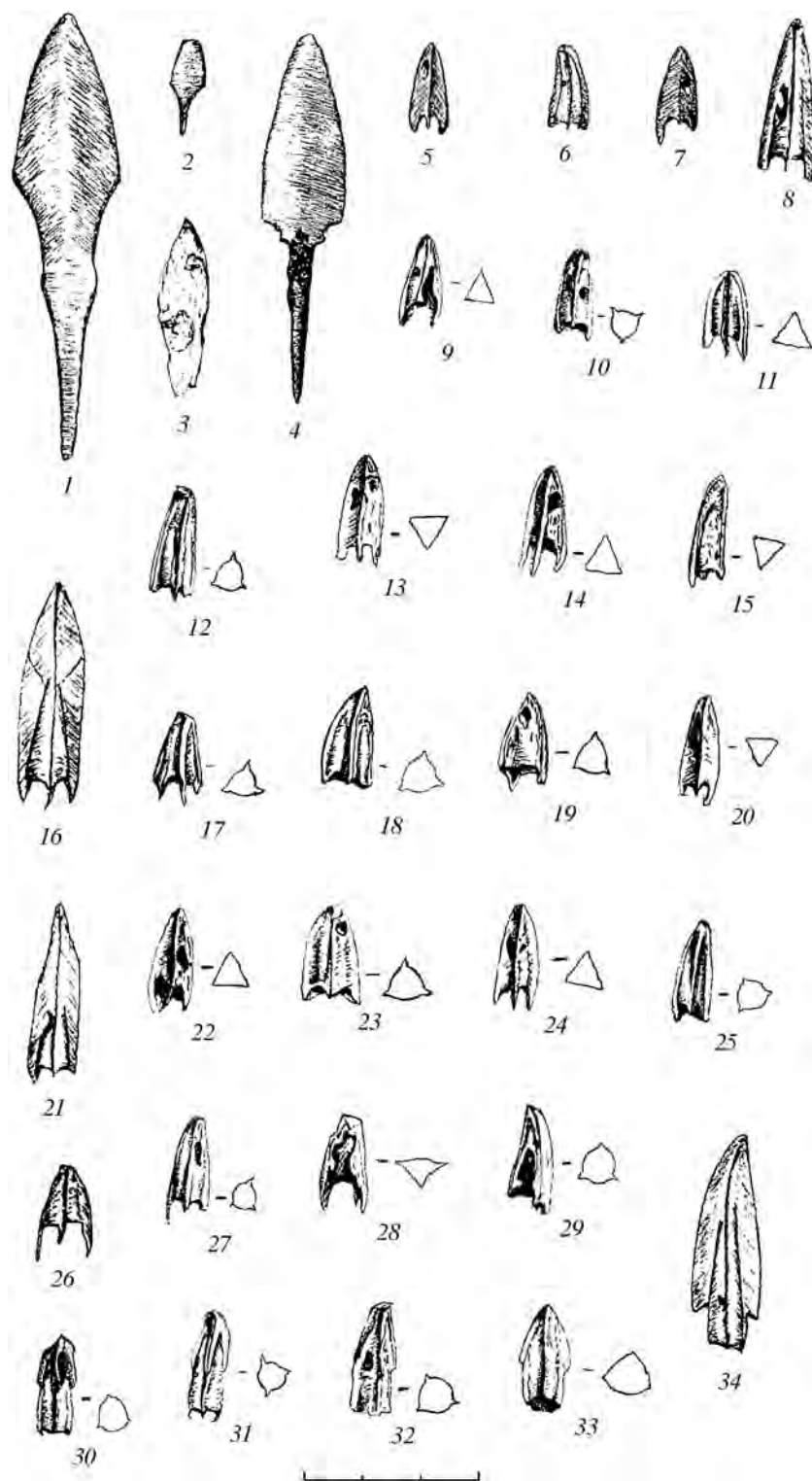

Рис. 4. Железные (1–4) и бронзовые (5–34) наконечники стрел.

присутствуют еще сотни наконечников, которые по своим размерам лишь немного уступают экземплярам, отнесенным к votivным. Так что в действительности votивных наконечников в комплексе Дыроватого было гораздо больше.

Коллекцию votивных изделий можно увеличить, если учесть бросающиеся в глаза особенности некоторых наконечников стрел. Возможно, к votивным следует отнести экземпляры, изготовленные из необычного сырья и в отличающейся цветовой

гамме: из горного хрусталя, сердолика и ярких оттенков халцедона. Так, в пещере найдено три обломка хрустальных наконечников стрел. Еще один обнаружен у подножья скалы под пещерой. Интересен неолитический наконечник иволистной формы, изготовленный из полупрозрачного сердолика серовато-оранжевого цвета. В энеолитическом комплексе выделена целая серия наконечников стрел, которые следует описать особо. Все они изготовлены из халцедонов разных оттенков оранжевого, коричневого, серо-коричневого, бело-оранжевого, красно-бурого. Но цвет у всех наконечников подобран таким образом, что кончики острий у них окрашены в ярко-красный, оранжевый, коричневый, серо-коричневый или красно-бурый тона. Причем у одного из них буро-красная полоска от кончика острия идет по середине тулова наконечника, затем раздваивается и спускается на боковые шипы. В настоящее время собраны многочисленные материалы, которые показывают, что сакральное назначение изделия в древности часто подчеркивали и цветом, и материалом (Сериков, 1999. С. 101, 102; 2005б. С. 45–53).

К вотивным можно отнести и 34 бронзовых наконечника, украшенных орнаментом. Наносился орнамент только на трехгранные наконечники с укороченной втулкой. В семи случаях это выпуклый косой крест, нанесенный на все грани (рис. 5, 2, 3, 7–9). На 17 наконечниках орнамент выглядит в виде короткой поперечной полоски (рис. 5, 4, 6). Количество полосок на гранях бывает разное – от 1 до 3. Также различается и число орнаментированных граней – от 3 до 1. Иногда орнамент образует короткие “лесенки” (рис. 5, 5, 10, 12, 14, 15) или “елочки” (4 экз.) (рис. 5, 11, 13). Единичен наконечник, у которого по всем трем граням идет разный орнамент: на одной – насечки в виде “елочки”, на другой – в виде “елочки” вершиной вниз, на третьей – насечки образуют незамкнутый квадрат, похожий на так называемые ловушки, широко представленные в наскальных изображениях Урала (рис. 5, 1). По всей видимости, данные наконечники тоже следует отнести к вотивным.

Вотивные наконечники стрел не являются особенностью Камня Дыроватого. Они известны и на других памятниках, прежде всего культовых. Свыше десятка каменных вотивных наконечников стрел выделено в энеолитическом культовом центре на Шайтанском озере (Сериков, 2004). Они имеют разную форму, их размеры не превышают 2 см в длину (рис. 2, 4–6, 10, 11). На соседнем памятнике Шайтанское озеро II на культовой площадке бронзового века кроме бронзовых вотивных изделий (два кельта и наконечник копья) известны и камен-

ные. Среди 111 каменных наконечников 18 (16%) – вотивные. Это треугольные наконечники стрел со скошенным основанием, длина которых не превышает 2.2 см (рис. 2, 7–9). Каменные вотивные наконечники стрел присутствовали в погребальных комплексах могильника бронзового века Товкуртлор 3 (Нижнее Приобье). Они имеют треугольную форму с прямым основанием, их длина укладывается в размеры от 2.2 до 2.5 см. Всего в трех могилах найдено 10 каменных наконечников, 5 из которых имеют миниатюрные размеры (Стефанов, 2006. С. 53. Рис. 3, 3–5; 4, 4, 5).

В Пещере Туристов, расположенной в 1 км от Камня Дыроватого, найдено свыше 40 костяных вотивных наконечников стрел. Их длина колеблется от 2.6 до 5.1 см. В этой серии присутствуют наконечники стрел разных типов – треугольного сечения, прямоугольного, ромбического, овального (рис. 2, 12–18, 20–25, 27–32). Все они тщательно обработаны, за исключением двух, небрежно сделанных. Почти все наконечники имеют вытянутые узкие очертания при ширине от 0.4 до 1 см. Обычно их ширина составляет 0.5–0.8 см. Один наконечник округлого сечения длиной 2.6 см выполнен из рога (рис. 2, 12). В комплексе пещеры наиболее выразительны наконечники стрел с боковым пером и шипом – 32 экз. Длина наконечников колеблется от 7.1 до 15.3 см (рис. 2, 19). Но к этому же типу относится вотивный наконечник длиной всего 2.8 см (рис. 2, 18). Все вотивные наконечники датируются ранним железным веком – средневековьем.

В других пещерных святилищах, где наконечники стрел составляют значительный комплекс, всегда имеются и вотивные наконечники. Так, в Лобвинской пещере (Средний Урал) насчитывается свыше 300 целых и 1.5 тыс. обломков наконечников стрел. Среди них имеются и миниатюрные наконечники из камня и кости, которые один из исследователей пещеры уверенно относит к вотивным (Чаиркин, 2004. С. 27, 28). В Канинской пещере (Северный Урал) наконечников стрел найдено поменьше – 780 экз., но и среди них десятки наконечников из камня и кости (Канивец, 1964. Рис. 16, 3–5; 38, 7, 8; 42, 1, 4–6, 8–11), имеющие небольшие размеры, можно считать вотивными изделиями.

Наличие в пещерном святилище на Камне Дыроватом нескольких сотен вотивных наконечников стрел, которые представляют все археологические эпохи от мезолита до средневековья, позволяет подойти к пониманию сакрального назначения всех наконечников стрел, найденных в пещере (а их свыше 20 тыс.). При выяснении семантического статуса наконечников стрел Камня Дыроватого необходимо помнить, что рассматривать их нужно в

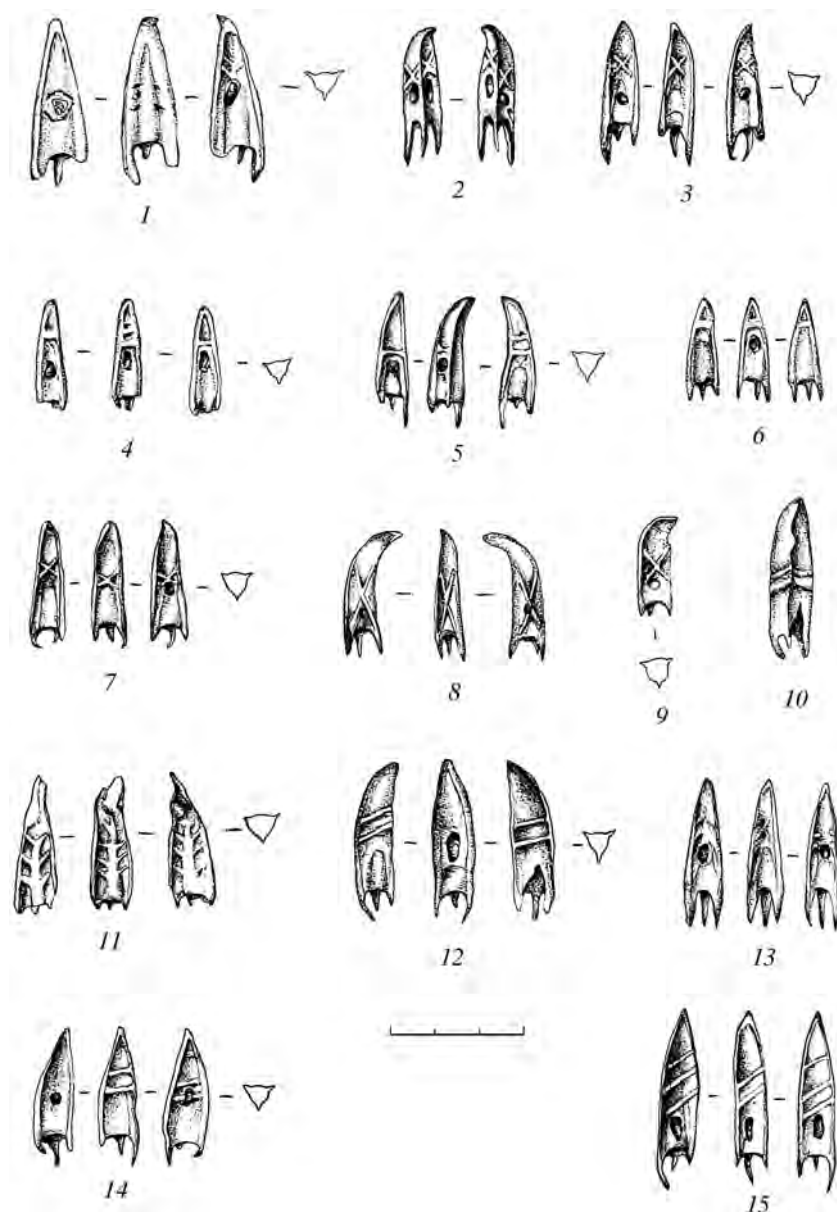

Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел с орнаментом.

совокупности со всеми находками, потому что этот набор находок сформирован древними носителями культуры путем целенаправленного отбора. Следовательно, все характеристики этого набора, прежде всего состав, число и виды призваны отражать определенные идеи. Обязательное условие выявления “семантического поля” категории вещей – их рассмотрение в археологическом контексте (Антонова, Раевский, 2002. С. 15, 16).

Присутствие в комплексе наконечников изделий, специально изготовленных для жертвоприношения, должно подчеркивать семантически жертвенное назначение всех наконечников. Чтобы умиловить грозного “хозяина” реки, изображение

лица которого усматривается на 60-м скале Камня Дыроватого, древние аборигены посылали ему жертвенные дары в виде костей животных, украшений и стрел. В этом случае все находки и их археологический контекст увязываются в единый семантический узел.

Однако это только верхний уровень семантического поля Камня Дыроватого. Все жертвенные дары, как и сами наконечники стрел, попали в пещеру в результате выстрела из лука. Значит, выстрел из лука и сама стрела играли особую роль в обрядах, проводимых у Камня Дыроватого. Поэтому среди трех составляющих комплекса камня Дыроватого (наконечники стрел, украшения, кости

животных) нужно найти такое символическое значение всех находок, которое показало бы их семантическое единство.

Учитывая защитные, оберегающие функции наконечников стрел и других находок (зубов животных, солярных знаков, кресального кремня), можно предположить, что весь комплекс находок Камня Дыроватого представляет собой жертвенный дар, который призван защитить от вредоносного воздействия “хозяина”, “духа” Чусовой. С помощью этого “защищающего” жертвоприношения выстрел из лука блокировал канал связи между “своим” и “чужим” мирами и устанавливал символическую границу между ними. Этим самым люди регламентировали связь между мирами и приобретали определенную возможность контроля над нею (Байбурин, 1989. С. 82–86).

Таким образом, анализ вотивных наконечников стрел помогает установить не только их семантику, но и семантику остальных наконечников, найденных в пещере Камня Дыроватого (Сериков, 2007. С. 150–152).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Иванов А.Ю. Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989.
- Алаева И.П. Миниатюрные предметы из материалов поселения бронзового века Южного Зауралья // XVII Уральское археолог. совещание: Матер. науч. конф. Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С. Археология и семиотика // Структурно-семиотические исследования в археологии. Т. 1. Донецк, 2002.
- Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Канивец В.И. Канинская пещера. М., 1964.
- Мерперт Н.Я. Ритуальные модели топора из Эзеро // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- Мышкин В.Н., Турецкий М.А. Курганы бронзового века на р. Малый Кинель // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995.
- Сериков Ю.Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // СА. 1996. № 4.
- Сериков Ю.Б. Горный хрусталь и его использование в каменном веке Урала // История и философия минералогии: Матер. II Междунар. минералог. семинара. Сыктывкар, 1999.
- Сериков Ю.Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Уч. зап. Нижнетагильской социально-педагогической академии. Нижний Тагил, 2004 (Общественные науки).
- Сериков Ю.Б. Каменные наконечники стрел эпохи мезолита на территории Среднего Зауралья // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005а.
- Сериков Ю.Б. Символика цвета у древнего населения Урала по данным археологии // Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил, 2005б.
- Сериков Ю.Б. К вопросу о семантике наконечников стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом // ЭО. 2007. № 6.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. I. М., 2008.
- Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. 2006. № 1.
- Чаиркин С.Е. Пещеры Урала: общий обзор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР).

КРЕСТОВИДНАЯ ПОДВЕСКА И ЕЕ МОДИФИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕЦНИНСКОЙ МОРДВЫ

© 2011 г. С.И. Андреев*, Н.В. Терехова**

* Тамбовский государственный университет (siatambov@rambler.ru)

** Институт археологии РАН, Москва

Ключевые слова: среднецнинская мордва, финно-угры, крестовидная подвеска, типология, украшение, оберег, хроноиндикатор.

Mordovian antiquities from the middle Tsna contain numerous cruciform pendants, which are an ethnic identifier. The authors suggest a typology based on the shape and size of the horizontal pieces and on the way they are joined together. These details can be considered chronological indicators of this type of adornment. Cruciform pendants were worn on the chest, most probably as charms. They existed in the middle Tsna region from the 8th to the 12th cc., when they were replaced by new types of adornments.

В древностях среднецнинской мордвы как в погребальных комплексах, так и в культурном слое поселений в большом количестве встречаются крестовидные подвески, которые различаются большим разнообразием форм. Этот вид украшения становится настолько популярным среди среднецнинской мордвы, что приобретает характер этноопределяющего предмета и вне ее ареала практически не встречается.

Количество найденных на сегодняшний день подвесок позволяет предложить разработанную авторами данной статьи типологию. Для этого были использованы материалы пяти могильников (рис. 1): Крюковско-Кужновского (Материалы

по истории мордвы VIII–XI вв., 1952), Елизавет-Михайловского и Пановского (Средне-Цнинская мордва VIII–XI вв., 1969), Лядинского (Воронина, 2007) и Младшего Серповского (Андреев, 2006). Всего учтено 363 крестовидные подвески. Особо подчеркнем, что предметы из культурного слоя поселений не учитывались.

В качестве основы для выделения типов крестовидных подвесок выступают форма и размер лопастей подвески, а также характер их соединения, так как именно эти признаки, по нашему мнению, являются хронологическими индикаторами данного вида украшений.

Тип I – подвеска классической крестовидной формы, имеющая овальные лопасти одинаковой величины (рис. 2, 1). Подвески данного типа встречаются не только в среднецнинских могильниках, но также в небольшом количестве и в мордовских могильниках сопредельных территорий – II Журавкинском, Степановском, Армиевском (рис. 1). В среднецнинских могильниках подвески I типа составляют 14.5% (53 экз.) от общего количества.

Подвески I типа датируются поясной пряжкой VIII–IX вв. типа 6 IV отдела по типологии В.Б. Ковалевской (1979. С. 36, 37) из погр. 553 Крюковско-Кужновского могильника; сюльгамами типа 5Г2а по типологии мордовских древностей второй половины VIII – IX в. из погр. 33 и 1226 Елизавет-Михайловского могильника (Вихляев и др., 2008. С. 59); височной привеской второй половины VIII – середины IX в. варианта 4 типа I по типологии Р.Ф. Ворониной (1988. С. 240) из погр. 1086 Елизавет-Михайловского могильника; дробовой гривной IX – начала XI в. из погр. 94 Пановского могиль-

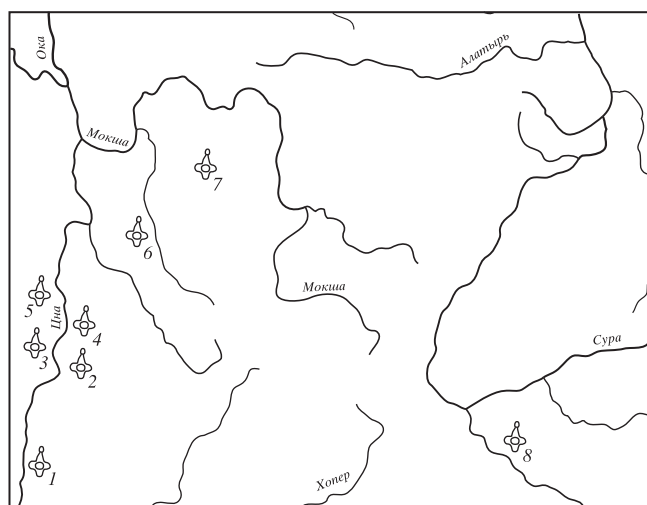

Рис. 1. Распространение крестовидных подвесок в мордовских могильниках. 1 – Лядинский; 2 – Пановский; 3 – Крюковско-Кужновский; 4 – Елизавет-Михайловский; 5 – Младший Серповский; 6 – II Журавкинский; 7 – Степановский; 8 – Армиевский.

ника (Зеленцова, 1992. С. 42), гривной IX – начала XI в. из погр. 125 Елизавет-Михайловского могильника (Зеленцова, 1992. С. 43); восьмигранной сердоликовой бусиной IX–XI вв. из погр. 98 Крюковско-Кужновского могильника (Полубояринова, 1991. С. 26); височными привесками с грузиком и спиралью X в. из погр. 72, 290, 544 Крюковско-Кужновского могильника, погр. 94 Пановского и погр. 33, 125 Елизавет-Михайловского могильников (Воронина, 1988. С. 240); сюльгами X–XI вв. типов 1Б5а из погр. 72, 131, 400, 544, 553 Крюковско-Кужновского, погр. 33 и 1226 Елизавет-Михайловского могильников и 1Б6а из погр. 98, 544 Крюковско-Кужновского, погр. 94 Пановского и погр. 1226 Елизавет-Михайловского могильников (Вихляев и др., 2008. С. 54); коньковой подвеской X–XI вв. варианта 4 по типологии Л.А. Голубевой (1979. С. 50) из погр. 290 Крюковско-Кужновского могильника; шестигранной гривной X – начала XI в. из погр. 544 Крюковско-Кужновского могильника (Зеленцова, 1992. С. 43), саманидским дирхемом, чеканенным в 930-е годы в Самарканде при султане Наср-ибн-Ахмаде, из погр. 1 Младшего Серповского могильника (Андреев, 2006).

По всей видимости, крестовидные подвески данного типа появились в среднецнинских могильниках в конце VIII – первой половине IX в. и бытовали до XI в. включительно. Этот вариант – исходный для дальнейшей эволюции крестовидной подвески.

Тип II – верхняя лопасть подвески имеет треугольную или подтреугольную форму, боковые и нижняя лопасти – овальной, иногда чуть заостренной формы (рис. 2, 2). Данный тип встречается в Крюковско-Кужновском, Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках и составляет 41.7% (152 экз.) от общего количества крестовидных подвесок среднецнинских могильников.

Подвески данного типа найдены в одних комплексах с гривной типа IГI VIII–IX вв. из погр. 58 Крюковско-Кужновского могильника (Зеленцова, 1992. С. 43); височными привесками варианта 5 типа I второй половины VIII – середины IX в. из погр. 70 Пановского могильника (Воронина, 1988. С. 240); трапезиевидными привесками с трубчатыми подвесками типа 3 класса II, датируемыми концом VIII – серединой IX в., из погр. 102 Елизавет-Михайловского могильника (Воронина, 1990. С. 218); сюльгами второй половины VIII – IX в. типов 5Г2в из погр. 49 Крюковско-Кужновского могильника и 5Г2а из погр. 70 Пановского и погр. 33, 102, 1226 Елизавет-Михайловского могильников (Вихляев и др., 2008. С. 59, 60); пластинчатой гривной типа 1Л16 второй половины VIII – IX в. из погр. 388 Крюковско-Кужновского могильника

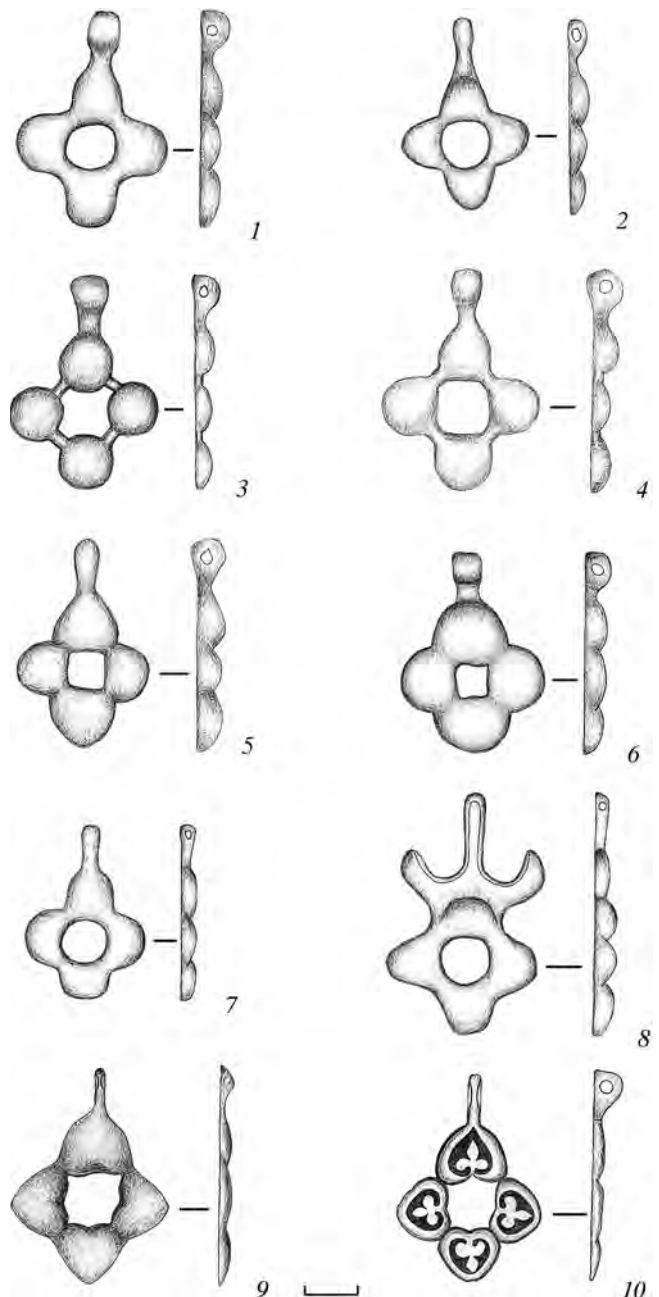

Рис. 2. Типы крестовидных подвесок из среднецнинских могильников.

(Вихляев и др., 2008. С. 22); поясными накладками IX–X вв. из погр. 501 Крюковско-Кужновского могильника (Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. С. 128).

Судя по этим совместным находкам, такие подвески появляются в районе Средней Цны в IX в. Верхняя граница бытования подвесок II типа – XII в. На это указывают комплексы, в которых вместе с крестовидными подвесками данного типа встречаются грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью конца X – начала XII в. из погр. 169

Крюковско-Кужновского могильника (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136); шиферные пряслица XI–XII вв. из погр. 413 Крюковско-Кужновского и погр. 96 Елизавет-Михайловского могильников (Рыбаков, 1948. С. 190); пластинчатый браслет с “волчьим зубом” XI–XII вв. из погр. 442 Крюковско-Кужновского могильника (Левашёва, 1967. С. 237). Дальнейшая эволюция данного типа – тип III крестовидных подвесок.

Тип III – лопасти подвески округлые, разделенные между собой прямыми длинными перегородками (рис. 2, 3). Данный тип встречается в Крюковско-Кужновском, Елизавет-Михайловском и Лядинском могильниках. Он составляет 11.2% (41 экз.) от общего количества крестовидных подвесок среднецнинских могильников.

Подвески III типа датируются поясной пряжкой типа 6 отдела IV по типологии В.Б. Ковалевской (1979. С. 36, 37) VIII–IX вв. из погр. 553 Крюковско-Кужновского могильника; сюльгами типов 5Г2а,б второй половины VIII – IX в. из погр. 83 Крюковско-Кужновского могильника (Вихляев и др., 2008. С. 59); височными привесками с грузиком и спиралью варианта 4 типа I второй половины VIII – середины IX в. (Воронина, 1988. С. 240); гривнами типа IBII IX – начала XI в. из погр. 527, 529 Крюковско-Кужновского могильника (Зеленцова, 1992. С. 43); височными привесками с грузиком и спиралью 2-го варианта II типа X в. из погр. 91, 404 Крюковско-Кужновского и погр. 7 Лядинского могильников из раскопок Р.Ф. Ворониной (1988. С. 240; 2007. С. 90); бляхой с дверкой типа 3 отдела Б II класса по типологии Р.Ф. Ворониной (2003. С. 79) X–XI вв. из погр. 49 Крюковско-Кужновского могильника; сюльгами типа 1Б5а X–XI вв. из погр. 91, 404, 529, 553 Крюковско-Кужновского могильника (Вихляев и др., 2008. С. 54); коньковыми подвесками X–XI вв. варианта 4 по типологии Л.А. Голубевой (1979. С. 50) из погр. 99, 529 Крюковско-Кужновского и погр. 4, 7 Лядинского могильников из раскопок Р.Ф. Ворониной (2007. С. 87, 90); коньковыми подвесками варианта 5 по типологии Л.А. Голубевой (1979. С. 50) X–XI вв. из погр. 404 Крюковско-Кужновского могильника; двухконьковидной поясной привеской из рога X–XI вв. из погр. 529 Крюковско-Кужновского могильника (Голубева, 1979. С. 58).

Таким образом, анализ сопутствующего инвентаря позволил установить время бытования подвесок III типа в границах IX–XI вв.

Тип IV – лопасти округло-вытянутые, перегородки короче, более утолщенные (рис. 2, 4) – дальнейшая эволюция подвесок III типа. Подвески данного типа встречаются в Крюковско-Кужнов-

ском, Елизавет-Михайловском и Пановском могильниках и составляют 19.5% (71 экз.) от общего количества.

Подвески данного типа найдены в одних комплексах с гривной типа IAI IX – начала XI в. из погр. 94 Пановского могильника (Зеленцова, 1992. С. 42), гривной того же времени из погр. 125 Елизавет-Михайловского могильника (Зеленцова, 1992. С. 43); височными привесками с грузиком и спиралью 2-го варианта II типа X в. из погр. 60, 75, 91, 263, 544 Крюковско-Кужновского, погр. 94 Пановского и погр. 125 Елизавет-Михайловского могильников (Воронина, 1988. С. 240); гривной типа IAVI X – начала XI в. из погр. 544 Крюковско-Кужновского могильника (Зеленцова, 1992. С. 43); сюльгами X – XI вв. типов 1Б5а из погр. 91, 263, 400, 519, 544 и 1Б6а из погр. 519, 544 Крюковско-Кужновского могильника (Вихляев и др., 2008. С. 54); коньковой подвеской X–XI вв. варианта 4 по типологии Л.А. Голубевой (1979. С. 50) из погр. 290 Крюковско-Кужновского могильника и височными привесками с грузиком и спиралью 3-го варианта II типа XI в. из того же погребения (Воронина, 1988. С. 240).

По этим находкам хронологические рамки бытования подвесок IV типа можно установить в пределах X–XI вв.

Тип V – верхняя и нижняя лопасти сердцевидной формы, боковые – округлые (рис. 2, 5). Данный тип встречается в Крюковско-Кужновском, Елизавет-Михайловском, Пановском и Лядинском могильниках. Он составляет 5.7% (21 экз.) от общего количества среднецнинских крестовидных подвесок.

Подвески данного типа датируются гривной типа IAI IX – начала XI в. из погр. 55 Пановского могильника (Зеленцова, 1992. С. 42); восьмигранной сердоликовой бусиной IX–XI вв. из погр. 98 Крюковско-Кужновского могильника (Полубояринова, 1991. С. 26); височными привесками с грузиком и спиралью 2-го варианта II типа X в. из погр. 544 Крюковско-Кужновского могильника (Воронина, 1988. С. 240); гривной типа IAVI X – начала XI в. из того же погребения (Зеленцова, 1992. С. 43); сюльгами X–XI вв. типов 1Б6а из погр. 98, 154, 544 и 1Б5а из погр. 131, 154, 544 Крюковско-Кужновского могильника (Вихляев и др., 2008. С. 54); коньковыми подвесками X–XI вв. варианта 5 по типологии Л.А. Голубевой (1979. С. 50) из погр. 154 Крюковско-Кужновского могильника, варианта 4 из погр. 55. и варианта 1 типа 3 из погр. 75 Пановского могильника (Голубева, 1976. С. 77, 78; 1979. С. 50).

Анализ погребальных комплексов позволяет утверждать, что подвески V типа бытовали в районе Средней Цны на протяжении X–XI вв.

Тип VI – лопасти широкие, округлой формы; верхняя и нижняя лопасти по размеру больше боковых (рис. 2, 6). Данный тип встречается только в Лядинском могильнике и составляет 0.5% (2 экз.). Датируется по сопровождающему инвентарю из погр. 26 Лядинского могильника: височными привесками с грузиком и спиралью 2-го варианта II типа X в., бляхой с дверкой X–XI вв. (Воронина, 1988. С. 240; 2007. С. 20, 21), сюльгами типа 1Б6а того же времени (Вихляев и др., 2008. С. 54).

Дата подвесок VI типа – X–XI вв.

Тип VII – верхняя лопасть овальная, нижняя и боковые – в форме широкого полумесяца (рис. 2, 7). Привески данного типа известны только в Крюковско-Кужновском могильнике. Составляют 2.1% (8 экз.) от общего количества исследуемых крестовидных подвесок.

Привески типа VII датируются материалами из этого же могильника: височными привесками с грузиком и спиралью 2-го варианта II типа X в. (Воронина, 1988. С. 240), сюльгами типа 1Б5а X–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 54) и пластинчатым браслетом с “волчьим зубом” XI–XII вв. (Левашёва, 1967. С. 237) из погр. 442; грушевидными бубенчиками с крестовидной прорезью конца X – начала XII в. из погр. 169 (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136).

По всей видимости, подвески VII типа бытовали в среде среднецнинской мордвы в X–XI вв.

Тип VIII представлен подвесками, главная особенность которых – наличие над верхней лопастью двух роговидных выступов; нижняя и боковые лопасти округлые или округло-вытянутые (рис. 2, 8). Данный тип встречается в Крюковско-Кужновском, Елизавет-Михайловском и Лядинском могильниках. Составляет 2.4% (9 экз.) от общего количества среднецнинских крестовидных подвесок.

Датировать подвески VIII типа позволяют находки из погр. 102 Елизавет-Михайловского могильника: трапецевидные привески с трубчатыми подвесками типа 3 класса II конца VIII – середины IX в. (Воронина, 1990. С. 218); сюльгамы типа 5Г2а второй половины VIII – IX в. (Вихляев и др., 2008. С. 59); височные привески с грузиком и спиралью 2-го варианта II типа X в. (Воронина, 1988. С. 240); коньковая подвеска варианта 5 по типологии Л.А. Голубевой (1979. С. 50) X–XI вв.

Таким образом, подвески VIII типа представляется возможным датировать второй половиной VIII – XI в.

Тип IX – лопасти в виде сердец (рис. 2, 9). Подвеска этого типа известна в единственном экземпляре из погр. 180 Крюковско-Кужновского могильника. Сопутствующий инвентарь представлен желтыми лимоновидными бусинами VIII–XI вв. (Валиулина, 2005. С. 88), грушевидными бубенчиками с крестовидной прорезью конца X – начала XII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136), сюльгамой типа 1Б5а X–XI вв. (Вихляев и др., 2008. С. 54). По всей видимости, данная подвеска датируется X–XI вв.

Тип X – лопасти сердцевидной формы, в центре каждой расположено изображение трилистника (рис. 2, 10). Такие подвески встречаются только в Лядинском могильнике и составляют 1.3% (5 экз.) от общего количества исследуемых крестовидных подвесок. Подвески этого типа были найдены при мониторинге могильника в разграбленном погребении, что не позволяет его узко датировать. Таким образом, время бытования подвесок X типа условно определяется периодом существования Лядинского могильника, т.е. концом IX – началом XI в. (Воронина, 2007).

Очевидно, крестовидные подвески вошли в обиход среднецнинской мордвы в конце VIII – первой половине IX и бытовали до XII в. О местном производстве данного вида украшений свидетельствует их значительное количество в среднецнинских могильниках и большое разнообразие типов.

Большинство среднецнинских крестовидных подвесок, судя по визуальному анализу, изготовлено из бронзы, в редких случаях – из серебра или меди.

Крестовидные подвески у местной мордвы были исключительно женским украшением. В 73 погребениях из 85 с данными подвесками они встречаются в женских погребениях в составе ожерелий, часто в сложных вариантах – из двух-трех, редко четырех низок, от 1 до 20 экз., а также в сочетании с другими украшениями (погр. 49, 58, 60, 64, 72, 73, 75, 83, 91, 94, 98, 99, 124, 131, 137, 154, 161, 163, 180, 182, 194, 199, 204, 208, 215, 216, 219, 220, 242, 249, 263, 281, 290, 304, 331, 335, 377, 380, 398, 402, 404, 413, 441, 442, 469, 479, 482, 506, 508, 527, 544, 553, 554, 571, 574 Крюковско-Кужновского могильника; погр. 33, 96, 97, 102, 125, 132 Елизавет-Михайловского могильника; погр. 38, 55, 70, 75, 94 Пановского могильника; погр. 4, 7, 11, 19, 26, 60, 61 Лядинского могильника). В женском погр. 200 Крюковско-Кужновского могильника крестовидная подвеска была найдена у бедренной части в качестве поясной привески. В семи мужских погребениях крестовидные подвески в составе ожерелья по-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ложены, видимо, женой покойного в качестве дара (погр. 169, 224, 400, 501, 519, 529 Крюковско-Кужновского и погр. 1226 Елизавет-Михайловского могильников). Данные подвески встречаются только в одном детском (девочка) погребении также в составе ожерелья (погр. 38 Пановского могильника). В трех погребениях (388 Крюковско-Кужновского, 1086 Елизавет-Михайловского, 16 Лядинского могильников) крестовидные подвески обнаружены в засыпной земле погребальной ямы или в разрушенном погребении.

Широкую популярность крестовидных подвесок у населения, оставившего среднецнинские могильники, можно объяснить их семантическим значением. У мордвы, как и у других угро-финских племен, крест является солярным символом, получившим выражение в некоторых типах украшений (Голубева, 1978. С. 68). Кроме того, солярная символика занимает центральное место как в космологических представлениях мордвы, так и в символической системе традиционного костюма (Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века, 1999. С. 160).

Крестовидные подвески в качестве нагрудного украшения, по всей видимости, имели значение оберега, так как издревле у финно-угров солнце было защитой от вредоносных сил. Помимо этого, по замечанию А.Н. Павловой, в женских украшениях обереги всегда имели и значение символа плодородия, защищая женщину как продолжательницу рода (1996. С. 105). В этой роли выступали, видимо, и крестовидные подвески.

Представляется, что сочетание семантики изделий и простоты их изготовления определили широкое распространение крестовидных подвесок в древностях среднецнинской мордвы.

Подобные среднецнинским крестовидные подвески изредка встречаются в славянских материалах. По всей видимости, такие экземпляры представляют собой случаи проникновения украшений в иноэтническую среду. Ярким примером служит подвеска из Боршевского кургана (IX–X вв.), которая идентична среднецнинским подвескам I типа (Седов, 1982. Табл. XXXIX, 5). Интересна подвеска из радимичского кургана Шапчицы (XI–XII вв.). Она отличается от мордовских подвесок тем, что прорезь у нее находится не посередине, а в каждой из четырех лопастей (Седов, 1982. Табл. XLVI, 4).

Таким образом, количество находок и разнообразие типов дают основание утверждать, что крестовидная подвеска представляет собой оригинальный вид украшений средневековой мордвы, а точнее группы, проживавшей на территории среднего течения р. Цна и к востоку от нее.

Андреев С.И. Отчет об охранных разведывательных работах археологической экспедиции ГУ "Инспекция охраны историко-культурного наследия Тамбовской обл." в 2005 г. // Архив ИА РАН. 2006.

Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (По материалам Билярского городища). Казань, 2005.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск, 2008.

Воронина Р.Ф. Мордовская височная привеска с грузиком и спиралью // СА. 1988. № 4.

Воронина Р.Ф. Трапециевидные привески с трубчатыми подвесками древней мордвы // СА. 1990. № 3.

Воронина Р.Ф. Типология и хронология блях с дверкой // РА. 2003. № 1.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI в.: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 гг. М., 2007.

Голубева Л.А. Коньки-подвески междуречья Волги и Оки // СА. 1976. № 2.

Голубева Л.А. Символы солнца в украшениях финно-угров // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979 (САИ; Вып. Е 1-59).

Зеленцова О.В. Шейные гривны среднецнинской мордвы // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск, 1992.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М., 1979 (САИ; Вып. Е1-2).

Левашёва В.П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967.

Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск, 1952.

Павлова А.Н. К семантике ажурных застежек волжских финнов IX–XIII вв. // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1996.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982 (Археология СССР).

Средне-Цнинская мордва VIII–XI вв. Саранск, 1969.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).

Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ТОРЕЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ XV в.

© 2011 г. С.И. Валиулина

Казанский (Приволжский) федеральный университет (svaliulina@inbox.ru)

Ключевые слова: *ремесло, цветная металлообработка, медницкое дело, инкрустация серебром, Торецкое поселение XV в., торевтика, курильница.*

The article publishes artifacts of non-ferrous metal, including a unique medieval copper incense burner, that have been found by the Kazan University Bilyar expedition in the course of investigations at Toretskoye urban settlement (15th c.).

В течение последних 20 лет Билярская экспедиция Казанского университета (руководитель С.И. Валиулина) последовательно осуществляет исследования домонгольского Билярского городища и памятников его северной округи: золотоордынского Биляра второй половины XIII – первой половины XIV в., Горкинского VIII селища (предположительно XIII в.) и Торецкого городского поселения XV в., общая исследованная площадь которых составляет более 5300 м². Такое микрорегиональное исследование (максимальное расстояние от Билярского городища до Горкинского VIII селища – 4 км) позволяет представить динамику развития исторического ландшафта одного из ключевых центров Среднего Поволжья и Прикамья в широком хронологическом диапазоне XI–XV вв. Материалы раскопок выявляют своеобразие материальной и духовной культуры каждого исторического этапа, трансформации в типе расселения (то и другое во многом обусловлено широким спектром процессов межкультурного взаимодействия в XIII–XV вв.) и вместе с тем преемственность в развитии городской культуры региона. Особенно выразительно культурные традиции проявляются в ремесленном производстве, прежде всего в гончарном и металлообрабатывающем. Показательным памятником в этом отношении выступает Торецкое поселение.

Торецкое городское поселение – крупный торгово-ремесленный центр XV в. (Валиулина, 2004а) – расположено в 3.5 км к северо-западу от с. Билярск, в основном на правой стороне пологого берега Торецкого ручья. Левый берег и край оврага являются подошвой Балынгусского холма, на юго-западном склоне которого находится позднесредневековый могильник (Балынгусское кладбище), известный еще с XVIII в. До раскопок

Торецкого поселения, которые ведутся с 1998 г., утвердилось мнение о том, что на его месте существовала деревня, “жители которой в XV–XVI вв. охраняли древности Билярска и Балынгуса” (Археологические памятники..., 1990. С. 78, 79. № 720–726). В настоящее время очевидно, что поселение и могильник составляют единый комплекс памятников.

На памятнике площадью 25 га раскопками выявлены кузнечное, чугунно-литейное, гончарное производства и не менее трех мастерских медников. Продукция этих мастерских и привозные изделия – яркая и содержательная часть коллекции поселения, содержащая бытовые изделия, столовую посуду, наперстки, ювелирную матрицу, муфты рукоятей, поясную гарнитуру, украшения, детали одежды, замочек, детали ларцов, фрагмент энколпиона, западноевропейские товарные пломбы и другие предметы (Валиулина, 2010. С. 187. Рис. XI, 1, 4–6). Особую группу металлических художественных изделий составляют зеркала и посуда.

В 2005 г. в западной части поселения на усадьбе мастера-замочника (раскоп V) в развале печи постройки № 3 непосредственно над железной сковородой большего диаметра была найдена бронзовая крышка диаметром 13 см, высотой 1.8 (рис. 1, 1). Изделие выполнено литьем из многокомпонентной бронзы (Валиулина, 2004б. С. 35. Табл. ан. 5). Поверхность диска концентрически разделена на две зоны, центральная часть сплошь покрыта стилизованным растительным орнаментом, по краю расположена кайма выходящей ветви с расщепленными дольчатыми листьями. Кроме того, изделие отделано ажурной просечкой. В центре имеется шпечка – основание ручки со сквозным отверстием

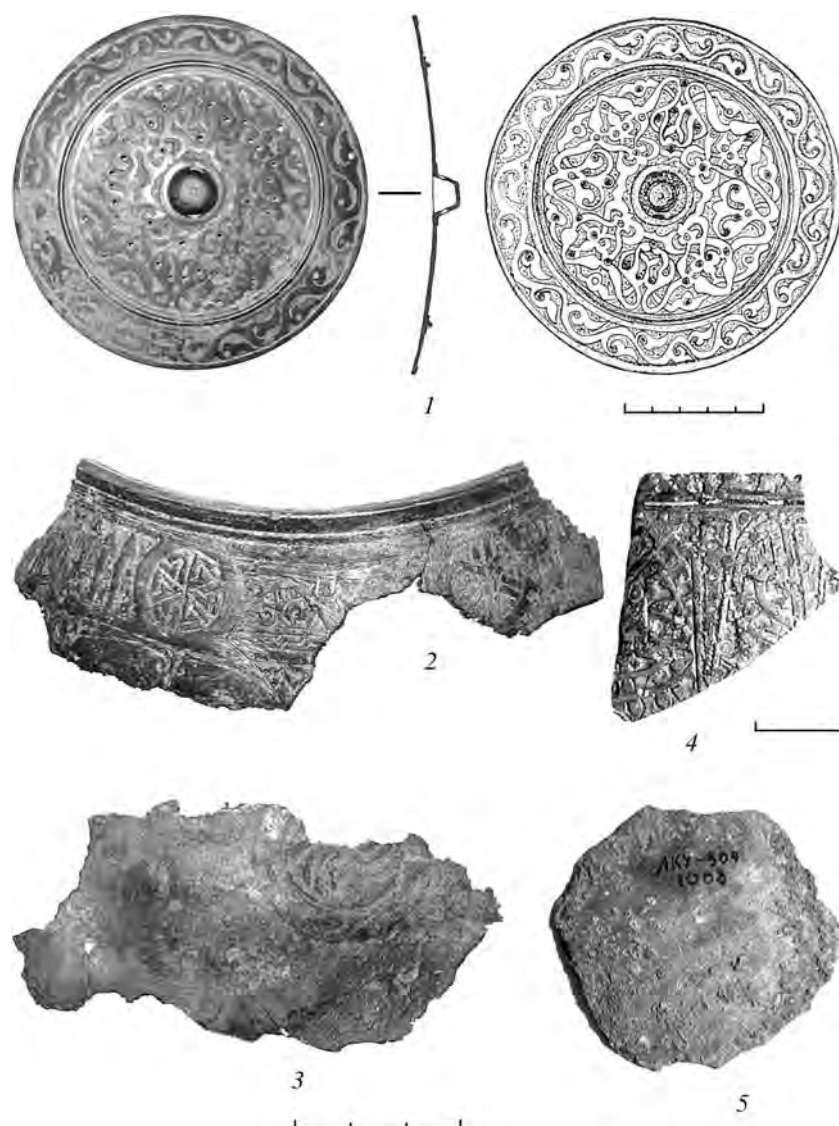

Рис. 1. Бронзовая посуда Торецкого поселения. 1 – крышка; 2, 3 – фрагменты чаши; 4, 5 – фрагменты сосуда с серебряной инкрустацией (подъемный материал вблизи раскопа VIII).

для петли. Самая близкая аналогия торецкой находки происходит из Болгара (Полякова, 1983. Табл. СХХI, б). Декор крышки представляет собой типичный для исламского искусства узор, отдельные элементы которого (вьющаяся лоза по краю) вошли в практику болгарских мастеров еще в XII–XIII вв. (Сокровища Приобья, 1996. С. 94, 95, 98, 99. № 37, 39). В целом, вся композиция находит параллели в орнаментации эпиграфических памятников Казанского ханства (Мухаметшин, 2008. С. 121–123. Рис. 11–13).

Основанием для атрибуции изделия послужили условия находки, но, возможно, предмет имел иное назначение – мог быть деталью, верхним куполом подвесной ажурной металлической лампы, которые были широко известны на Востоке (Marçais,

Poinssot, 1952. P. 418–422. Fig. 87–89; Abou-Khatwa, 2006. P. 205. Fig. 175), или крышкой курильницы – в обоих случаях оправдано наличие сквозных отверстий.

Восемь фрагментов, найденные на разных участках селища, принадлежали бронзовым сосудам с плотным растительно-эпиграфическим орнаментом, выполненным гравировкой и дополненным инкрустацией серебром – тонкой проволочкой и листочками (рис. 1, 2–5; 2). К сожалению, изделия сильно пострадали от коррозии. По сохранившимся шести фрагментам верхней части сосуда из постройки 1 раскопа VII можно сделать заключение о наличии, по меньшей мере, двух орнаментальных зон (рис. 2). Первая шириной 3 см сверху и снизу ограничена инкрустацией двойной серебряной

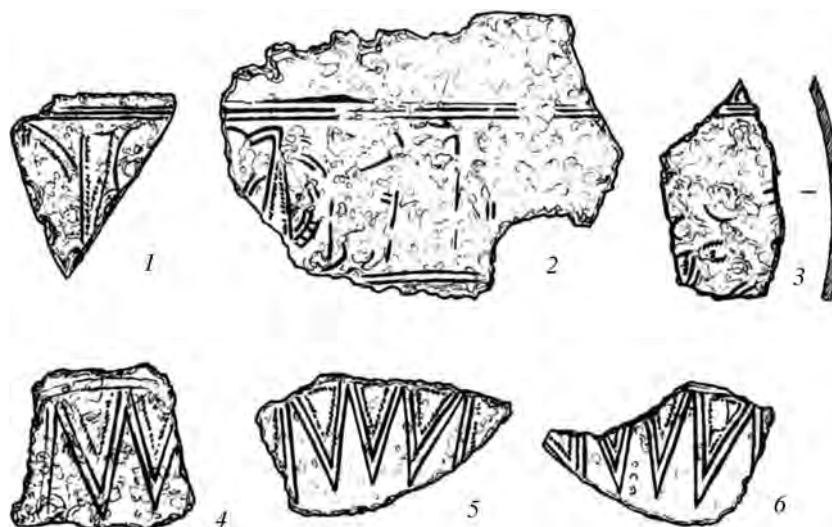

Рис. 2. Фрагменты бронзового сосуда с серебряной инкрустацией (раскоп VII).

проволокой, внутри – арабская надпись поверх растительных стеблей; вторая шириной 2.5 состоит из ряда треугольных зубцов, вытянутых вниз. Обе зоны инкрустированы серебром, которое почти не сохранилось, однако точечные следы его набивки хорошо заметны. Рассмотренные образцы отражают влияние инкрустированных иранских изделий. В этой же постройке среди обрезков медных пластин, заклепок от сосудов из цветного металла, свернутых из листа и литых, смятых, вышедших из употребления бронзовых изделий найдена аккуратно свернутая жгутиком лента серебра.

Чаша – подъемный материал в юго-восточной части селища вблизи раскопа IV. Два фрагмента дают представление о форме, размерах и орнаментации сосуда (рис. 1, 2, 3). Диаметр венчика – 12.5 см, высота могла составлять 7–9. Довольно большой фрагмент дна сохранился отдельно. Чаша была украшена только гравированным орнаментом без инкрустации. Декор внешней поверхности составляет орнаментальная лента под венчиком на плечиках сосуда, заполненная восемью круглыми медальонами с геометрическим орнаментом, чередующимися с картушами надписей почерком “насх” и растительной плетенки, сверху и снизу ограниченной меандровым узором. В нижнем ярусе орнамента расположены маленькие треугольные медальоны с двумя спирально скрученными стеблями и пальметты, образующие арочную композицию. На внутренней части дна чаши со смещением от центральной оси помещен медальон – два вписанных друг в друга круга диаметром 3 и 2 см. Центральный круг составляет 12-конечная вихревая розетка, внешний – шесть мелких овалов-капелек – стилизованные изображения рыб, плывущих

по направлению завитков розетки против часовой стрелки. На краю венчика гравировкой нанесена надпись (не читается).

Сюжет с изображением морского мира с рыбами и другими морскими существами, плавающими вокруг 12-конечной розетки в центре сосуда (*Fish-pond*), был широко распространен в ближневосточном исламском искусстве с конца XIII – начала XIV в. (Atil et al., 1985. P. 157; Искусство ислама, 1990. № 67). Солнечные символы – розетки – часто изображались с вихревыми лепестками (Ward, 1993. P. 113. № 89). На торецком сосуде этот сюжет исполнен очень примитивно.

По характеру орнаментации торецкой чаши прослеживаются аналогии в других болгарских памятниках золотоордынского времени (Казаков, 1978. С. 40. Рис. 14, 15). Наиболее близки ковши из Болгара в собрании ГИМ, которые, по мнению В.П. Даркевича, являются местной модификацией сиро-египетских сосудов (1975. С. 242, 243. Рис. 5; Полякова, 1996. С. 244. Рис. 77, 1, 3–5). Характеристику собственно сиро-египетского стиля в орнаментации изделий из цветного металла ранее представил А.А. Иванов: отсутствие изображений живых существ и инкрустации золотом или серебром, широкое применение геометризovaných и мелких растительных узоров, наличие арабских надписей (1972. С. 114).

Практически все опубликованные произведения исламского искусства, по форме, размерам и орнаментальным сюжетам служившие образцами-прототипами болгарских изделий, – латунные (Atil et al., 1985. P. 156–160, 164, 165, 262. Tabl. 1, 263; 2), выполнены ковкой, украшены гравировкой, ча-

сто инкрустированы золотом и серебром. Торевская чаша в отличие от многоцинковых латуней Ближнего Востока содержит минимальную присадку цинка (1.62%) (Валиулина, 2004б. С. 35. Табл. ан. 7) и выполнена литьем с последующей гравировкой. Булгарские “изделия городского высокопрофессионального мастерства” заявили о себе еще в X–XI вв. Однако несмотря на то что булгарские ремесленники, подражая восточным образцам, в целом уступали им в качестве, среди их продукции исследователями выделяются и прекрасно исполненные вещи, а в XII–XIII вв. отмечается и наличие определенной стандартизации булгарской продукции (Маршак, 1996. С. 13, 14).

Анализ медных и бронзовых изделий из Волжской Булгарии позволил В.П. Даркевичу сделать

вывод “о том, что не позднее XIV в. под воздействием сиро-египетских, иракских и иранских образцов в Волжской Булгарии сложилась местная школа медников. По формам посуды, принципам построения декора посредством узких лент и его размещению она генетически восходила к традиции Ближнего Востока XIII–XIV вв. Однако профессиональный уровень выполнения болгарских изделий значительно ниже, чем ближневосточных” (1975. С. 242).

Впоследствии справедливость такого заключения была поддержана ведущими исследователями (Полякова, 1996. С. 244; Сокровища Приобья, 1996. С. 94, 95) и получила дополнительные подтверждения в результате новых открытий в Болгаре (Баранов, 2001. С. 75–103) и на Торевском поселении.

Рис. 3. Бронзовые зеркала Торевского поселения.

Находки фрагментов бронзовых сосудов, инкрустированных серебром, на Торецком поселении, в том числе в мастерской, где присутствовало и серебро (раскоп VII), позволяют предположить местное производство таких изделий с упрощенным декором по ближневосточным образцам.

К числу художественных изделий, безусловно, относятся зеркала. В настоящее время в коллекцию памятника входят 14 бронзовых зеркал разной степени сохранности (все находки происходят из центральных раскопов поселения), из них систематизации поддаются 8. Торецкие зеркала рассмотрены в соответствии с типологией зеркал Болгара, разработанной Г.Ф. Поляковой, в качестве ведущего признака признающей оформление края (1996. С. 223–239).

Зеркало (рис. 3, 5) диаметром 7.3 мм с валикообразным бортиком и орнаментом, состоящим из двух тонких рельефных окружностей (по краям диска, как и у зеркал этого типа из Болгара, имеются наплывы металла), относится к типу В-I-7 и входит в число зеркал, пользовавшихся наибольшей популярностью у местного населения (Полякова, 1996. С. 238).

Зеркало диаметром 8.5 см имеет высоту бортика 0.3, украшено растительным орнаментом и крупной арабской надписью почерком “насх” (рис. 4): “слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных чиновников, (да будет) тебе благодеянием будущей жизни”. По типу орнамента и характеру надписи оно абсолютно идентично зеркалам типа В-II-6 Болгара (Полякова, 1996. С. 230. Рис. 73, 5), где их найдено 19.

Зеркало (рис. 3, 3) с зонально расположенным декором в виде звериного гона и растительного орнамента представлено сохранившейся центральной частью. Такие зеркала, как правило, имеют диаметр 13.5–14 см, высоту бортика – 0.5–0.7, орнамент обычно располагается в четырех концентрических зонах. На рассматриваемом фрагменте – две зоны растительного узора и средняя часть без орнамента. Зеркало относится к типу В-II-10.

Зеркало с изображением фигур двух сфинксов – “ал бораков” – и имитацией куфической благожелательной надписи по краю (рис. 3, 4) диаметром 10.5 см (высота бортика 0.5) относится к типу ВIII-166 (Полякова, 1996. С. 232).

Два зеркала объединяет общий орнаментальный сюжет – изображение двух рыб, плывущих по кругу. Один экземпляр (сохранился фрагмент), выполненный из сплава высокого качества с четким рельефным изображением, имеет диаметр 7.7 см (предположительно) и узкий высокий бортик 0.5

Рис. 4. Бронзовое зеркало с арабской надписью (раскоп XII).

(рис. 3, 1) и относится к типу ВII-15. Второй отличается нечетким расплывчатым изображением с низким рельефом (рис. 3, 2), диаметр – 8 см, высота бортика – 0.3, относится к типу ВIII (Полякова, 1996. С. 234). Очевидно, что оба зеркала генетически связаны, тип ВII-15 со срезанной краевой частью декора и вертикальным бортиком сложился на основе типа ВIII. Г.Ф. Поляковой такой генезис рассмотрен на примере зеркал типов ВIIIб-5 и ВII-2.

Небольшой фрагмент (рис. 3, 6) зеркала с широким (1 см) краем, украшенным меандровым орнаментом, возможно, относится к типу ВIIIб-2, предположительно диаметр – около 10 см.

Фрагмент зеркала с бортиком в виде гладкой полосы с фестончатым внешним краем шириной 0.4 см (тип ВIIIб-3), оформленным восемью фестонами (рис. 3, 7), представляет образец диаметром, по-видимому, 14 см. Восьмилопастные зеркала могли иметь разные декоративные композиции: мандаринские уточки и иволги, цветы, легендарный Ван Жи и юноши-бессмертные (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 76. Рис. 28, 30, 65), драконы в волнах (Конькова, 1989. С. 234).

Г.Ф. Полякова видит в качестве образцов для этих изделий дальневосточные зеркала, известные еще с сунского времени (X–XIII вв.). У булгар тип ВIIIб-3 получил широкое распространение в XIII–XIV вв. (Полякова, 1996. С. 239).

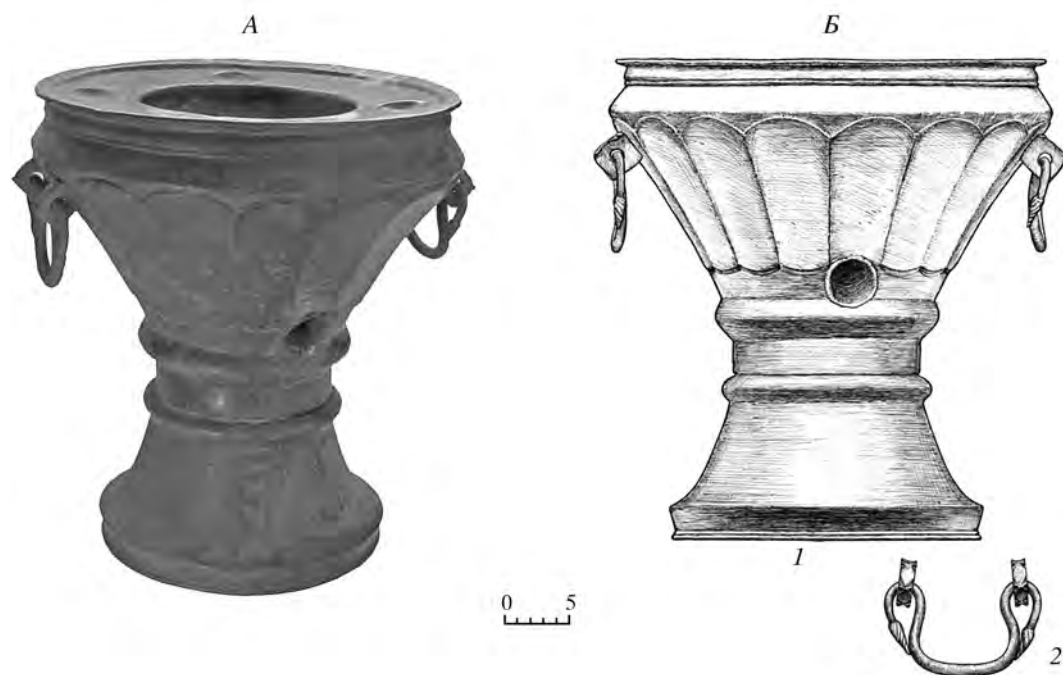

Рис. 5. Медная курильница Торецкого поселения (раскоп XIII). А (фото); Б (прорисовка): 1 – общий вид; 2 – ручка.

Бронзовые зеркала не имеют проекции в домонгольскую болгарскую культуру, являясь выразительной составной частью золотоордынской и, по всей видимости, постордынской культур.

В полевом сезоне 2009 г. в результате осмотра нарушений культурного слоя в юго-восточной части поселения, на левом берегу Торецкого ручья южнее могильника на участке обнажения грунта был заложен охранный шурф размерами 2 × 2 м с перспективой последующего исследования участка раскопом XIII.

В процессе раскопок сделана уникальная находка (Археологический музей Казанского университета (АКУ)-304/12510), определенная как курильница (рис. 5–7). Изделие высотой 37,5 см и весом 12,3 г состоит из трех конструктивных деталей, каждая из которых отливалась отдельно так, как это делалось при изготовлении большинства крупных изделий (Иванов, 1960. С. 340).

1. Линзовидная чаша диаметром 17, глубиной 9 с широким дисковидным бортиком диаметром 32 см, на котором симметрично расположены четыре округлых углубления, диаметром 4, глубиной 0,8, край был загнут и прокован вместе с верхним краем основного объема фальцовым швом. В центре дна чаши сделано отверстие диаметром 3 см (рис. 6, 1).

2. Центральная часть – биконический, усеченный дважды полый объем с удлиненным нижним кону-

сом, оформленным рельефными вертикальными фестонами-лепестками (ложками), зауженными книзу. Внизу коническая часть тулова завершается широким поперечным валиком и цилиндрической муфтой (рис. 7).

Чуть ниже максимального диаметра объема (37 см) в стенки вставлены и заклепаны массивные петли ручек (по две на каждую ручку), которые были отлиты отдельно в виде стилизованных голов кошачьей породы (рис. 5Б, 2; 6, 4, 5). В отверстия петель вставлены подвижные округлые ручки из дрота диаметром 1 см, концы ручек S-видно изогнуты в разные стороны и заканчиваются чуть перекрученными кисточками, напоминающими львиные хвосты (рис. 6, 4). Ранее на раскопе VII была найдена более миниатюрная железная ручка такой формы (АКУ-304/2357).

3. Нижняя часть – конический высокий и массивный поддон (диаметр основания 24 см) с поперечным валиком и цилиндрическим завершением, представляющий собой как бы сосуд, перевернутый вверх дном, в котором проделано круглое отверстие диаметром 3,5 см (рис. 5; 6, 2).

Крупные объемные изделия в средневековье отливались в земляных формах так, как это описывается в ремесленном трактате Теофила (XII в.) в главе LX “О литых кадильницах”: “глиняные отливочные формы засыпаются углем и прокаливаются в три приема, обложенные вокруг каменной кладкой без раствора. Когда формы снаружи прокалятся,

Рис. 6. Медная курильница, детали конструкции. 1 – верхняя чаша (вид сверху); 2 – поддон; 3 – следы штихеля на краю верхней чаши; 4 – ручка; 5 – база ручки.

в огонь ставится тигель с металлом, который нужно расплавить, при этом заполнять тигель необходимо постепенно – порциями”. Затем Теофил рекомендует: “убери камни и сними с огня формы и обмажь глиной, обильно размоченной в воде и подобно дрожжам тщательно пропущенной сквозь тряпицу. Вырой возле печи, в которой плавил, яму, помести в нее формы, накрой вокруг земли и плотно утрамбуй ее деревянной трамбовкой. Затем возьми многократно сложенную тряпицу, скрепленную деревянной рейкой, кривоносими щипцами сдвинь с огня тигель и аккуратно вылей (металл в формы) через эту тряпицу, которая задержит шлак и пепел” (2008. С. 311). Близкая технология описывается и в главе “Об отливке колоколов”. После отливки все неровности поверхности нужно было отбить острым молотком: “затем отбей ... и придай сосуду форму. Наполни его воском и отбивай его вокруг, если хочешь ровными либо круглыми ребрами, которые идут вокруг, словно ложки” (Теофил, 2008. С. 271). Торецкая находка имеет 16 таких ложко́в.

Перед сборкой курильницы муфту основного объема с одной стороны разрезали как для шва “в зубец” и насадили емкость на цилиндр поддона до упора в нижний горизонтальный валик, после чего шов заклепали (рис. 7, 2).

После сборки основных деталей в центр изделия вертикально через отверстия в верхней чаше и в поддоне была вставлена медная трубочка диаметром 3

сверху и 3.5 снизу, длиной 12.5 см, концы которой предварительно по периметру были надрезаны на глубину 4–5 мм через интервал такого же размера. Когда трубочка заняла свое место, ее зафиксировали – надрезы сверху и снизу отогнули и заклепали (рис. 6, 1, 2). Получившийся центральный канал служил для ссыпания золы. В момент обнаружения курильницы нижнее отверстие было заткнуто специально обточенным кусочком кирпича (рис. 6, 2). В нижней части основного объема в стенке было пробито отверстие, и в него также была вставлена трубка – поддувало диаметром 3.5, длиной 8 см, наклонно соединяющаяся с вертикальным каналом почти у его верхнего основания (рис. 5). Подобная медная трубка с надрезами с одной стороны (АКУ-304/3877) была найдена в мастерской медника на раскопе XI (Валиулина, 2008. Рис. 109, 19).

Изготовление медных и серебряных трубок также было довольно хлопотным делом, в сочинении Теофила этой процедуре посвящена специальная глава XLV “О трубке”: “...сделай трубку у чаши таким способом. Изготовь себе железный прут ... это орудие круглое и ровно вылощенное. Когда ты тонко отбил очищенное серебро, оберни его вокруг того железного прута, ровно соедини концы напильником, вынь прут, положи в огонь и спаяй. Снова вложи прут и равномерно отбивай шов молотком до тех пор, пока он не станет незаметным” (2008. С. 287). Присутствие боковой трубки – под-

дувала, очевидно, предполагало наличие крышки над верхней чашей. Но следов шарнирного устройства откидывающейся крышки нет, таким образом, если крышка была, то она ставилась сверху.

Путем спаивания отдельных частей изготавливались литые медные и бронзовые изделия, например жаровни в XV в. в Средней Азии (Мукминова, 1972. С. 17). Когда изделие было практически готово, мастер “прошел” чеканом или резцом скользящими движениями по нижним закруглениям фестонов-ложков, делая их контур более четким. На бортах чаши в двух местах мастер пробовал нанести гравировку штихелем, оставляющим следы в виде “косички”, но передумал.

Изделие имеет почти полную сохранность – незначительно прохудилась только вертикальная трубка сверху у самого основания и отсутствует крышка.

Курильница была обнаружена в перевернутом виде, под ней и в самой чаше сохранилась зола, вокруг найдены фрагменты шерстяной ткани грубого плетения¹, ее отпечатки четко фиксируются на стенках изделия (рис. 7, 1). Здесь же обнаружена крупная железная пряжка и фрагменты кожаного ремня. Вероятно, объемный предмет находился в мешке, стянутом ремнем конской упряжи.

На площадке шурфа в непосредственной близости от комплекса зафиксированы следы обработки цветного металла: кусочки шлака, тигелек, точильный брусок, ножницы по металлу, сверло (?), обломок железного ключа с явными следами омеднения, напильник, обрезки и стружки меди, светец, обломки железных предметов, детали удила, фрагменты керамики. В профиле восточной стенки шурфа выявлено пятно прокала и скопление кусочков шлака – очевидно, следы медеплавильной печи. В слое обнаружена серебряная крымская монета – Шадибек хан ал Джадид, Кафа, 1407 г. (определение Д.Г. Мухаметшина). Можно только предполагать, с какой целью курильницу принесли в мастерскую медника: в переплавку или в починку?

Курильница – уникальное изделие, подобные которому не известны ни в домонгольских болгарских, ни в золотоордынских древностях, ни в материалах Казанского ханства. Однако наличие курильниц у болгар подтверждает известная ранее медная крышка с серебряной инкрустацией XIII–XIV вв. из Болгарского музея-заповедника. В собрании Государственного Эрмитажа хранятся серебряные курильницы XVII–XVIII вв. – изящные по форме и декору, с высокими куполообразными ажурными

Рис. 7. Медная курильница. 1 – отпечатки ткани на поверхности; 2 – шов “в зубец” на муфте основного объема.

крышками (Искусство ислама, 2001. С.18, 22. Кат. 36, 37). Гораздо ближе торецкому образцу по основным пропорциям и форме, но несколько меньших размеров широко датированные курильницы – японская династии Мин (1368–1644) и корейская X – первой половины XIV в. из собрания Британского музея (www.art-and-archaeology.com/timelines/mideast/moslem.html)² (оба образца в музее представлены без крышек, как и торецкая находка), а также турецкая бронзовая курильница XVII в. (<http://cgi.ebay.com/Antique-Ottoman-Turkish-Islamic-Bronze-17th-century-/220389853226>).

Более близкие аналогии обнаруживают отдельные детали изделия, прежде всего ручки и их базы или петли. Подобные ручки имеет мангал, выполненный из литой бронзы и инкрустированный серебром, султана аль-Музафара ибн Умара мамлюкского Египта второй половины XIII в. из коллекции

¹ Атрибуция ткани выполнена О.В. Орфинской, за что выражаю ей глубокую благодарность.

² Eumorfopoulos Collection, ASIA AOA 1936.11–18.196.

Эдварда Мура в собрании Метрополитен музея (www.metmuseum.org/toah/hd/mold/ho2000.279.1,2.htm); ручки турецкой горелки XVI–XVII вв. и иранской подставки под факел или стойки факела (машал) 1558–1559 гг. – образца сефевидской торевтики в собрании Каирского музея исламского искусства (О'Кане, 2006а. Р. 269. № 229). По форме и конструкции торецкая курильница также находит определенные аналогии в настенных росписях, глиняных и металлических жертвенниках ранне-средневековой Средней Азии (Шкода, 1985. С. 86. Рис. 1) и на позднесредневековых иранских миниатюрах (Бертельс, 1997. С. 337. Ил. 16).

О широком использовании курильниц или горелок для благовоний в исламской культуре, прежде всего аристократической, свидетельствуют многочисленные книжные миниатюры. Анализ этого корпуса источников посвящена специальная статья Г. Фехервари, в которой курильницы в исламских странах рассматриваются как отражение влияния буддийской культуры (Fehervari, 2008).

В чаше курильниц обычно сжигались различные виды растений: сандал, ладан, чаще других письменные источники называют алоэ, специи в сочетании со смолами деревьев, мускусом. В этой связи вспоминается Большой Тирийак Таджаддина аль-Булгари (Таджаддин аль-Булгари, 1997. С. 29–42), содержащий более 60 наименований наркотических и лекарственных растений – благовоний, ладана, смолы, бальзамов, многие из которых, вероятно, использовались для воскурения на углях. Курильницы должны были обеспечить благополучие, удачу, мир, благие мысли, чувства и дела. Курильницы могли служить подставками для светильников или использоваться при исполнении особых культовых обрядов (Сенигова, 1968. С. 225).

Самые ранние упоминания курильниц в мечетях относятся к концу VIII–X в. Так, Ибн-Русте сообщает, что халиф Умар пользовался фигурной курильницей из Сирии в мечети Медины (Aga-Oglu, 1945. Р. 28; Бренд, 2008. С. 23). Курильницы VIII–XIV вв., хранящиеся в крупнейших музеях мира, выполнены в виде птиц или зверей (Баер, 1983. Р. 57, 59. Fig. 41, 42), но чаще имеют форму коротких цилиндров под ажурными куполообразными крышками на трех ножках-лапах (О'Кане, 2006б. Р. 130. Fig. 117, 118), иногда с длинной ручкой. Изделия исключительно богато орнаментировались гравировкой, чеканкой, ажурной просечкой, инкрустацией серебром и золотом. С XV в. в Османской империи проявляется новый стиль работы по металлу, характеризующийся акцентом не на отделке, а на форме и пропорциях изделий, в основном ла-

тунных (Бренд, 2008. С. 251). Торецкая курильница в форме чаши на массивном высоком поддоне – образец этого стиля. Он мог быть заимствован из мастерских Ближнего Востока или воспроизведен приезжим мастером на местной сырьевой традиции. О широких международных связях Торецкого поселения – торговых, культурных, ремесленных, конфессиональных – свидетельствует большое число импортов и статусные культовые предметы. На памятнике найдены, в числе прочих, иранские и крымские монеты, одна из них – на XIII раскопе, здесь же обнаружена крымская поливная керамика.

Торецкая курильница выполнена практически из “чистой” меди или низколегированного сплава на основе меди, присадка свинца составляет 0.92–1.3% (Валиулина, 2010. С. 183). Три пробы разных деталей изделия показали практически один состав, аналогичный тому, который имели обрезки и кусочки металла, обнаруженные на площадке шурфа.

Объект, исследование которого началось в 2009 г., был определен как мастерская цветной металлообработки или медника 3. В полной мере эта атрибуция оправдала себя в 2010 г., когда на раскопе площадью 64 м² были выявлены два медеплавильных горна разной степени сохранности, предгорновые ямы с каналами длиной более 4 м и другие объекты, найдены тигли, обрезки и куски меди, бронзовая льячка, серебряный слиток³, медный ковш, фрагмент бронзового зеркала, вставка в перстень, выполненная из бирюзы, бирюза-сырец, кусочки серы, точильные бруски, железные инструменты и др. Ранее была исследована мастерская 2 на западной окраине поселения (раскоп XI–2006), на которой обнаружены медеплавильный горн, технические подсобные сооружения, обилие отходов и обрезков цветного металла – меди, бронзы, свинца, серебра, полный набор инструментов мастера-ювелира, медные заготовки-заклепки (более 400) и обломки ювелирных изделий. По-видимому, мастерская специализировалась на починке и ремонте изделий. Представительная серия образцов металлических предметов и отходов XI раскопа была проанализирована И.Е. Зайцевой⁴, результаты анализа показали, что более половины (55.4%) выборки составили изделия из “чистой” меди – слаболегированного сплава, аналогичного составу металла курильницы и отходов производства из мастерской XIII раскопа. Исследователями были отмече-

³ Серебряный слиток 3.3×2.8 см, весом 24.8 г – рубленый сегмент круглой плоско-выпуклой лепешки диаметром около 8 см, максимальная высота в центре – 1 см.

⁴ Эмиссионный спектральный анализ выполнен в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН канд. техн. наук А.Н. Егорьевым.

ны очевидные преимущества меди перед бронзой или латунью, если требовалось получить изделия с высокой плотностью поверхности (Ениосова, Сарачева, 2006. С. 99). “Чистая” медь использовалась в медницком деле с домонгольского времени, прежде всего для изготовления сосудов (Кузьминых, Семькин, 2006. С. 262). Из такого металла выполнена большая часть посуды Торецкого поселения – ковши, черпак, чаши, оковки деревянных сосудов.

Интересно, что за все годы раскопок на Торецком поселении на площади более 4000 м² объекты цветной металлургии не были обнаружены. Такие мастерские в регионе неизвестны ни на домонгольских, ни на золотоордынских памятниках. По мнению С.В. Кузьминых и Ю.А. Семькина, теплотехнические сооружения на памятниках Волжской Булгарии, до недавнего времени принимавшиеся за металлургические, – это кузнечные горны или плавильные печи для рафинирования меди, а основной поток металла шел из Среднего и Верхнего Прикамья, прежде всего из ремесленных центров родановской археологической культуры (Кузьминых, Семькин, 2006. С. 260, 261). Можно предположить, что этот маршрут в Среднее Поволжье оставался традиционным и в XV в. Тем более что на тесное межкультурное взаимодействие регионов указывает широкий перечень аналогий в материальной культуре Торецкого поселения и позднесредневековых памятников Прикамья (Валиулина, 2009. С. 59, 60).

Открытие еще одной мастерской медника, безусловно, важно для исследования проблемы цветной металлообработки на поселении и в регионе. Но в данном случае большее значение имеет находка уникального памятника позднесредневековой торецтики – торецкой курильницы.

И отечественными, и зарубежными исследователями отмечается, что с XV в. начался новый этап в развитии художественных ремесел на Востоке (Иванов, 1961. С. 243; Brill, 2002. Р. 25). На рубеже XIV–XV вв. новый стиль сложился в обработке металла, однако, как ни странно, художественный металл этой эпохи известен меньше, чем металл предшествующего времени (Буряков, 1990. С. 102). Слабую изученность бронзовых и медных изделий Ирана XV–XVIII вв. А.А. Иванов объясняет их скромным убранством и простотой исполнения, делавшими их малопривлекательными в глазах исследователей. В XIV в. сокращается спрос на высокохудожественные инкрустированные изделия и увеличивается на медные и бронзовые в целом – с появлением интереса к ним в средних слоях населения (Иванов, 1961. С. 243, 244). Эта тенденция весьма выразительно проявляется на материалах Торецкого по-

селения, металлическая посуда которого – медная, бронзовая, железная, чугунная – количественно соперничает с глиняной. При этом единичны находки таких высокохудожественных изделий, как бронзовые сосуды с серебряной инкрустацией методом набивки и медная литая курильница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археологические памятники бассейна р. Черемшан. Казань, 1990.
- Баранов В.С. Клад медной посуды из Болгар // ТА. 2001. № 1, 2 (8, 9).
- Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. М., 1997.
- Бренд Б. Искусство ислама. М., 2008.
- Буряков Ю.Ф. Мастерская торецки XIV в. в Самарканде // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
- Валиулина С.И. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // ТА. 2004а. № 1, 2 (12, 13).
- Валиулина С.И. Изделия из цветного металла Балынгузского (Торецкого) III селища // Древность и средневековье Волго-Камья: Матер. III Халиковских чтений, 27–30 мая 2004 г. Казань; Болгар, 2004б.
- Валиулина С.И. Отчет о раскопках на Торецком поселении в Алексеевском р-не Республики Татарстан в 2007 г. // Архив ИА РАН. 2008.
- Валиулина С.И. Миграционные процессы в лесостепной зоне Западного Закамья в XIII–XV вв. (на примере памятников округа Билярского городища) // Форум “Идель–Алтай”: Матер. науч.-практ. конф. “Идель–Алтай: истоки евразийской цивилизации”: I Междунар. конгресс средневековой археологии евразийских степей. Казань, 2009.
- Валиулина С.И. Международные связи раннего Казанского ханства по материалам Торецкого поселения // Русь и Восток в IX–XVI вв. Новые археологические исследования. М., 2010.
- Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Булгарии XIII–XIV вв. // СА. 1975. № 2.
- Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) // КСИА. 2006. Вып. 220.
- Иванов А.А. О первоначальном назначении так называемых иранских подсвечников XVI–XVII вв. // Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л., 1960.
- Иванов А.А. О принципах датировки медных и бронзовых изделий Ирана XV–XVIII вв. // Тр. ГЭ. Т. V. Культура и искусство народов Востока. Л., 1961.

- Иванов А.А. Бронзовый тазик середины XIV в. // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
- Искусство ислама. Л., 1990.
- Искусство ислама. Каталог выставки. СПб., 2001.
- Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.
- Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР (рубеж II–I тыс. до н.э. – XIII в.). Л., 1989.
- Кузьминых С.В., Семькин Ю.А. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2006.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
- Маршак Б.М. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Мукинова Р.Г. Ремесло в Самарканде и Бухаре XVI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1972.
- Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты // Археология евразийских степей. Вып. 6. Казань, 2008.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов из Болгар: (Типологический и историко-культурный анализ): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и благородных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Сенигова Т.Н. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // СА. 1968. № 1.
- Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Таджаддин ал-Булгари. Большой Тирйак (Большое противоядие). Казань, 1997.
- Теофил. О различных искусствах // Книга тайн. Секреты мастерства. СПб., 2008.
- Шкода В.Г. Об одной группе среднеазиатских алтарей огня V–VIII вв. // Художественные памятники и проблема культуры Востока. Л., 1985.
- Abou-Khatwa N. Ottoman Art (1517–19th Century) // The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo. Cairo; N. Y., 2006.
- Aga-Oglu M. About a tipe of Islamic incense burner // The art Bulletin. 1945. V. 27. № 1.
- Atil E., Chase W.T., Jett P. Islamic metalwork. Washington, D.C., 1985.
- Baer E. Metalwork in Medieval Islamic Art. N.Y., 1983.
- Brill R.H. Some Thoughts on the Chemistry and Technology of Islamic Glass // Glass of the Sultans. N.Y., 2002.
- Fehervari G. Islamic incense burners and the influence of Buddhist art // The Iconography of Islamic Art: Studies in Honour of Robert Hillenbrand. Edinburgh, 2008.
- Marçais G., Poinssot L. Objets kairouanais. IX-e au XIII-e siecle. Reliures, verreries, cuivres et bronzes, bijoux. Notes and documents. XI – Fasc. 2. Tunis, 1952.
- O’Kane B. Iranian Art // The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo. Cairo; N.Y., 2006a.
- O’Kane B. The Ayyubids and Early Mamluks (1171–1382) // The Treasures of Islamic Art in the museums of Cairo. Cairo; N.Y., 2006b.
- Ward R. Islamic metalwork. L., 1993.
- <http://www.art-and-archaeology.com/timelines/mideast/moslem.html>.
- <http://www.metmuseum.org/toah/hd/mold/ho2000.279.1,2.htm>.
- <http://cgi.ebay.com/Antique-Ottoman-Turkish-Islamic-Bronze-17th-century-/220389853226>.

ИСТОРИЯ НАУКИ

**И.Р. АСПЕЛИН – А.М. ТАЛЬГРЕН И ПРОБЛЕМА
УРАЛО-АЛТАЙСКОГО БРОНЗОВОГО ВЕКА**

© 2011 г. Т. Салминен

Университет Хельсинки, Финляндия

Изучение древностей Европейской России и Сибири – важное направление в финской археологии в 70–80-е годы XIX, а также в первые десятилетия XX в. Дух национализма, господствовавший в финской науке в конце XIX в., обусловил основную задачу ученых того времени: поиски прародины финнов и “создание” их истории. Позже важность идеологических факторов в определении направления археологических исследований уменьшилась, и на первый план вышли собственно археологические проблемы (Salminen, 1994; 1998; 2002; 2003a; b; 2006; 2007; Anderson, 2006; Андерсон, 2001).

Особую ценность для финских археологов представляли два археологических периода: бронзовый век и ананьинская культура, с одной стороны, и поздний железный век, с другой. Как же изменилась интерпретация бронзового века в работах А.М. Тальгрена (1885–1945) по сравнению с трудами И.Р. Аспелина (1842–1915), и каковы были основные причины этих изменений?

Хорошо известно, что И.Р. Аспелин – создатель теоретической и методологической баз финской археологии. Свои взгляды он изложил в докладе на IV Всероссийском археологическом съезде (ВАС), прошедшем в Казани в 1877 г. Основной задачей археологии ученый назвал “поиск национальных особенностей в археологическом материале” и дальнейшее их использование для того, чтобы “понять те народы, которые больше не существуют”. И.Р. Аспелин не уделял серьезного внимания типологии, хотя и отмечал важность серий находок для изучения развития форм (Aspelin, 1877. Р. 138, 139, 142; Аспелин, 1884; Оконникова, 2002. С. 64, 65). Его целью, в полном соответствии с принципами культурного национализма, было выявление и изучение национальностей, и он особо подчеркивал новизну своего подхода. В идеологическом смысле ученый стремился показать, что финны обладают историей и культурой, желая таким образом повысить их самооценку. И.Р. Аспелин полагал, что читатели его работ – национально настроенные обра-

зованные слои общества, а также простые люди и скептически, даже враждебно воспринимающая его взгляды оппозиция. К последним в первую очередь относились говорящие на шведском языке финны и русские (Aspelin, 1875. Р. 3–5; Salminen, 2003b. Р. 43–46).

В 1875 г. И.Р. Аспелин впервые обнаружил свою концепцию предистории “финского племени”: определил его исторические границы, хронологические и этнические группы, пути миграции с восточной прародины, расселение, образ жизни и культурный уровень в период “древней национальной колонизации”, характер каждой археологической группы и эволюцию различных предметов (Aspelin, 1875. Р. 1, 2). Исследование базировалось на материалах, собранных в 1871–1874 гг. в музеях России и Европы. При этом ученый исходил из гипотезы о существовании единой культуры бронзового века на территории Европейской России и Западной Сибири. Идя вразрез с мнением М.А. Кастрена (1813–1852), И.Р. Аспелин принял точку зрения П.С. Палласа, отождествлявшего древности бронзового века Минусинского региона с финнами (Castrén, 1855. Р. 10, 76, 77; 1845. Р. 184–186; Aalto, 1971. Р. 83).

Диссертация И.Р. Аспелина, доклады на археологических конгрессах в Стокгольме, Санкт-Петербурге, Казани, Будапеште и его многотомный атлас (Aspelin, 1874; 1875; 1876a; b; 1878b; 1877–1884) также вызвали большой международный интерес. В этих трудах исследователь разделил бронзовый век Европы на два отдельных культурных региона: западноевропейский и урало-алтайский. Он полагал, что ряд западных артефактов железного века происходит от сибирских прототипов и принадлежит одному и тому же народу. Но важно отметить, что И.Р. Аспелин не был первым, кто предložил концепцию урало-алтайского бронзового века. Она уже встречалась ранее в трудах П.С. Палласа и на археологическом материале была сформулирована И.Я. Ворсо (Worsaae, 1872). Кроме того, существовала и выдвинутая М.А. Кастреном лингвистическая

гипотеза происхождения урало-алтайских языков (Korhonen, 1986. P. 60, 65).

По мнению И.Р. Аспелина, некая доселе неизвестная причина заставила финнов покинуть Алтай в конце бронзового века. Прибыв в регионы, где бронза была недоступна, они были вынуждены начать изготовление предметов обихода из других материалов: первоначально на р. Кама – из кости и оленьего рога, затем в Олонецком крае – из камня. В качестве главного доказательства своей гипотезы ученый привлек фигурки животных, найденные на территории от Сибири до Карелии. Позднее население вновь получило доступ к бронзе, а на Каме, в регионе Ананьино, была освоена обработка железа. Сами же артефакты сохраняли сибирские традиции. И.Р. Аспелин предполагал, что финны переселились в Финляндию из Восточной Балтики около 700 г. н.э., поскольку найденные в Финляндии артефакты более раннего периода имели скандинавское или германское происхождение, в то время как поздние формы – сходство с типами, обнаруженными в ареалах расселения финно-угорских народов России (Aspelin, 1875; 1883. P. 54–59; Worsaae, 1872. P. 348–360; Kokkonen, 1984. P. 154; Белокобыльский, 1986. С. 31–56).

На юге Европейской России И.Р. Аспелин выделил скифскую культуру бронзового века. Ее материальные формы имели большое сходство с сибирскими. Однако ученый признавал, что было трудно определить, свидетельствует это об этническом родстве или только об общем источнике происхождения скифской и сибирской культур (Aspelin, 1875. P. 79, 80).

В 1872 г. И.Р. Аспелин посетил Ананьинский могильник и пришел к выводу, что его культура – часть финно-угорского наследия. При этом важнейшим стал вопрос о связи между культурой Ананьино и более поздними, предположительно финно-угорскими культурами железного века (Aspelin, 1875. P. 106–125, 158, 159, 209, 210; 1877–1884. P. 124). Поскольку была высказана идея о том, что именно ананьинская культура является переходным этапом между Сибирью и Европейской Россией, ее изучение на несколько десятилетий заняло центральное место в финской археологии и в создании археологического образа “финского прошлого”. Кроме самого И.Р. Аспелина, его идеи поддерживали и некоторые российские исследователи (Шестаков, 1880. С. 129, 130, 133; Карпелан, Уйно, 2009; Мельникова, 2009).

В находках из Ананьинского могильника И.Р. Аспелин видел преемственность с формами галичских

идолов. Сам Галичский клад он определял как связующее звено между урало-алтайским бронзовым веком и ананьинской культурой. Так, путем археологического сопоставления фигурки и изобразительные мотивы из Ананьино обрели свое значение. Убежденность в том, что культура бронзового века Сибири, Галичский клад и Ананьино объединены своей принадлежностью к “финскому племени”, помешала ученому заметить связь между культурой Ананьино и Кавказом, которому не нашлось места в нарисованной И.Р. Аспелиным умозрительной картине культур бронзового и раннего железного веков.

Используя данные лингвистики, исторические, археологические и этнографические сведения о материальной культуре финно-угорских народов и фольклорную традицию, И.Р. Аспелин сформулировал свою теорию развития материальной культуры этих народов, происхождения и миграции “финского племени”. Это стало возможным, поскольку с “чудью белоглазой”, известной по летописным и фольклорным источникам, он связывал лишь отдельные типы артефактов.

На рубеже 1860–1870-х годов у И.Р. Аспелина еще не было в распоряжении разработанной базы для интерпретации археологического материала, и ученый продолжал, хотя и бессознательно, создавать миф о предыстории финского народа (Lotman, 1999. P. 12, 18–21, 24, 39–42, 58, 62; Lotman, Uspenskij, 1984. P. X–XII, 3; Danow, 1991. P. 22–27, 59, 60, 96, 99, 102–104; Tarasti, 1995). В основе его взглядов лежала идея прогресса. Она была сформулирована еще в эпоху Просвещения, и И.Р. Аспелин не считал нужным приводить в ее пользу еще какие-либо доказательства. А без этой идеи невозможно понять предложенное им объяснение причин миграции “финского народа” с Алтая на запад (Aspelin, 1875. P. 4, 5).

Выступая с докладами на международных конференциях и публикуя свои работы за рубежом, И.Р. Аспелин стремился утвердить за Финляндией “право собственности” на ряд культур бронзового и железного веков на территории России. Это означало одновременно и право на исследование этих культур, и право на их наследие. Достижения финской археологии были представлены также на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. Процесс формирования нации требовал, чтобы прошлое финнов и особенно финский национальный характер были широко показаны международной публике (Aspelin, 1874; 1876a; b; 1878a; b; Аспелин, 1884; Smeds, 1996. P. 43, 44, 152, 153, 159).

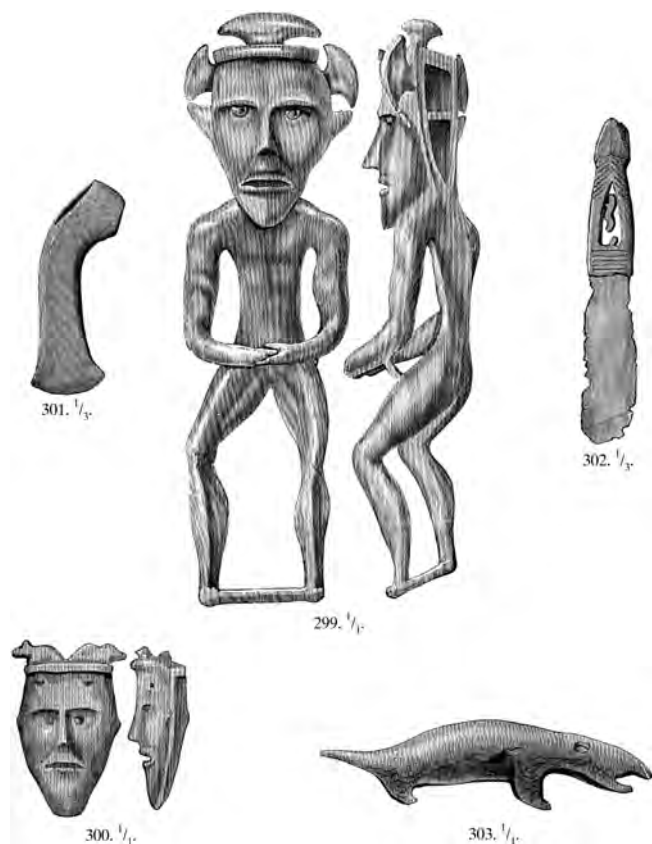

Рис. 1. Галичский клад, по: Aspelin, 1877–1884. № 299–303.

После выхода в свет атласа “Antiquités...” у И.Р. Аспелина завязалась переписка с рядом ученых. Особенный интерес представляет его дискуссия с французским археологом Ш. де Лина (Charles de Linas), который в своих письмах указывал на существование в бронзовом и раннем железном веках контактов между культурами Центральной России и Кавказа, но И.Р. Аспелин не уделил должного внимания этому возможному объяснению происхождения культуры Ананьинского могильника (Salminen, 2003b. P. 55, 62; Сафонов, 2004a. С. 27; 2004б. С. 62).

Согласно И.Р. Аспелину, распознавать национальные особенности более всего возможно в предметах бронзового века, поскольку бронза как материал не предопределяет формы, и присущее каждому народу “особое представление о красоте” в ней можно свободно выразить (Aspelin, 1875. P. 57). Таким образом, И.Р. Аспелин разделил доисторические культуры на искусственные группы. С помощью названий эти группы были семиотизированы, так что археолог решал поставленную им самим ранее проблему.

В Сибири были известны надписи и наскальные рисунки, отнесенные И.Р. Аспелиным к бронзово-

му веку на основании того, что их распространение совпадало с ареалом выделенной им культуры алтайского бронзового века. С учетом гипотезы М.А. Кастрена о нахождении прародины финнов на Алтае, культура бронзового века Сибири была названа “финской” и рассматривалась всецело в рамках той общности, которую И.Р. Аспелин считал финно-угорской. Как и вся культура бронзового века, надписи также были расценены как принадлежащие “финскому племени”. Особое внимание И.Р. Аспелин уделял фигуркам животных и людей, встречавшимся среди петроглифов, поскольку видел в них выражение того же самого культурного языка, который был ему знаком по более поздним западным изображениям. Более того, когда Г.И. Спасский и К.И. Гревингк провели параллели между сибирскими и онежскими петроглифами, их центральное положение в выделенной И.Р. Аспелином “финской” культуре стало очевидным. Другие изображения из Сибири, сделанные красной краской, обнаруживали аналоги на Урале, что указывало на присутствие финно-угорских народов и в этом регионе. На этом основании были построены новые интерпретации (Aspelin, 1875. P. 87–91) (рис. 1).

После того как Ананьино приобрело центральное значение в теории “финской миграции”, интерпретация прочих находок стала зависеть от того, в каком соотношении они находились с ананьинской культурой. Поздний железный век в Верхнем и Среднем Прикамье считался финно-угорским вне всякого сомнения. Но был ли ранний железный век¹ здесь переходной фазой между Ананьино и культурами позднего железного века или его следовало рассматривать в качестве отдельного явления? Существовала ли преемственность материальной культуры “финского племени” на протяжении почти тысячелетнего периода, для которого неизвестны никакие находки?

Поскольку артефакты позднего железного века повсеместно не отличались какими-либо характерными особенностями, казалось вероятным, что население, использовавшее их, имело более длительную эволюционную историю только в тех регионах, где оно было известно и ранее. Вследствие этого находки раннего железного века И.Р. Аспелин также интерпретировал как финно-угорские. Фактически они были названы таковыми в значительной степени потому, что не существовало иных археологических материалов, которые можно было бы трактовать как финно-угорские. Поскольку по-

¹ И.Р. Аспелин, вероятно, относил к этой эпохе памятники от Пьяного Бора и Гляденова до раннесредневековых (Ред.).

зицию Ананьино в качестве центра, из которого ведут свое происхождение поздние финно-угорские формы, можно было доказать хотя бы в принципе, это подкрепляло значение могильника в интерпретации И.Р. Аспелина, что являлось дополнительным аргументом при трактовке более поздних находок (Aspelin, 1875. P. 210, 211).

До середины 1890-х годов работы И.Р. Аспелина – своего рода миф, через призму которого рассматривался весь процесс формирования финского народа путем выделения из более крупной финно-угорской общности. Позднее в науке уже не существовало такого единодушия относительно связи культур бронзового и раннего железного веков с “финским племенем”. Однако трактовка культур позднего железного века в лесной полосе Восточной Европы как финно-угорских сохраняла свое значение вплоть до начала XX в., несмотря на изменение археологических интерпретаций тех лет. Как и сам И.Р. Аспелин: он был признан основоположником финской археологии, а его теории приобрели статус мифа.

В рамках статьи не представляется возможным всесторонне проанализировать, как созданная финскими учеными система интерпретаций повлияла на выводы российских археологов. Ограничимся лишь некоторыми наблюдениями. В качестве примера приведем взгляды археологов Казани, поскольку И.Р. Аспелин с 1884 г. состоял членом-корреспондентом Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Императорском казанском университете (рис. 2).

Центральным объектом изучения в Европейской России для И.Р. Аспелина, безусловно, был Ананьинский могильник, отождествлявшийся ученым с центральным звеном цепи, соединявшей Сибирь и Восточную Европу. В 1892 г. П.А. Пономарёв предпринял попытку систематизировать все имевшиеся на тот момент исследования и интерпретации культуры Ананьинского могильника. Он поддержал концепцию финского ученого о существовании урало-алтайской культуры, но никак не прокомментировал его выводы о позиции Ананьино внутри этого образования. С точки зрения П.А. Пономарёва, рассуждения о датировке и этнической принадлежности были неуместны в работе, имевшей источниковедческий характер (1892. С. 412, 438).

Становится понятно, что П.А. Пономарёв, как и другие казанские археологи, сформировался как исследователь под влиянием естественно-научного направления в российской археологии последней трети XIX в. Именно поэтому его научные представления опирались прежде всего на результаты эмпирических наблюдений и экспериментов.

Рис. 2. Императорский Казанский университет. Почтовая открытка.

В подобной атмосфере гипотезы И.Р. Аспелина не имели шансов на успех. Это также в значительной степени объясняет, почему характерной чертой российской археологической науки финские археологи считали неспособность к обобщениям. Однако не совсем понятно, почему типологический метод в конце XIX в. не занял в российской археологической методологии столь же прочного положения, как на Западе (Оконникова, 2002. С. 60–65; Salmi-nen, 2003b. С. 32)².

Наряду с различиями в научно-методологической базе И.Р. Аспелину как археологу и активному представителю общественно-политического течения “фенноманов”³, приходилось противостоять русскому, славянскому национальному самосознанию. В конце 1870-х годов в казанском ОАИЭ зародились планы создания Русского публичного музея истории и археологии. Согласно В.М. Флоринскому, его целью должны были стать поиск и показ исконной, чисто русской культуры, которая с течением времени смешалась с культурой европейской и даже практически полностью исчезла. В экспозиции не должно было быть выставлено никаких копий иностранных образцов (Флоринский, 1880. С. 128, 129). В.М. Флоринский отталкивался от той же националистической идеи, что и И.Р. Аспелин, но пошел дальше него. Поскольку музей задумы-

² Только после завершения статьи я получил новую книгу Н.И. Платоновой (2010) и поэтому не смог использовать ее для того, чтобы сравнить воззрения русских и финских археологов.

³ Представители общественного движения Финляндии (с конца 20-х годов XIX в.), которое с 60-х годов XIX в. приняло политический характер. Основная цель – борьба за общественные права финского языка, а после императорского манифеста 1899 г. еще и за автономию страны. В конце 90-х годов XIX в. на базе течения фенноманов возникли движения старофиннов и младофиннов (Salminen, 2007. P. 101, 102; Fewster, 2006. P. 92, 93, 115–121, 127–133, 157, 158, 184–188).

Рис. 3. Предметы бронзового века из Западной Сибири, по: Tallgren, 1911b. Abb. 1.

вался исключительно русским, то В.М. Флоринский полагал, что может быть найдена изначальная оригинальная русская форма культуры. Это еще более укрепляло представление И.Р. Аспелина о финнах как о полноправных наследниках финно-угорских народов. Тем не менее казанское ОАИЭ, как представляется, все же воспринимало себя в системе урало-алтайских интерпретаций, предложенных финскими учеными, как несомненно ведущее урало-алтайское археологическое общество (см.: Библиография, 1892; Смирнов, 1895; Лобанов, 1893; Чупин, 1893; Мартыанов, 1895; Зайцев, 1886).

В целом, во взглядах И.Р. Аспелина можно увидеть борьбу двух теоретических течений XIX–XX вв.: романтизм побуждал погружаться в смутное и загадочное прошлое народов, а позитивистская археологическая методология требовала независимости науки (Aspelin, 1875. P. 57, 210–212; Salminen, 1993. P. 14–17; Shanks, 1992. P. 15–21).

А.М. Тальгрэн начал изучение урало-алтайского бронзового века во время своей поездки в музей Лондона и Парижа в 1908 г. Там он обратил вни-

мание на различия между культурами бронзового века Сибири и Волго-Камья. Основными группами артефактов, свидетельствовавших о существовании разных культур в Сибири и на Каме, были кельты, фигурки животных и кинжалы. Для всех этих групп А.М. Тальгрэн смог подобрать западные или южные аналоги. Он оставил открытым вопрос о возможном финно-угорском характере бронзового века в России – в ожидании “картографического исследования типов” (Tallgren, 1908. P. 149–165).

В 1908–1909 гг. А.М. Тальгрэн совершил два путешествия в Россию. Во время второй поездки он также вел раскопки, но главное – познакомился с музейными собраниями и установил обширные контакты с русскими учеными⁴. В 1911 г. финский ученый окончательно разграничил бронзо-

⁴ В последние годы контакты А.М. Тальгрэна с его российскими коллегами стали объектом живого интереса в России (см., например: Китова, Кузьминых, 2006; Кузьминых, 2004; 2006; Кузьминых, Детлова, Салминен, 2007; Кузьминых, Сафонов, Сташенков, 2007; Кузьминых, Усачук, 2008; Кузьминых, Яковлев, 2007).

Рис. 4. Предметы бронзового века из Европейской России, по: Tallgren, 1911b. Abb. 2.

вый век Урала и Алтая. Однако не он был первым в этом вопросе. Выше уже приводилась точка зрения И.Я. Ворсо, но еще в 1882 г. другой датчанин – С. Мюллер – отмечал, что остатки материальной культуры бронзового века между Волгой и Алтаем имеют больше сходства с европейскими аналогами, чем с сибирскими. Кроме того, он полагал, что западные находки являются более ранними по сравнению с предметами из Сибири (Müller, 1882. P. 348–356). В России подобные взгляды, независимо от С. Мюллера, отстаивал А.А. Штукенберг (1901. С. 165–168). В свою очередь А.М. Тальгрэн специально искал и обнаружил детальные свидетельства, доказывающие правоту данной точки зрения (Tallgren, 1911b; 1919. P. 124, 125). Он основывал свои интерпретации на новых находках, новых методах исследования и более тщательном анализе уже известного материала, находившегося в его распоряжении. Исследователь предположил, что

сходство между уральскими и алтайскими культурными группами вызвано их общим скифским происхождением (Tallgren, 1911b. S. 1–24, 94, 95; 1919. P. 79, 124–126, 171, 175–177; Kosinskaya, 2001. P. 265–275) (рис. 3; 4).

Несмотря на проведенное разделение культурных групп, А.М. Тальгрэн по-прежнему связывал их в единую суперструктуру, так называемую урало-алтайскую общность (Tallgren, 1911b. S. V, 1, 2, 10–12, 15, 122). Эта идея была необходима для того, чтобы оставить весь обширный регион Северной Евразии в границах территории, якобы принадлежащей особым интересам финской археологии (Tallgren, 1926). По мнению ученого, бронзовый век в России развивался по большей части под различными влияниями извне, однако он надеялся, что благодаря новым находкам можно будет сделать вывод о его более активной роли в культурной эволюции (Tallgren, 1911b. S. 216, 217).

Эта идея получила дальнейшую разработку в последующих трудах А.М. Тальгрена. Так, бронзовый век Украины он рассматривал как сочетание самостоятельных форм и внешних влияний. Вся культура степного пояса Восточной Европы была ориентирована на запад в отличие от трактовок И.Р. Аспелина, С. Мюллера, А.А. Спицына и В.А. Городцова (Tallgren, 1926. P. 87, 214–221). По мнению А.М. Тальгрена, на рубеже бронзового и железного веков Европейская Россия, безусловно, имела связи с Причерноморьем и, вероятно, с Закавказьем. А.М. Тальгрэн полагал, что центр ананьинской культуры находился на Каме и что ее территория простиралась на востоке до Екатеринбурга (возможно, до Тобольска и Томска), на юге – до Самарской и Саратовской губ., а на северо-западе, по крайней мере, в отдельные периоды – до Финляндии. Истоки бронзового века Кавказа явно не были связаны с восточными культурами между Уралом и Алтаем; их следовало искать в ином регионе. Вслед за И.Р. Аспелиным А.М. Тальгрэн рассматривал ананьинскую и скифскую культуры как самостоятельные образования (Tallgren, 1919. P. 86, 92, 95–103, 171, 184).

Таким образом, урало-алтайская теория И.Р. Аспелина была опровергнута. Кроме того, А.М. Тальгрэн привлек внимание к вопросу о так называемом восточном бронзовом веке в Финляндии. Находки предметов, относящихся к нему, были известны с начала XX в., и А.М. Тальгрэн с 1906 г. знал о существовании в стране двух культурных ареалов. Еще в 1899 и 1903 гг. А. Хакман (1864–1942) опубликовал статьи о кельтах восточного происхождения в Финляндии (Hackman, 1899. P. 2; 1903. P. 11, 13). А.М. Тальгрэн по-прежнему отмечал контакты с Уралом, но, что важно, более не уводил поиски происхождения культуры бронзового века дальше на восток (Tallgren, 1911b. S. 144–150, 153–186, 198; 1906. P. 47; 1911a; 1917. P. 25; 1930. P. 5, 6; 1933. P. 20, 21; 1934. P. 41).

В начале XX в. финская археология развивалась в иных условиях, нежели 20–30 лет тому назад. С одной стороны, благодаря созданию Археологической комиссии и Исторического музея, археология упрочила свое положение как наука, с другой, она так и не смогла дать ответ на вопросы, которые были поставлены перед ней самим процессом пробуждения нации. А ввиду того, что финское общество было вынуждено противостоять попыткам русификации, основной задачей финской науки стало акцентирование особого характера Финляндии и изучение ее прошлого в собственных границах, а не поиск далеких корней, тем более, если они предполагались на территории России.

В своей работе “Die ältere Eisenzeit in Finnland” А. Хакман предложил более детализированный взгляд на процесс заселения Финляндии. Следуя за И.Р. Аспелином, он рассматривал поздний бронзовый век в Финляндии в качестве основы для развития железного века, однако на первый план выдвигал теорию культурных кругов. А. Хакман не оперировал понятием “Урало-Алтай” – этот термин был поставлен им под сомнение еще в 1897 г. – и даже среди находок из Ананьинского и Зуевского могильников отмечал только кинжалы, имеющие сибирские аналоги. Основным итогом его исследования стала новая теория миграции финнов на территорию Финляндии. По его мнению, этот процесс начался еще в I в. н.э. (Hackman, 1905. P. 2, 3, 8–13, 18, 318–359; Salminen, 1993. P. 40. Note 211). Тем не менее А. Хакман никогда не оспаривал взгляды И.Р. Аспелина в целом и не ставил под сомнение его центральную роль в финской археологии.

А.М. Тальгрэн в большей степени, нежели И.Р. Аспелин, полагал, что группы артефактов и культуры проявляют себя непосредственно в археологическом материале. Методологически А.М. Тальгрэн отдавал предпочтение типологическому анализу, однако аналогии имели для него столь же важную роль. В его трудах поиск аналогий играет, пожалуй, большее значение, чем классификация материалов. В исследованиях бронзового века типологический метод стал широко применяться благодаря работам О. Монтелиуса, и здесь А.М. Тальгрэн всего лишь следовал устоявшейся традиции. С другой стороны, изучая поздний каменный век и галичские находки, он предпочитал использовать метод аналогий (Tallgren, 1911b. S. 45–93, 170–183; 1919. P. 111–181; 1926. P. 169–213; Appelgren-Kivalo, 1912a; b).

Оба – и И.Р. Аспелин, и А.М. Тальгрэн – усматривали в артефактах наличие некой культурной идеи. Для И.Р. Аспелина – это была национальная, этническая идея, для А.М. Тальгрена – нечто более сложное для определения. И.Р. Аспелин отмечал сходство или различие форм, не прибегая к детальному сравнению. А.М. Тальгрэн использовал географико-хронологический метод для создания общей картины какой-либо культуры, которую он затем сопоставлял с другими культурами и с которой в свою очередь сопоставлял каждую находку. Данный подход особенно характерен для его работ 1920-х годов. Стоит отметить его сходство с географико-историческим методом исследования фольклора, использовавшимся Ю. Кроном (1835–1888) и К. Кроном (1863–1933) (Tallgren, 1919. P. 86–103; 1926. P. 85–87, 139; Krohn, 1909; Hautala, 1954. P. 264, 265).

А.М. Тальгрэн оставил вопрос о национальной принадлежности обитателей северной половины Европейской России открытым, хотя допускал, что они могли быть финно-уграми. Основное ядро финно-угорских племен, вероятно, занимало изначально регионы Прикамья и Урала, где в изобилии были известны материальные остатки культур каменного века. Но А.М. Тальгрэн предполагал, что именно финно-угры были носителями культуры бронзового века севера и востока Европейской России. Свидетельство тому – находки из Ананьино, которые выступили предпосылкой развития “безусловно финно-угорской” культуры более поздних пермских костеносных городищ. Поскольку ананьинская культура незаметно эволюционировала в культуру железного века, которая затем перешла в пермскую, можно было предположить, что сама ананьинская культура произошла от более ранней культуры бронзового века. Новые, ближневосточные мотивы ананьинских находок могли быть обусловлены изменением этнического окружения, вызванным миграцией скифов в Причерноморье, где они восприняли культурное влияние с юга. В этом плане А.М. Тальгрэн отрицал связь материальной культуры с этнической принадлежностью ее носителей (Tallgren, 1911b. S. 217, 218; 1913; 1915. P. 218; Salminen, 2010).

Менее отчетливо А.М. Тальгрэн повторил свой тезис об отсутствии связи материальной культуры и этнической принадлежности в 1919 г. в книге “L'époque dite d'Ananino”, где исследовалось, в частности, и распространение скифских декоративных мотивов на северо-востоке Европейской России. По крайней мере можно было утверждать, что население ананьинских некрополей не было скифским. Эта культура развилась на местной основе и восприняла скифские влияния. А.М. Тальгрэн надеялся, что в будущем археология сможет пролить свет на проблему поиска прародины финнов. Именно поэтому он также размышлял и над этнической принадлежностью скифов, полагая, что они, возможно, были индоевропейцами. В своих рассуждениях о прародине финно-угров ученый вынужден был ограничиваться общими положениями о связи ямочно-гребенчатой керамики с финно-угорским населением (Tallgren, 1919. P. 103, 181–184; 1923. P. 335; Salminen, 2006. P. 30).

В заключение отметим, что для И.Р. Аспелина урало-алтайский культурный регион в эпоху бронзы был частью прошлого “финского племени” – в далеких землях и давно ушедших временах. Начиная же с работ А. Хакмана и А.М. Тальгрена, он потерял свою неоспоримую связь с финским народом, но стал частью начальной истории Финляндии.

Различия между подходами И.Р. Аспелина и А.М. Тальгрена к проблеме урало-алтайского бронзового века можно объяснить только с учетом их разных представлений о культуре и связанных с нею вопросах. А.М. Тальгрэн разрушил миф, что создал И.Р. Аспелин, но не сотворил вместо него нового. Ближе всего он подошел к мифотворчеству, когда возвел в ранг парадигмы новую теорию миграции финнов в Финляндию, предложенную А. Хакманом, и особо подчеркнул связь Финляндии с Эстонией (Tallgren, 1926. P. 189, 196, 197; 1931. P. 141–144). Подобные взгляды полностью соответствовали тому политическому климату, который господствовал в финском обществе в 1920–1930-е годы. Однако, несмотря на все перемены, И.Р. Аспелин остался в восприятии потомков мифическим отцом всех финских археологов. Подобным же образом А.М. Тальгрэн “обожествил” урало-алтайский регион, придав ему лишь иное значение, более подходящее к изменившейся ситуации (Tallgren, 1911b. S. V, VII, 1, 2, 10, 15, 122).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б. Воображаемые общества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Аспелин И.Р. О потребности изучения форм предметов и постепенном развитии этих форм в доисторических временах // Тр. IV ВАС. Т. 1. Казань, 1884.
- Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVIII – первая треть XX в.). Новосибирск, 1986.
- Библиография // ИОАИЭ. 1892. Т. 10. Вып. 6.
- Зайцев А. К археологии Урала // ИОАИЭ. 1886. Т. 6.
- Карпелан К., Уйно П. Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009 (Археология евразийских степей; Вып. 8).
- Китова Л.Ю., Кузьминых С.В. Штрихи к научной биографии С.А. Теплоухова: два письма А.М. Тальгрэну // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006.
- Кузьминых С.В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004. № 4.
- Кузьминых С.В. Письма В.Н. Чернецова А.М. Тальгрэну: прерванный диалог // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. М., 2006.
- Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья. Томск, 2007.

- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. Самара, 2007.
- Кузьминых С.В., Усачук А.Н. Письма С.А. Локтюшева А.М. Тальгрену // Краеведческие зап. Т. IV. Луганск, 2008.
- Кузьминых С.В., Яковлев Я.А. Письмо В.Н. Пигнатти к А.М. Тальгрену // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 4. Ханты-Мансийск, 2007.
- Лобанов Д.А. Новейшие приобретения музея Уральского Общества Любителей Естественного знания в Екатеринбурге // ИОАИЭ. 1893. Т. 11. Вып. 2.
- Мартыанов Н. Древности Минусинского края, поступившие в Минусинский музей в январе 1892 года до декабря 1893 // ИОАИЭ. 1895. Т. 12. Вып. 1.
- Мельникова О.М. Из истории дореволюционных коллекций ананьинских древностей (по материалам ЦГА УР) // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009 (Археология евразийских степей; Вып. 8).
- Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е годы XIX – конец 40-х годов XX в.). Ижевск, 2002 (Матер. и исследов. Камско-Вятской археолог. экспедиции; Т. 5).
- Платонова Н.И. История археологической мысли в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). СПб., 2010.
- Пономарёв П.А. Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник: Археологический этюд // ИОАИЭ. 1892. Т. 10.
- Сафонов И.Е. А.С. Уваров и начало изучения бронзового века России // История отечественной археологии: дореволюционное время: Матер. IV чтений по историографии археологии Евразии. Воронеж, 2004а.
- Сафонов И.Е. Некоторые проблемы изучения бронзового века южнорусской степи в археологии последней трети – рубежа XIX – XX в. // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А. Формозова. М., 2004б.
- Смирнов И.Н. Дешифрация енисейско-орхонских надписей // ИОАИЭ. 1895. Т. 12. Вып. 1.
- Флоринский В.М. Проект публичного историко-этнографического музея при Казанском обществе археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. 1880. Т. 1.
- Чупин П. Список антропологических, археологических и этнографических предметов Барнаульского горного музея // ИОАИЭ. 1893. Т. 11. Вып. 4.
- Шестаков П.Д. Несколько слов о могильнике, находящемся близ деревни Ананьиной в 4 верстах от Елабуги // ИОАИЭ. 1880. Т. 2.
- Штукенберг А.А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // Изв. ИОАИЭ. 1901. Т. 17. Вып. 4.
- Aalto P. Oriental Studies in Finland 1828–1918. Helsinki, 1971 (History of Learning and Science in Finland 1828–1918; V. 10b).
- Anderson B. Imagined Communities, Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. 3rd ed. L.; N.Y., 2006.
- Appelgren-Kivalo Hj. Die Grundzüge des skythisch-permischen Ornamentstiles // SMYA. 1912a. V. XXVI.
- Appelgren-Kivalo Hj. Vogelkopf und Hirsch als Ornamentmotive in der Vorzeit Sibiriens // FUF. 1912b. V. XII.
- Aspelin J.R. Études archéologiques sur le Nord Finno-Ougrien. Trois mémoires lues au Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques à Stockholm. Stockholm, 1874.
- Aspelin J.R. Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita. Helsinki, 1875 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; V. 51).
- Aspelin J.R. Chronologie de l'Âge du Bronze Altai-Ouralien // Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu de la huitième session à Budapest 1876. V. I. Budapest, 1876a.
- Aspelin J.R. Du groupe arctique et des Lapons // Congrès international d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques. Compte-rendu de la huitième session à Budapest 1876. V. I. Budapest, 1876b.
- Aspelin J.R. Vertailevasta muinaistutkinnosta // SMYA. 1877. V. II.
- Aspelin J.R. Muinaisjännöksiä Suomen suvun asumusaloilta – Antiquités du nord Finno-ougrien I–V. Helsinki, 1877–1884.
- Aspelin J.R. Catalogue raisonné des antiquités du nord Finno-Ougrien exposées par l'Université d'Helsingfors à l'exposition universelle de 1878. Helsingfors, 1878a.
- Aspelin J.R. De la civilisation préhistorique des peuples Permians et de leur commerce avec l'Orient // Travaux de la 3-ème session du Congrès international des orientalistes à St. Pétersbourg 1876. Leide, 1878b.
- Aspelin J.R. Suomen asukkaat pakanuuden aikana. Helsinki, 1883.
- Castrén M.A. Anteckningar om Samojediskans förwandskap med de Finska språken // Suomi. 1845. V. 5.
- Castrén M.A. M.A. Castréns reseberättelser och bref åren 1845–1849. Helsingfors, 1855 (M.A. Castréns nordiska resor och forskning; V. II).
- Danow D.K. The Thought of Mikhail Bakhtin. From Word to Culture. Houndmills; Basingstoke; Hampshire; L., 1991.
- Fewster D. Visions of Past Glory. Nationalism and the Construction of Early Finnish History. Helsinki, 2006 (Studia Fennica, Historica; V. 11).
- Hackman A. Ett märkligt bronsåldersfynd // FM. 1899. V. VI.
- Hackman A. Ett märkligt bronsåldersfynd från norra Finland // Studier tillägnade Oscar Montelius 19 9/9 03 af Lärjungar. Stockholm, 1903.

- Hackman A.* Die ältere Eisenzeit in Finnland I. Die Funde von fünf ersten Jahrhunderten n. Chr. Helsinki, 1905.
- Hautala J.* Suomalainen kansanrunouden tutkimus // SKST. 1954. V. 244.
- Kokkonen J.* The Concept of the Finnic Peoples and the Early Stages of Archaeology in Finland // Iskos 4. Helsinki, 1984.
- Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland 1828–1918. Helsinki, 1986 (The History of Learning and Science in Finland 1828–1918; V. 11).
- Kosinskaya L.L.* The Neolithic period of North-western Siberia: The question of southern connections // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne research Station of the University of Helsinki 8–10 January 1999. Helsinki, 2001 (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; V. 242).
- Krohn K.* Suomalaisesta kansanrunouden tutkimuksen metodista. Virkaanastujaisesityelmä 30/I 1909 // Valvoja. 1909. V. 29.
- Lotman J.* Semiosfäärist. Koostanud ja tõlkinud Kajar Pruul. Tallinn, 1999.
- Lotman Ju.M., Uspenskij B.A.* The Semiotics of Russian Culture. Ann Arbor, 1984.
- Müller S.* Den europeiske Bronzealders Oprindelse og første Udvikling, oplyst ved de ældste Bronzefund i det sydøstlige Europa // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. Copenhagen, 1882.
- Salminen T.* Suomalaisuuden asialla. Muinaistieteen yliopisto-opetuksen syntyvaiheet n. 1877–1923. Helsinki, 1993 (Helsinki Papers in Archaeology; V. 6).
- Salminen T.* Finnish archaeologists in Russia and Siberia up to 1917 // Archaeological collections from the Eurasian steppes in Finland. Catalogue of a special exhibition in the National Museum of Finland occasioned by the South Asian Archaeology 1993 conference held at the University of Helsinki, 5–9 July 1993. Helsinki, 1994 (Annales Academiae Scientiarum Fennicae; Ser. B; V. 271; № 2).
- Salminen T.* Kysynnän ja tarjonnan laki arkeologiassa – suomalaisten toivotut ja löydettyt juuret // Muinaistutkija. 1998. № 4.
- Salminen T.* Archaeologists' Siberia // Siberia, Life on the Taiga and Tundra. Helsinki, 2002.
- Salminen T.* National and international influences in the Finnish archaeological research in Russia and Siberia // Fennoscandia archaeologica. V. XX. Helsinki, 2003a.
- Salminen T.* Suomen tieteelliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Helsinki, 2003b (SMYA; V. 110).
- Salminen T.* Searching for the Finnish roots – archaeological cultures and ethnic groups in works of Aspelin and Tallgren // People, material culture and environment in the north. Proceedings of the 22 Nordic Archaeology Conference, University of Oulu, 18–23 August 2004. Oulu, 2006 (Studia humaniora ouluensia; V. 1).
- Salminen T.* Finnish archaeologists in Russia 1870–1935: backgrounds, goals and developments // Archaeology, ethnology and anthropology of Eurasia. 2007. № 1.
- Salminen T.* Die ostrussische Bronzezeit in der Korrespondenz von Aarne Michaël Tallgren und Gero von Merhart // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg; H. 59).
- Shanks M.* Experiencing the past. On the character of archaeology. L.; N.Y., 1992.
- Smeds K.* Helsingfors – Paris. Finlands utveckling till nation på världsutställningarna 1851–1900. Helsingfors, 1996 (Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland; V. 598).
- Tallgren A.M.* Tre nya bronsåldersfynd från Finland // SM-FM. 1906. V. XIII.
- Tallgren A.M.* Ural-altailaisesta pronssikaudesta // Historiallinen Aikakauskirja. 1908. V. 6.
- Tallgren A.M.* Alkkulan kivi-pronssikauden löytö // SM. 1911a. V. XVIII.
- Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsingfors, 1911b (SMYA; V. XXV; № 1).
- Tallgren A.M.* Itä-Venäjän pronssikausi // Valvoja. 1913. V. 33.
- Tallgren A.M.* “Kaman-takaiset” hopeat // Valvoja. 1915. V. 35.
- Tallgren A.M.* Muutamia siperialais-uralilaisia onselkeltejä // SM. 1917. V. XXIV.
- Tallgren A.M.* L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland II. Helsinki, 1919 (SMYA; V. XXXI).
- Tallgren A.M.* Itäbaltikumin esihistoriallisista kansallisuusoiloista // Suomi. 1923. Ser. V. V. 2.
- Tallgren A.M.* La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926 (ESA; V. II).
- Tallgren A.M.* Harvinainen pronssikauden löytö Perniöstä // Suomen Museo. 1930. V. XXXVII.
- Tallgren A.M.* Suomen muinaisuus. Suomen historia I. Porvoo; Helsinki, 1931.
- Tallgren A.M.* Pronssikautinen kirves Maariasta // Suomen Museo. 1933. V. XL.
- Tallgren A.M.* Eräitä epäselviä muinaislöytöjä // Suomen Museo. 1934. V. XLI.
- Tarasti E.* Semiotics for Archaeologists // Nordic TAG. The Archaeologist and His/Her Reality. Report from the fourth Nordic TAG conference, Helsinki 1992. Helsinki, 1995 (Helsinki Papers in Archaeology; V. 7).
- Worsaae J.J.A.* Ruslands og det Skandinaviske Nordens Bebyggelse og ældste Kulturforhold. Bidrag til sammenlignende forhistorisk Archæologie // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. 1872.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГАИМК НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

© 2011 г. Е.Л. Лычагина

Пермский государственный педагогический университет

Изменения, происходившие в нашей стране на рубеже 1920–1930-х годов, коснулись всех сфер жизни общества. Не осталась в стороне и археология. Разработка первых пятилетних планов привела к созданию новостроечных экспедиций, одной из которых стала Камская экспедиция Государственной академии истории материальной культуры АН СССР (КЭ ГАИМК), чьи работы развернулись в зоне строительства Камской ГЭС.

Необходимость создания экспедиции была обусловлена большими объемами предполагавшихся работ, с одной стороны, и отсутствием достаточного количества научных кадров на местах, с другой. Несмотря на то, что исследования памятников археологии на территории современного Пермского края на тот момент уже имели историю, их пик пришелся на конец XIX – начало XX в., когда усилиями местных краеведов А.Е. и Ф.А. Теплоуховых, Н.Н. Новокрещенных, В.Л. Борисова, общественных организаций (ПУАК, УОЛЕ) и приглашенных из ИАК специалистов были изучены поселения и могильники, относящиеся к средневековью (Очерки ..., 2002. С. 10–12).

После 1916 г. центром археологических исследований стал Пермский университет. Большую роль в этом сыграл А.В. Шмидт, направленный в Пермь в июне 1918 г., параллельно с ним археолого-краеведческой работой занимался студенческий кружок под руководством профессора П.С. Богословского. Однако деятельность кружка имела скорее просветительские, чем научно-исследовательские цели. В 1924 г. в связи с закрытием факультета общественных наук А.В. Шмидт покинул Пермский университет и вернулся в Ленинград, где вскоре стал сотрудником ГАИМК. Таким образом, к началу 1930-х годов в Перми не осталось ни одного профессионального археолога.

Деятельность КЭ ГАИМК охватывает период с 1932 по 1937 гг., в ее работе выделяется два этапа: 1932–1933 гг. – время, когда шло детальное обследование предполагаемой территории затопления, разрабатывались планы работ, проводились разведки, но не было больших стационарных исследова-

ний памятников; 1934–1937 гг. – время проведения крупномасштабных раскопок.

Первый этап (1932–1933 гг.)

КЭ ГАИМК была создана по распоряжению № 579 от 26 июня 1932 г. ГАИМК АН СССР за подписью председателя академии С. Быковского, утверждавшему на 1932 г. следующие экспедиции...

12. Камскую с целью обследования мест, предназначенных к затоплению во время Волго-Камского строительства. Личный состав – Шмидт А.В. – начальник экспедиции, время экспедиции – июль–август, на экспедицию ассигновано 1800 руб. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1931. № 5. Л. 88–90).

Работы проводились по договору с Ленинградским отделением (ЛО) Гидроэлектростроя, выделившим на исследования 1932 г. 1500 руб. Предполагалось, что в них примет участие отряд из двух-трех человек: научный сотрудник 1 разряда А.В. Шмидт – в качестве руководителя, аспирант Московского отделения (МО) ГАИМК Н.А. Прокошев и студент-практикант. Однако вопрос со студентом не был решен, и в отряде осталось два человека. Работы должны были пройти с 15 июля по 21 августа – за это время предполагалось провести обследование берегов р. Кама и Чусовая.

В записке о проведении археологических работ на Каме указывалось: “Командированные сотрудники должны увязать обследование с возможно более широко развитой культурно-просветительской работой, в частности по антирелигиозной линии. Эта работа должна вестись в тесном контакте и под руководством местных партийных и советских организаций” (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1932. № 127. С. 5).

Отрядом были исследованы устья Чусовой, Иньвы, Косьвы, Яйвы на Каме, а также участки, находившиеся выше Чусовского завода, – всего 820 км, из которых 200 были пройдены пешком. Основной упор при исследовании берегов Камы делался на расположенные в пойме возвышенности, а Чусовой – на пещеры, так как ее пойма практически

не сохранилась (Шмидт, 1935. С. 166–175). В результате было обнаружено три новых памятника в устье р. Чусовая, обследованы пять уже известных памятников на р. Кама, составлен план будущих раскопок, в который были внесены семь памятников. А.В. Шмидтом была отмечена помощь, оказанная археологам партиями инженеров В.П. Жукова и В.М. Граничнова. Благодаря сотрудникам КамГЭС-строя отряд был снабжен современными картами, материалами, справками, транспортом; археологи получали бесценную моральную поддержку, завязались дружеские отношения (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1932. № 127).

В 1933 г. разведочные работы были продолжены силами Н.А. Прокошева, ставшего руководителем экспедиции из-за болезни А.В. Шмидта. Им были изучены чусовские пещеры в камнях Гребешок, Шайтан, Малый Вашкур, Дыроватый, Бычки (Древности..., 2005. С. 106).

В целом, несмотря на трудности, связанные с болезнью А.В. Шмидта, отсутствием подходящего транспорта, плохими дорогами, задачи, стоявшие перед экспедицией на первом этапе, были выполнены.

Второй этап (1934–1937 гг.)

Прежде всего, значительно расширился состав экспедиции: помимо Н.А. Прокошева в качестве старших научных сотрудников в него вошли А.В. Збруева, М.В. Талицкий, П.И. Борисковский (только в 1935 г.) (рис. 1), которые осуществляли руководство отдельными отрядами КЭ ГАИМК. В качестве научных, научно-технических сотрудников и практикантов в экспедиции работали Я.В. Станкевич, Н.А. Мамаев (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. № 125), Н.А. Мищенко, Е.М. Калашникова, Е.Г. Кушнарева (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. № 267), А.В. Дмитриевская, М.С. Макарова, С.А. Семенов (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. № 85).

Необходимо отметить помощь, оказанную в проведении работ местными краеведами П.Г. Черкасовым, В.А. Соколовым, Е.П. Аликиным, К.Г. Ольховской, которые были включены в состав экспедиции в качестве технических сотрудников. Интересен факт включения в экспедицию в 1937 г. школьника Н. Махонина, хорошо зарекомендовавшего себя в предыдущие годы работ (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. № 85). Практика привлечения к археологическим исследованиям старшеклассников будет в дальнейшем широко использоваться О.Н. Бадером и последующими поколениями пермских археологов. Основной же рабочей силой при раскопках были рабочие КамГЭСстроя.

В целом, отношения с местными органами власти, строителями складывались по-дружески. Серьезную помощь в проведении археологических исследований оказывал инженерно-технический состав КамГЭСстроя – почвоведы, геодезисты и т.д. На строительстве распространялись плакаты и инструкции, призывающие к охране памятников, читались лекции. Сотрудники экспедиции консультировали Пермский краеведческий музей по вопросам экспозиции исторического отдела и организации при музее Кабинета истории материальной культуры. В то же время Н.А. Прокошев отмечал, что музейные работники не проявляют особого интереса к работам археологов, музей не имеет должной археологической экспозиции, а все материалы раскопок КЭ ГАИМК идут мимо него (РА ИИМК РАН. Ф. 43. № 107). Показательно, что, несмотря на многолетние работы КЭ ГАИМК на территории края, в штате музея так и не появился профессиональный археолог.

Определенные трудности были связаны с финансированием раскопок. До 1936 г. КЭ ГАИМК работала по договору с Гидростройпроект. Однако 20 мая 1936 г. был заключен трехлетний договор непосредственно с КамГЭСстроем. Уже в 1937 г. воз-

Рис. 1. Участники КЭ ГАИМК 1935 г., слева направо: М.В. Талицкий, Н.А. Прокошев, Я.В. Станкевич, П.И. Борисковский, А.В. Збруева.

Рис. 2. Общий вид Лёвшинской дюны. КЭ ГАИМК, 1934 г.

никли первые сложности, связанные с сокращением финансирования самого строительства Камской ГЭС. Но настойчивость руководства ГАИМК и Н.А. Прокошева, а также восстановление финансирования помогли разрешить эти проблемы: раскопки, запланированные на 1937 г., были проведены в полном объеме (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1937. № 85).

Были случаи, когда у экспедиции возникали проблемы в общении с руководством местных колхозов. Так, А.В. Збруевой в 1936 г. не удалось исследовать мысовую часть Конецгорского селища, которая, несмотря на предварительные договоренности, оказалась засаженной овощами. Работы пришлось перенести на ту часть селища, где была произведена погрешность. Исследовать мысовую часть памятника удалось только в 1937 г.

Непросто было и обрабатывать полученный материал. Прежде всего, это было связано с большими объемами работ, а, следовательно, и материала, а также с тем, что сотрудники экспедиции работали в разных учреждениях ГАИМК. В частности, А.В. Збруева и М.В. Талицкий были сотрудниками МО ГАИМК, а руководитель экспедиции Н.А. Прокошев к этому времени уже работал в Ленинграде, поэтому часть коллекций отправлялась в Москву, а часть – в Ленинград, где материалы раскопок первоначально передавались в Государственный Эрмитаж (1933–1935 гг.), а затем – в ГАИМК. В Перми коллекции не обрабатывались и не хранились. Исключе-

ние составили только разведочные сборы краеведов (Е.П. Аликина и др.), переданные в местный музей.

В 1934 г. экспедицией были проведены раскопки стоянок неолита–бронзы в устье р. Чусовая: Лёвшино (239 м²) (Прокошев, 1940. С. 11–40) (рис. 2), на оз. Грязное, у хут. Астраханцев (199 м²), Турбинского могильника (164 м²). А.В. Збруевой были проведены раскопки на Галкинском городище (760 м²), относящемся к ананьинской культуре. Также были обследованы берега р. Чусовая от Верхне-Чусовских городков до устья. В результате были открыты новые памятники неолита–бронзы: стоянка около дачи № 47 в пос. Верхняя Курья, стоянка у д. Верхние Гари (Бор I) (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1934. Д. 402).

В 1935 г. были продолжены раскопки памятников эпохи неолита–бронзы в устье р. Чусовая: стоянки у хут. Астраханцев на оз. Грязное (528 м², изучено три жилища), Турбинского могильника (288 м²); впервые исследовалась стоянка Северная на оз. Грязное (16 м²), стоянка в урочище Гремячий ручей (44 м²), у д. Усть-Чусовая (шурф, 1 м²). Также были проведены раскопки стоянки у д. Верхняя Курья (выявлено еще два пункта, на которых собрано незначительное количество находок, общая площадь шурфов – 10 м²). А.В. Збруевой исследовалось Конецгорское селище ананьинской культуры (260 м²) (Прокошев, 1936. С. 255–268).

Отрядом в составе М.В. Талицкого, П.И. Борисковского, Н.А. Мамаева была проведена разведка по р. Чусовая от Чусовского завода до Верхне-Чусовского городка. В результате было осмотрено 24 па-

Рис. 3. Роданово городище. Очаг-каменка. КЭ ГАИМК, 1936 г.

Рис. 4. Стоянка у хут. Астраханцев. Жилища с переходами. КЭ ГАИМК, 1936 г.

мятника X–XV вв. и обнаружены местонахождения плейстоценовой фауны. Кроме этого, М.В. Талицкий начал исследования Роданова городища на Верхней Каме (40 м²) (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1935. Д. 105).

В 1936 г. А.В. Збруева продолжила раскопки Конецгорского селища (408 м²), а М.В. Талицкий – Роданова городища (264 м²) (рис. 3). А.В. Збруевой были проведены разведки и раскопки в устье р. Гаревая, Туй, в Чёрмозком и Усть-Гаревском р-нах,

в результате чего было исследовано 14 памятников (10 уже известных и 4 новых). М.В. Талицким была проведена разведка в районе п. Таман и д. Пигер, во время которой исследовалось пять памятников, а также раскопки на городище Кыласово (60 м²). Продолжены раскопки поселения у хут. Астраханцев (232 м², изучено два жилища) (рис. 4). Таким образом, за три года на памятнике было изучено 965 м². Это первый памятник эпохи неолита–бронзы, изученный

раскопками полностью. Также значительные по площади раскопки были проведены на ст. у Гремячего Ручья (326 м², изучено два жилища), Северная на оз. Грязное (176 м²), у д. Усть-Чусовая (64 м²). Всего в 1936 г. было раскопано 1520 м² площади, разведками пройдено 150 км, обследовано 20 памятников (РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 267).

В 1937 г. Лёвшинский отряд под руководством А.В. Збруевой провел раскопки стоянки Северная на оз. Грязное (480 м², четыре жилища) и Конецгорского селища (260 м²). Чусовской отряд под руководством Н.А. Прокошева исследовал Камень Дыроватый и пещеру Бычки. Верхнекамский отряд под руководством М.В. Талицкого продолжил исследования Роданова городища (340 м²) (РА ИИМК РАН. Ф. 43. Д. 108).

Таким образом, в течение 1934–1937 гг. были проведены крупномасштабные работы на 10 памятниках, относящихся к различным эпохам – от неолита до позднего средневековья, исследовано более 5000 м². Разведками обследована значительная часть берегов р. Кама и Чусовая, в результате чего осмотрено более 50 памятников, 8 новых открыто.

Сокращение финансирования строительства Камской ГЭС, с одной стороны, и реорганизация ГАИМК, с другой, привели к ликвидации КЭ ГАИМК. После 1937 г. работы, пусть и не в таком объеме, были продолжены в рамках экспедиций отдельных исследователей. Так, в 1938–1940 гг. работала Прикамская (Пермская) экспедиция под руководством М.В. Талицкого, в 1938 г. исследовавшая 53 памятника на р. Иньва и палеолитическую стоянку у д. Остров (Древности..., 2005. С. 113).

В 1940 г. работала Чусовская экспедиция под руководством Н.А. Прокошева: ее сотрудники исследовали берега р. Чусовая от станции Кауровка до станции Чусовая – всего 360 км (Древности..., 2005. С. 114).

Работы КЭ ГАИМК сыграли важную роль в развитии археологии Прикамья. Впервые территория Пермского края подверглась столь длительному и планомерному исследованию специалистов. Работа в экспедиции повышала и профессиональный уровень самих исследователей, помогла сформироваться их научным интересам: Н.А. Прокошев увлекся изучением пещер и святынь Урала, поселений позднекаменного века, А.В. Збруева – памятниками ананьинской культуры, М.В. Талицкий – средневековыми памятниками Приуралья.

Итоги этих работ оказали большое влияние на формирование представлений о древней истории

Прикамья. В 1935 г. М.В. Талицким, П.И. Борисовским и Н.А. Мамаевым была проведена разведка по р. Чусовая с целью поиска памятников эпохи палеолита, в результате которой были выявлены места скопления плейстоценовой фауны в устье р. Чусовая, где уже в 1938 г. М.В. Талицкий у д. Остров обнаружил палеолитическую стоянку, а в 1939 г. – мустьерское местонахождение Пещерный Лог (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1937. Оп. 1. Д. 285), долгое время считавшееся самым северным мустьерским памятником Евразии. Обнаружение палеолитических памятников в устье р. Чусовая позволило говорить о достаточно раннем проникновении человека на территорию Прикамья. Материалы этих памятников до сих пор привлекают внимание специалистов по палеолиту. После окончания Великой Отечественной войны, по инициативе О.Н. Бадера, стоянке у д. Остров было присвоено имя М.В. Талицкого – ее первооткрывателя и исследователя.

Значительный вклад работы КЭ ГАИМК внесли и в формирование современных представлений о позднем каменном веке региона. Если до их начала в Среднем Прикамье было известно два памятника эпохи камня, и только стоянка Лёвшино была исследована раскопками (Шмидт, 1940. С. 1–31), то к 1937 г. уже насчитывалось более 10 стоянок, из них 4 были исследованы крупномасштабными раскопками (у хут. Астраханцев, Северная на оз. Грязное, в урочище Гремячий Ручей, у д. Усть-Чусовая). Благодаря этим работам впервые были исследованы поселки позднекаменного века, впоследствии отнесенные к гаринской энеолитической культуре, с полуземлянками с переходами из одной в другую и пористой керамикой.

Впервые крупномасштабные работы были проведены на таких поселениях ананьинской культуры, как Галкинское городище, Конецгорское селище; они дали материал о жилищах, хозяйственных занятиях и материальной культуре данного времени. Работы М.В. Талицкого на городищах Роданово и Кыласово (Анюшкар) расширили наши представления о жизни и быте населения Прикамья в позднем средневековье. По Роданову городищу культура позднесредневекового населения Прикамья стала называться родановской.

Таким образом, благодаря работам КЭ ГАИМК 1933–1937 и исследованиям 1938–1940 гг. на территории Пермского края были изучены памятники эпохи палеолита, неолита, энеолита, бронзового и раннего железного века, эпохи средневековья. К материалам этих исследований до сих пор обращаются специалисты.

К сожалению, судьба некоторых участников КЭ сложилась трагично: в боях под Москвой в 1942 г. погиб М.В. Талицкий, под Ленинградом был убит Н.А. Прокошев.

Возобновление археологических исследований в Пермском крае связано с именем О.Н. Бадера и созданием в 1947 г. Камской археологической экспедиции (КАЭ) при историческом факультете Пермского государственного университета (ПГУ). Первые шаги новой экспедиции были связаны с исследованием памятников, которые были открыты или исследовались КЭ ГАИМК: стоянка у д. Остров (им. М.В. Талицкого), Турбинский могильник, стоянка у д. Верхние Гари (Бор I) и др. Таким образом, КАЭ ПГУ можно считать правопреемницей КЭ ГАИМК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Древности Восточной части Евразии (в материалах научного архива ИИМК РАН) (сост. Г.В. Длужневская). СПб., 2005.
- Очерки по археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002.
- Прокошев Н.А.* Камская экспедиция в 1935 г. // СА. 1936. № I.
- Прокошев Н.А.* К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья // МИА. 1940. № 1.
- Шмидт А.В.* Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции // Изв. ГАИМК. 1935. № 109.
- Шмидт А.В.* Стоянка у станции Лёвшино // СА. 1940. № V.

ЗАМЕТКИ

ЧАША ИЗ ЧЕРЕПА *Bos primigenius* ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ с. УНДОРЫ (СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ)

© 2011 г. А.В. Вискалин*, В.М. Ефимов**

* Ульяновский государственный университет,

** Ундоровский палеонтологический музей, Ульяновск

Находки плейстоценовой фауны – не редкость для Среднего Поволжья (Буров, 1980. С. 28). Особенно ими богаты окрестности курортного с. Ундоры, расположенного в 40 км к северу от Ульяновска (Ефимов, 2002. С. 180–186; 2003. С. 8–11). Высокий правый берег Волги в районе села прорезан многочисленными оврагами и погребенными долинами, заполненными отложениями четвертичного периода. Благодаря особому химическому составу грунтовых вод плейстоценовые кости минерализованы, что способствует их сохранности.

В 1890–1910 гг. академиком А.П. Павловым на островах в районе с. Ундоры были обнаружены разрозненные останки ископаемых людей: два черепных свода, нижняя челюсть и плечо, вымытые, по его мнению, из древней речной террасы (1925). Два десятилетия спустя на одном из волжских островов вблизи с. Ундоры М.З. Паничкиной были собраны каменные изделия, предположительно, имеющие плейстоценовый возраст (1953. С. 233–264). Однако стратифицированные остатки материальной культуры человека эпохи верхнего палеолита впервые были получены только в 1980-е годы ульяновским палеонтологом В.М. Ефимовым, нашедшим на волжском бечевнике в окрестностях с. Ундоры листовидный наконечник копья стрелецкого типа и костяную проколку (Вискалин, 1990. С. 248–250). За истекшие годы в окрестностях села В.М. Ефимовым собрано еще несколько предметов из камня и кости, доказывающих присутствие здесь человека плейстоценовой эпохи.

Наиболее спорная из этих находок – краевой отщеп сливного песчаника со следами круговой нерегулярной обработки, обнаруженный на бечевнике примерно в 0,5 км южнее д. Городищи (2 км к югу от с. Ундоры) в районе неогенового вреза, получившего название “Чертов гребень” (рис. 1; 2). Изделие имеет сильную окатанность и блеск, что выдает его перемещение по дну водного потока и не исключает естественный характер “обработки”, не связанной с деятельностью человека.

Остальные находки принадлежат к числу несомненных артефактов. Концевой скребок из серовато-фиолетового кремня подобран на распаханной поверхности террасы по правому берегу Писцового оврага на западной окраине д. Городищи (рис. 3; 4, 1). Он изготовлен из укороченной тонкой пластины и имеет дуговидное лезвие, обработанное крутой занозистой ретушью. Второе изделие из такого же кремня обнаружено неподалеку от предыдущего. Оно представляет собой пластину с подтеской конца с нерегулярными сколами по краям (рис. 4, 2) возможно, результатом механического повреждения во время распахки. Поверх-

Рис. 1. Схема находок плейстоценовой поры в окрестностях с. Ундоры. 1 – отщеп; 2 – скребок; 3 – пластина; 4 – костяное шило; 5 – чаша из черепа теленка.

Рис. 2. Местонахождение Чертов гребень. Вид с востока.

Рис. 3. Местонахождение Городищи. Вид с востока.

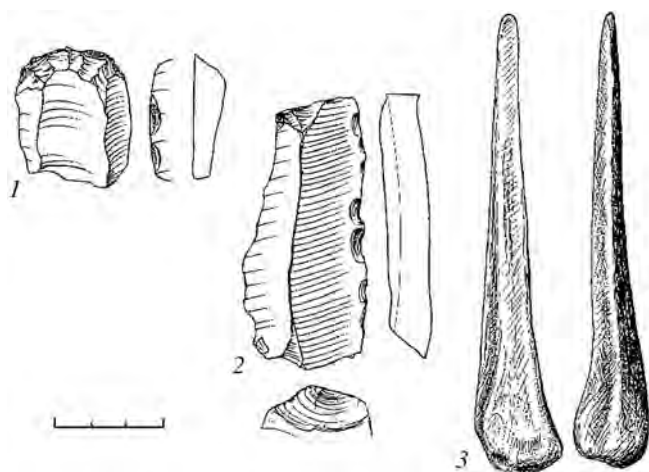

Рис. 4. Изделия из камня (1, 2) и кости (3).

Рис. 5. Местонахождение Дубки. Вид с севера.

Рис. 6. Чаша из черепа молодого *Bos primigenius*. 1 – вид сверху; 2 – вид снизу; 3 – вид сбоку; 4 – деталь края.

ность обоих кремневых изделий имеет одностороннюю глубокую патину молочного цвета. На ней нет следов забитости и люстража, появляющихся в результате пребывания в водном потоке или на бечевнике. Следовательно, оба кремневых изделия долгое время находились в толще плейстоценовых суглинков, занимающих верхнюю часть береговых отложений, пока не были выпажаны оттуда жителями современной деревни. О плейстоценовом возрасте кремневых изделий говорит и сортность кремня, использование которого не отмечено ни на одном из памятников голоценовой эпохи Среднего Поволжья.

Четвертая находка сделана на волжском бечевнике в 0.5 км к югу от д. Городищи. Она представляет собой проколку из трубчатой кости ископаемой лошади, рабочий кончик которой получил в процессе использования характерную округлость (рис. 4, 3). Поверхность изделия покрыта коричневой патиной и имеет яркий блеск, свидетельствующий о длительном пребывании в овражных отложениях.

Наиболее интересная находка – чаша из мозгового отдела черепа новорожденного теленка первобытного быка *Bos primigenius*, обнаруженная на бечевнике в устье Черталинского оврага вбли-

зи дома отдыха Дубки (1 км восточнее с. Ундоры) (рис. 5). На “юный” возраст черепа указывает отверстие, образовавшееся на месте затылочного родничка. Костная ткань здесь была очень тонкой и не успела окрепнуть (определение черепа сделано В.М. Ефимовым).

В процессе изготовления чаши лицевая часть черепа была срезана человеком, а полученный срез выровнен и обточен абразивом (рис. 6). Края и наружная поверхность чаши в настоящее время имеют следы заполировки, интенсивность которой уменьшается по мере удаления от края. Небольшие механические повреждения по краю чаши выделяются на фоне соседних непопореженных участков отсутствием блеска и шероховатостью. Внутренняя поверхность лишена механических повреждений и яркого блеска. Оставшееся в стенке чаши затылочное отверстие, видимо, было залеплено воском или смолой, препятствующей вытеканию жидкости (рис. 6, 1).

Искусственный характер этой обработки не вызывает сомнений, так как естественное разрушение ископаемых черепов проходит по иной схеме. Под действием физико-химического и биологического воздействия среды разрушаются в первую очередь тонкие и ослабленные части черепных костей в местах их спайки. В результате чего черепа, как правило, распадаются по границам составляющих их костей, приобретающих округлые очертания. При механических воздействиях на череп во время его нахождения в водном потоке образуются выломы костей, направление и форма которых заданы структурой костного вещества. В данном же случае наблюдается линейная граница рассечения черепа, проходящая поперек черепных швов и различных по плотности и толщине участков костей, что указывает на ее искусственный характер.

Плейстоценовый возраст чаши подтверждает не только использование черепа ископаемого животного, но и наличие глубокой коричневой патины, покрывающей его со всех сторон, в том числе и обработанные человеком участки. Снаружи плот-

ное костное вещество местами повреждено, а патина отсутствует, что является следствием кратковременного пребывания находки в прибойной зоне Волги. Однако сохранившиеся на чаше тонкие костные выступы и края горловины убеждают в том, что предмет до попадания на речной пляж не испытал значительного перемещения водными потоками.

По-видимому, чаша была обронена первобытным человеком в ручей и оказалась законсервированной в его илистых отложениях. На протяжении многих тысяч лет изделие не испытывало перемещения по дну ручья, получив лишь поверхностный люстраж и минерализацию. Подмывание берега и вмещающих чашу овражных отложений водами Куйбышевского водохранилища привело к ее выпадению на речной бечевник. Под действием речного прибоя наиболее выступающие наружные элементы чаши, в частности, роговые выступы, находившиеся в “придонной” части, получили механические повреждения, почти не затронувшие ее края и стенки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буров Г.М. Каменный век Ульяновского Поволжья. Ульяновск, 1980.
- Вискалин А.В. Стратифицированные находки орудий плейстоценовой эпохи из Ульяновского Поволжья // СА. 1990. № 2.
- Ефимов Д.В. Остатки млекопитающих позднего плейстоцена на территории Ульяновской области // Природа Симбирского Поволжья. Вып. 3. Ульяновск, 2002.
- Ефимов Д.В. Плейстоценовые местонахождения костей на территории курорта Ундоры // Природа Симбирского Поволжья. Вып. 4. Ульяновск, 2003.
- Павлов А.П. Ископаемый человек эпохи мамонта в Восточной России и ископаемые люди Западной Европы. М., 1925 (Тр. Антропологического ин-та МГУ; Вып. 1).
- Паничкина М.З. Разведки палеолита на Средней Волге // СА. 1953. № XVIII.

ПОГРЕБЕНИЕ МАЛЬЧИКА С МУЗЫКАЛЬНЫМИ ИНСТРУМЕНТАМИ ИЗ КЕЛЬГИНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА В МОРДОВИИ

© 2011 г. А.А. Беговаткин

Институт археологии РАН, Москва

Кельгининский могильник – один из наиболее исследованных археологических памятников мордвы (Беляев и др., 1998). На сегодняшний день в могильнике изучено 420 захоронений, которые датируются двумя периодами: конец X – начало XV в. и XVII – первая половина XVIII в. Памятник имеет ряд особенностей, отличающих его от остальных средневековых могильников мордвы-мокши. В частности, на его площади исследовано девять ритуальных конских захоронений X–XIII вв., что в определенной степени сближает его с некрополями муромы и мордвы-эрзи (Вихляев, 1997). Другое характерное отличие Кельгининского могильника – при его раскопках найдено гораздо больше вещей древнерусского происхождения, чем на других мордовских памятниках XI–XIII вв. (Беговаткин, Вихляев, 2004).

В 2001 г. в детском погр. 417 было обнаружено три музыкальных инструмента (Вихляев, 2001. С. 58. Рис. 124, 6, 7). Находки предметов такого рода при раскопках археологических памятников мордвы носят исключительный характер. До недавнего времени было известно лишь об одном случае обнаружения детской флейты в виде уточки в слое XV–XVI вв. Итяковского городища в Мордовии (Федоров-Давыдов, Циркин, 1966. С. 241).

В свете изложенного найденные в погр. 417 Кельгининского могильника музыкальные инструменты представляют большой интерес, поскольку значительно расширяют представления об уровне развития финно-угорского музыкального искусства в эпоху средневековья.

Перейдем непосредственно к обстоятельствам обнаружения данных артефактов. Могильная яма погр. 417 в плане имела подпрямоугольную форму и была ориентирована длинными стенками с юго-запада на северо-восток (рисунок). Захоронение почти полностью было перекрыто более поздним погр. 413. Контур могилы 417 выявлен на глубине 94 см от современной поверхности. Длина ямы погребения составляет 212 см, ширина у северо-восточного конца – 70, у юго-западного – 76. Стенки отвесные, дно ровное. Глубина от современной поверхности – 142 см.

На глубине 131 см обнаружены остатки стенок деревянного гробовища. Судя по сохранившимся

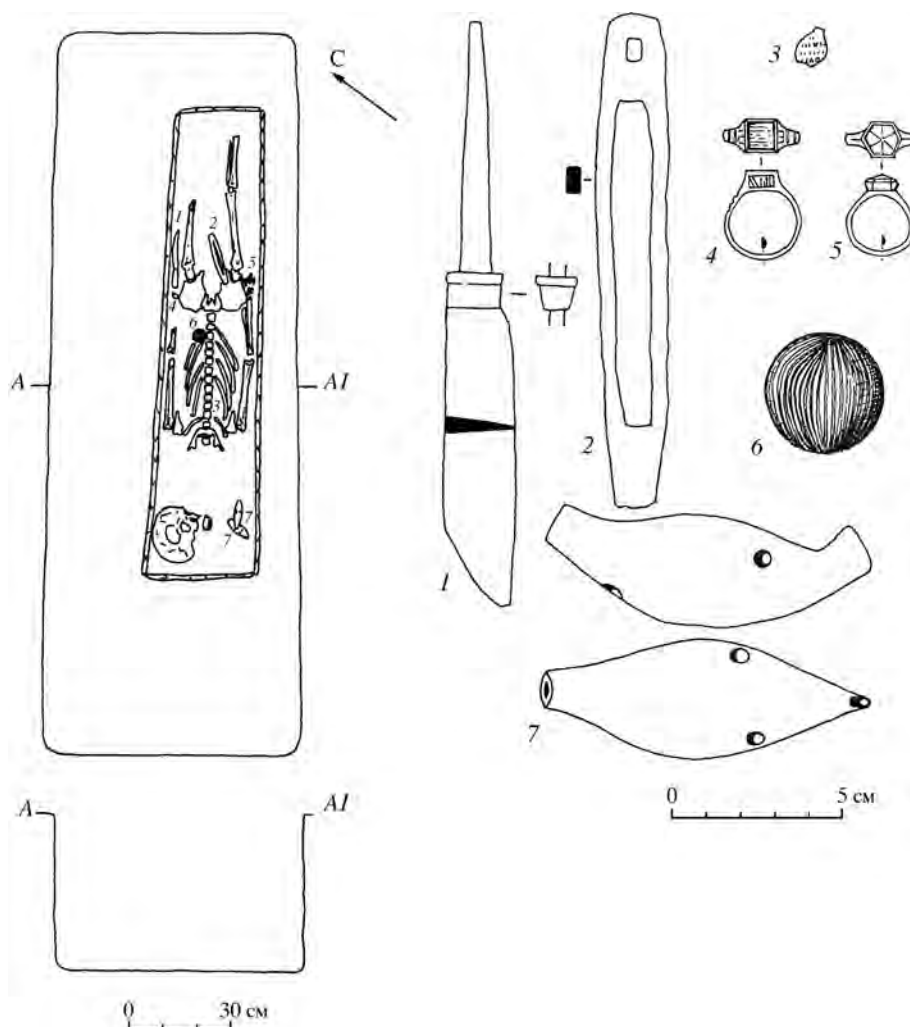
частям, гробовище имело трапецевидную форму и было смещено к юго-восточной стенке могильной ямы. Его длина составляет 140 см, ширина в области головы – 34, в области ног – 26.

В гробовище находились костные останки хорошей сохранности – скелет мальчика в возрасте 9–12 лет. Умерший лежал на спине, головой на юго-запад (233°). Череп сдвинут в западный угол гробовища, очевидно, это произошло при совершении более позднего погр. 413. Руки были вытянуты вдоль туловища.

У черепа ближе к юго-восточной стенке гробовища находились две флейты-свистульки из светло-серой глины (рисунок, 7), слева от поясничных позвонков – глиняная погремушка с рифленой поверхностью, покрытой глазурью коричневого цвета (рисунок, 6), слева у бедра – железный нож (рисунок, 1), между бедер – железное кресло (рисунок, 2), на пальцах рук – два бронзовых перстня со вставками из бесцветного стекла (рисунок, 4, 5), под ребрами слева от позвоночника обнаружена русская серебряная монета плохой сохранности (рисунок, 3).

Судя по сопровождающему инвентарю, погр. 417 можно датировать в пределах XVII – первой четверти XVIII в. Однако некоторые обстоятельства позволяют уточнить хронологические рамки совершения захоронения. Как уже отмечалось, рассматриваемая могила была перекрыта и частично потревожена погр. 413, которое отнесено также к этому времени. Учитывая данный факт, захоронение мальчика-“музыканта” следует датировать в пределах XVII в.

Обнаруженные инструменты свидетельствуют о глубине традиций мордовской инструментальной музыки. Данные археологические находки прекрасно согласуются с их аналогами, известными по этнографическим коллекциям конца XIX – первой половины XX в. Обнаруженная глиняная погремушка относится к классу идиофонов – наиболее древних музыкальных инструментов. В быту мордовского народа идиофоны применялись преимущественно для отбивания ритма плясок в ансамбле с другими видами традиционных инструментов, а также в обрядовой практике для создания ритуаль-

План и инвентарь погребения мальчика-“музыканта” из Кельгининского могильника в Мордовии. 1 – нож; 2 – кресало; 3 – монета; 4, 5 – перстни; 6 – погремушка-оберег; 7 – флейты (1, 2 – железо; 3 – серебро; 4, 5 – бронза, стекло; 6, 7 – глина)

ного шума в функции оберега, отпугивающего злых духов (Бояркин, Бояркина, 2004. С. 736).

Найденные в Кельгининском могильнике детские флейты – полная аналогия музыкальным инструментам, широко использовавшимся в первой половине XX в. при обряде “призывания птиц” на масленицу. Начало данного весеннего торжества у мордвы сопровождалось печением блинов и пирогов в виде домашних животных (лошади, овцы) и птиц (скворца, соловья), угощением ими родственников и ритуальным призывом с кормлением птиц. Рано утром дети 8–10 лет залезали на крышу и свистели в глиняные или деревянные духовые инструменты в форме птиц, изготавливаемые взрослыми специально для этого случая, скандировали речитативом в традиционном ритме призывы перелетных птиц (Бояркин, Бояркина, 2004. С. 738).

Факт обнаружения музыкальных инструментов в археологическом комплексе – яркое свидетельство того, что в мордовском народном искусстве сохранились многие архаичные формы, восходящие к средневековой культуре. Столь показательные реликты музыкального искусства – убедительный пример глубины духовных традиций, которые можно изучать и анализировать на материалах раскопок древних и средневековых археологических памятников мордовского народа.

Автор выражает глубокую признательность В.И. Вихляеву за предоставленную возможность публикации материалов раскопок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беговаткин А.А., Вихляев В.И. Подвески со знаками Рюриковичей из Кельгининского могильника // Краеведческие записки 2004. Саранск, 2004.

Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгининский могильник. Саранск, 1998.

Бояркин Н.И., Бояркина Л.Б. Музыкальное искусство // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. Саранск, 2004.

Вихляев В.И. Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы: Матер. I Сафаргалиевских науч. чтений. Саранск, 1997.

Вихляев В.И. Отчет об охранных археологических исследованиях Кельгининского могильника Зубова-Полянского р-на Республики Мордовия в 2001 г. // Архив ИА РАН. 2001. Р-1. № 22474.

Федоров-Давыдов Г.А., Циркин А.В. Новые данные об Итяковском городище в Темниковском р-не МАССР // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск, 1966 (Тр. Мордовского науч.-исследов. ин-та языка, литературы, истории и экономики; Вып. XXX).

ИССЛЕДОВАНИЕ ФРАГМЕНТОВ ТЕКСТИЛЯ С ТОРЕЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ XV в.

© 2011 г. О.В. Орфинская

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Москва

Материал был получен в ходе раскопок экспедиции Казанского университета (руководитель С.И. Валиулина) на Торецком поселении в 2009 г. Место находки: раскоп XIII, мастерская медника XV в. Для исследования текстиль был передан в Институт наследия им. Д.С. Лихачева.

Объект исследования: несколько фрагментов полосатой ткани.

Методы: микроскопия в отраженном и проходящем поляризованном и неполяризованном свете от $\times 10$ до 200.

Результаты исследования

Три небольших фрагмента полосатой шерстяной ткани имеют общую площадь не более 1 дцм. На одном из них сохранилась боковая кромка (рис. 1, 1), что позволяет определить направление нитей основы и утка. Нити основы цветные, в станок они были заправлены через одну: светлая нить, темная нить (рис. 1, 2). Ткань имеет плотняное переплетение (рис. 1, 3). Светлые нити основы шерстяные с Z-круткой, окрашенные синим кубовым красителем – индиго. Следовательно, нити могли быть синие или зеленые, так как выделить почвенные загрязнения, дающие желтый цвет, от авторского крашения в данном случае не удалось.

При микроскопических исследованиях выявлено, что волокна имеют различную интенсивность окраски, краситель занимает всю внутреннюю полость остевых волокон (рис. 1, 4) и находится сверху пуховых (без внутреннего канала) волокон (рис. 2). Окраска волокон неравномерная. Все это свидетельствует о невысоком качестве крашения,

возможно, самой нити, т.е. окрашивалось не сырье (качественная окраска), а уже спряденная нить. Наличие красителя на поверхности и в канале волокна может указывать на то, что шерсть была получена путем стрижки и краситель осел как на поверхности, так и в открытых полостях волокон. Темные нити основы шерстяные (рис. 1, 5) с Z-круткой, имеют коричневую окраску. Микроскопические исследования не выявили окрашенных волокон, но это не исключает возможности наличия красителя. Нити утка светлые, соответствуют нитям светлой основы.

Толщина всех нитей примерно одинаковая, она колеблется от 1 до 2 мм. Нити неравномерные по толщине и степени крутки. Во всех нитях присутствуют пуховые, переходные и остевые волокна. Следовательно, и сырье, и сама нить имеют не очень высокое качество. Плотность ткани – 10–12 нитей основы и 4 нити утка на 1 см². Такие показатели плотности позволяют отнести эту ткань к четвертому-третьему, достаточно низкому сорту тканей (Нахлик, 1963. С. 229; Давидан, 1981. С. 100–113). Преобладание нитей основы над нитями утка в таком типе тканей может свидетельствовать о том, что она была изготовлена на вертикальном ткацком станке.

На изнаночной стороне фрагментов полосатой ткани сохранился второй текстильный слой, который, вероятно, состоял из нескольких отдельных слоев или одного, сильно сжатого в многочисленные складки слоя текстиля. Определить, были ли все эти слои сшиты между собой или это были самостоятельные изделия, не представляется возможным.

В этом слое четко читаются нити, которые имеют

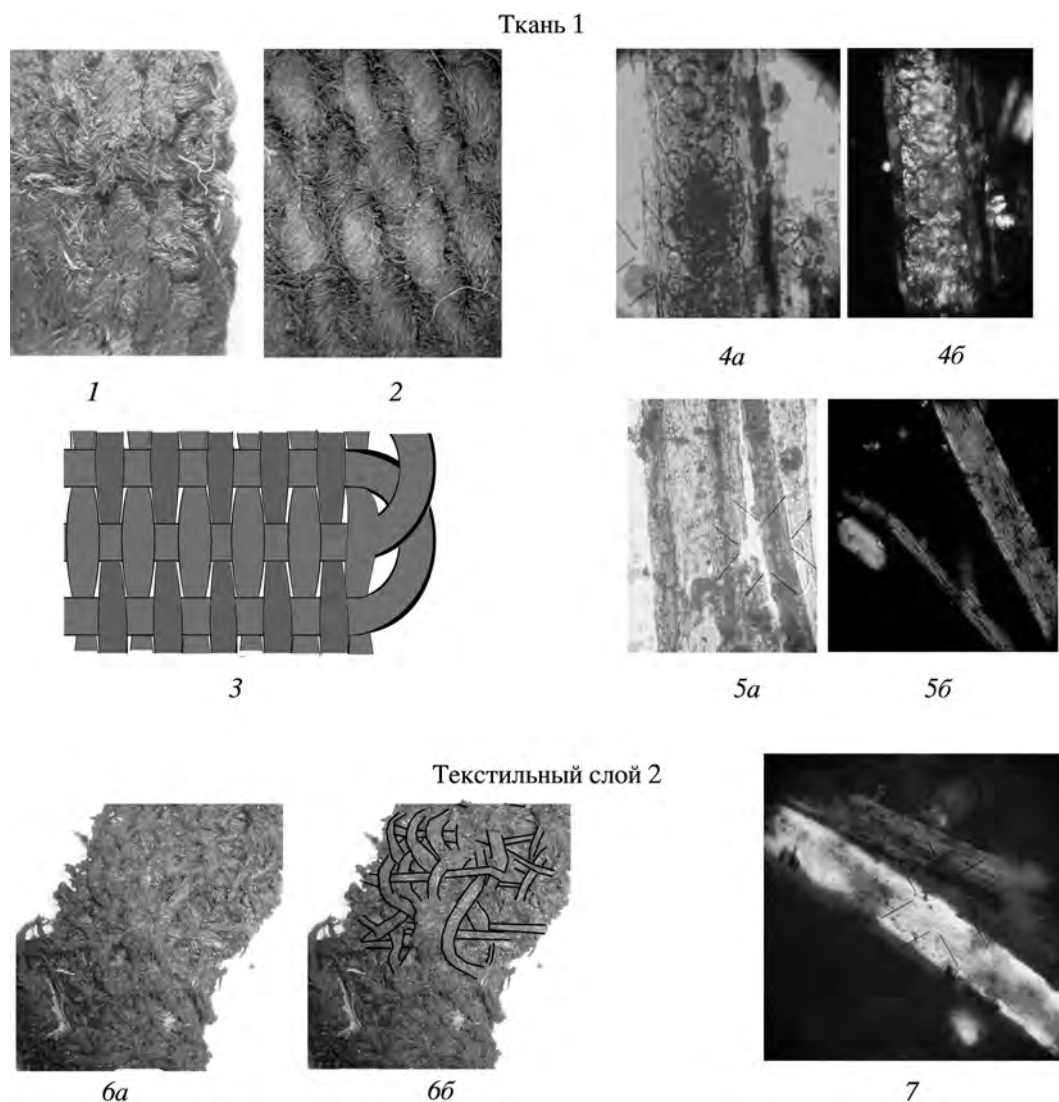

Рис. 1. Две ткани, в которые была завернута медная курильница. Ткань 1: 1 – участок с боковой кромкой; 2 – центральная часть фрагмента; 3 – схема текстильного переплетения и вариант цветовой реконструкции полосатой ткани; 4 – микрофотографии шерстяных волокон (волокно со сплошным каналом, заполненным красителем) светлой нити: а – анализатор и поляризатор расположены параллельно (светлое поле); б – анализатор и поляризатор расположены перпендикулярно (темное поле); 5 – микрофотографии шерстяных волокон темной нити (а и б см. выше). Текстильный слой 2: 6 – фрагмент, состоящий из нескольких слоев, возможно, с перевитой основой: а – общий вид переплетений; б – частичная прорисовка переплетений; 7 – микрофотография волокон шерсти (темное поле).

определенную направленность, но структура ткани или плетения не просматривается. Только на одном небольшом участке (рис. 1, б) можно предположить наличие ткани с перевитой основой.

Ткань, в которой уток проводится между нитями основы не подряд, а в определенном порядке, от чего они меняют свое направление, имеет более рыхлую структуру. Такая ткань могла играть в упаковке роль смягчающего слоя. Подобное переплетение получается и при ткачестве тесьмы на дощечках, тогда можно предположить, что курильница была обмотана (завязана) тесьмой. Нити этого слоя также прядены из шерстяных волокон (рис. 1, 7).

Итак, медная литая курильница, найденная на Торечком поселении, была завернута в несколько слоев тканей: нижний слой, вероятно, состоял из ткани с перевитой основой, а верхний – это полосатая ткань полотняного переплетения. Нити для тканей прядены из шерсти, где присутствуют все типы волокон: пуховое, промежуточное и остиное. Шерсть срезали, а не вычесывали. В светлых нитях полосатой ткани выявлена окраска в синий или зеленый цвет. Ткани, вероятно, были выработаны на вертикальном ткацком станке. Смена вертикального ткацкого станка на горизонтальный происходит постепенно, в зависимости от территории и ее удален-

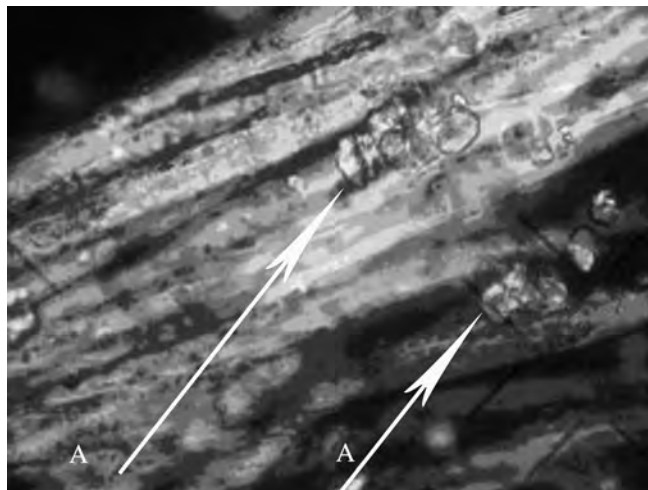

Рис. 2. Микрофотография пуховых и промежуточных волокон светлой нити (темное поле). А – отдельные частички красителя на поверхности волокон.

ности от развитых текстильных центров: например, для Новгорода это XII в. (Нахлик, 1963. С. 280). Следовательно, в XV в., когда уже повсеместно широко применялся горизонтальный ткацкий станок, применение вертикального – признак технологической отсталости производства. Средний уровень сырья и нитей, а также их окраски может свидетельствовать о том, что ткань, скорее всего, не была изготовлена для продажи, а была продуктом, направленным на удовлетворение внутренних потребностей семьи (хозяйства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давидан О.И. Ткани Старой Ладogi // АСГЭ. 1981. Вып. 22.
 Нахлик Д. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // МИА. 1963. № 123.

Яблонский Л.Т. ПРОХОРОВКА: У ИСТОКОВ САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ. М.: Таус, 2010. 384 с.

Исследование могильника Прохоровка в Шарлыкском р-не Оренбургской обл., давшего имя раннесарматской культуре, стало одним из крупнейших событий сарматской археологии 2000-х годов. Рецензируемая книга – публикация результатов раскопок 2003 и 2005 гг. с привлечением большей части сохранившегося материала, полученного в 1911 и 1916 гг. Значение этой работы не только в том, что она вводит в научный оборот полный материал памятника, ставшего эпонимным для одной из культур ранних кочевников, но и в том, что она завершает дискуссию о непрерывности либо дискретности развития культур ранних кочевников европейских степей IV–II вв. до н.э., буквально сотрясавшую сарматскую археологию во второй половине 1990 – начале 2000-х годов. Еще одна особенность этого издания представляется исключительно важной. Монографическое исследование Прохоровки – “образцовое”, оно демонстрирует, каким в идеале должно быть издание археологического материала. Не секрет, что большинство памятников ранних кочевников Южного Урала (и не только) плохо издано. Рискну повторить сентенцию В.Ю. Зуева о том, что для более или менее полного представления даже о таких “классических” памятниках, как исследованные К.Ф. Смирновым илекие курганы, археолог должен располагать как минимум тремя изданиями: “Савроматы”, “Савроматы Поволжья и Южного Приуралья” и “Сарматы на Илеке” (Зуев, 2000а. С. 100). С другими памятниками дело порой обстоит еще хуже. А сколько их не издано до сих пор!

Для автора рецензируемой работы опытом оперативного монографического издания раннекочевнических древностей Южного Урала стала серия “Курганы левобережного Илека” (КЛИ) (вып. 1–4), заложившая принципы, позже ставшие основой издания “Прохоровки...”: полное издание материалов раскопок со всеми планами, разрезами, предметами погребального инвентаря, привлечением исследований специалистов из других областей – палеобиологии, почвоведения. Скромные по полиграфии (они вышли в самые тяжелые для нашей науки 1990-е годы), КЛИ стали провозвестниками новых изданий раннекочевнических памятников – позднесарматского могильника Покровка 10 (Малашев, Яблонский, 2008) и могильника Прохоровка (Яблонский, 2010) – изданий качественного иного уровня, не побоюсь назвать его самым высоким.

Основа книги – Глава I (“Описание курганов и погребений из раскопок 2003–2005 гг.”). Помимо курганов 1–4, исследованных в 1916 г. С.И. Руденко, раскопкам подверглись еще три насыпи: сооружение (курган) Б (“Городище”), “б” и “в”. Во всех курганах, включая исследованные С.И. Руденко, оказались впускные погребения, которые (при том, что большинство центральных могил ограблено) позволили на существование большей, нежели у исследователей XX в., фактологической основе сделать выводы о культурно-хронологической принадлежности памятника. Всего было исследовано 36 погребений.

Анализ полученного материала содержится в Главах 2 (“Характеристика погребального обряда”) и 3 (“Хронология и периодизация могильника у д. Прохоровка”). Нельзя не отметить, что Глава 2 написана в соответствии с традиционной схемой: в ней последовательно характеризуются кур-

ганные насыпи и планиграфия курганов, конструктивные особенности могильных ям, напутственная и жертвенная пища, следы тризн, способы труположения, а в заключительной части делаются предварительные замечания о хронологии могильника по признакам погребального обряда. Столь же обстоятельная характеристика материальной культуры Прохоровки в книге отсутствует. Мы не найдем в ней традиционного обобщенного анализа вооружения, керамики, украшений и т.п. Автор счел предпочтительным дать очень подробную, но разобленную археологическую характеристику предметов материальной культуры из каждого кургана, каждого погребения, чему посвящена третья глава. Надо признать, что при таком подходе целостной хронологической картины создать не удалось. О периодизации могильника также говорить не приходится – в книге ее нет. Согласно выводам автора, все погребения, за исключением наиболее позднего, отнесенного к началу II в. до н.э., оказались принадлежащими к концу IV – III в. до н.э., а разительные отличия между ними в погребальном обряде и материальной культуре остались фактически не объясненными.

Может быть, автор и не ставил перед собой такой задачи. Все-таки главная цель издания – полная публикация материалов, и она выполнена с предельным тщанием. “Теперь всякий исследователь, – пишет во “Введении” Л.Т. Яблонский, – сможет составить собственное представление о памятнике, особенностях его погребального обряда, типологии и хронологии отдельных предметов, каждого погребения в могильнике” (с. 14).

Как старые, так и новые материалы Прохоровки показывают, что за относительно короткий период существования памятника в жизни населения, оставившего его, произошли огромные изменения, коснувшиеся как погребального обряда, так и материальной культуры. Нельзя не признать, что объяснение этих изменений В.Ю. Зуевым при помощи допущения временного hiatus внешне выглядело очень логичным. Но при относительно недолгом существовании могильника места для hiatus не остается. Нужно искать другие объяснения. Новые раскопки дали серию погребений, в которых архаические черты соединяются с более поздними. Эти погребения позволяют проверить метод “зажатых датировок”, разработанный группой волгоградских археологов. Самым ярким из них нужно признать центральное погребение кургана Б (“Городище”), которое имело богатый разнообразный инвентарь, демонстрируя присутствие в одном комплексе вещей, хронологически несовместимых друг с другом. Остатки деревянного сосуда с золотыми обкладками и следами починки, столь типичные для “царских” курганов Филипповки и Переволочана, найденные вместе с зеркалом с треугольной ручкой-штырем, железными наконечниками стрел с длинными черешками и золотой сергой, аналогичной экземплярам из Старых Кишек и Бишунгарово, свидетельствуют об отсутствии резкой временной и культурной границы между этими столь непохожими памятниками. Обращу внимание еще на два предмета из этого погребения. Бусины с тремя сосцевидными налечами (кат. 124–1264, 16) – одни из признанных хронологических маркеров погребений V в. до н.э. на Южном Урале. Костяной предмет, названный в монографии рукоятью плети или веера (кат. 1125), имеет полные аналогии в памятниках V–IV вв. до н.э. – Ульгули, кург. 3

погр. 2 (раскопки С.Ю. Гуцалова), Филипповка, кург. 14 погр. 1 (раскопки А.Х. Пшеничнюка), Яковлевка II, погр. 4, 7 (раскопки С.В. Сиротина). Сегодня это трудно доказать, но возможно, что “несообразия” в составе коллекции “старой” Прохоровки, такие как сочетание ранних зеркала и глазчатой бусины с более поздним кинжалом в кург. 2 или рубленых гагатовых бус с каменным блюдом в кург. 4, – результат не путаницы, а реального присутствия их в одном комплексе.

Объяснение резких изменений в погребальном обряде и материальной культуре нужно, вероятно, искать в глубоком кризисе, охватившем общество кочевников поры Филипповки и Переволочана, в результате которого прекращается возведение огромных курганов. Характер кризиса – политический, социальный, экономический, экологический – достоверно установить, по-видимому, никогда не удастся. Несомненно лишь то, что он вызвал подвижку степного населения из Зауралья в Предуралье. Это предположение находит подтверждение в изучении краниологии Прохоровки в контексте краниологических материалов прилегающих к Южному Уралу территорий, чему посвящена Глава 4 (“Палеоантропология Прохоровского могильника (в связи с проблемой этногенеза ранних кочевников Южного Приуралья”). Именно краниологические материалы позволили Л.Т. Яблонскому сформулировать предположение о двух периодах миграции зауральских скотоводов на запад и юго-запад. Первый период отнесен автором к эпохе формирования культур раннесакского типа, второй – к савроматскому и раннесарматскому времени. Л.Т. Яблонский предполагает, что эти миграции не были единовременным актом, а скорее всего, должны рассматриваться как цепь пульсирующих передвижений или расширения культурно-генетического ареала кочевников, сопровождающихся антропологической диффузией в пределах уже знакомого им региона (с. 89). Иными словами, “прохоровцы” не были выходцами из инокультурной среды, пришельцами из отдаленных территорий. Специальный межгрупповой анализ краниологического материала с участием серии из Прохоровки, проведенный автором совместно с С.Ю. Фризенем, показал, что физический тип людей, оставивших Прохоровский могильник, не претерпел резких изменений с савроматской эпохи Южного Приуралья до времени окончания функционирования могильника (с. 90).

Заканчивается основная часть книги иллюстративным материалом, насчитывающим 90 рисунков.

Приложения к монографии составляют большую часть книги – 200 из 384 страниц.

Приложение 1 – каталог находок как “старой”, так и “новой” Прохоровки – насчитывает 1557 предметов (составлен Д.В. Мещеряковым и Л.Т. Яблонским). Кажется, подобный каталог – это первый случай в южноуральской археологии. Сделана попытка представить в виде цветных фотографий все находки от шедевров из драгоценных металлов до потерявших первоначальную форму коррозированных ножей и шильев. В тех случаях, когда важная информация не может быть донесена черно-белыми иллюстрациями или описанием, это, конечно, оправдано. Например, лишь цветное фото дает адекватное представление о бусах (кат. 1244–1283). В большинстве же случаев, это, вероятно, не столь необходимо, и черно-белого фото было бы достаточно. Каталог не избежал досадных ошибок. Так, под № 1393 и 1552 дано фото одного и того же кинжала с кольцевым навершием из погр. 9 кург. “б”. Но в целом нужно признать, что издание особо значимых памятников с обязательным приложением к нему каталога находок в наше время должно стать единственно возможной формой. И здесь монография Л.Т. Яблонского – хороший пример всем активно работающим археологам.

Все находки “новой” Прохоровки даны также в виде прорисовок в иллюстративном материале, но “старая” Прохоровка прорисована лишь частично. При этом со старой коллекцией имеются некоторые неувязки. Так, реконструкция кирасы В.Ю. Зуевым, многократно опубликованная, была, видимо, признана Л.Т. Яблонским неудачной, и ее рисунка нет. Собственной же реконструкции автор не сделал. Не смогут скорее всего восстановить по опубликованным фотографиям (кат. 1, 1а) ее облик и читатели книги. Пунсонные изображения птиц и рыб на оборотной стороне зеркала из кург. 4 (кат. 346) даны в виде увеличенной фотографии фрагмента рисунка, на которой, кроме того, что он действительно сделан пунсоном, нельзя увидеть ничего (кат. 346а). Между тем, существует хорошая прорисовка этого изображения (у меня, например, она есть), но в книге ее нет. Более того, известно, что пунсонные изображения имеются на обороте всех больших зеркал из “старой” Прохоровки (кат. 246, 247, 249) (Зуев, 2003. С. 65). Информации об этом в книге нет. Изображений ряда вещей из старой коллекции в книге нет вообще, хотя они не раз публиковались (Зуев, 2000б). Часть из них до наших дней не сохранилась, часть хранится в Эрмитаже. Всё это создает впечатление, что старая коллекция Прохоровки в книге “не дожата”.

Об этом же свидетельствует Приложение 2 – подготовленная Д.В. Мещеряковым публикация описи находок в могильнике у с. Прохоровка по отчету С.И. Руденко. Это единственный дореволюционный документ, касающийся Прохоровки, представленный в монографии. В.Ю. Зуевым был разыскан и опубликован, как правило, с довольно обстоятельными комментариями, целый ряд “прохоровских” документов (Зуев, 2003). Отсутствие комментария к опубликованной в Приложении описи – упущение. Особенно это касается распределения находок по курганам. Как известно, некоторые из них неоднократно перемещались разными исследователями из комплекса в комплекс. Перемещения и соображения, которыми руководствовались исследователи, желательно было бы отразить в комментарии, а также привести перечень находок, который представляется авторам верным на сегодняшний день.

Предполагаю, что сложности со “старой” Прохоровкой – прямое следствие дискуссии 1990 – начала 2000-х годов. Она наложила неизгладимый отпечаток на личные взаимоотношения ее участников. В предисловии к рецензируемой работе на это обращает внимание и Л.Т. Яблонский (с. 11). Как бы то ни было, лучшим знатоком дореволюционных материалов Прохоровки продолжает оставаться В.Ю. Зуев. В его работах некоторые важные аспекты, связанные с ней, освещены достаточно скупой, вероятно, они приберегались для большой обобщающей работы, которая так и не состоялась. Впечатление, что материалов, придержанных В.Ю. Зуевым, не хватает в рецензируемой монографии, достаточно сильно.

Остальные Приложения можно разделить на три группы: культурологическую, материаловедческую и палеоостеологическую. Работы М.Ю. Трейстера и А.С. Балаханцева посвящены драгоценным серебряным сосудам – фиалам и кубку (Приложения 5–7)¹. В исследованиях Л.А. Краевой, В.И. Завьялова, О.В. Аникеевой и А.Г. Буяновской дан анализ керамических, железных, каменных и янтарных изделий (Приложения 3, 8, 10, 11). Н.В. Рослякова и С.Ю. Фризен рассмотрели кости животных и людей (посткраниальный скелет) (Приложение 4, 9). Эти приложения – не только несомненное “украшение” книги, но, самое главное, их издание вместе с археологическим материалом – огромное удобство для читателей. Большая работа, проделанная автором по привлечению к изучению Прохоровки лучших специалистов из разных областей дала впечатляющие

¹ К этим приложениям примыкает исследование каменного алабастра (Аникеева и др., 2010. С. 27–52).

результаты, существенно дополняющие археологическую часть. С археологической точки зрения, наибольший интерес представляют исследования, позволяющие уточнить датировку прохоровских погребений, поэтому именно на них сосредоточу свое внимание в рецензии.

Выводы М.Ю. Трейстера об изготовлении фиал во второй половине V – IV в. до н.э. и о датировке серебряного кубка македонского типа IV в. до н.э. дают предельную нижнюю дату, раньше которой они не могли оказаться в погребениях “прохоровцев”. Интересное предположение М.Ю. Трейстера о том, что появлению во второй половине III в. до н.э. больших напеченных фаларов предшествовало использование в качестве фаларов блюд или фиал, как это было в Прохоровке, дает необязательную, но вероятную верхнюю дату попадания фиал-фаларов в центральное погребение кург. 1.

Еще определеннее на III в. до н.э. указывает исследование надписей на фиалах, выполненное А.С. Балахванцевым. Если надпись с именем Атромитра “при сегодняшнем уровне наших знаний датировать – хотя бы в пределах одного столетия ... не представляется возможным” (с. 267), то надпись с указанием веса “палеографические и метрологические данные не позволяют отнести ... к периоду позже III в. до н.э.” (с. 268). В погребение фиалы могли попасть и позже, но материалы, полученные при полном археологическом исследовании кургана, указывают на крайнюю маловероятность этого (см. ниже).

В Приложении 10 О.В. Аникеевой даны результаты минерало-петрографического изучения каменного материала из могильника, в заключительной части которого приведены даты некоторых типов бус со ссылками на Е.М. Алексееву и Г.Г. Леммлейна. Продатированы бусы из агата (III–II вв. до н.э. по Леммлейну), сардера (VIII–IV и VII–V вв. до н.э. по Леммлейну), сердолика (разные типы имеют очень большой разброс дат – от X–VI вв. до н.э. по Леммлейну до III–II вв. до н.э. – III в. н.э. по Алексеевой). К сожалению, не продатированы разнообразные типы бус из гагата. Нужно сказать, что при изобилии бус из стекла и стекловидной пасты, в книге нет характеристики ни одной из них. Это упрек, конечно, не в адрес О.В. Аникеевой.

Крайне интересные результаты дало изучение лепной керамики, выполненное Л.А. Краевой, выделившей шесть технологических групп. Самая ранняя из них (I-1), представленная единственным сосудом из погр. 26 кург. “б”, – хорошо знакомая археологам “талыковая” посуда. Как показало исследование, следующими поколениями гончаров она была использована в качестве сырья для получения шамота (группы II-1, III-1, IVa-2). В таблице 10 (“Хронологическая принадлежность лепных сосудов из могильника Прохоровка по данным технологического анализа”) (с. 246) приведен ряд абсолютных дат для 12 сосудов: начало IV в. до н.э. (1), IV–III вв. до н.э. (1), конец IV – III в. до н.э. (6), III в. до н.э. (4), III–II вв. до н.э. (4). Абсолютность этих дат – весьма условна; представляется, что данные технологического анализа могут дать лишь относительную датировку сосудов. В данном случае важным представляется не “цифровое” выражение дат, а вывод автора о том, что “анализ керамики из КМ Прохоровка показал существование преемственности в традициях ее изготовления на протяжении всего IV–II вв. до н.э., что свидетельствует о существовании собственного гончарного производства в родственной среде населения, оставившей данный могильник” (с. 239).

Нужно сказать, что, несмотря на в целом однозначные выводы специалистов из разных областей о датировке материалов могильника в пределах IV–II вв. до н.э., точка зрения о поздней дате центрального погребения в кург. 1 (конец II – I в. до н.э.) продолжает существовать (Симоненко, 2010б. С. 129).

Это отмечено и автором монографии (с. 11). “Стратиграфия его окончательно не ясна до сих пор”, – пишет А.В. Симоненко (2007. С. 113). И, добавим, после неоднократных вторжений в центральную часть кургана, не будет ясна уже никогда. Планиграфия расположения могил, напротив, дает хорошо знакомую исследователям картину – группировку периферийных погребений по кольцу вокруг центральной могилы. Строго говоря, неперемешанное старшинство центральных погребений перед впускными, принимаемое априорно большинством исследователей, не во всех случаях, вероятно, может быть признано. Для эпохи бронзы во всяком случае тщательное изучение стратиграфии позволило доказать, что периферийные погребения в курганах могли совершаться раньше центральных (Матвеев, 1998. С. 173–175). В хронологическом отношении данное обстоятельство, впрочем, малосущественно. При рассмотрении кургана как семейной усыпальницы речь может идти о периоде жизни одного, максимум трех поколений близких родственников. В этом случае мы можем считать все погребения относительно синхронными. Это касается, конечно, курганов, планировка могил в которых имеет осмысленную конфигурацию. В насыпях с хаотичным расположением могил, таких как кург. “б”, они почти наверняка окажутся диахронными.

Из всех впускных погребений кург. 1 важный для датировки всего кургана материал дало погр. 4 с мечом и двумя кинжалами прохоровского типа, 60 бронзовыми наконечниками стрел и круговым сосудом типа хумчи. Практически полный аналог ему по составу погребального инвентаря имеется в могильнике Бишунгарово, где в погр. 2 кург. 19 также находился мужской костяк, снабженный длинным мечом и двумя кинжалами прохоровского типа (Пшеничнюк, 1983. Табл. XXIII). Другие погребения с таким набором клинкового оружия мне среди южно-уральских раннекочевнических древностей не известны. Меч в обоих случаях лежит вдоль правой ноги, там же – один из кинжалов, второй кинжал в Прохоровке – у левого бедра (ошибочно указано, что рукоять его вложена в правую кисть покойного, на самом деле – в левую), в Бишунгарово – под правой берцовой костью. Отмечу еще, что такой же набор имеет одна из фигурок Сапоговского клада, причем оба кинжала расположены на бедрах персонажа, как и в Прохоровке (Зуев, 1993. Рис. 1, Б1). Наконечники стрел в Бишунгарово представлены бронзовыми со скрытой втулкой и железными с длинными черешками. Среди наконечников стрел находилась костяная ложечка. Прочий инвентарь также находит близкие соответствия в Прохоровке – круглая металлическая пряжка с язычком, железный нож, круговой сосуд со следами ремонта. Оба погребения имеют некоторые ранние черты. В Прохоровке – это набор из 60 бронзовых наконечников стрел без единого железного, в Бишунгарово – костяная ложечка в колчане – оба признака характерны только для погребений V–IV вв. до н.э.

Таким образом, кург. 1 Прохоровки, очевидно, синхронен Бишунгаровскому могильнику. Ранние черты в материалах того и другого не позволяют датировать их временем позднее III в. до н.э. О датировке Прохоровского кург. 1 концом II – I в. до н.э. говорить не приходится: 60 бронзовых наконечников стрел в погр. 4 перевесят любые теоретические соображения в пользу этой поздней даты. Утверждение, что на Южном Урале бронзовые наконечники стрел бытуют неопределенно долго (Симоненко, 2010б. С. 22), верно лишь для единичных экземпляров, но, конечно, не для колчанов с многими десятками стрел. К концу II – I в. до н.э. они, по меткому выражению того же А.В. Симоненко, были бы попросту отстреляны и потеряны для нас (2010а. С. 395).

Воспользуюсь случаем и попытаюсь в рецензии восполнить некоторые моменты, упущенные, на мой взгляд, автором монографии.

Во-первых, по крайней мере одна из категорий находок заслуживает отдельного рассмотрения. Помимо культуры ранних кочевников устойчивое наименование “прохоровского” закрепилось в научной литературе за определенным типом клинкового оружия; остановимся на нем подробнее. В Прохоровке найдено 11 мечей и кинжалов, из которых лишь 9 могут претендовать на отнесение к прохоровскому оружию. В отношении 7 никаких вопросов возникнуть не может: это клинки с узким прямым перекрестьем, относительно тонкой рукоятью, наверху серповидной формы с широко разведенными ветвями и треугольной конфигурацией лезвия, т.е. “классические прохоровские”. Еще 2 – кинжал и длинный меч из кург. 2 – имеют довольно существенные отличия от основной серии, но большое сходство между собой: прямые перекрестья, но у кинжала – узкое и длинное, а у меча – короткое и широкое, двутавровые рукояти и лезвия с расширением в средней части. У обоих очень небольшой изгиб наверху – у кинжала некоторые исследователи признавали его даже прямым, в том числе и рецензент (Федоров, 2008. С. 74, 75), таким оно описано и в монографии (с. 76). Своеобразие кинжала из центральной могилы кург. 2 неоднократно привлекало внимание исследователей, и ему чуть не было отказано в именовании прохоровским (Васильев, 2001. С. 44, 45; Клепиков, 2002. С. 29; Симоненко, 2010б. С. 16). Полные аналогии мечу и кинжалу из кург. 2 известны лишь среди случайных находок. Кинжал из Сосновки (Аургазинский р-н Башкирии) имеет наверху даже не прямое, а с несколько загнутой вниз одной из ветвей, видимо, деформированное (Исмагил, 2001. № 21). Не исключено, что почти прямая форма наверху у кинжала из кург. 2 – также результат деформации. Подобный длинному мечу из кург. 2 меч был найден в Сергиевском р-не Самарской обл. (Мышкин, Скарбоненко, 2000. Табл. 11, 1). Перекрестье у него уже, чем у меча из Прохоровки, но, судя по иллюстрации, также очень массивное. Л.Т. Яблонский приводит несколько аналогий кинжалу из кург. 2 в погребениях (с. 76), среди них наибольшего внимания заслуживает одна – длинный меч с двутавровым сечением рукояти и почти прямым, очень слабо изогнутым наверху в погр. 2 кург. 4 могильника Бердянка V (Моргунова, Мещеряков, 1999. С. 125. Рис. 2, 2). Учитывая, что Бердянка V – самый близкий Прохоровке во всех отношениях памятник, а также то, что ее погребения демонстрируют гораздо большее хронологическое единство, нежели прохоровские, нужно признать клинки из кург. 2 Прохоровки своеобразным вариантом “классических прохоровских”, и датировать их также, но, вероятно, со смещением к раннему периоду бытования. Таким образом, морфология “прохоровского” клинка достаточно вариabельна.

Во-вторых, на мой взгляд, в истории могильника можно выделить по меньшей мере три периода. Закладка могильника произошла в IV в. до н.э. К этому времени относятся все погребения кург. 3, центральное погребение кург. 4 в северной части могильника и, вероятно, погр. 2б кург. “б” в южной части. В последних двух найдены совершенно одинаковые тальковые сосуды. Приход нового населения, ассимилировавшего носителей традиции изготовления тальковой керамики, относится ко времени не ранее рубежа IV–III вв. до н.э., а скорее всего именно к III в. до н.э. В это время происходит закладка кург. 1 и 2 в южной части, кург. “в” и сооружения (кургана) “Б” (“Городище”) в северной части могильника, совершается большинство впускных погребений в кург. 1, 2, 4 “Б”, “Б” и “в”. Новое население поначалу еще использует некоторые предметы из материальной культуры предшественников, а также употребляет в качестве сырья для получения шамота их тальковую посуду. В течение III в. до н.э. эти черты постепенно исчезают. Во впускных погребениях практически нет ранних предметов, а вся тальковая посуда ко времени их совершения

уже переработана в шамот, и многие новые сосуды уже не содержат талька ни в виде дресвы, ни в шамотной крошке. В это время происходит отток населения из степи, вероятно, к границе с лесостепью, где начинают функционировать крупнейшие могильники Старые Кишки и Бишунгарово, и, конечно, в Поволжье. Относительно небольшие размеры могильника в Прохоровке, небольшое количество погребений в нем позволяют предположить, что оставшаяся его группа населения была либо невелика, либо быстро покинула данный участок степи. Наличие в Прохоровке погребений с престижным инвентарем говорит, скорее, в пользу второго предположения. В Кишках и Бишунгарово погребения такого уровня, как центральные могилы кург. 1 и “Б” (“Городище”) в Прохоровке, обнаружены не были. Правда, надо иметь в виду, что пять крупнейших курганов в Старых Кишках не исследованы и не будут исследованы, так как находятся под могилами современного кладбища. В последний период существования могильника (видимо, II в. до н.э.) в Прохоровке совершено погр. 9 в кург. “б”. Оно, может быть, хронологически значительно отстоит от основной массы погребений. То обстоятельство, что это погребение разрушило 2 могилы предшествующего времени, говорит, вероятно, о том, что устроившие его люди не имели представления о расположении могил под насыпью. Такое представление устроители прочих впускных погребений могильника, несомненно, имели.

В заключение, хочется обратить внимание на одно чрезвычайно важное наблюдение автора. Л.Т. Яблонский совершенно верно выстраивает меридиональную цепочку памятников от Илека на север – Мечет-Сай, Покровская группа, Бердянка, Прохоровка, Бишунгарово, Старые Кишки, отражающую, по его мнению, направление одного из основных сезонных маршрутов перекочевов в регионе (с. 13). Но эта цепочка имеет очевидное продолжение на юг – памятники Эмбы, Узбоя и далее в Иран. Именно по этому пути попали в степи Южного Урала западные и южные импорты Прохоровки – кираса, фиалы, кубок македонского типа, алабастр. Но по этому же пути прошли ахеменидские импорты предшествующего времени. Сохранение южных связей также свидетельствует о преемственности между населением, оставившим “царские” курганы Филипповки, и пришедшими ему на смену кочевниками Прохоровки и Бердянки.

Таким образом, материалы Прохоровки, исследованные и тщательно проанализированные автором, служат источником для реконструкции сложнейших вопросов истории ранних кочевников евразийских степей. Книга Л.Т. Яблонского – вне всяких сомнений – ценнейший вклад в археологическую науку России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникеева О.В., Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. Алабастр из мраморного оникса из Прохоровки // НАВ. Вып. 11. Волгоград, 2010.
- Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. Уфа, 2001.
- Зуев В.Ю. “Пляшущие человечки” Сапоговского клада // AD POLUS: Памяти Л.П. Хлобыстина. Археол. изыскания. Вып. 10. СПб., 1993.
- Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии “раннесарматской” культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Матер. IV Междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Вып. 1. Самара, 2000а.

- Зуев В.Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у д. Прохоровка // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. СПб., 20006.
- Зуев В.Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (по итогам экспедиции 2001 г.). СПб., 2003.
- Исмагил Р.Б. Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. Вып. 3.
- Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: По материалам могильника Покровка 10. М., 2008.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Моргунова Н.Л., Мецераков Д.В. “Прохоровские” погребения V Бердянского могильника // АПО. 1999. Вып. 3.
- Восточная экономико-юридическая академия (Академия ВЭГУ), г. Уфа.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А. Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Пишечников А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Симоненко А.В. Мечи и кинжалы прохоровского типа на территории Украины // Вооружение сарматов: Региональная типология и хронология: Докл. к VI Междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. Челябинск, 2007.
- Симоненко А.В. “Гунно-сарматы” (к постановке проблемы) // НАВ. 2010а. Вып. 11.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010б.
- Федоров В.К. О датировке 1–4 Прохоровских курганов // УАВ. 2008. Вып. 8.
- Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010.

В.К. Федоров

Andrzej B. Biernacki. WCZESNOBIZANTYJSKIE ELEMENTY I DETALE ARCHITEKTONICZNE CHERSONEZU TAURYDZKIEGO (ARCHITEKTURA WCZESNOBIZANTYJSKICH BUDOWLI SAKRALNYCH CHERSONEZU TAURYDZKIEGO). V. II. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2009. 328 s., 266 tabl., 61 fig. (ISBN 978-83-7177-306-8)

Книга Анжея Б. Бернацки “Ранневизантийские архитектурные элементы и детали Херсонеса Таврического” – второй том публикуемого под его редакцией трехтомного издания “Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического”, подготовленного в рамках многолетнего (1998–2002 гг.) международного междисциплинарного польско-украинского проекта учеными Национального заповедника “Херсонес Таврический” и Познанского университета.

Херсонес Таврический в античное время и Херсон/Корсунь в средние века (V в. до н.э. – конец XIV в. н.э.) был форпостом средиземноморской цивилизации в Юго-Западном Крыму. Цель проекта – изучение одного из самых ярких периодов в истории города, связанного с христианизацией и началом широкого культового строительства. Объектом комплексного исследования польских и украинских специалистов стала архитектура храмов и культовых построек ранневизантийского времени с их богатым мраморным и мозаичным декором. Первый том серии – “Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического”, изданный в 2004 г. под редакцией А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клепиной и С.Г. Рыжова, содержал статьи украинских и польских авторов, в которых рассматривалась топография города, был дан краткий исторический очерк Херсона конца IV – X в., история исследования, интерпретация и хронология 14 базилик и храмов, их описание и историко-литургический анализ, химико-физическое изучение пород, использованных в строительстве.

Несмотря на то, что в последние годы исследование ранневизантийской истории города заметно активизировалось (были опубликованы серьезные работы отечественных и зарубежных авторов), по вопросу хронологии его культовой архитектуры единство мнений до сих пор не достигнуто. Более того, в по-

следнее время учеными отстаиваются диаметрально противоположные позиции (Беляев, 1989. С. 172–181; Хрушкова, 2004. С. 167–194; 2009. С. 105). Расхождение в датировках большинства базилик и храмов Херсонеса–Херсона объясняется отсутствием письменных свидетельств и неоднозначной трактовкой археологических данных. Так, одно время возведение христианских храмов датировали IV–VI и IX–XII вв. (Якобсон, 1959. С. 35, 131; 1964. С. 27; Беляев, 1987. С. 152; Хрушкова, 2004. С. 175, 186; 2009. С. 105, 106), полагая, что в VII – первой половине IX в. строительство пришло в упадок. Это мнение изменилось после того, как в последней четверти XX в. в портовой части города обнаружили закрытые комплексы начала – середины VII в., и заново проанализировали данные письменных источников (Византийский Херсон, 1991. С. 8–10; Романчук, 2000. С. 65–76; 2010. С. 380–386; Сорочан, 2005. С. 680–1030). В ходе многолетних раскопок было также установлено, что строительство в городе не прекращалось вплоть до его гибели в конце XIV в. (Романчук, 1986). Современное состояние наших знаний по этим вопросам нашло отражение в кратких очерках по истории изучения архитектуры Херсонеса конца IV – X в., подготовленных украинскими авторами (Л.В. Седикова, Т.Ю. Яшаева, Е.Ю. Клепина, С.Г. Рыжов). Особенности архитектуры и пространственной организации храмов рассматриваются польскими учеными (С. Медекша, Е. Розпендовски, З. Калиновски). Я. Скочиляс исследовал происхождение, источники и пути поступления пород, использованных в строительстве.

В противовес утвердившейся в последнее время точке зрения некоторых украинских археологов, считающих, что масштабное строительство в Херсоне (15 ранневизантийских базилик, 3 здания базиликального типа и оборонные сооружения)

приходится на VI (или даже конец VI) – начало VII в., на период так называемого архитектурного бума в конце эпохи Юстиниана (Завадская, 2000. С. 83; Сорочан, 2004. С. 266–272; 2005. С. 711–756), руководитель проекта А.Б. Бернацки придерживается традиционной хронологии, отстаиваемой А.Л. Якобсоном, датировавшим базилики Херсона серединой V – VI в. (1959. С. 131, 182; 1988. С. 163). А.Б. Бернацки даже сузил время их возведения – конец V (после 475 г.) – 60-е годы VI в., полагая, что период экономического процветания Херсона приходится на то же время, что и период процветания Византийской империи, когда проконнесский мрамор стал самым популярным материалом архитектурных элементов и деталей общественных и культовых зданий (с. 147). Поддерживая мнение о кратковременности строительства ранневизантийского периода (обычно определяемого в пределах 100–150 лет), на возведение 12 базилик он отвел еще более короткое время – менее 100 лет.

Основанием для такой датировки стала классификация ранневизантийских базилик Херсона по стилистическим и типологическим признакам, а также хронология эволюции схем мраморной декорации в других христианских центрах (с. 147). В условиях отсутствия достоверно датированных памятников обращение к типологическому методу исследования средневековой архитектуры действительно одно из основных. Однако из-за недостаточной изученности архитектурных объектов города и отсутствия данных для их точной идентификации (исследовано менее половины территории, большая часть построек раскопана еще в XIX в., и данные о них либо недостоверны, либо утрачены), а также из-за отсутствия сохранившихся *in situ* первоначальных скульптурных ансамблей (мраморные детали многократно использовали и перемещали) этот метод позволяет лишь сузить хронологический разброс до IV–X вв., но уточнить датировку до десятилетий с его помощью едва ли возможно, тем более что оппоненты опираются на один и тот же археологический и исторический контекст, анализируют одни и те же памятники (Хрушкова, 2004. С. 175, 183).

Высказанные недавно скептические замечания А.И. Романчук (2010. С. 380–386) по поводу ограничения строительства в ранневизантийском Херсоне серединой V – VI в. (А.Л. Якобсон) или третьей четвертью VI – серединой VII в. (С.Б. Сорочан) в равной степени правомерны и по отношению к узким датировкам А.Б. Бернацки. Ведь если исходить даже из минимального срока строительства храма, то на протяжении 85 лет, за которые в Херсоне, по версии автора, было построено 12 храмов, их должны были возводить каждые 7 лет. И это одновременно со строительством других общественных и жилых сооружений, укреплений, с перестройками и ремонтами уже возведенных храмов, страдавших из-за войн и природных катаклизмов (Романчук, 2010. С. 381–383).

А.Б. Бернацки связывает строительство ранневизантийских культовых построек с периодом поздней античности и соответственно называет город его античным именем – Херсонес Таврический. Но в ранневизантийское время это название было не единственным. Кроме того, оно не соответствует содержанию проекта.

Хотя античным названием “Херсонес” город называли еще в IV–V вв., с конца IV в. его также именовали Херсоном, а с VI в византийских источниках встречается только последнее наименование (Айбабин, 2010. С. 353). Называя город его античным именем, авторы проекта, следуя западноевропейской традиции отождествления позднеантичного и раннехристианского периодов (см., например: Jastrzebowska, 2001. P. 399–418), соотносят памятники ранневизантийской архитектуры города исключительно с поздней античностью. Однако сложность хронологии ранневизантийских церквей Херсонеса–Херсона, как и неустойчивость определения грани между Античностью

и Средневековьем на Востоке (Хрушкова, 2004. С. 168, 174; 2009. С. 103), делают выбор именно такого подхода не вполне адекватным не только с терминологической точки зрения, но и с точки зрения хронологии строительства базилик и церквей Херсона, приходящегося как на позднеантичное, так и ранне-средневековое время.

Особенно явно это противоречие сказалось на названии третьего тома – “Византийские мозаики Херсонеса Таврического”, изданного под редакцией А.Б. Бернацки и В.А. Кутайсова в 2004 г. Книга написана О.И. Домбровским и подготовлена к печати после его смерти В.А. Кутайсовым. Редакторы, изменив в авторском названии “средневековый Херсонес” или просто “Херсонес” на “Херсонес Таврический”, отнесли, таким образом, все мозаики к античности, хотя О.И. Домбровский датировал мозаичные полы V–XII вв. Следует сказать, что работа О.И. Домбровского – это только первый опыт систематизации мозаик Херсонеса, и, как отмечал сам автор, их датировка и интерпретация не могут считаться окончательными (2004. С. 108). Однако связь мозаик как с позднеантичной, так и со средневековой историей города никогда не вызывала сомнений у исследователей. Нельзя также назвать позднеантичными и те немногочисленные мраморные детали VI–VII, VIII–IX, X–XI, XII вв., которые включены в каталог второго тома. Представляется, что было бы правильным в рамках данного проекта использовать более корректное название – “Херсонес–Херсон”, “Херсон” или “византийский Херсон”.

Рецензируемый второй том посвящен изучению преимущественно ранневизантийских деталей каменного архитектурного декора, обнаруженных за более чем 180-летний период археологического исследования Херсонесского городища. Он также включает немногочисленные находки позднеантичного и средневизантийского периодов. Книга содержит научный каталог, 266 таблиц иллюстраций и 61 рисунок. Она написана на польском языке, Предисловие, Введение и Заключение – на польском и английском языках.

Исследователи Херсонеса–Херсона всегда осознавали актуальность всестороннего изучения мраморов византийской коллекции и необходимость их каталогизации. Резная декорация несмотря на то, что многие детали оторваны от своего первоначального контекста, представляет не только художественную ценность, но и источник для датировки архитектурных объектов. Первая попытка их систематизации относится еще к началу XX в. Тогда Д.В. Айналов совместно с Е.К. Рединым планировали подготовить специальный выпуск, посвященный изданию и описанию резных деталей базилик города, – “Мраморы Херсонеса” (включая мозаичные полы и остатки фресок). Он должен был стать одним из выпусков серии “Памятники христианского Херсонеса” (первый, по базиликам, вышел в 1905 г.). Но работа осталась неопубликованной и была утрачена (Айналов, 1905; Беляев, 1987. С. 151; 1989. С. 174, 179). Византийским мраморам посвящен раздел в монографии А.Л. Якобсона “Раннесредневековый Херсонес” (1959. С. 131–152). Архитектурные обмеры для каталога ранневизантийской каменной пластики в течение ряда лет велись Херсонесской экспедицией Института археологии АН СССР (Беляев, 1987. С. 151. Прим. 24), но так и не были завершены. Сегодня мраморный декор базилик Херсона, помимо Херсонесского заповедника, хранится в Одесском археологическом музее, Государственном Эрмитаже и Государственном историческом музее.

Осуществить всестороннее изучение и систематизацию большей части богатейшего (больше 900 экз.) собрания мраморов византийского Херсона удалось только в рамках данного проекта. В работе А.Б. Бернацки изучены 773 каменные детали. Материал разбит на пять основных групп и рассматривается в

пяти разделах: колонны и их элементы, детали межколонных ограждений и алтарные преграды, элементы и детали окон и дверей, структурные и декоративные элементы, литургические устройства, такие как фрагменты амвонов, литургических столов (*mensae*) и чаш, купелей и пр. Правда, как отмечает и сам автор, ему все-таки не удалось охватить весь объем известных на сегодняшний день находок (с. 12).

Изучение архитектурного декора херсонесской коллекции сопряжено с определенными объективными трудностями. Архитектура Херсонеса–Херсона почти за 2500 лет существования города пережила неоднократную смену стилей. Новые строения, как правило, возводились на месте старых и часто с использованием строительных материалов и деталей резного декора разобранных или разрушенных построек. К тому же значительная часть архитектурных деталей уже утратила связь с первоначальным архитектурным контекстом, многие из них депаспортизованы, не имеют данных о месте находки или перемещались в ходе недавних реставраций. В силу этих причин систематизация находок проводилась А.Б. Бернацки на основании особенностей материала, формы, размера, декора, техники резьбы, а также местоположения и местонахождения и стратиграфических данных. Весь материал распределен на типологические и хронологические серии, внутри которых выделены типы, варианты или группы.

Одна из важных задач исследования херсонесских мраморов – их “соединение” с конкретными памятниками (Беляев, 1989. С. 179). А.Б. Бернацки выделяет наборы архитектурного декора пяти базилик: Уваровской, базилик 1932 и 1935 гг., базилики в базилике и базилики на холме (шестой раздел). Детали идентифицировались им на основании сходства размеров, стилистических особенностей декорации, технического выполнения и соответствия архитектурному контексту. Опираясь на данные о составе груза мраморных деталей с корабля, затонувшего близ Марзамеми (*Marzamemi*) у о. Сицилия, А.Б. Бернацки считает, что полный набор архитектурных элементов и деталей для каждого храма Херсона, определяемый в соответствии с проектом его будущей декорации, специально заказывался и производился в мастерских Проконнеса или Константинополя. По мнению автора, это прежде всего касается декора двух базилик – Уваровской и базилики 1935 г., стволы колонн, базы, коринфские капители, алтарная преграда, перила нефа которых выполнены с особой тщательностью. Однако, поскольку, например, базилика 1935 г. – это комплекс разновременных построек, датируемый от последней четверти IV – V до X в., верное в целом предположение трудно соотносится с конкретным памятником. Известно, что в раннехристианское время на месте базилики 1935 г. существовали синагога и базилика, которую неоднократно перестраивали. Эти постройки датируются последней четвертью IV – V, концом V – началом VI в. Спустя длительное время в конце VI или в конце VI – начале VII в. на ее месте была построена базилика 1935 г., просуществовавшая до X в. (Завадская, 1996. С. 94–105; 1999. С. 52–60; Седикова, 2004. С. 61–66). По версии же А.Б. Бернацки, большая часть мраморной декорации этого комплекса относится к первой половине VI в., меньшая (коринфские и композитные феодосианские капители) – к концу V – первой половине VI (с. 105–110). Кроме того, его вывод о доставке набора ордерных элементов, ограждений алтаря и нефов для второй базилики специальным грузом из Проконнеса или Константинополя плохо согласуется с данными об использовании ордерных элементов ранней базилики.

Важной частью проекта стало проведение лабораторных исследований камня архитектурного декора херсонесской коллекции (макроскопическое исследование, петрографический, спектральный и изотопный анализы), ранее определявшегося

только визуально. Результаты этих исследований опубликованы в статье Я. Скоцилы в первом томе серии (*Skoczylas*, 2004. S. 209–241) и в седьмом разделе монографии А.Б. Бернацки (с. 119–124). Благодаря им установлено, что основная часть деталей выполнена из проконнесского мрамора (57,6–87,9% общего объема изученного материала), карьеры по добыче которого на о. Проконнес (современная Мармара) в Мраморном море разрабатывались с первых веков нашей эры. В Херсонес–Херсон эта продукция поступала через Мраморное море (Пропонтиду) – Босфор – Черное море. Второе место по поставкам мрамора занимали карьеры Докимеона в Малой Азии и Долиана в Пелопоннесе (12–25%). Немного деталей сделано из мрамора, добытого в карьерах на островах Эгейского моря (Наксоса, Хайметтуса, Пороса, Пентеликона и Тасоса). Собственного строительного мрамора в Крыму не было, но в постройках Херсона использовано несколько типов местных известняков – мшанковый, нумуллитовый (местное название – инкерманский), шельский и др. (*Skoczylas*, 2004. S. 216).

Организация производства и транспортировки мраморных архитектурных деталей из карьеров Проконнеса всесторонне освещена в работах Ф.В. Дайхманна, Ж.-П. Содини, Н. Асгари, П. Пенсабене, К. Барзанги, А. Гилья Гуидобальди и др. По одной версии, сырье и заготовки архитектурных элементов из прибрежных карьеров отправляли водным путем в Константинополь, где заканчивали их отделку, сортировали, складировали, а потом продавали и доставляли по назначению; по другой – почти готовые детали производились в мастерских самих карьеров Мармары и оттуда в сопровождении резчиков доставлялись по назначению для окончательной обработки и монтажа. Именно этот маршрут, по мнению Н. Асгари и П. Пенсабене, был основным в V–VI вв., в период наивысшей стандартизации элементов архитектурного декора из проконнесского мрамора, вызванной широким размахом строительных работ в Империи (Asgari, 1978. P. 467–480; 1992. P. 73–76; 1995. P. 263–288; Pensabene, 2002. P. 328). К этому же времени продукция мастерских Проконнеса, которые со времени Адриана были государственными и работали по государственному, а со временем и по церковному заказу, появляется на “свободном рынке”. Это подтверждает рассказ Иоанна Златоуста о монахе с о. Тасос, посланном в Константинополь для закупки плит проконнесского мрамора, а также сведения о приобретении амвона и кивория у капитана корабля епископом Тенаи в Византии. Каменные изделия торговые суда охотно брали как балласт (Sodini, 2002. P. 133–135).

А.Б. Бернацки, основываясь на сходстве стилистических и технических характеристик, считает, что основная часть деталей архитектурного декора и амвоны с двумя лестницами и платформой (обнаружено 26 фрагментов) поступали в Херсон из Константинополя. И даже немногочисленная группа изделий из докимеоновского мрамора была сделана не на месте его добычи, а в мастерских Константинополя. Хотя это вполне согласуется с данными о доминирующей роли Константинополя в формировании раннехристианской архитектуры провинциального Херсона, о его тесных экономических и политических связях со столицей империи и зависимостью Херсонской епархии от Константинопольского патриархата (Завадская, 2001. С. 261–289; Сорочан, 2005. С. 287), влияние Константинополя не было безраздельным (Завадская, 2000. С. 10–12; Хрушкова, 2004. С. 191, 192). К тому же стандартные изделия из проконнесского мрамора, преобладающие в херсонесской коллекции, поступали в Константинополь из карьеров Проконнеса уже почти в готовом виде, а в других карьерах по добыче белого мрамора большей частью копировали продукцию Проконнеса, делая как довольно точные копии, так и грубые имитации. Неоднородный состав комплекта груза с утонувшего корабля

близ Марзамеми у Сицилии (базы, стволы и капители колонн из проконнесского мрамора, амвон из брекчий из Фессалии, крышка престола из пентеллийского или малоазийского мрамора) свидетельствует, что формирование заказов могло проводиться со складов готовых изделий не только Константинополя. Ж.-П. Содини считает, что такие рынки также существовали и в других портовых городах империи: Равенне, Карфагене, Антиохии, Кесарии Палестинской и Александрии (Sodini, 2002. P. 130, 133, 135). К тому же версия А.Б. Бернацки об экспорте мраморных изделий непосредственно из Константинополя не проясняет, почему в архитектурном декоре базилик Херсона VI в., стилистически тесно связанном со столичным, нет популярной в то время ажурной резьбы кружевного стиля и других восточных мотивов. У истоков этого нового для столицы стиля стоит мраморный декор ц. Св. Полиевкта, построенной Аникией Юлианой около 527 г. Ажурный декор, возникший под влиянием персидского искусства в результате экспансии императорского строительства в восточные провинции, был популярен в византийском искусстве VI в. Многочисленные образцы такой резьбы открыты в других константинопольских храмах (ц. Сергия и Вакха, Иоанна Крестителя в Евдоме), а также в Равенне (ц. Сан-Витале), в Порече (базилика Св. Евфрасия), Хорватия (Krauthheimer, 1986. P. 219–234; Rodley, 1994. P. 72–74).

Более глубокого изучения требуют и вопросы организации, доставки и датировки мраморных деталей архитектурного декора храмов Херсонеса–Херсона. В частности, это касается большой группы деталей херсонесской коллекции, лицевая поверхность которых не имеет завершающей отделки (не отшлифована и не отполирована, а сохраняет следы инструментов). Согласно А.Б. Бернацки, такие детали (прежде всего базы колонн – 54 экз., но встречаются и капители) были обработаны только до стадии отгрузки (стадия III A), а окончательная отделка на месте строительства в Херсонесе так и не была выполнена из-за нехватки достаточно квалифицированных резчиков. Поскольку базы – наименее заметный элемент ордерной конструкции (особенно в колоннадах проходов между нефами), они, по мнению автора, чаще всего оставались необработанными.

Однако такие незаконченные детали архитектурного декора, в том числе и базы, датируемые V–VII вв., встречаются не только в Херсоне, но и в византийской столице и странах византийского культурного влияния. Существует предположение о том, что скульпторы преднамеренно оставляли наружную поверхность грубой, используя игру светотени для достижения специфического художественного эффекта (Everyday..., 2002. P. 67, 68. Kat. 10). Если это так, то датировка значительной части деталей мраморного декора, обнаруженного на Херсонесском городище, последней четвертью V – шестидесятью годами VI или еще более узко – серединой VI в. должна быть пересмотрена. Неясно также, с каким периодом и какими строениями соотносятся помещенные в каталог и находящиеся в коллекции детали, датируемые автором II–IV, III–IV, IV–VI, V–VII, VI–VII, VIII–IX вв., и 47 недатированных находок (составляют 15% от общего количества рассмотренных).

Хотя храмы IV в. в Херсоне пока не обнаружены или не «опознаны среди уже известных памятников» (Хрушкова, 2004. С. 175), об их существовании свидетельствуют не только письменные источники, относящиеся к истории христианизации города, но и детали архитектурного декора этого времени (капители колонн и пилястр) из местного известняка, происходящие из старых раскопок. Стилистически они отличны от херсонесских капителей III и V–VI вв. и близки продукции Проконнеса и Далмации–Паннонии. Их появление в Херсоне связывают с переходным – от античности к раннему средневековью – этапом строительства (Буйских, 2003. С. 90–97).

Второй половиной IV – началом V в. датируются произведения мраморной скульптуры («Добрый Пастырь» второй половины IV – начала V в., «Чудовище, пожирающее рыбу» и др.); в Херсоне также открыто несколько сюжетных рельефов в технике *champleve* (Смирнов, 2010. С. 89–92), получившей распространение начиная с первой половины V в. (Boyd, 1994). О строительстве церквей в Херсоне в первой половине V в., по мнению Л.Г. Хрушковой, свидетельствуют находки мраморных композитных капителей с мелкозубчатым аканфом (2004. С. 190). Их передатировку А.Б. Бернацки, как и ионических капителей с импостами, с первой половины – середины V (Якобсон, 1959. С. 162–164; Хрушкова, 2004. С. 189, 190) на последнюю четверть V в. (с. 147) нельзя считать доказанной. При наличии нескольких сотен недатированных капителей такая идентификация, основанная на датах трех-четырех церквей, где подобные капители сохранились *in situ*, не согласуется с многообразием и эволюцией форм, указывающих на продолжительность существования капителей данного вида. По этой же причине трудно согласиться с датировкой большей части коринфских капителей и плит алтарных преград и межколонных ограждений (с двойными сходящимися ромбами, хризмой в венке и побегамии плюща или хризмой и побегамии плюща, подпирающими два фланкирующих хризму латинских креста), импостов с зубчатым аканфом и латинским крестом посередине, деталей амвона, наличников дверей и других изделий первыми шестидесятью годами VI в. или 550-и годами (с. 147, 148), тем более что некоторые мотивы (например, хризма, фланкируемая двумя латинскими крестами) имели широкое распространение и долгую жизнь: их копировали мастера других карьеров (с. 148), а в более позднее время воспроизводили по старым моделям.

В целом хронология ранневизантийских мраморов Херсона соотнесена А.Б. Бернацки со временем наибольшей популярности архитектурного декора из проконнесского мрамора в Константинополе и всей Византийской империи. Однако предлагаемая им хронология использования проконнесского мрамора в ранневизантийском Херсоне не вполне соответствует общепринятой (V–VII вв.), а его даты, основанные на типологических и стилистических аналогиях мраморных изделий ранневизантийского времени из Константинополя и других византийских городов, не согласуются с данными археологического исследования Херсонеса–Херсона (Якобсон, 1959. С. 152–197; 1983; 1988. С. 162–172) и хронологией ранневизантийского периода в Причерноморье – IV–VII вв. (Хрушкова, 2002). Датировать же постройки исключительно по архитектурным мраморам методически неверно (Беляев, 1989. С. 175).

Непонятна уверенность автора в том, что старые детали мраморного декора (споили или изготовленные в более раннее время, но не использованные и хранящиеся в мастерской) не могли быть востребованы для ранневизантийских храмов в провинциальном Херсоне. Традиция многократного использования мраморных деталей известна еще с античности (следы переделки имеют и некоторые детали херсонесской коллекции). Детали архитектурного декора и круглой скульптуры римского времени широко применялись в культовых и гражданских зданиях Константинополя и Равенны (в том числе и в самых дорогих, построенных императорами). Кроме того, мраморы V–VI вв. широко использовали в византийской архитектуре последующего времени, а в средневизантийский период не только применялись извлеченные из разрушенных зданий детали – свидетели Золотого века византийского искусства, но и возрождались ранневизантийские мотивы и сюжеты (рельефы XI в. собора Сан-Марко в Венеции и Св. Софии в Киеве). Подобные явления, очевидно, должны были иметь место и в архитектурной резьбе Херсона.

Предметом специального изучения А.Б. Бернацки стали также греческие буквы на деталях архитектурного декора (53 знака)¹. Значение оставленных каменотесами знаков все еще остается предметом дискуссий. Спорадически появляясь в конце IV в., они получают широкое распространение в течение VI (Sodini, 2002. Р. 134). А.Б. Бернацки поддерживает точку зрения о том, что знаки из двух и трех букв (часто в лигатуре) – фирменные метки мастеров-резчиков или мастерской. Знаки из одной буквы, которые встречаются чаще, могли быть как метками резчиков, так и маркировкой для сборки и установки. Поскольку знаки нанесены на заключительной стадии изготовления деталей, автор считает, что их могли нанести греческие мастера, которые завершали и собирали детали на месте установки в Херсонесе–Херсоне. Например, метка в форме буквы “Г” нанесена на одну из длинных сторон импоста после того, как он был позднее переделан в чашу (табл. 100, 584/973). Так как метки, аналогичные херсонесским, известны и в других византийских городах, они, вероятно, должны указывать на авторство если не одних и тех же мастеров, то мастеров, работавших в одно и то же время. По мнению автора, встречаемость одинаковых меток в разных концах империи может объясняться еще и тем, что они были инициалами или сокращениями имен, популярных в то время в Византии, и могли использоваться мастерами разных поколений (с. 130, 149, 150). Однако, по мнению Ж.-П. Содини, отсутствие меток в виде крестообразных монограмм не позволяет интерпретировать их как сокращенные имена ремесленников (Sodini, 2002. Р. 134).

Масштабы культового строительства ранневизантийского времени в Херсоне (свыше 20 построек) и объем мраморного декора дают основание полагать, что возведение храмов вряд ли приходилось только на период короткого экономического процветания города, а, скорее, отражало длительность процесса его христианизации и превращения в крупный центр Византийской империи в Крыму. Издание научного каталога мраморов херсонесской коллекции с профессионально выполненными обмерами, чертежами и фотографиями деталей, несомненно, будет способствовать решению этой проблемы. Книга А.Б. Бернацки вносит большой вклад в археологию и историю Крыма, византиноведение и историю византийского искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Ранневизантийский Херсонес–Херсон // Византизм в контексте мировой культуры. СПб., 2010 (Тр. ГЭ; Т. LI).
- Айналов Д.В.* Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса. М., 1905.
- Беляев С.А.* Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса (К вопросу об интерьере херсонесских базилик) // ВВ. 1987. Т. 48.
- Беляев С.А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) // ВВ. 1989. Т. 50.
- Бернацки А.Б.* Знаки каменотесов на ранневизантийских архитектурных элементах и деталях Херсонеса Таврического // Античная древность в средние века. Вып. 39. Екатеринбург, 2009.
- Буйских А.В.* Ранневизантийские архитектурные детали из Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
- Византийский Херсон. Каталог выставки / Отв. ред. И.С. Чичуров. М., 1991.
- Домбровский О.И.* Византийские мозаики Херсонеса Таврического / Под ред. Анжея Б. Бернацки, Вадима А. Кутайсова. Poznań, 2004.
- Завадская И.А.* Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Завадская И.А.* К дискуссии о религиозной принадлежности раннего храма комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Симферополь, 1999.
- Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
- Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Завадська І.А.* Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (за культовими пам'ятками): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2000.
- Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клепиной, С.Г. Рыжова. Poznań, 2004.
- Романчук А.И.* Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986.
- Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Романчук А.И.* “Архитектурный бум” периода “темных веков” в Херсонесе–Херсоне // Византизм в контексте мировой культуры. СПб., 2010 (Тр. ГЭ; Т. LI).
- Седикова Л.В.* Базилика 1935 г. // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клепиной, С.Г. Рыжова. Т. 1. Poznań, 2004.
- Смірнов Р.* Скульптура та архітектурний декор (IV – перша половина XVI ст.). Мистецтво Таврії та Північного Причорномор'я // Історія українського мистецтва у 5 т. Т. 2: Історія українського мистецтва середніх віків. Київ, 2010.
- Сорочан С.Б.* Об источниках финансирования и причинах “архитектурного бума” в византийском Херсоне конца VI – начала VII в. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Ч. 1. Белгород, 2004.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1, 2. Харьков, 2005.
- Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII вв.). М., 2002.
- Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. 2004. Т. 63 (88).
- Хрушкова Л.Г.* Рец. на: Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры // Археологія. 2009. № 2.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
- Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. Л., 1964.
- Якобсон А.Л.* Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. М., 1983.
- Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49.

¹ Изданы А.Б. Бернацки на русском языке (2009. С. 38–59).

- Asgari N.* Roman and Early Byzantine Marble Quarriers of Proconessus // *Proceedings of the 10th Intern. Congress of Classical Archaeology*. 1973. Ankara, 1978.
- Asgari N.* Observations on two types of quarry-items from Proconessus; column-shafts and column-bases // *M. Waelkens, N. Herz, L. Moens. Ancient Stones: Quarrying, Trade and Provenance: Interdisciplinary Studies on Stones and Stone Technology in Europe and Near East from the Prehistoric to the Early Christian Period*. Leuven, 1992.
- Asgari N.* The Proconnesian production of architectural elements in late antiquity, based on evidence from the marble quarries // *Constantinople and its Hinterland / Eds C. Mango, G. Dagron*. Aldershot, 1995.
- Boyd S.* Production Centers for Champleve Revetments // *Byzantine Studies Conference Archives. XXth Annual Byzantine Studies Conference 20–23 October 1994* (internet resource).
- Everyday life in Byzantium. *Byzantine Hours. Works and Days in Byzantium*. Athens, 2002.
- Jastrzebowska E.* Chersonèse dans l'Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie // *AntTard*. 2001. 9.
- Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture (revised by R. Krautheimer and S. Ćurčić). N.Y., 1986.
- Pensabene P.* Inscribed Architectural Elements from the Proconnesos in Durazzo, Tartous, Cilician Aphrodisias, and Caesarea // *J.J. Herrmann, Jr. N. Herz, R. Newman: Interdisciplinary Studies on Ancient Stone*. 2002. ASMOSIA V.
- Rodley L.* Byzantine art and architecture: An introduction. Cambridge, 1994.
- Sodini J.-P.* Marble and Stoneworking in Byzantium, Seventh–Fifteenth Centuries // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century*. Washington, D.C., 2002.
- Skoczylas J.* Użytkowanie surowców skalnych w Chersoniezie Taurydzkim // *Ранневизантийские сакральные постройки Хиерсонеса Таврического / Под ред. А.Б. Бернацки, Е.Ю. Клеиной, С.Г. Рыжова*. Т. 1. Poznań, 2004.

Институт археологии НАН Украины, Киев

Е.И. Архипова

О.В. Дьякова. ВОЕННОЕ ЗОДЧЕСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО СИХОТЭ-АЛИНЯ. М., Издательская фирма “Восточная литература”, 2009. 245 с.

В июле 2009 г. в издательстве “Восточная литература” вышла фундаментальная, хорошо иллюстрированная монография О.В. Дьяковой “Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье”. Это, безусловно, событие в дальневосточной археологии. Более 30 лет наблюдая за работами О.В. Дьяковой, можно заметить, как шаг за шагом, последовательно и целенаправленно, она заполняет существующие в дальневосточной археологии пробелы. Каждый раз в научный оборот ею вводится большой массив систематизированных и детально проанализированных источников такого крупного и сложного геопространства, как Восточная Азия. В монографиях О.В. Дьяковой “Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник” (М., 1984), “Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока” (Владивосток, 1993), “Мохэские памятники Приморья” (Владивосток, 1998) содержатся важные результаты, относящиеся к тунгусо-маньчжурской проблематике, касающиеся истоков формирования, развития и корреляции средневековых культур сяньбэй, шэньгэнь, хунну, бурхотуйской, мохэской, бохайской, амурских и приморских чжурчжэней. На археологическом материале автору удалось выделить крупную мультикультурную мохэскую общность, состоящую из пяти вариантов мохэской культуры, бохайской культуры, культуры амурских и приморских чжурчжэней государства Восточная Ся (1215–1233) и империи Цзинь (1115–1234), сыгравших главную роль в истории Восточной Азии. Исследовательницей впервые сделана попытка сопоставить археологические материалы с конкретными историческими племенами мохэ, что явилось мощным толчком для последующих этнокультурных разработок в регионе.

Новая работа О.В. Дьяковой посвящена древним и средневековым фортификационным сооружениям Приморья – одной из наиболее перспективных проблем в евразийской медиэвистике, позволяющей расшифровать чрезвычайно сложные исторические события от Великого переселения народов до возникновения государственных образований. Как пишет автор: “Военное зодчество, при всей его традиционности, – подвижная и чрезвычайно восприимчивая к чужим (инокультурным) достижениям система, ответственная за безопасность городов, государств и в целом населения. От уровня ее развития часто зависели судьбы народов и государств, особенно в поворотные моменты истории, когда почти молниеносно изменялась историческая картина мира” (с. 5).

В монографии анализируется историографическая проблема, дана геопространственная характеристика древней и средневековой фортификации, разработана подробная классификация укреплений, установлена периодизация городищ и крепостей, выявлены этнокультурные традиции военного зодчества, реконструированы морская и сухопутная дорожно-транспортная системы, связывающие древние и средневековые укрепленья. Практически каждый из перечисленных разделов – большое самостоятельное направление, но автору монографии удалось выстроить их в логической и взаимосвязанной последовательности, благодаря которой восстановлена историческая картина дальневосточных земель.

Центральный Сихотэ-Алинь – крупнейшая горная система дальневосточного Приморья – простирается параллельно побережью Японского моря и Татарского пролива на 1200 км и соединяет континентальную (западную, бассейн Амура) и прибрежную (восточную, морскую) территории. Автор монографии данный регион исследует более 35 лет.

Монография открывается разделом об истории исследования и историографии фортификаций Приморья. Очень важно, что характеристика городищ и крепостей начинается с обзора и анализа сведений из китайских летописей, содержащих информацию о географическом расположении укреплений, пограничных застав, сторожевых пунктов, их устройствах,

горных проходах и дорогах. Большая часть архивных материалов вводится в научный оборот впервые: рукописные переводы Н.Я. Бичурина, хранящиеся в Музее восточных рукописей СПбО РАН. Особое внимание автор уделила неопубликованным дневникам В.К. Арсеньева, содержащим описания и планы не сохранившихся до наших дней древних укреплений.

В отдельный этап исследования О.В. Дьякова выделяет работы Дальневосточной археологической экспедиции, за короткий срок обследовавшей огромные территории и заложившей современную периодизацию археологических культур. Многие из задач, поставленных А.П. Окладниковым еще в 50-е годы XX в., остаются актуальными и в наши дни.

Самый большой по объему раздел работы посвящен характеристике 56 укреплений Центрального Сихотэ-Алиня. Следует отметить удачный выбор исследования объектов по бассейнам рек, являвшихся, по выражению автора монографии, “кровеносной системой” территории и позволивших правильно определить назначение и роль воздвигнутой фортификации. Характеристика укреплений сопровождается подробными топографическими планами как обнаруженными в архивах (сняты еще первооткрывателями во времена “освоения дальневосточных окраин земли русской”), так и собственными топосъемками, дающими детальное представление о размещении на валах и стенах фортификации оборонительной техники (каменометы), складов каменных снарядов, наблюдательных пунктов, башен, сигнальных маяков. Стратиграфическое исследование валов позволило не только установить их конструкцию, но и выявить этнические традиции военного зодчества. Так, слоено-почвенный способ возведения стен, известный в литературе как способ “ханту”, в Китае использовался с неолитической эпохи. В Приморье он стал активно применяться чжурчжэнями империи Цзинь и государства Восточное Ся. К аборигенному приему, присущему палеоазиатам (лидовская культура) и тунгусо-маньчжурам (мохэская культура), автор относит простые каменно-почвенные и почвенные оборонительные сооружения. Возведение каменных стен без цементной связки, по определению О.В. Дьяковой, характерно для Корейского п-ва, в частности для культуры когурё.

Исследователям известно, какую принципиальную и организующую роль играет классификация археологического материала. Автор монографии предложила и обосновала классификационную систему укреплений. Используя геоморфологический признак для выделения типа, исследовательница классифицировала их как мысовые, горные и долинные с разбивкой на виды и подвиды. В итоге не только выкристаллизовались традиции и истоки военного зодчества археологических культур Сихотэ-Алиня, но и проявилось развитие одних типов и видов на данной территории и статичность других.

Особое место в монографии занимает раздел по культурной периодизации укреплений, в котором впервые в дальневосточной археологии фортификационные сооружения распределены по эпохам и культурам – от эпохи палеометалла до развитого средневековья, таким образом, охвачен временной отрезок более чем в 2000 лет. Внутри каждого периода выявлены типовое разнообразие фортификации и мультикультурность с объяснением происхождения традиций и исторических причин появления их в данном месте. Самый древний тип городища юга российского Дальнего Востока – мысовые укрепления с простой планировкой. Их появление в Центральном Сихотэ-Алине обязано палеоазиатскому населению, в частности куналейской группе лидовской культуры I тыс. до н.э. Данный тип укреплений отнесен автором работы к аборигенным.

Дальневосточное средневековье вполне обоснованно названо О.В. Дьяковой “тунгусо-маньчжурской эпохой”, поскольку

в начале нашей эры племена мохэ вследствие Великого переселения народов распространились по обширной территории Дальнего Востока и создали государство Бохай, империю Цзинь и государство Восточное Ся. Эти важные исторические события отразились в археологических памятниках четырех культур: мохэской, бохайской, приморских и амурских чжурчжэней.

Как установлено О.В. Дьяковой, в I тыс. н.э. мохэсцы возводили городища мысового типа. Они были осведомлены о существовании более сложных фортификаций, но сложившаяся военно-политическая ситуация позволяла им довольствоваться простыми сооружениями, предназначенными для контроля сухопутных и морских дорожно-транспортных магистралей. Для бохайской культуры автор монографии отмечает типовое многообразие укреплений. Кроме мысового появляются два новых типа городищ: долинный и горный. Основными для бохайской культуры становятся долинные городища двух видов: квадратные и многоугольные. Их возведение требовало специальных знаний в области военного зодчества. Необходимо было уметь правильно выбрать место для строительства, выполнить достаточно сложную разметку конфигурации объекта согласно строительным модулям, сделать нивелировку и отсыпку поверхности, приготовить фундамент для валов, сконструировать валы по определенной технологии, прорезать вход в стене и оформить ворота, наконец подвести дороги. Применявшиеся мастерами строительные технологии обнаруживают когурёские (каменная облицовка валов, почвенно-каменная состав валов) и китайские (система разметок квадратной формы, ориентация по странам света, строительные модули, почвенная отсыпка поверхности, нивелировка и пр.) традиции. Принципиально новое достижение военного зодчества бохайцев – каменные крепости на отдельных сопках, возведенные без цементной связки на уплощенных участках. Как считает автор монографии, данная фортификационная традиция появилась у бохайцев не ранее VII в. н.э., т.е. после падения государства Когурё и вхождения в состав Бохая когурёсцев, которых и использовали в качестве военных зодчих и воинов для охраны дорог и границ.

Таким образом, военно-политическая обстановка, сложившаяся в дальневосточном регионе в последней трети I тыс. н.э., существенно повлияла на развитие в государстве Бохай военного зодчества. При мирном освоении земель Бохай строил преимущественно административно-торговые и ремесленные городища, представленные долинным типом. Для контроля над территорией в узловых точках сухопутных и морских дорожно-транспортных магистралей строились каменные крепости по когурёским технологиям. На заключительном этапе существования бохайской культуры и в постбохайское время, требовались хорошо укрепленные оборонительные объекты, размещавшиеся зачастую не в долинах, а на мысах. Но, как свидетельствует история, и они не спасли от гибели государство Бохай. Молодая империя Ляо оказалась мощнее, и Бохай пал, хотя уровень его военного зодчества к этому времени был высоким и соответствовал всем передовым технологиям.

Апофеозом военного зодчества тунгусо-маньчжуров называют горные городища чжурчжэней государства Восточное Ся, возникшего в смутное время, связанное с гибелью чжурчжэньской империи Цзинь и установлением монгольского владычества. Чжурчжэням Восточного Ся необходимо было организовать свое государство внутри империи Цзинь и закрепить на территории. Контроль над новыми территориями требовал строительства дорог, почтовых станций, пограничных валов и крепостей, горных городищ. Все это должно было быть устроено таким образом, чтобы можно было обеспечить армию фуражом, продовольствием и водой.

Характер горных укреплений Центрального Сихотэ-Алиня позволил автору работы впервые вписать их в административную систему государства Восточное Ся. Все горные укрепления включены в губернию Кайюань. К окружным центрами (чжоу) отнесены городища Сибайгоу и Куналейское. Укрепление на Сопке Любви определено как пограничная крепость (бао) для контроля над морскими и сухопутными проходами. Охранным постом (вэйсо), вероятно, было Караминское укрепление. Все городища представляли собой замкнутые самообеспечивающие хозяйства.

Городища возводились на горных отрогах в водоносном распадке с вытекающим ключом, впадавшем в горную, чистую и холодную речку в ее нижнем течении. Вода и отгороженная пойма необходимы были для содержания большого количества коней и волов.

Планиграфическая структура горных городищ была строго подчинена рельефу местности. Их пространство ограничивалось контуром оборонительного вала и делилось на три части: квадратный редут, обвалованный запретный город (или запретные города), жилая зона, размещавшаяся в распадке на искусственных разновысоких террасах. Особо отмечается система водоснабжения. Помимо ключа, протекавшего по распадку и имевшего специальные искусственные водосборные устройства в виде каменных запруд и различного рода кладок, на городищах обнаружены искусственные пруды, колодцы, водоотводные каналы, позволявшие населению во время нападения неприятеля выдерживать длительные осады. Но верхом совершенства автор называет сами фортификации чжурчжэней. Монголы, давние враги чжурчжэней, были главным противником Восточного Ся. Они владели всеми видами военного искусства и мастерски умели разбивать крепостные стены стенобитными орудиями и осадными луками. Однако плотно утрамбованные способом ханту слои почвы, монгольская техника, по-видимому, пробить не могла. По крайней мере, пока ни на одном чжурчжэньском памятнике исследователи не обнаружили следов разрушений от стенобитных машин. Как полагает автор монографии, чжурчжэни Восточного Ся к моменту борьбы с монголами имели в своем арсенале весь набор передовой оборонительной техники и смогли оказать достойное сопротивление, построив за 17 лет в сложных районах горно-таежной зоны Центрального Сихотэ-Алиня около 30 самообеспечивающих горных окружных городов, пограничных крепостей и охранных постов, контролировавших сухопутную и морскую дорожно-транспортную систему региона.

После разгрома монголами империи Цзинь и государства Восточное Ся чжурчжэням удалось сохранить себя как этнос и к концу XVI в. Цзяньчжоуские чжурчжэни, являясь вассальной территорией минского Китая, в лице Нурхацы стали вести действия за объединение всех чжурчжэньских племен, в том числе Приморья и Приамурья. Естественно, подобные процессы не могли не отразиться на военном зодчестве. О.В. Дьяковой удалось собрать материалы и по этому периоду, заключив, что за почти тысячелетнюю историю фортификационная система тунгусо-маньчжуров (в данном случае – чжурчжэней) претерпела значительные изменения. Однако, развиваясь внутри единого региона, решая определенные оборонительные задачи, военное зодчество этих этносов не только восходило к общим истокам, но и сохраняло многие традиции.

В рецензируемой работе впервые для анализа древней и средневековой фортификации Дальнего Востока в качестве исторического источника использован лексический материал этнографических тунгусо-маньчжуров – нанайцев, орочей, ороков, ульчей, удэгейцев, солонов, маньчжуров, негидальцев. Это

позволило проследить, у каких этносов сохранились свидетельства о былом военном зодчестве. Исследовательница приходит к выводу о том, что терминология имеет явно монгольское происхождение и относится к монгольским заимствованиям и что практически все тунгусо-маньчжурские этносы – нанайцы, ороки, орочи, ульчи, удэгейцы, негидальцы – сохранили понятие “город”, а маньчжуры – разветвленную сеть терминологии: город с каменным или деревянным валом и рвом, крепостной стеной; пограничная крепость. Все это позволяет полагать, что в эпоху средневековья далеко не все племена мохэской общности возводили укрепления. Многие соприкоснулись с военным зодчеством в связи с монгольским завоеванием территории, и соответствующая терминология прочно вошла в употребление. Особое место занимают чжурчжэни и маньчжуры, не только создавшие собственные градостроительные традиции, но и сумевшие впитать лучшие достижения военного зодчества других этносов – когурёсцев, киданей, китайцев. Однако длительное пребывание под монгольским владычеством наложило свой отпечаток и на их лексику, укоренив, как видно, в данной области монгольскую терминологию.

Специальный раздел работы посвящен реконструкции дорожно-транспортной магистрали. Как справедливо отмечает автор, расположение дорожной сети во многом диктовалось геофизическими особенностями Сихотэ-Алиня. Сухопутные дороги зависели от наличия горных проходов и речных долин, морские дороги – от расположения удобных для судоходства бухт. Следует признать, что автор впервые в отечественной археологии обосновала археологические дорожно-транспортные признаки и сумела проследить сухопутные и морские магистрали по эпохам и культурам. Реконструкция сухопутных дорог базируется на материалах 20 бассейнов рек, где южная точка – бассейн р. Зеркальная, а северная – бассейн р. Самарга. Вся эта территория, включая отдельные участки сохранившихся древних и средневековых дорог, полностью пройдена О.В. Дьяковой за 35 лет полевых исследований. Поэтому полученные результаты детально аргументированы, безупречны как по форме, так и по содержанию.

Чрезвычайно интересно положение о том, что в эпоху палеометалла в I тыс. до н.э. активно действовала морская магистраль, что подтверждается этнокультурными контактами носителей среднего этапа культуры яэй, лидовской и янковской. Как выявила автор монографии, хорошо развитыми сухопутной и морской транспортными системами обладало тунгусо-маньчжурское государство Бохай, которое было буквально пронизано им, включая дальние провинции. Дороги были необходимы не только для внутреннего пользования – сбора налогов, торговли, различных контактов с провинциями, контроля над населением и охраны границ, но и для осуществления внешней деятельности, включавшей дипломатические, политические, торгово-экономические и военные связи с соседями.

В заключение следует отметить, что проблемы, поднятые О.В. Дьяковой в монографии “Военное зодчество Центрального Сихотэ-Алиня в древности и средневековье”, имеют большие перспективы, и чрезвычайно важно, чтобы эти исследования были продолжены. Безусловно, для восстановления полной исторической картины эпохи средневековья необходимо заполнить и остальные территориальные ниши, в первую очередь бассейн Амура, Южное и Западное Приморье, Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, Забайкалье, Центральную и Среднюю Азию. Вряд ли это под силу одному человеку. Однако если провести исследования по единому сценарию, разработанному автором рецензируемой монографии, то результат должен оказаться фундаментальным.

Лапшин В.А. ТВЕРЬ В XIII–XV вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXX). 534 с., 247 рис.

Монография В.А. Лапшина “Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.)” – полноценное научное исследование процесса формирования и развития “нового” средневекового города, т.е. города, сложившегося позже исторических древнерусских городских центров X–XI вв. Основываясь на комплексном анализе различных источников, автор предлагает оригинальную концепцию эволюции средневековой Твери, ее перерастания из периферийного городка в столицу великого княжества.

В работе scrupulously оцениваются все основные дискуссионные вопросы исторического источниковедения: имеющиеся археологические источники, лежащие в основе представлений о возникновении города на Верхней Волге; новая хронологическая шкала для всего материального комплекса Твери XIII–XV вв., отличная от ранее признанных хронологических схем, основанных, преимущественно, на материалах Великого Новгорода; возможность воссоздания основных черт материальной культуры средневекового города и его специфики. Все это стало основой для сравнения Твери с другими “молодыми” столицами великих княжеств Северо-Восточной Руси – Москвой и Нижним Новгородом.

В исследовании В.А. Лапшина основной источник (наряду с данными письменных источников и информацией, полученной в ходе различных методов датирования) – культурный слой и сохранившийся в нем археологический материал, который в результате активно развернувшихся с 1990-х годов раскопок огромен и требует обработки, осмысления и введения в научный оборот.

Базовым для работы В.А. Лапшина стал раскоп Тверской кремль-11 (ТК-11), где под руководством автора в 1993–1997 гг. были проведены широкомасштабные раскопки и впервые раскрыт целый квартал средневековой Твери с сохранившимися следами улиц и дворов-усадеб. Это позволило досконально исследовать процесс становления и развития средневековой Твери, разработать хронологическую шкалу для города XIII–XV вв., решить ряд общих вопросов его топографии, а также воссоздать основные черты материальной культуры и выявить ее специфику. Наличие в Твери сухого и мокрого слоев, позднейших нарушений и перестроек потребовали хорошо продуманной методики проведения раскопок, тщательного выявления строительных горизонтов и анализа полученных результатов. В этих условиях стратиграфические наблюдения и методы датирования, основная роль в которых принадлежит дендрологическому анализу, приобрели решающее значение.

Во время раскопок в Твери был применен единый принцип датирования по периодам в рамках каждого строительного горизонта. В помощь привлекались даты летописных пожаров. Расхождение по датам укладывается в период от 1 года до 5 лет. Все находки стратиграфически привязывались к комплексам датированных построек. На этой основе создавалась хронологическая шкала Твери, имеющая свою специфику по сравнению со шкалой Великого Новгорода. В этом отношении едва ли могут возникнуть вопросы, так как речь идет о различных методиках проведения раскопок, фиксации находок, интенсивности жизни в пределах одного строительного горизонта, наконец о существовании вещей курганного типа в городской культуре после принятия христианского погребального обряда (без вещей).

Несомненная заслуга В.А. Лапшина – примененная методика раскопок и фиксации, позволившая детально проанализиро-

вать строительную деятельность и функционирование города в пределах одного строительного горизонта (дневной поверхности конкретного времени).

Работу В.А. Лапшина отличают внимательное отношение к изучению городского культурного слоя, привлечение и сопоставление данных вспомогательных дисциплин, наблюдения за “поведением” вещей в слое (их перемещение), компетентное использование письменных источников, детальное и обстоятельное обсуждение спорных вопросов хронологии и топографии Твери.

Автору удалось осмыслить отдельные аспекты жизни средневекового города: вопросы, возникавшие по ходу этого осмысления, также рассмотрены в монографии. Это и историческая топография, специфика развития различных частей города, домостроительство, ремесло и динамика его развития, мода и вкусы, специфика экономического развития и внешних связей, наиболее чутко реагирующих на экономическую конъюнктуру и историческую обстановку и т.д.

Кроме авторского текста (Введение, Главы с 1 по 7, Заключение) и тщательно выполненных таблиц с систематизированной историко-археологической информацией, каталога построек и сооружений, а также обширного иллюстративного материала, в работу включены статьи исследователей по отдельным видам и группам вещевых находок – В.Ю. Ковалев, Т.В. Рождественский, С.А. Санкиной, Г.Н. Поплевко.

Во Введении представлена общая характеристика исторической ситуации в Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. и рассмотрен исторический контекст возникновения и роста Твери, прежде всего динамика роста числа городов Северо-Восточной Руси и их развитие в домонгольское время. Противостояние великих владимирских князей и Новгородской республики привело к появлению ряда удельных буферных княжеств, например, Переяславского княжества на Верхней Волге, в рамках которого строились пограничные крепости на Волге и ее притоках. Одной из таких крепостей стала Тверь, основанная в устье р. Тьмака, напротив устья р. Тверца, по которой проходил путь на Новгород. Переломным в развитии городов автор называет XIII в., хотя причины резких изменений он склонен видеть не только в разорении, вызванном нашествием Батыя, но в комплексе происшедших радикальных изменений, к которому относится похолодание и увлажнение климата Восточной Европы, стимулировавшее освоение водоразделов (Макаров, 2003. С. 7–9).

Отдельный раздел В.А. Лапшиным посвящен уточнению времени возникновения великих княжений по письменным источникам. Эпоха монголо-татарских разорений русских земель во второй трети XIII в. привела к оттоку части населения на окраины, в залесенные и слабо освоенные прежде районы. Это обстоятельство, а также переориентация разрушенных торгово-хозяйственных связей между землями способствовали развитию ряда городов Северо-Восточной Руси, среди которых были Москва, Тверь и Нижний Новгород. Вскоре центры, еще не имевшие длительной устойчивой традиции экономического, хозяйственного и культурного объединения вокруг себя значительных территорий, включились в борьбу за великокняжеский престол.

Глава 1 раскрывает потенциальные возможности археологических источников. В первом разделе дается анализ предшествовавшего археологического изучения Тверского кремля и всех посадов, а также исследований по топографии средневековой

Твери. Отдельно рассмотрен археологический контекст Верхневолжья в виде поселений и могильников, развитие которых привело к появлению центра будущего княжества при впадении Тьмаки в Волгу. Уделено внимание и разбору специфики сложения “влажного” и “сухого” культурного слоев средневекового города, связанной с этим методики раскопок и полевой фиксации объектов и находок, а также значению междисциплинарных исследований для расширения информативности археологического источника.

Особое место данной работы в изучении Твери связано не только с площадью проведенных раскопок (1400 м²), но и с детальным и полным изучением всех ранее полученных археологических материалов, с привлечением данных письменных источников, а также с использованием таких методов естественных наук, как дендро- и радиоуглеродное датирование, спектральный анализ, металлография, остеологические и карпологиические исследования. Была проведена серия независимых исследований по хронологии памятника, результаты которых затем синтезировали. Выводы автора по хронологии горизонтов застройки – результат сопоставления дендрологических дат, радиоуглеродного датирования и изучения комплекса летописных сведений о пожарах в Твери.

В.А. Лапшин предложил следующую периодизацию археологического изучения Твери: первый этап – сборы случайных находок, ставшие системой после основания Тверского музея (1872–1917 гг.); второй – первые археологические раскопки (например, Н.П. Милонова 1934–1937 гг.), носившие не вполне профессиональный характер; третий – полноценно документированные раскопки (с 1979 г.).

Автор детально восстановил картину хода работ Н.П. Милонова и результаты его наблюдений за действиями строителей, необходимые при отсутствии полной отчетной документации о проведенных исследованиях. По заключению В.А. Лапшина, работы Н.П. Милонова отличались крайне низким качеством методики, не удовлетворявшей уже его коллег. Приведен любопытный архивный документ – отрицательная рецензия Н.Н. Воронина на отчет Н.П. Милонова об археологических исследованиях Твери в 1934–1937 гг. Он важен еще и потому, что современные исследователи, используя материалы Н.П. Милонова для усиления своих выводов относительно начального периода истории Твери, не предпринимают их серьезного критического анализа (Жилина, 1986; Жилина, 1986; 2003). В целом, по мнению В.А. Лапшина, не полное введение в научный оборот археологических материалов раскопок в городе не позволяет придти к единому мнению относительно хронологии и топографии древнейшей Твери.

Глава 2 рассматривает проблему археологической хронологии Твери, включая хронологию слоев и горизонтов застройки, отдельных объектов и категорий находок. Основываясь на датировке строительных горизонтов, автор дает подробную археологическую реконструкцию всех открытых сооружений. Особо тщательно проанализированы дендрологическая шкала Твери и реконструкции строительных горизонтов раскопа ТК-11, сделанные на ее основе. Имеющаяся на сегодня тверская дендрологическая шкала в работе В.А. Лапшина проходит тест на точность и корректность через сопоставление ее с датами, полученными методом радиоуглеродного датирования, а также с летописными датами городских пожаров. Материалы раскопа ТК-11 послужили одной из основ при создании абсолютной дендрохронологической шкалы Твери XI – начала XX в. (Карпунин, 2009. С. 65, 66).

Крупным по объему и одним из важнейших по значению надо признать раздел, посвященный анализу вещей, последовательно рассматривающему археологические находки в соответствии с материалом и назначением. Дается точная типология изделий и все известные аналогии. Особое место занимает

анализ находок, отражающих письменную культуру Твери, – берестяных грамот и предметов с надписями.

В последнем разделе главы рассмотрен вопрос соотношения хронологической шкалы Новгорода и хронологии вещей Твери. По мнению В.А. Лапшина, масштаб раскопок в Твери относительно общей площади древнего города уже сопоставим со степенью исследованности Новгорода. Несмотря на трудности сравнения материалов Твери и Новгорода, указанные в разделе, автору удается проследить своеобразие тверских вещевых комплексов. Например, пик выпадения в слой стеклянных браслетов зафиксирован в первой трети XIV в., в Новгороде – в первой половине XIII в. Такое же преобладание в культуре Твери в указанный период имеют шиферные пряслица, почти не встречающиеся в большинстве древнерусских городов. Тверские находки показывают значительное запаздывание “верхних дат” и для многих типов бронзовых украшений. Это позволяет предполагать замедленную динамику тенденций моды малых городов Руси по сравнению с Новгородом. В то же время отмечено полное соответствие Твери передовым технологиям в кузнечном деле, известным по Новгороду.

Глава 3 освещает вопросы, связанные с ремеслами, сельским хозяйством и промыслами, реконструируемыми прежде всего по археологическим источникам. Рассмотрены технические аспекты ремесел и открытые в раскопе ремесленные мастерские. Здесь были выделены следы кузнечного, ювелирного, косторезного и кожевенного производств. Также анализируются результаты металлографического изучения 183 железных орудий (большинство – ножи), из которых 165 имеют дендрохронологические даты. Выделено восемь технологических схем. Прогрессивные для этого времени сварные технологии составляют 57,5%, архаичные – 42,5. Это показывает, что тверское кузнечное ремесло развивалось в традициях Северной Руси.

Важное место занимает анализ остеологических материалов, построенный на определении (до вида) 38 715 костей млекопитающих. Соотношение основных видов домашних животных сближает тверскую коллекцию с материалами Москвы XIV–XV вв. Своеобразие Твери придает большая доля диких животных в мясном рационе жителей, что соответствует материалам домонгольских слоев Рязани и Старой Ладogi. Концентрация костей согласуется с топографией усадеб и помогает выявить их специфику. Анализируются и результаты определения 350 костей рыб, среди которых выделено 11 видов. Основу рыбного промысла составляли осетровые породы с преобладанием белуги и севрюги.

Также анализируется состав 135 зерновых находок. В них содержатся зерна тех же сельскохозяйственных культур, что и на большинстве памятников таежно-лесной зоны. Наиболее часто встречается озимая рожь. Состав и количество сорняков аналогичны обобщенным данным, которые дают основание предполагать, что в округе Твери в конце XIII – первой половине XV в. развивалась паровая система земледелия в комбинации с другими системами. Соотношение зерен различных культурных растений в выборке с кремлевского раскопа подтверждает широкое распространение яровых культур (пшеницы, ячменя и овса) и значительную роль в земледелии озимой ржи. Также сделан вывод о длительном однородном использовании городской территории для бытовой и хозяйственной деятельности.

Глава 4 рассматривает основные направления внешних связей, открывшиеся благодаря комплексу археологических находок в Тверском кремле. По этим материалам отмечены западное и восточное направления связей Твери в XIII–XV вв. Импорты из Западной Европы поступали в Тверь, как и в другие города Северо-Восточной Руси, через Новгород и, возможно, через такие западнорусские центры, как Смоленск, Полоцк, Витебск; импорты с Востока – непосредственно из Золотой Орды или через нее. Среди русских городов Тверь

выделяется наибольшим объемом золотоордынских импортов. В то же время делается вывод, что южный Днепровский путь, игравший важнейшую роль в домонгольское время, потерял свое значение после 1240 г.

Подчеркивается связь Твери с Новгородом в лексике и смысловом содержании найденных в Тверском кремле берестяных грамот. Она может быть расширена благодаря находкам западноевропейских свинцовых пломб, маркировавших импортные ткани, и ряду других изделий западного происхождения.

Глава 5 посвящена анализу застройки Тверского кремля в XIII–XV вв. Здесь детально рассмотрены все найденные постройки и элементы благоустройства усадеб и города. Рассмотрены особенности усадеб, их планировка и эволюция. Изменения топографии застройки Тверского кремля, прослеженные в раскопе 1993–1997 гг., имеют общий характер и сводятся к следующему: застройка в южной и восточной частях Тверского кремля возникает в конце XIII в.; границы усадеб оформляются на рубеже XIII–XIV вв.; весь XIV в. отмечен частой сменой планировки, размеров и количества усадеб; на рубеже XIV–XV вв. происходит стабилизация застройки, воспрепятствование территории усадеб и появляется уличное мощение.

Отмечена непритязательность тверских построек, среди которых преобладают небольшие однокамерные срубы, часто сложенные из тонкоствольного леса. Нередко использовались материалы от разобранных построек. Именно домостроительство, заключает В.А. Лапшин, “наиболее ярко передает ощущение тревожной неустроенности жизни тверичей между набегами и пожарами”.

Глава 6 освещает общие вопросы хронологии и топографии Твери. Отмечено существование на сегодня двух основных точек зрения на время возникновения Твери: А.Н. Хохлов считает, что Тверь уже “в 60-е годы XII в. представляла собой быстро растущий, интенсивно набирающий силу город”; П.Д. Малыгин полагает, что “XIII в. следует считать временем лишь формирования Твери как города”. Общая картина сложения и развития территории Тверского кремля дана в серии публикаций Н.В. Жилиной. Она считает, что древнейший культурный слой Твери конца XII – начала XIII в. находится на мысу при впадении Тьмаки в Волгу. По мнению В.А. Лапшина, укрепления кремля строятся в течение первой половины XIII в., но его территория южнее края береговой террасы, по-видимому, не была в то время застроена. Только в конце XIII в. начинает формироваться плотная городская застройка. В.А. Лапшин заключает, что посадки развивались в первую очередь вдоль левых берегов Волги и Тьмаки. Значительный же рост территории посадок скорее всего следует относить к концу XV в., когда кремль становится местом размещения московской администрации и гарнизона.

В этой части работы следует отметить рассмотрение автором вещевых материалов раскопа ТК-11, показавшее, что многие типы находок, традиционно считавшиеся домонгольскими, в быту жителей Твери надолго переживают рубеж 1237–1240 гг. (с. 186–188). Это обстоятельство можно считать результатом негативного воздействия золотоордынского ига на неравномерное развитие городской культуры, отразившегося, в частности, в запаздывании на столетие моды на стеклянные браслеты в Твери по сравнению с Новгородом.

Не менее важную роль играет рассмотрение В.А. Лапшиным обстоятельств, связанных с дендрохронологией построек различных раскопов в Тверском кремле. Это и вероятное вторичное использование дерева, и проблема синхронизации кри-вых роста годовичных колец, и общие, еще слабо разработанные

проблемы дендроанализа (с. 189). Подобный подход позволил автору критически оценить ряд датировок, предложенных ранее, и поставить вопрос о важности учета различных факторов при датировании отмеченным методом. Новые научные подходы В.А. Лапшина к анализу археологических материалов древней Твери позволили ему обоснованно и аргументированно рассмотреть общие вопросы хронологии и топографии Твери, предложить собственное видение этой дискуссионной темп.

В Заключении дана общая оценка развития средневековой Твери в период от ее расцвета как столицы Великого княжения до середины XV в. Приведено сравнение центров трех основных политических объединений в Северо-Восточной Руси, сложившихся в течение XIV в., – великого княжества Владимирского (фактически Московского) и местных великих княжеств – Тверского и Нижегородского. Автор делает вывод, что оформление Твери, Москвы и Нижнего Новгорода в городские центры продолжалось длительное время, в том числе и тогда, когда они уже стали столицами великих княжеств. Благоприятные условия для утверждения столиц создавал сбор татарского выхода. Социальный статус Московского Кремля окончательно оформился в конце XV в., когда с новой каменной постройкой он превратился в сакральную резиденцию великого князя. Напротив, Тверь и Нижний Новгород, после поглощения Москвой Нижегородского (конец XIV в.) и Тверского (конец XV в.) великих княжеств, пережили глубокий кризис, полностью преодоленный лишь к середине XVII в.

Таким образом, можно констатировать появление комплексного исследования центра Великого княжества Тверского, основанного на результатах археологических раскопок Тверского кремля в 1993–1997 гг., проводимых под руководством автора рецензируемой работы. В данной работе, с всеобъемлющей полнотой, даны характеристики и оценки всех изученных археологических объектов, комплексов инвентаря и бытовых предметов, а также карпологиического и остеологического материалов. Анализ археологических материалов органично и корректно вписан в историческую канву Северо-Восточной Руси.

Исследование В.А. Лапшина может служить эталоном комплексного изучения средневековых городов и является основой для дальнейшего историко-культурного изучения Твери. Эта работа – значимый вклад в изучение процесса становления средневековых русских городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жилина Н.В. К вопросу о происхождении Твери // КСИА. 1986. № 187.
- Жилина Н.В. Деякі питання стародавньої історії Твері (на археологічному матеріалі) // Археологія. 1986. № 55.
- Жилина Н.В. Тверской кремль. Этапы строительства укрепления и роста городской территории // Кремли России: Матер. и исследов. 2003. Вып. XV.
- Карпунин А.А. Абсолютные дендрохронологические шкалы археологических памятников европейской части России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 1 (37).
- Макаров Н.А. Русь в XIII веке: Характер культурных изменений // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М., 2003.

А.В. Курбатов, А.И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

**Антипов И.В. НОВГОРОДСКАЯ АРХИТЕКТУРА
ВРЕМЕНИ АРХИЕПИСКОПОВ ЕВФИМИЯ II И ИОНЫ ОТЕНСКОГО.
М.: “Индрик”, 2009. 367 с., 171 илл.**

В 2009 г. вышла работа И.В. Антипова “Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского”, в которой осуществлена попытка изложить историю новгородской архитектуры второй – третьей четверти XV в. Это публикация кандидатской диссертации ученого (Антипов, 2005) с добавлением каталога памятников. В научный оборот вводится ряд новых документов и источников, публикуются материалы собственных раскопок. Критически рассматриваются выводы и положения, сформулированные предыдущими исследователями; дается новая интерпретация фактов и проблем. Первая глава – историографическая (“Очерк истории изучения новгородской архитектуры времени Евфимия II и Ионы Отенского”); вторая устанавливает хронологию строительства (“Новгородская архитектура 1429–1478 гг. Историко-хронологический очерк”); третья анализирует ряд построек, традиционно рассматриваемых в науке как “реставрационные” (“Храмы на старой основе 1430–1460-х годов”); четвертая рассказывает о типологии и стилистических особенностях новгородской архитектуры середины – второй половины XV в.; пятая – о ее технико-технологических особенностях, рассмотренных на основе данных, полученных при археологических и реставрационных исследованиях (глава занимает почти половину книги – 145 стр.). Почти столько же (134 стр. с таблицами; сведения о 96 памятниках) занимают Приложения: “Новгородская архитектура 1430–1478 гг. Каталог памятников” и “Новгородские храмы 1430–1470-х годов. Реконструкция планов”.

В работе И.В. Антипова собран богатый и ценный материал, но, к сожалению, обзор работы приходится начинать с критики ее общей структуры, отраженной уже в оглавлении: логика рубрикации адекватна логике изложения. Все главы разделены на параграфы, некоторые из которых поделены на субпараграфы и пункты субпараграфов. Таким образом, мы видим, например, подпункт “2.3.3.3. Ниши” пункта “2.3.3. Проемы” субпараграфа “2.3. Арки, стены, своды” параграфа “2. Технологические приемы” Главы 5. Последний текст, даже с большими фотографиями, занял всего две страницы, но есть подпункты и в восемь строк, причем каждый имеет отдельную позицию в оглавлении. В то же время в Приложении дан Каталог, равный по объему и количеству иллюстраций исследовательской части, но показанный в содержании одним пунктом, в то время как оглавление самого Каталога дано в середине книги, между страницами 185 и 187.

Очевидно, что подобный подход к аппарату издания не только делает пользование им неудобным, но и в известной степени отражает систему мышления исследователя. Помещение в книгу Каталога предполагает постоянное использование ее как источника справочного материала. При этом некоторые положения и гипотезы по отдельным памятникам рассматриваются в Каталоге, что создает сложность при чтении многих глав. Технически очень неудобно постоянно искать в конце книги аргументацию положений, излагаемых в ее начале или середине. Кроме того, сам смысл Каталога, как свода фактических данных, размывается: сведения, излагаемые в каталожных статьях, плавно перетекают в изложение мнения автора. Еще больше затрудняет чтение размещение иллюстраций в тексте. Иллюстрации, относящиеся к одному памятнику, даже составляющие один, неразрывный комплекс графического источника, разбросаны по всему тексту.

Обратимся к содержанию. Как сказано во Введении, автор пытается написать историю архитектуры Новгорода 1430–1470-х годов, “выявить основные тенденции в развитии зодчества этого времени; дать объективную характеристику памятникам последнего этапа существования новгородской архитектурной школы... разделить церковные постройки этой эпохи по типам и выделить основные стилистические особенности памятников”, понять, “чем отличалась новгородская архитектура середины – второй половины XV в. от зодчества предшествующего периода с точки зрения строительной техники и технологии” (с. 9).

И.В. Антипов пишет о четырех периодах развития послемонгольской архитектуры Новгорода: 1292–1323, 1331–1359, 1360–1427 и 1429–1478 гг. (с. 6). Такая хронология и периодизация введены в первом же абзаце книги *a priori* – с точки зрения автора, они, по-видимому, не требуют разъяснения.

Исследователь выбрал период развития зодчества Великого Новгорода, жестко ограниченный периодом святительства архиепископов Евфимия II Вязицкого и Ионы Отенского (1429–1470 гг.), хотя указал и другую верхнюю границу – 1429–1478 гг. Вообще, с верхней хронологической границей развития архитектуры республиканского Новгорода в работе И.В. Антипова не все понятно. Например, Глава 2 завершается таким текстом: “Ко времени Феофила исследователи относят Никольскую церковь в Гостинополье, так как в 1475 г. в этот храм были вложены богослужебные книги и колокол. Не исключено, что церковь, действительно, была построена незадолго до указанной даты... К 1470-м годам могут относиться и некоторые другие ... памятники: Никольские церкви Полистского и Сокольницкого монастырей, Покровская церковь в с. Гора”. И еще: “...ко второй половине 1460 – началу 1470-х годов могут быть отнесены Никольские церкви Полистского, Гостинопольского... Сокольницкого... монастырей, Покровская церковь в с. Гора” (с. 61). В то же время: “...можно отметить, что в 1470-е годы новгородская строительная традиция практически пресеклась... Новгородская архитектура, видимо, прекратила свое развитие почти на десятилетие раньше конца самого Новгорода” (с. 70, 71).

Вероятно, это следует понимать как то, что новгородская архитектурная традиция прервалась до 1470 г., но храмы строились. Либо что в Новгороде храмы уже не строились, а строительство в провинции не имеет отношения к новгородской архитектуре.

Тройное противоречие этих текстов можно было бы отнести на счет неясности изложения, если бы оно не было характерно для исследования в целом. Например: “памятники московской и тверской архитектуры середины XV в. не сохранились, а среди псковских храмов 1430–1460-х годов можно отметить только ц. Успения в Мелетове 1461–1462 гг. и Св. Козьмы и Дамиана с Примостья 1462–1463 гг. Таким образом, сохранившиеся памятники новгородского зодчества 1430–1460-х годов предстательствуют за всю русскую архитектуру второй трети XV в. ..., а изучение новгородской архитектуры этого времени имеет особое значение для понимания процессов, происходивших в древнерусском зодчестве XV в.” (с. 7, 8). Не совсем понятно, как можно говорить о “понимании процессов в древнерусском зодчестве”, если архитектурные процессы в двух крупнейших землях Руси XV в. не рассмотрены; вопрос же

“представительства” новгородской школы за всю русскую архитектуру середины XV в. требует особого разъяснения, так как их возможная связь (либо отсутствие таковой) с Новгородом не анализируется (хотя, по крайней мере, Псков и Новгород составляют и в XIV в. одну епархию, а их архитектура как минимум до 1360-х годов – единое художественное целое). В книге нет анализа развития новгородского зодчества предшествующего периода, поэтому остается неясным, в чем же состояло развитие новгородской архитектуры времени Евфимия и Ионы.

Глава 2 (“Историко-хронологический очерк”) начинается пассажем, объясняющим перерыв 1424–1430 гг. в строительстве, который ранее связывали с мором и войной с Литвой: “...Не исключено, что эти факторы действительно привели к тому, что строительство в течение нескольких лет не велось. В то же время нельзя считать, что сооружение каменных храмов было своего рода самоцелью для новгородцев – возможно, что к 1424 г. все необходимые постройки были уже возведены и у потенциальных заказчиков не было ни средств, ни желания заниматься строительством” (с. 39). Конечно, для христианина спасение – самоцель, а строительство храмов – это один из путей спасения. Поминание “устроителей храма сего” при произношении сугубой ектении в начале литургии – прямая форма реализации этого пути. Если они утратили “желание заниматься строительством” церквей, то они вероятно перестали быть христианами?

В книге отсутствует сравнительный анализ объемов и сроков строительства, что крайне необходимо для уточнения хронологии строительства. Так, невозможно принять на веру хронологию строительства ц. Св. Иоанна Богослова с трапезной Вяжищского монастыря в изложении Пахомия Серба (с. 47), совершенно нереальную с точки зрения производства строительных работ: начата в Великий пост 1457 г. (Пасха – 17 апреля), закончена на Сошествие Св. Духа (6 июня), освящена на память Св. Иоанна Богослова (26 сентября). Из “Жития Евфимия” совсем не следует, что строительство здания было закончено 6 июня, после чего немедленно приступили к росписи. В итоге в интерпретации И.В. Антипова получается, что церковь с трапезной, как бы они не были малы, построили за 8–12 недель, из которых дневная температура выше нуля могла быть только в последние 6, а расписывали эти же объемы (скорее всего, только церковь) в течение 15. А ведь И.В. Антипов, археолог-практик, живущий в Санкт-Петербурге, прекрасно знает реальный режим производства земляных работ на северо-западе России, где оттаивание верхних полутора метров земли и начало активного строительства приходится только на середину – конец апреля.

Глава 3 (“Храмы на старой основе 1430–1460-х годов”) посвящена так называемым Евфимиевским реставрациям, т.е. храмам XII–XIV вв., перестроенным при Евфимии и Ионе. Приведем высказывания автора. О ц. Св. Ивана на Опоках: “... схема расположения окон, а также форма оконных проемов – вот основной признак, по которому мы можем определить, что перед нами постройка XV в. Помимо этого, храм, скорее всего, лишился при перестройке дополнительных глав, поскольку столь протяженные боковые фасады естественно предполагают наличие трех или даже пяти глав. Храм 1127 г. перестраивался дважды – в 1184 г. и в XIV в., и, вероятно всего, храм, разобранный в 1453 г., уже был одноглавым” (с. 82). О ц. Успения на Торгу: “Не исключено, что домонгольский храм имел три главы – при протяженных боковых фасадах более уместным кажется трехглавие основного объема. Когда в храме появилась одна глава – в результате ремонтных работ XIV – начала XV в. или уже в середине XV в., – сказать сложно” (с. 87).

Если мы видим, что постройка середины XV в. копирует постройку XII, то это должно означать, что постройка XII в. сохранилась до времени Евфимия, а у мастеров XV было задание или желание тщательно (в понимании человека XV в.) повторить предшествующую постройку. Если памятник был серьезно перестроен в XIV в. с сохранением трех или пяти глав, то придется признать необходимость пересмотра всей истории русской архитектуры XIV в. Заметим также, что если верх храма перестраивался в XVI и XVII вв., то невозможно узнать, сколько глав было у постройки середины XV в.: одна, три или пять. Выражение “более уместным кажется” в данном случае не срабатывает.

И.В. Антипов пишет: «Очевидно, что зодчие владыки Евфимия имитировали формы домонгольских церквей не из-за стремления противопоставить Новгород Москве или новгородское православие латинской ереси, а по причине решения определенной задачи: заменить не просто старый храм, но соборную церковь, “державшую” все остальные культовые постройки, особо значимую для Новгорода в целом. При этом нельзя отбрасывать значение важного для средневекового зодчества фактора образца, т.е. храма как образа, служащего предметом копирования. Вот почему заказчик требует сохранить облик старого здания, лишь изменив форму окон и добавив некоторые декоративные элементы, свойственные архитектуре XV в. Немалую роль, возможно, сыграла и сохранявшаяся первоначальная кладка, диктовавшая общий рисунок архитектурных форм» (с. 94). Но что означает “соборная церковь”, “державшая все остальные культовые постройки...”? Это терминология современного градостроителя или определение церковно-иерархической позиции храма? Неясно и то, как сохраняющаяся кладка нижних ярусов может влиять на архитектуру завершения (завершение перестроенной Спасской церкви в Старой Руссе никак не соотносится с древним храмом, фрагменты каменной кладки которого сохранены (с. 77–80, 215–218)).

В той же главе читаем: “...у владыки Евфимия, видимо, действительно существовала некая строительная программа, но суть ее нужно сформулировать иначе: последовательная замена древних соборов или иных обветшавших крупных городских храмов новыми церквями, полезная площадь которых расширялась за счет устройства подцерковья. Новые церкви часто воспроизводили облик храма-предшественника. Итак, во-первых, храмы нуждались в капитальном ремонте. Во-вторых, причиной появления такой программы следует признать естественную для средневекового церковного иерарха ориентацию на древние образцы. Это явление можно сопоставить с работой средневекового иконописца, который создавал иконы, глядя на древние образы. Иначе говоря, перед нами достаточно распространенное в средневековой практике строительство по образцу. Нет оснований видеть в появлении такой программы след борьбы с Москвой или с латинством” (с. 94).

Конечно, необходимость перестройки старых церквей естественна для любой крупной епархии, где строительство продолжается уже 200–300 лет и первые постройки начали ветшать. Но вот в доказательство своеобразного “историзма” строительной практики Евфимия нужно бы привести примеры из деятельности других средневековых заказчиков, которых просто нет – средневековому мышлению “историзм” сам по себе не характерен, если он появляется, надо искать особое объяснение.

Средневековое “копирование”, о котором говорит И.В. Антипов, – никак не дословное повторение образца. Мастер XIV в. не повторял икону XI “один в один” и к этому не стремился. Он видел в образце общие очертания и значимые частности, например, детали, отличающие иконографические изводы

образа Богородицы, но стиль древнего образца не копировал. В противном случае нет нужды в истории искусства как науке.

Но “реставрационные” церкви Евфимия стремятся воспроизвести как раз стиль, внешний образ храма-предшественника, никак не соотносящийся со внутренней структурой новой постройки. Это как лакмусовая бумажка выявляет неординарный характер рассматриваемого явления, логику которого нельзя объяснить внутренним развитием художественного процесса. Так что материал, изложенный И.В. Антиповым, противоречит его выводам, но четко укладывается в рамки ранее предложенного многими исследователями объяснения. Кратко его можно описать так. Мы достоверно знаем о строительстве новой церкви в “современном” стиле во время святительства Евфимия; перестройку церкви в “современном” стиле (Спаский собор в Старой Руссе); “реставрационное” строительство (ц. Св. Ивана на Опоках и Ильи на Славне, другие полностью не сохранились).

“Реставрационные” церкви резко отличаются от современных им по характеру архитектуры и декору. Кажется обоснованным предположение, что такое архитектурное решение было “указано” заказчиком. И это несомненно было частью проводимой Евфимием политики. И.В. Антипова смущает выражение “антимосковской политики”. Оно, действительно, несколько прямолинейно, нужен новый термин (“ультрановгородство”?), но политико-идеологической составляющей это не изменит.

Глава 4 (“Типология и стилистические особенности новгородской архитектуры середины – второй половины XV в.”) выделяет ряд положений. В названии заявлены понятия “типология” и “стилистические особенности”. Автор априорно отверг предыдущую типологию Вл.В. Седова (2001) и вводит свою, не разъяснив принципов ее организации, в результате чего ему приходится оперировать при сравнении такими понятиями, как “квадратные столбы”, “надвратная церковь” и “храм с подцерковьем”. Основа всякой классификации – выделение типологически единых объектов. Так, “шестистолпные”, “четырехстолпные”, “бесстолпные” храмы классифицированы по характеру организации внутреннего пространства (как у Вл.В. Седова); “соборные”, “надвратные”, “трапезные” выделены по положению в устройстве монастыря и т.д. Кажется неправильным создание специальных типологий церковных зданий для изучения памятников на отрезке в 49 лет (реально – 32 года), а если это делать, то со специальной и убедительной аргументацией.

Иконографический анализ присутствует, но в странном, “дискретном” виде. Под “стилистическими особенностями” автор подразумевает характер декора фасада, точнее – только расположение окон и поясов декоративной кладки в тимпанах закомар и на барабане. Форма окон и порталов рассмотрена почему-то в другой главе. О том, в чем же состоит новый стиль, что его отличает от предшествующего, не сказано. Кроме того, если в Параграфе 2 (“Особенности фасадного убранства памятников новгородской архитектуры 1430–1470-х годов”) И.В. Антипов пишет, что: “... не существует какой-либо зависимости в последовательности декоративных рядов на барабане, которая могла бы стать хронологическим индикатором” (с. 130), то в Каталоге (Раздел “Постройки, которые ошибочно относят к 1430–1470-м годам”) пункт “0.9. Церковь Св. Николая Папоротского монастыря” гласит: “Нетрудно заметить, что последовательность рядов совпадает, за исключением того, что в церкви Св. Климента верхний ряд высокого поребрика заменен поясом арок. Это сходство вполне естественно, если мы примем датировку храма 1522 г.” (с. 316).

Остается совершенно неясным, как совмещать общие выводы и практику доказательств, применяемые автором. Параграф 3 называется “Ансамбли в новгородской архитектуре 1430–1470-х годов. Владычный двор и монастыри (Вяжицкий, Отенский, Хутынский)”, но архитектурно-градостроительного анализа, по существу, нет. Исследователь уклоняется от него, утверждая, что материалов для локализации многих объектов Владычного двора нет. С этим нельзя согласиться. Достоверно известно местоположение и архитектурные формы “Грановитой палаты”; ц. Св. Сергия; восточной стены двора; руин у Федоровской башни; места ц. Св. Петра, Евфимия, Исповедников, Николы и, предположительно, Богоявления и Св. Иоанна Златоуста. Этого даже сейчас вполне достаточно, чтобы провести анализ, найти аналогии всему комплексу и отдельным постройкам. То же самое можно сказать об архитектурной композиции рассматриваемых монастырей.

Глава 5, посвященная технической стороне строительства, тоже требует поправок. При рассмотрении кирпича Владычной палаты автор указывает на обильное применение пережженного кирпича, но нет сравнения с применением его ни в предыдущих постройках Новгорода, ни в современной прибалтийской кирпичной готике (с. 146). Отсутствие сведений о голосниках (с. 146) в изучаемых памятниках заставляет автора приводить как аналоги голосники, изготовленные за 60 лет до изучаемого периода, что методически не оправдано. Не даны сведения ни о глубине заложения фундамента от современной строительству дневной поверхности, ни о возможности изучить этот вопрос. Подробно не рассмотрены обнаруженные в результате раскопок свайные поля под фундаментами некоторых построек (с. 151), не проведен сравнительный анализ использования свайного поля в других памятниках Руси и Прибалтики. Раздел “2.7. Кровля” (с. 170, 171) построен “задом наперед” (в научной литературе материал излагают начиная с наиболее достоверно и подробно известных фактов).

И.В. Антипов поверхностно подходит и к вопросу об организации строительства, развивая мысль о существовании в Новгороде 1440–1460-х годов некоего единого строительного центра; мастеров, объединявших вокруг себя строительные группы; наконец, нарядчиков, “собиравших строительную группу для постройки того или иного здания” (с. 172). «Таким образом, – продолжает он, – можно отметить, что в XV в. в Новгороде существовало налаженное строительное производство, а также четкий механизм организации строительства. Новгородские строительные группы середины – второй половины XV в. имели определенный постоянный коллектив мастеров, набирая чернорабочих для строительства какой-то конкретной постройки или ряда построек. Нельзя полностью исключить возможности существования в Новгороде середины XV в. какого-то единого строительного центра, своего рода “Строительного приказа”» (с. 174).

Более того, Антипов полагает, что даты закладки и освящения храмов в 1460-е годы свидетельствуют о четком разделении в составе строительных групп (“одни строители размечали план памятника, другие выкапывали фундаментные рвы, третьи возводили стены храма, выполняли отделочные работы. Представляется, что такие строительные группы не зависели от архиепископа или какой-то категории горожан, так как они строили по заказам совершенно разных лиц”: с. 174).

Предположение о “едином строительном центре” – предельная модернизация вполне понятного вопроса. Создание такого рода организаций известно только с конца XVI в. и связано прежде всего с гигантским по объему строительством, предпринятым при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Но устройство Московского государства и масштаб его строитель-

ных проблем совершенно несопоставимы со строительством в Новгороде середины XV в.

Зато единственный памятник, по поводу которого вопрос организации строительства, в том числе специализация строительных рабочих, был принципиально важен – строительство Новгородского кремля в 1484–1499 гг., – исследователь обошел, вынеся его за рамки работы. Остается неясным, как правительство организовало масштабное строительное производство (особенно если учесть предположение И.В. Антипова о пресечении в 1470-х годах новгородской строительной традиции).

Разберем для примера некоторые частные, но важные вопросы, такие, как противоречия данных археологических раскопок и показаний летописи о строительстве в Хутынском монастыре в XV в. ц. Св. Григория Армянского и Варлаама Хутынского. В XV в. известно о строительстве (1444 г.) ц. Св. Варлаама Хутынского “а на верху колокольницу”, и что до 1535 г. в монастыре была круглая маленькая церковь с колоколами наверху, посвященная Св. Григорию Армянскому. И.В. Антипов комментирует это так: “В 1444 г. в Хутынском монастыре строится церковь Св. Варлаама с колокольницей. Скорее всего, церковь 1444 г. и была той самой ранней церковью с трапезной, на ее стене находилась колокольница” (с. 116). Но гипотеза о том, что Хутынский монастырь имел в середине XV в. трапезную, а при ней храм с колокольницей, изложена на странице 225 с аргументацией, на наш взгляд, несколько рискованной. И.В. Антипов полагает, что если в 1417 и 1418 гг. в монастыре были возведены церкви Св. Антония и Ильи, то “очевидно, что храм, посвященный Св. Варлааму, столь почитаемому в монастыре, да и вообще в Новгороде, должен (разрядка моя. – Д.П.) был появиться в обители до строительства этих церквей” (с. 225), тем более что в Лисицком монастыре в 1410 г. “уже строится храм во имя этого святого” (с. 225).

Новгородцы молитвенно обращались к Св. Варлааму Хутынскому как к предстателю перед Христом за тех, кто сотворяет эту молитву. Естественно, что это всегда происходит в храме, посвященном святому подвижнику на вечерне (когда на литии поются стихиры святому и произносятся просительная ектения с поименованием святого) и на отпусте. В определенной мере храм, посвященный конкретному святому, для этого и строится. Однако в монастыре, где он был похоронен, прямой необходимости в строительстве такого храма нет, так как он обязательно поминался как местночтимый святой. Также, на наш взгляд, невозможно составление “рейтингов популярности” святых, определяющих необходимость устройства их престолов.

И.В. Антипов отвергает “естественное”, по его собственному выражению, предположение о возведении церкви в 1444 г. как о следствии канонизационных мероприятий Евфимия, предположительно имевших место в 1440 г. (Хорошев, 1986. С. 144), только потому, что запись об этом датируется 1526 г. (если быть точным, то, по Житию, человек, рассказавший об этом, умер ранее в глубокой старости, а свидетелем событий был в юности (Житие..., 1911. С. XIX, 39). Исследователь сослался на работу Л.А. Дмитриева (1973. С. 40, 41), но не обратил внимания на другие страницы того же сочинения (Дмитриев, 1973. С. 57, 58), где приводятся противоречия, возникающие между записью из распространенной редакции “Жития” о чуде с освидетельствованием мошей Евфимием и главой, рассказывающей о чуде вскрытия гроба преподобного Иваном III. Не задумался И.В. Антипов и над возможной причиной (поводом) вложения архиепископом Евфимием в августе 1441 г. Иерусалимского Устава в Хутынский монастырь, заказанного скорее всего в 1440 г. вследствие введения общежития (Щепкина и др., 1965. С. 214) и, может быть, Толкового Евангелия 1441 г. (Бобров, 2001. С. 71, 72). Высокая вероятность создания

в монастыре в середине 1440-х годов Комиссионного списка Н1Лмл (Бобров, 2001. С. 68–74) существенно дополняет картину явного подъема церковной жизни в Хутынском монастыре в начале 1440-х годов, куда логично вписывается строительство ц. Преподобного Варлаама.

Полагаю, что подмена, хотя и косвенного указания практически современного источника “долженствованием”, еще и опирающимся на канонически неудовлетворительное построение, не совсем корректна.

Впрочем, завершает И.В. Антипов свои рассуждения так: “Есть, однако, вероятность того, что летописное известие 1444 г. следует понимать по-другому: в Хутынском монастыре были простроены два здания – церковь Св. Варлаама и колокольница “на верху”. Это предположение, кажущееся невероятным, возможно находит подтверждение в известии Новгородской первой летописи, ст. под 6700 (1192) г.: “Въ то же лѣто постави църковь вънизу на Хутинѣ Варламъ църнець... въ имя святого Спаса Преображения...” (ст. 40). Более вероятно, правда, что выражение “вънизу” в данном контексте означает “вниз по течению Волхова” (с. 225).

Нельзя не согласиться с исследователем во мнении о невероятности его собственного предположения. “Церковь Св. Григория – это храм, выполнявший функции присоборной колокольни, в связи с этим не исключено, что церковь могла быть выстроена вскоре после окончания строительства Спасо-Преображенского собора в 1515 г. Наиболее близкий аналог данному храму – церковь Св. Георгия в с. Коломенское (предположительно датируется М.А. Ильиным 1534 г., не исключено, что она построена в 1510-е годы). Так или иначе, хронологический диапазон строительства храма – 1470–1510-е годы, при этом возможно, что он был выстроен уже в московский период, в первой трети XVI в.” (с. 311). Из текста трудно понять, каким же временем исследователь датирует постройку, описанную в Новгородской летописи по списку Дубровского: “1470–1510-е гг.”, “после 1515 г.” или “первая треть XVI в.”. Хронологический разброс в этой датировке шире, чем весь период, который И.В. Антипов рассматривает в своей книге. По И.В. Антипову, после 1470 (?) г. до 1510 г. строительства в Новгороде (кроме, конечно, кремля), не производилось.

У И.В. Антипова церковь, о которой известно только, что она была “не велми высока, кругла яко столп... не широка, толико сажени единая с олтарем внутри, на ней же и колоколы изъели, бывали в версе от прежних лет но понеже не велики и ни которых лепоты не имущее” вызывает ассоциации “с кругом итальянских построек в России конца XV – начала XVI в.”. Это нам не совсем понятно. Дважды (с. 225, 310) процитировав полностью это летописное сообщение, И.В. Антипов вообще никак не комментирует его, несмотря на сравнительно большой объем информации, сообщаемый летописью. Архитектура Ренессанса ни в самой Италии, ни на Руси не знает такого рода памятников. Ближайшими аналогиями могли бы быть ротонды XII–XIV вв. в Центральной и Западной Европе и на Руси. И.В. Антипов хорошо их знает, так как сам упоминал некоторые из них (с. 34–36, 110–112, 127–132). Наиболее близкий и простой пример – ц. Иоанна Лествичника “иже под колоколы” в Московском Кремле. Что касается упомянутой им Георгиевской колокольни в Коломенском (она действительно близка 1533 г. – строилась одновременно с ц. Вознесения, что доказано раскопками Л.А. Беляева и А.Г. Векслера 2006 г.), то ее история как церкви не особенно понятна (Памятники архитектуры Москвы..., 2007. С. 207). По всей видимости, И.В. Антипову трудно работать с московскими объектами: например, в изданный 10 лет назад каталог были включены предположительно существовавшие каменные храмы конца

XIII – первой трети XIV в., а другие, например, собор Богоявленского монастыря – нет (Антипов, 2000. Раздел I).

Вернемся в Новгород. И.В. Антипов считает, что ц. Св. Николы Папоротского монастыря была построена в 1522 г. Эта датировка фактически основана на дате колокола, отлитого для монастыря в этом году и дате вложенного в монастырь в 1526 г. паникадила. Также, по его мнению, "... с XVI в. храм сближает характерный для первой трети XVI в. формат кирпича" (с. 316). Однако сравнительного анализа размеров кирпича построек начала XVI в. в работе нет, как и указания, откуда взята информация о кирпичах Папоротской церкви. Полагая, что новгородские храмы XV в. имели деревянные перекрытия, только в XVI или XVII вв. замененные каменными сводами, И.В. Антипов причисляет к ним и Папоротскую церковь (с. 314). Формы этой церкви характерны для XV в., с чем автор частично согласен (с. 315, 316), но архитектурный декор он относит к XVI в., хотя неясно, какой методикой он руководствуется. Церковь разрушена в 1941 г.; раскопок, сколько нам известно, не производилось. Время сооружения каменного подклета не названо даже гипотетически. Казалось бы, в соответствии с теорией И.В. Антипова, Никольская церковь, построенная в XV в., в 1520-х годах в ходе большого ремонта (его признаки очевидны – новый колокол, паникадильо, зафиксированное церковными записями освящение храма – очевидно, повторное) должна была получить каменный подклет, кирпичи от которого и находят в развале церковного здания. Такое предположение разрешит все противоречия датировки и архитектурных форм церкви. Но исследователь его не делает, предпочитая "подтянуть" свой анализ к косвенно определяемой дате.

И.В. Антипов рассматривает и строительную историю звонницы Софийского собора. Прежде ее (точнее ее плитняковую часть) одни исследователи датировали 1439 г. как восстановленную на стене Детинца, упавшей двумя годами ранее, или 1455 г., когда она была построена архиепископом Евфимием. В 1995 г. С.В. Трояновский и Л.А. Корчагина (1996. С. 12, 13), проведя раскопки у северного торца звонницы, не обнаружили следов стен Детинца XIV–XV вв. Тем не менее И.В. Антипов считает "пока более обоснованной датировку Софийской звонницы 1439 г." (с. 211).

В постройках И.В. Антипова большую роль играет архитектура ц. Св. Мины в Старой Руссе, не имевшая даты по письменным источникам. Само здание сохранилось плохо, неясна его внутренняя структура (наличие хор, форма сводов) и характер завершения. Некоторые черты (консоли на лопатках, метрическое построение фасада) уникальны для русской архитектуры. При этом исследователь считает возможным писать (с. 305), что "храм был выстроен скорее всего в 1410–1420-е годы, судя по формату кирпича". При этом у него же на предыдущей странице говорится об использовании в стенах церкви кирпича двух форматов: более характерного для XIV – первой трети XV в. и близкого "кирпичам 1440–1460-х годов" (с. 304). Датировка с точностью до 20–30 лет по формату кирпича – крайне ненадежна, а для Новгорода XV в., когда производство строительных материалов там, судя по количеству возводимых сооружений, было очень развито, скорее просто неприменима.

В заключение скажу, что научное исследование прежде всего требует строгости методической стороны, отсутствия противоречий в системе излагаемых взглядов, комплексного учета всех составляющих изучаемого процесса, отсутствия двойных стандартов при оценке достоверности собственных предположений в сравнении с аналогичной оценкой взглядов других исследователей, ясности аргументации. Если сам автор не уверен в достоверности предлагаемой гипотезы, существуют хорошо известные приемы изложения, позволяющие коллегам отличать установленные ученым факты от их интерпретации.

И.В. Антипов этим аксиомам следует не всегда, что приводит его к постоянным противоречиям внутри собственных текстов и к затруднениям в изложении позиции. Кроме того, многие гипотезы, не будучи еще твердо доказанными, по ходу изложения становятся основой для новых.

Историю архитектуры нельзя написать, не рассказав о предшествующем периоде, и не охарактеризовав влияние его памятников на последующее развитие; нельзя произвольно исключать памятники; нельзя не соотносить изучаемую архитектурную школу с другими течениями в архитектуре. Критикуя концепции предшественников (Ю.Н. Дмитриева, Вл.В. Седова), следует серьезно аргументировать каждое свое предположение.

И.В. Антипов попытался создать "обобщающий труд о новгородской архитектуре 1430–1470-х годов", выявить "основные тенденции в развитии зодчества этого времени", дав "объективную характеристику памятникам последнего этапа существования новгородской архитектурной школы". Он хотел показать, "чем отличалась новгородская архитектура середины – второй половины XV в. от зодчества предшествующего периода с точки зрения строительной техники и технологии". Но последнее положение осталось только намерением – развинутой характеристики строительной технологии "предшествующего периода" в книге нет.

Но не в этом главная проблема рассматриваемой работы. История архитектуры – история развития человеческого духа, идей и взглядов, воплощенных в материальном образе зданий и сооружений. Образ включает внешнее и внутреннее пространство; их границы, организованные стенами, сводами, куполами, опорами и проемами; свет, распределяемый в этом пространстве; материалы, из которых сделаны сами границы или отделаны их поверхности для нанесения символов. В церковных зданиях пространства неотделимы от литургического действия, изменяются вслед за изменениями службы. Материальная и количественная составляющие архитектурного образа (размеры, богатство отделки, частота строительных актов) часто зависят от политических и социальных обстоятельств рассматриваемой эпохи и от образов конкретных заказчиков. Рассмотрение перечисленных факторов в совокупности позволяет, на наш взгляд, создавать историю архитектуры. Изучение же только одной части архитектурного образа, его материальной формы, методами, которые использует архитектурная археология (включая типологию, сравнительное материаловедение и реставрационные приемы исследования зданий), не может дать полного представления о развитии архитектуры так же, как знание анатомии не даст полного представления о человеке.

Рассмотрев отдельно короткий 30-летний промежуток большего исторического периода (предшественники И.В. Антипова по изучению новгородских памятников признают как некий единый временной отрезок целостного эволюционного развития новгородского зодчества XIII–XV вв.) без связи с предшествующими памятниками, автор лишил себя возможности показать "основные тенденции в развитии зодчества этого времени". Получилась "история материальной культуры в области архитектуры и строительства", для которой выбрана не очень удобная форма.

Фактически, в работе мы видим Каталог и предшествующий ему очерк, отражающий взгляд исследователя на архитектурно-художественные процессы в развитии новгородской архитектуры второй–третьей четверти XV в. Такой жанр исследования хорошо известен – это "материалы для истории архитектуры". Он позволяет опубликовать результаты как своих собственных исследований в конкретной области, так и материалы предшественников. Такие работы обычно на многие годы становятся настольными книгами ученых. Но в силу ме-

тодологического хаоса в организации изложения (вплоть до беспорядочного расположения иллюстраций), противоречий внутри построений и малообоснованных гипотез использование этого материала затруднено и часто требует критического переосмысления¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антипов И.В. Древнерусская архитектура второй половины XIII – первой трети XIV в. Каталог памятников. СПб., 2000.
- Антипов И.В. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2005.
- Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001.
- Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973.
- Житие преподобного Варлаама Хутынского Лихудиевой редакцией. С пред. А.И. Никольского // Вестн. археологии и истории, издаваемый ИАИ. Вып. XXI. СПб., 1911.
- Памятники архитектуры Москвы. Окрестности старой Москвы. (Юго-восточная и южная части территории от Камер-Коллежского вала до нынешней границы города). М., 2007.
- Седов Вл.В. Новгородская архитектура на Шелони. М., 2001.
- Трояновский С.В., Корчагина Л.А. Раскопки в Новгородском кремле в 1995 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996.
- Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.
- Щепкина М.В., Протасьева Т.Н., Костюхина Л.М., Голышенко В.С. Описание пергаменных рукописей Государственного Исторического музея // Археографический Ежегодник за 1964 г. М., 1965.
- ООО «Архитектурные мастерские “Классика”»,
Общество историков архитектуры, Москва
- Д.А. Петров

Бородовский А.П., Горохов С.В. УМРЕВИНСКИЙ ОСТРОГ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2002–2009 гг. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. 244 с.

Целенаправленное изучение истории русского освоения Евразии и Северной Америки, в рамках которого уже проделан значительный объем исследований, включающий важные работы последних лет (Белов и др., 1981; Алексеев, 1996; Артемьев, 1999; Визгалов, Пархимович, 2007; МакМахан, 2007; Молодин, 2007; Черная, 2007 и др.), становится все более популярным как в отечественной, так и в зарубежной археологии. Практический опыт показывает, что археологические исследования способны внести оригинальный и богатый вклад в изучение данного периода.

Не стала исключением и рецензируемая работа, посвященная вводу в научный оборот большого массива новых археологических источников, происходящих из масштабных раскопок крупного памятника истории русского освоения Верхнего Приобья XVIII в. Умревинского острога, расположенного на правом берегу Оби, на территории современного Мошковского р-на Новосибирской обл.

Высокая информативность Умревинского острога как памятника археологии обусловлена хорошей сохранностью значительной части культурного слоя, не уничтоженного рекой, и отсутствием активной хозяйственной деятельности на его территории после завершения существования памятника в конце XVIII в. (К сожалению, другие остроги Верхнего Приобья почти не доступны для археологического изучения.) Письменные источники, касающиеся истории Умревинского острога, практически не сохранились. Архив приказной избы острога, хранящийся в Государственном архиве Новосибир-

ской обл., содержит записи, относящиеся к середине XVIII в., всего за несколько лет. Правда, в 1980-х годах по письменным данным удалось установить точную дату основания острога – 1703 г., поэтому на данный момент археологический материал – единственный источник для реконструкции истории памятника.

В ходе археологического изучения Умревинского острога раскопом вскрыто более 500 м², что составляет более 10% от его общей площади. Полностью исследована западная (набережная) линия оборонительных сооружений, около двух третей южной линии и часть двора, включая строение в его центральной части (неполное археологическое изучение острога объясняется обстоятельствами нравственно-морального характера, о которых будет сказано ниже). Осуществлен сбор подъемного материала с дороги XVIII в. в непосредственной близости от острога, а также с территории нескольких старых сел, находящихся по соседству.

Анализ полученных материалов (в том числе осуществленный научным предшественником авторов – А.В. Шаповаловым) позволил достоверно установить место расположения самого острога, до начала раскопочных работ ошибочно отмеченное памятным камнем в нескольких километрах выше по течению Оби. Результаты раскопок существенно дополнили сведения письменных источников (например, неожиданными стали обнаружение на площади двора острога позднейшего русского кладбища, наличие закладной жертвы под угловой башней – останков младенца и т.д.).

Создание самого острога в монографии связывается не только с необходимостью иметь на присоединенной территории опорный пункт военно-административного характера или земледельческую базу, но и с актуальной для конца XVII – на-

¹Приношу благодарность А.Л. Баталову, Л.А. Беляеву и Вл.В. Седову, чьими советами пользовался при подготовке рецензии.

чала XVIII в. потребностью развивающейся экономики страны в природных ресурсах. В связи с этим А.П. Бородовским и С.В. Гороховым уделено большое внимание выбору места основания острога, дана развернутая геологическая характеристика микрорайона. В целом, постройка острога на территории потенциального Приобского пояса цветных и редкоземельных металлов показана в контексте предпринимаемых центральной властью в конце XVII – начале XVIII в. усилий, направленных на освоение природно-минеральных ресурсов Сибири.

В монографии содержатся сведения по истории микрорайона и его археологических памятников, анализируется закономерность размещения здесь объектов дорусского и русского времени, что позволяет достаточно уверенно выделять в составе полученных материалов комплексы вещевых находок предшествующего времени.

Из рецензируемой работы видно, что в ходе полевых работ раскопками на площади самого памятника были изучены остатки сооружений оборонительного характера – вала, рва, тына, угловой башни. Им посвящены отдельные параграфы главы, относящейся к сооружениям Умревинского острога. Так, были установлены форма профиля рва и его размеры, расположение в системе оборонительных сооружений, а также характер и интенсивность заполнения рыхлыми отложениями в результате действия водной эрозии. Оказалось, что тыновая стена имела достаточно простую конструкцию: ее бревна были заглублены в грунт на стандартные 0.7 м в сплошной тыновой канавке шириной до 0.5 м. Сохранность тыновин различная: от образцов, пригодных для дендрохронологического анализа, до полностью истлевших. Столбовые ямки, выявленные вдоль линии тына со стороны двора острога, как правильно полагают авторы, действительно могут свидетельствовать о существовании помоста для верхнего боя. Дополнительно можно лишь отметить, что соединяющиеся со стеной детали помоста одновременно служили и для ее укрепления. В южной стене острога выявлен разрыв в тыновой стене, как верно отмечено, – место проездных ворот.

Вопрос о том, сколько башен было у Умревинского острога, к сожалению, остается открытым. По сведениям Г.Ф. Миллера, в начале 1730-х годов острог имел две башни; графическая реконструкция А.В. Шаповалова указывает три (с. 162). В настоящий момент раскопками исследованы три угла оборонительных сооружений, башня выявлена только в юго-западном. Она уверенно идентифицируется благодаря хорошо сохранившемуся ленточному свайно-столбчатому фундаменту – очень редкому для русской сибирской археологии приему создания основания для угловой башни острога. Других строительных остатков, позволивших уверенно говорить о нахождении здесь башни, нет, поэтому возможно, что характерные свидетельства нахождения башен на других участках оборонительных сооружений просто не сохранились. В то же время даже обнаружение одной юго-западной угловой башни – важнейший факт в интерпретации памятника как острога. Фундамент башни перерезает канавку тына – вероятно, первоначально острог мог не иметь башен. Юго-западная башня была возведена лишь после 1730 г. (дата определяется по монете 1730 г., уложенной на фундамент).

Кроме оборонительных сооружений исследованы остатки жилой постройки, а также большие участки культурного слоя двора городища. В результате уточнены вопросы принадлежности отдельным объектам острога некоторых визуально фиксируемых грунтовых образований. Так, всхолмление в центре двора острога, считавшееся остатками упомянутой Г.Ф. Миллером ц. Во имя Трех Святителей, на самом деле оказалось местом расположения дома приказчика, уверенно определяемого по большому количеству предметов, связанных с хозяйст-

венной деятельностью и духовной жизнью (включая застѣжки от книг и оклад иконы). Это жилое сооружение представляло собой двухчастную избу на высоком подклете (пять венцов), отапливавшуюся русской печью на опечке в пять венцов. Тело печи было сложено из сырцового кирпича, а труба – из обожженного. Из числа всех изученных русских памятников Сибири, расположенных вне зоны вечной мерзлоты, сохранность данного строения максимальная, что позволяет реконструировать его. На площади избы найдено несколько десятков монет, определяющих время ее существования серединой – концом XVIII в.

Помимо этого во дворе острога обнаружены русские погребения конца XVIII – начала XX в. – всего исследовано более 70. По всей видимости, захоронения занимают всю южную половину двора, вследствие чего сплошное исследование территории острога нецелесообразно. (Изучение погребений – вынужденная мера, связанная с закладкой раскопов широкой площадью и невозможностью первоначального визуального определения характера объекта.) Материалы уже изученных погребений в монографии проанализированы достаточно полно, из них своей необычностью выделяется погребение ребенка в мундире, которому уделено особое внимание в работе.

Помимо традиционных для археологии приемов в ходе изучения острога были применены малоглубинное индукционно-частотное зондирование и дендрохронологические исследования. Зондирование, позволившее уточнить планиграфическую структуру острога, при исследовании такого рода памятника было применено впервые. Дендрохронологический анализ, вполне традиционный при изучении памятников русского происхождения, был применен для независимого абсолютного датирования сооружений острога. Образцы были взяты из конструкции западного тына, фундамента юго-западной башни, сооружения в центре двора острога и некрополя (колоды). Однако в ходе анализа исследователи столкнулись с тем, что в данное время мало возможно построить непрерывную дендрохронологическую шкалу начиная от XVIII в. и заканчивая нашими днями, так как возраст деревьев не превышает 100 лет. Необходимой древностью не отличаются и строения в самых старых из окрестных деревень.

Большую коллекцию предметов материальной культуры дали сборы с дороги XVIII в. у острога. Стоит особо отметить скопление 200 монет-чешуек (время до 1718 г.). Находка такого рода уникальна для Сибири. Отдельный параграф монографии посвящен находкам артиллерийских ядер. По сведениям Г.Ф. Миллера, артиллерии в Умревинском остроге не было. Однако вблизи острога обнаружено скопление из 15 малокалиберных ядер, еще несколько штук собрано в окрестностях местным населением – в этой связи можно ставить вопрос о наличии в остроге артиллерии и характеризовать ее.

Кроме собственно раскопочного изучения острога и археологических сборов исследователями осуществлялась и натурная реконструкция его отдельных построек и сооружений, например, угловой башни и участка тына, выполнявшая расчистку двух участков рвов. В течение нескольких лет производились наблюдения за их состоянием, давшие ценный материал как для реконструкции рабочих процессов по созданию, так и для установления причин соответствующих изменений, зафиксированных на реальных исторических объектах острога и изложенных в работе.

Необходимо указать и на такой уникальный в русской сибирской археологии случай, как использование в современной геральдике прямых результатов проведенных раскопок, а именно на размещение на официальном гербе Мошковского р-на

изображения угловой юго-западной башни острога, остатки которой были открыты в 2002 г.

В целом, в результате многолетних раскопок Умревинского острога, даже вынуждено частичных, получен большой объем новых источников, касающихся особенностей фортификации, военного дела, архитектуры, культуры жизнеобеспечения русских первопроходцев XVIII в., погребальных традиций старожилов более позднего времени. Большая часть этих материалов представлена в контексте аналогичных фактов, выявленных на других русских памятниках Сибири, а также этнографии русских сибиряков. В итоге в монографии на базе обширного фактического материала дана развернутая характеристика Умревинского острога как археологического памятника.

Вместе с тем А.П. Бородавскому и С.В. Горохову не удалось избежать ошибок в изложении и анализе полученных материалов.

Так, уже на суперобложке книги, на карте маршрутов передвижения русских первопроходцев по территории Сибири в 1600–1650 гг. не показаны бассейн Верхней Оби (к Кузнецкому острогу, основанному на Томи в 1618 г. и долгое время считавшемуся самым южным русским населенным пунктом в Саяно-Алтае) и Енисей до Красноярска. На другой карте Кузнецкий острог ошибочно расположен на р. Чулым, а Ачинский – на р. Кеть. На карте, относящейся к освоению Сибири 1700–1750 гг., на Енисее под 1707 г. показан никогда не существовавший Минусинский острог, при этом помещенный ниже по течению от Второго Абаканского острога, в действительности построенного в 1707 г. значительно севернее будущего с. Минуса. Саянский же острог 1718 г. на Енисее, упоминания которого неоднократно встречаются в работе, не отмечен вовсе. Указанные карты прямого отношения к теме исследования не имеют, нося характер дополнения, в связи с чем острой необходимости приводить их не было. В противном случае их точность должна быть абсолютной.

К сожалению, в работе не приведен крупномасштабный общий подробный план раскопа с нанесением на него остатков всех обнаруженных объектов. Имеющиеся общие планы отличаются небольшими размерами, разместить на них графическую информацию в полном объеме мало возможно (так, на одной странице обычного размера цветной вкладки размещены сразу две карты, три общих плана острога и фотография участка раскопа). Часть иллюстраций имеет невысокое качество гра-

фического исполнения/ разрешения. Слабо отражен в работе керамический комплекс, отсутствуют характеристики остеологических материалов, полученных из культурного слоя. Следует надеяться, что в дальнейшем будет проведено детальное изучение керамического и остеологического комплексов, способное предоставить богатые материалы для реконструкции жизни русских первопроходцев и старожилов, а также будут исправлены имеющиеся в издании ошибки.

Тем не менее издание работы, основанной на археологических материалах и содержащей объективные оценки явлений, процессов и тенденций в истории русского освоения крупного региона Сибири, должно быть оценено как позитивное. Не может быть сомнений в том, что этот труд – новый серьезный вклад в развитие исторического сибиреведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.
- Артемов А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. Владивосток, 1999.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв. Ч. 2. М., 1981.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г.* Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2007.
- МакМахан Д.* Археологические исследования замка на холме. Колониальная столица Русской Америки // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. Т. 5. Ч. 1. Владивосток, 2007.
- Молодин В.И.* Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007.
- Черная М.П.* Русский город Сибири конца XVI – XVIII в. в археолого-исторической ретроспективе: Дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2007.

ГОУ ВПО

“Новосибирский государственный университет”

С.Г. Скобелев

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ “АРХЕОЛОГИЯ В КИТАЕ И В МИРЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ”

28–30 июля 2010 г. в Пекине состоялся международный симпозиум “Archaeology in China and the World: Past, Present and Prospects”, организованный Институтом археологии Китайской академии общественных наук (АОН КНР) и посвященный его 60-летию.

Институт археологии АОН КНР был образован 1 августа 1950 г. – через 10 месяцев после основания Китайской народной республики (КНР). Его организационная структура строилась по образцу научных учреждений СССР. В первое время, когда КНР испытывала существенный недостаток в археологических кадрах, на ИА АОН пришлась основная нагрузка по развертыванию археологических работ, связанных с быстрым индустриальным развитием народного Китая. Среди главных заслуг института – открытие и раскопки памятников самых разных эпох в центральных районах и на периферии страны, образование факультетов археологии в Пекинском и Северо-Западном университетах (Ланьчжоу), воспитание нескольких поколений молодых археологов. Под руководством директора профессора Ся Най в институте удалось создать лаборатории радиоуглеродного анализа (1965) и методов естественных наук (1976), что стало важным шагом в развертывании комплексных археологических и естественно-научных исследований. Таким образом, ИА АОН успешно выполнял и продолжает выполнять функцию центрального археологического учреждения Китая.

Главные усилия института направлены на многолетние широкие полевые исследования в КНР, в том числе на экспедиции в пограничные и автономные районы: Синьцзянь, Тибет, Внутреннюю Монголию, Ляонинь и Гуанси. Так, профессор Фу Сяньго раскопал ряд памятников в Гуанси-Чжуанском автономном районе, изучение которых позволило осветить проблему культурного перехода от палеолита к неолиту. Профессор Дун Синьлинь приступил к раскопкам усыпальницы первого императора государства киданей Ляо Елю Абанди. Кроме того, сотрудники ИА АОН провели исследования столиц протоисторических и исторических династий, включая Таоси (вероятно, эпоха Ся), Эрлитюу (вероятно, Ся или Шан), г. Яньши (Шан), Аньян (Шан), Фэнси (Западное Чжоу), Ечэн (время “трех царств”), Лоян (бывший столицей в государствах Восточная Хань, Северная Вэй, Тан, Северное Сун) и Сиань (Западный Хань и Тан). Их раскопки были многолетними и плодотворными.

Доклады о современном состоянии исследований этих памятников представили: профессор Хэ Ну – о раскопках в Таоси (провинция Шаньси), где был обнаружен округлый алтарь, который связывают с астрономическими наблюдениями; профессор Сюй Хун – о раскопках дворца-крепости в Эрлитюу (провинция Хэнань), профессор Гун Гоцян – о раскопках императорского сада во дворце Дамингон (столица династии Тан, г. Сиань, провинция Шаньси). С докладами также выступили профессора Тан Цзигэнь, Цань Госян, Чжу Яньши.

В последние десятилетия естественно-научное направление исследований в ИА АОН вошло в число наиболее приоритетных. В 1995 г. в Институте появился Центр естест-

венно-научных исследований, в который, кроме лаборатории радиоуглеродного анализа, вошли отделы, связанные с изучением питания древнего человека, палеоэкологии и металлообработки. Но наиболее важные результаты получены в отделах палеозоологии и палеоботаники. В докладе профессора Юань Цзиня обобщены данные о доместикации домашних животных на территории Китая (собаки, свиньи, курицы, лошади, крупного и мелкого рогатого скота). Палеоботаник профессор Чжао Чжизюнь выступил с докладом о самостоятельной доместикации риса на юго-востоке, пшеницы на севере и ямса на юге страны. Кроме того, им были намечены возможные пути продвижения проса из первичного очага его доместикации в Западной Азии и пшеницы из Китая в Среднюю Азию.

В течение многих лет ИА АОН сотрудничает с рядом университетов и провинциальных институтов археологии, представители которых выступили на конференции с докладами, отражающими направления исследований этих центров. Так, профессор Цзан Чжэнхуа (Институт истории и филологии Центральной Академии, Тайвань) изложил итоги изучения и наметил программу дальнейших исследований археологии Юго-Восточной Азии. Профессор Ван Юпин (Пекинский университет) познакомил коллег с результатами изучения уникального поселения в Лицзягу в провинции Хэнань, выделив здесь материалы переходного периода от конца палеолита до раннего неолита. Профессор Лю Бин (Институт археологии провинции Чжэцзян) представил новые данные о культуре лянчжу, особенно о памятнике с колоссальными дворцовыми помещениями и богатыми захоронениями, а также о рисовых полях с водопроводными каналами, принадлежавших той же культуре, обнаруженных в районе Линьпинь. Профессор Чжан Юе (Национальный музей, Пекин), руководитель подводной археологической экспедиции, сообщил о находках фарфора из затонувших судов в Южно- и Восточно-Китайском морях.

В конференции принимали участие ученые из других стран, что, безусловно, свидетельствует о расширяющихся международных связях ИА АОН. С конца 1980-х годов Институт сотрудничает с археологами Японии. Так, Национальный научный институт культурного наследия (г. Нара), проявляющий интерес к древним столицам Китая, совместно с ИА АОН вел раскопки в столицах династий Хань и Тан (г. Сиань). Руководитель японского института профессор Икуо Танабе на прошедшей конференции ознакомил коллег с новыми результатами исследований императорского церемониального зала во дворце в Наре. Многолетнее сотрудничество сложилось у ИА АОН с Гарвардским университетом (США) и профессором Чжан Гуанчжи в предполагаемой столице династии прото-Шан в Шанцю (провинция Хэнань); с Университетом Британской Колумбии (Канада) и профессором Цзин Чжичунем в столице династии Шан в Аньяне; с Университетом Ла-Тробе и профессором Лю Ли на шанском поселении в Хойцзуй (провинция Хэнань); с Колумбийским университетом (США) и профессором Ли Фэном на раскопках городища времени династии Западное Чжоу в Гуйчэн (провинция Шаньдун). Профессора Цзин и Лю привезли на конференцию своих молодых коллег.

Китайская археология уже давно привлекает внимание зарубежных ученых. Их исследования прекрасно дополняют и, что немаловажно, стимулируют работу китайских археологов. Выступая на конференции, профессор *Дж. Равсон* (Оксфордский университет), к примеру, предложила новую трактовку миниатюрных изделий из погребений эпох поздней бронзы и раннего железа Центрального Китая. По ее мнению, они копируют предметы, служившие прежде предкам погребенных. С новыми методами изучения китайских материалов ознакомили коллег доктор *К. Спеллэр* (Университет Симон-Фразер, Канада), профессор *В. Виешу* (Национальный колледж истории и антропологии, Мексика), *Дж. Ригель* и *А. Беттс* (Университет Сиднея, Австралия), *Дж. Столтман* и *Дж. Буртон* (Висконсинский университет, США), *Дж. Кейс Вилсон* (галерея Артура М. Саклэра, США) и др. Профессор *Син Ионминь* (Восточноазиатская академия культурного наследия, Республика Корея), отметив недостаточно тесный уровень сотрудничества между корейскими и китайскими учеными, поратовал за его подъем.

Китайская археология на современном этапе развития (во многом благодаря стремительному экономическому росту) “открылась” миру; ученые-археологи из Китая стали принимать более активное участие в обсуждении археологических проблем соседних с КНР стран. В связи с этим в последние годы идет продуктивный диалог с археологами из Вьетнама, Киргизии, Монголии, России. На конференции прозвучали доклады гостей из этих стран. Профессор *Чун Чинь Нан* (Институт археологии, Вьетнам) постарался проследить связи между культурой хоабинь-бангшон и ранней неолитической культурой юга Китая. Профессор *Д. Ерденебатор* (Университет Улан-Батора, Монголия) сообщил о новых хуннских материалах из могильника Гол-Мод-2 в Архангайском аймаке.

Северо-западный университет (Сиань),
КНР

Проблематика евразийских культур получила освещение в докладах, представленных учеными из России. В частности, профессор *Е.Н. Черных* (Институт археологии РАН, Москва) в своем обобщающем докладе обратился к феномену кочевых культур степного пояса Евразии – его восточной и западной частям, их взаимодействию друг с другом, а также с культурами оседлого мира. Доктор *С.В. Кузьминых* (Институт археологии РАН, Москва) выступил с докладом о новых находках бронзовых изделий и литейных форм, связанных с сейминско-турбинским транскультурным феноменом, выявленных в последние десятилетия. Вместе с коллегами *О.Н. Корочковой* и *В.И. Стефановым* (Уральский государственный университет, Екатеринбург) и *Ю.Б. Сериковым* (Нижегородская социально-педагогическая академия) он также представил постер, демонстрирующий материалы уникального святилища бронзового века Шайтанское Озеро II. Доктор *А.А. Ковалев* (Санкт-Петербургский государственный университет) обнародовал оригинальную идею о миграции носителей чемурачской культуры Центральной Азии из ареала мегалитических культур атлантического побережья Франции.

Всего на конференции было заслушано 55 докладов, посвященных разной тематике.

К юбилею ИА АОН КНР и к открытию конференции были приурочены выставка в Музее истории Пекина, фотовыставка, посвященная истории ИА, юбилейные издания, рассказывающие о прогрессе, которого смогла добиться китайская археология за последние десятилетия.

Организаторы конференции постарались сделать все, для того чтобы у ее участников остались самые лучшие воспоминания о пребывании в Китае. Нет сомнений в том, что ИА АОН КНР вместе с научными институтами других стран и впредь будет столь же успешно работать на развитие китайской науки.

Чжан Лянжэнь

К ЮБИЛЕЮ ДМИТРИЯ ГЛЕБОВИЧА САВИНОВА

В марте 2011 г. выдающемуся ученому – археологу, историку, этнографу, исследователю древних и средневековых памятников Сибири и Центральной Азии, замечательному человеку – Дмитрию Глебовичу Савинову исполнилось 70 лет. Из них почти 50 связаны с научными исследованиями и подготовкой специалистов в стенах Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ).

Дмитрий Глебович родился 20 марта 1941 г. в семье потомственных художников. Отец, Глеб Александрович, профессор Санкт-Петербургской государственной художественной академии, был удостоен почетного звания “Заслуженный художник РФ”. Это же звание было присуждено и матери, Ольге Борисовне Богаевской. О жизни и творчестве родителей Дмитрия Глебовича, как и о деде по отцовской линии, А.И. Савинове, написаны отдельные книги. Дед по материнской линии, Б.Л. Богаевский, был известным археологом, специалистом в области истории искусства. И А.И. Савинов, и Б.Л. Богаевский погибли в блокадном Ленинграде. Глеб Александрович воевал на Ленинградском фронте, а Ольга Борисовна с маленьким Митей до эвакуации в Елабугу в августе 1942 г. оставалась в осажденном Ленинграде. В родной город они вернулись в 1944 г. после прорыва блокады.

Дмитрий Глебович рос и воспитывался в творческой среде, поэтому его поступление после окончания школы в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Акаде-

мии художеств СССР на факультет теории и истории искусства неслучайно. В 1959 г. Д.Г. Савинов добровольно поехал в археологическую экспедицию на Байкал (ее возглавлял М.П. Грязнов, отрядами руководили крупные ученые-археологи, сотрудники Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР). Экспедиция сыграла решающую роль при определении дальнейшего жизненного пути Дмитрия Глебовича. В том же году он перешел на кафедру археологии Ленинградского государственного университета (ЛГУ), которой заведовал профессор М.И. Артамонов.

В студенческие годы Д.Г. Савинов ездил в экспедиции в Туву, работал в составе Туранского отряда (начальник – А.Д. Грач), Красноярской экспедиции (руководитель – М.П. Грязнов). Примечательно, что во время работы в Туранском отряде Дмитрий Глебович в свободное время обошел пешком многочисленные курганы и скопировал изображения, нанесенные на плиты каменных оград. В дальнейшем такая деятельность прочно вошла в практику полевых исследований Д.Г. Савинова: он совершил пешие маршруты из Алтая в Туву, из Тувы в Хакасию, тщательно фиксируя увиденное. Впоследствии материалы, полученные в ходе тех походов, были опубликованы отдельной статьей, послужившей своеобразным стимулом к изучению наскальных изображений на погребальных памятниках скифского времени Среднего Енисея.

После окончания университета в 1965 г. Д.Г. Савинов стал начальником отряда Саяно-Тувинской экспедиции, возглавляемой А.Д. Грачом, много сделавшим для становления Дмитрия Глебовича как ученого. Осенью того же года Д.Г. Савинов был призван в ряды Советской Армии: служба прошла в гвардейском артиллерийском полку на Карельском перешейке.

Значительным событием в жизни Д.Г. Савинова стало приглашение Р.Ф. Итса на работу в ЛГУ на вновь образованную кафедру этнографии (1968 г.). В ее стенах проявились способности Дмитрия Глебовича как преподавателя и великолепно-го лектора. Подготовленная им кандидатская диссертация на тему “Культура поселения Южной Сибири предмонгольского времени X–XII вв.” завершилась успешной защитой в 1974 г. За 17 лет работы на кафедре Д.Г. Савинов в составе экспедиций Кемеровского государственного университета и Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а также во главе Южносибирского палеоэтнографического отряда ЛГУ провел исследования многих памятников эпохи бронзы, раннего железа и средневековья в разных районах Южной и Западной Сибири (Тува, Хакасия, Алтай, Кемеровская и Новосибирская обл.). Среди исследованных им объектов стоит особо выделить Осинкинский могильник (лесостепной Алтай), ранний комплекс которого до сих пор неоднозначно вписывается в сложившуюся периодизационную схему развития культур эпохи бронзы Верхнего Приобья.

В 1984 г. Д.Г. Савинова пригласили на работу в ЛОИА АН СССР, где он возглавил крупнейшую в Союзе Среднеенисейскую экспедицию, а через год – и всю новостроечную группу. В те годы ЛОИА проводило археологические исследования на территории практически всех Союзных республик. В сложных условиях экспедиция вела работы в зоне возведения оросительной системы на юге Хакасии. В их ходе возникла угроза уничтожения каменных оград раскопанных курганов, среди которых были плиты с выбитыми изображениями. По инициативе Дмитрия Глебовича многотонные плиты были свезены в Полтавов улус, где впоследствии был организован музей наскального искусства (единственный в стране), существующий по настоящее время.

В 1980-е же годы Д.Г. Савиновым был исследован уникальный памятник эпохи поздней бронзы – поселение Торгажак,

материалы которого существенно обогатили наши знания о данном историческом периоде на территории Южной Сибири. Дмитрий Глебович изложил их в монографии “Древние поселения Хакасии: Торгажак” (СПб., 1996).

За годы работы в системе Академии наук им была завершена докторская диссертация “Формирование и развитие раннесредневековых культур Южной Сибири”, защита которой состоялась в декабре 1987 г. в Новосибирске.

В 1992 г. Д.Г. Савинов вернулся в СПбГУ на должность профессора кафедры археологии, где работает по настоящее время. С приходом Дмитрия Глебовича расширились кафедральные исследования по грантам и проектам, активизировалось проведение конференций различного уровня, среди которых следует отметить несколько симпозиумов, посвященных отдельным видам археологических памятников, состоялась организация междисциплинарного теоретического семинара “Теория и методология археологии”.

Способности Дмитрия Глебовича как организатора образовательного процесса и научной деятельности особенно проявились в период его заведования кафедрой археологии (1996–2003 гг.). За годы работы в университете Д.Г. Савинов подготовил десятки высококвалифицированных специалистов – этнографов и археологов. Многие из них продолжают работать в сфере науки, образования и культуры.

Жизнь и деятельность Дмитрия Глебовича связаны с археологией, круг интересов в которой чрезвычайно широк. Это наглядно демонстрирует перечень опубликованных научных работ, включающий 15 монографий и около 350 статей. Они посвящены проблематике эпохи бронзы, скифского и гунно-сарматского времени, раннего и развитого средневековья Южной Сибири и Центральной Азии, а также Великого пояса степей Евразии в целом.

Научное творчество Д.Г. Савинова отличают глубина подхода, использование данных других наук, прежде всего этнографии и первобытной истории, а также письменных источников. Для юбиляра в значительной степени характерны исследования в области исторических реконструкций. В его научном творчестве выделяются излюбленные направления, в первую очередь – первобытное и средневековое искусство. Он уделяет большое внимание наскальному искусству, изваяниям, к которым можно отнести и оленные камни раннескифской эпохи. Анализируя стилистические, иконографические и морфологические особенности оленных камней, Дмитрий Глебович выделил локально-территориальные группы, обосновал тенденции их развития и распространения. Оленным камням Д.Г. Савиновым был посвящен цикл статей и отдельная монография. Последняя, безусловно, – настольная книга для всех, кто изучает данный вид художественного творчества.

В области петроглифоведения интересы юбиляра лежат в исследовании образов, композиций, их семантики, особенностей стиля эпохи или конкретной археологической культуры. В связи с этим необходимо отметить его неоднократные обращения к изучению изображений на плитах курганов Среднего Енисея, позволившие обоснованно представить тенденцию развития древнетюркской изобразительной традиции, выделить изображения эпохи бронзы, открыть новые пласты искусства окуневской культуры, занимающей весьма заметное место в научном творчестве Д.Г. Савинова – инициатора и организатора посвященной ей конференции, и издания двух сборников. В исследованиях Дмитрием Глебовичем памятников древнего искусства особенно ярко проявляется органический синтез естественнонаучной информации и гуманитарного знания.

Знание и понимание истории, этнографии и археологии позволяют Д.Г. Савинову проводить успешные исследования, связанные с исторической интерпретацией археологических источников. Их результаты опубликованы в работах, посвященных социогенезу населения эпохи бронзы, раннего железа Южной Сибири, отдельным сюжетам мировоззрения этнокультурных объединений древности и средневековья. Особенно ярко историзм проявился в его исследованиях археологических культур эпохи раннего средневековья – пожалуй главного научного направления его творчества. В многочисленных статьях и монографиях (например, выдержавшие два издания “Степные империи древней Евразии” (СПб., 2005), в соавторстве с С.Г. Кляшторным) дана яркая реконструкция исторического прошлого народов Южной Сибири, этнополитических и культурно-исторических процессов данной эпохи, возникновения и крушения ранних государств на этой территории. Немаловажное значение исследователь придает этническим и этногенетическим проблемам раннеисторического периода. Так, ему удалось установить территорию расселения кыпчаков, известных по письменным источникам. Вообще следует подчеркнуть, что вклад Дмитрия Глебовича в археологию и историю раннего средневековья Центральной Азии и Сибири трудно переоценить.

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН,
Новосибирск
Кемеровский государственный университет

Накопленные Д.Г. Савиновым опыт научных исследований и знания, естественно, потребовали участия в разработке новых методов и теоретических положений археологической науки. Особенно ярко это проявилось в период работы возглавляемого им теоретического семинара, пользовавшегося повышенным спросом не только у ученых-гуманитариев Санкт-Петербурга, но и у ученых-естественников, и, что особенно важно, у студентов и аспирантов. Его перу принадлежат работы, посвященные теоретическому обоснованию археолого-этнографических исследований, циклическому характеру распространения традиций, возможности синхронизации письменных и археологических периодизаций в изучении культур Южной Сибири скифо-сарматского времени.

На нескольких страницах текста сложно осветить все стороны многогранной деятельности юбиляра: он полон сил, творчески замыслов и активно продолжает исследования в области археологии и первобытной истории.

Поздравляя Дмитрия Глебовича – прекрасного педагога, блестящего лектора и полемиста, крупного ученого – с юбилеем, желаем ему здоровья, всех благ и новых открытий.

А.П. Деревянко, В.И. Молодин

В.В. Бобров

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА ТЕЛЕГИНА

Ушел из жизни Дмитрий Яковлевич Телегин, хорошо известный в России, на Украине и за их пределами ученый, фронтовик, глубоко порядочный, интеллигентный и мудрый человек. С его именем связано становление и развитие советской и украинской археологии. Трудно найти направление в археологии второй половины XX в., не исследованное Дмитрием Яковлевичем. Среди его разработок – научные работы, охватывающие период от палеолита до позднего средневековья, изучение погребальных традиций в эпоху мезолита–бронзы, использование статистических методов в археологии и ком-

пьютеризация учета археологических памятников, выделение археологических культур и этнолингвистические исследования, охрана памятников, индоевропеистика и казаковедение. И этот перечень можно продолжать.

Своим талантом и чрезвычайной работоспособностью Д.Я. Телегин обратил на себя внимание преподавателей еще в студенческие годы. В характеристике, выданной старшим научным сотрудником, впоследствии – членом-корреспондентом С.Н. Бибиковым – руководителем первой археологической экспедиции, в которой отработал Дмитрий Яковлевич, отмечалось: “Несомненные способности, сочетающиеся с трудолюбием, дают все основания полагать, что со временем Д.Я. Телегин станет видным самостоятельным исследователем в области археологии”. Это прозорливое предвидение оправдалось в полной мере.

Дмитрий Яковлевич родился 26 октября 1919 г. в крестьянской семье в с. Плисовое Змиевского р-на Харьковской обл. В результате коллективизации и страшного голода семья Телегиных, в которой было 9 детей, вынуждена была переехать в г. Константиновка, где в 1934 г. Дмитрий Яковлевич закончил семь классов средней школы, а в 1936 – годичные учительские курсы и начал работать учителем начальной школы Больше-Янисольского р-на Донецкой обл. В 1939 г. он заочно окончил Марьинскую педагогическую школу и в том же году поступил в Славянский педагогический институт на исторический факультет, который окончил в 1941 г. Несколько месяцев он проработал директором средней школы в с. Красное Селидовского р-на Донетчины.

В ноябре 1941 г. Д.Я. Телегин был призван в ряды Советской Армии. Окончание войны он встретил на передовой в г. Инстербург (Восточная Пруссия), где участвовал в штурме г. Кенигсберг. За участие в боевых действиях Дмитрий Яковлевич был награжден боевыми наградами.

После демобилизации в 1946 г. Д.Я. Телегин поступил в Черновицкий государственный университет на исторический факультет. Во время учебы он стал членом студенческого научного общества, ездил в археологические экспедиции, организованные Черновицким музеем, ИИМКом, увлекся трипольской культурой и написал дипломную работу “Трипольское поселение Шипинцы”, которую блестяще защитил. В отзыве заведующий кафедрой древнего мира А.Д. Дмитриев отметил: “...обнаружил несомненные способности к археологической работе ... имеет все данные... стать хорошим и ценным работником в области археологии, показал отличные знания литературы ... и умение делать самостоятельные выводы”.

С момента поступления в аспирантуру Института археологии АН УССР (приказ о зачислении подписал академик А.В. Палладин, бывший тогда президентом Академии) в 1949 г. жизнь и научная деятельность Д.Я. Телегина оказались связанными именно с этой организацией. Научным руководителем Дмитрия Яковлевича стал ученый с мировым именем – академик П.П. Ефименко. Упорный труд над диссертацией на тему “Неолитические памятники на Среднем Донце” завершился успешной защитой в апреле 1953 г. К концу 1950-х годов на счету Д.Я. Телегина было уже почти 60 научных и научно-популярных публикаций и более 20 проведенных экспедиций (и это за 10 лет!).

В 1961 г. в журнале “Советская археология” была опубликована статья Д.Я. Телегина “К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре”. На обоснование правомерности выделения этой культуры будут направлены главные усилия Дмитрия Яковлевича первой половины 1960-х годов. В 1967 г. в Москве он защитил докторскую диссертацию на эту тему. А еще через год, в 1968 г., увидела свет “Дніпро-Донецька культура” – первое монографическое обобщение неолитических памятников Поднепровья, поставившее Д.Я. Телегина в один ряд с выдающимися исследователями-первопроходцами. Выделенная ученым днепро-донецкая культура стала с тех пор хрестоматийной.

С 1969 г. Дмитрий Яковлевич – заведующий отделом археологии эпохи камня, который возглавлял почти 21 год.

В 1973 г. из печати вышла “Середньостогівська культура епохи міді”, впервые монографически осветившая эпоху раннего металла на территории Украины. В ней исследователь характеризовал начало социального неравенства, его первые формы, предполагал, что перламутровые кольца служили первобытными деньгами, а удлинённые роговые стержни – псалями конской узды. Не все были согласны с этой интерпретацией, но Дмитрию Яковлевичу удалось найти псалям убедительные аналогии в Пазырыкских курганах скифского времени.

После выделения среднестоговской культуры Д.Я. Телегин обратился к исследованию истоков неолитических культур Украины. В 1982 и 1985 гг. вышли из печати две его монографии, посвященные изучению проблем мезолита: “Мезолітичні пам'ятки України” (Киев, 1982) и “Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. (Карта местонахождений)” (Киев, 1985). Оба издания обобщили и систематизировали известные в то время мезолитические памятники Украины.

1970 и 1980-е годы – время расцвета творчества Дмитрия Яковлевича: за год у него выходило по 10–14 статей, разно-

образие тематики которых поражает. С 1970-х годов одно из основных направлений в работе Д.Я. Телегина – радиоуглеродное датирование. Более 30 лет он плодотворно сотрудничал с лабораторией Государственного научного центра по изучению окружающей среды и радиохимии АН Украины, возглавляемой кандидатом химических наук Н.Н. Ковалюхом, одновременно проводя исследования в радиоуглеродных лабораториях России, Германии, Великобритании, США. Как результат – уточнение хронологических позиций многочисленных археологических культур от неолита до эпохи бронзы.

Монографическое завершение получили материалы раскопок на поселении Деревка (1986), неолитические могильники мариупольского типа (1987; 1991), антропоморфная скульптура ранней бронзы Украины (1994, в соавторстве с Дж. Меллори), поселения днепро-донецкой этно-культурной общности эпохи неолита (1998, в соавторстве с Е.Н. Титовой), новоданиловская и среднестоговская культуры (2001, в соавторстве с А.Л. Нечитайло, И.Д. Потехиной, Ю.В. Панченко), Игреньское поселение в Поднепровье и проблема домостроительства в мезолите (2002).

Дмитрий Яковлевич не успел завершить свои исследования в области индоевропеистики, но его статьи в журналах “Археологія”, “Вопросы языкознания” за 1990-е годы содержали обоснования его собственной теории происхождения славян.

Всю жизнь Д.Я. Телегин собирал биографические материалы об археологах Советского Союза и Украины.

С особой любовью Дмитрий Яковлевич относился к казачьим памятникам. В конце 1980-х годов он начал их широкое исследование и в 1991 г. основал научно-исследовательское предприятие “Часи козацькі-Січі Запорозькі”, которое возглавлял почти 20 лет. Казачье направление деятельности Д.Я. Телегина вылилось в издание популярной книги “Часи козацькі-Січі Запорозькі” и учебного пособия “Археологія доби українського козацтва (XVI–XVIII ст.)”, написанного в соавторстве.

Д.Я. Телегин был инициатором создания многих научных изданий: “Археологія”, КСИА, ежегодников “Праці центру пам'яткознавства” и “Лаврський альманах”; редактором первого тома “Археології Української РСР” (1971; 1985). За это издание в составе творческой группы ему была вручена Государственная премия Украины. Руководил аспирантами, выступал на научных конференциях и международных симпозиумах в Украине и за рубежом, на которых вел секции, оппонировал на защитах кандидатских и докторских диссертаций, детально рецензировал отечественных и зарубежных авторов, научные сборники и монографии.

Длительное время Д.Я. Телегин возглавлял Полевой комитет Института археологии АН УССР. В 1960-е годы организовал археологический ученический кружок при Институте археологии, в дальнейшем – курсы повышения квалификации музейных работников и краеведов. В 1990-е годы на базе Центра памятниковедения основал индоевропейский семинар, на котором выступали ведущие украинские историки, археологи, лингвисты.

Свой преподавательский талант Д.Я. Телегина реализовал в курсах лекций по археологии, которые читал в ведущих вузах Киева свыше 20 лет. Итог преподавательской работы – учебник “Археологія України”, написанный в соавторстве с И.С. Винокуром (1994; 2004). Продолжением просветительской деятельности стали выступления Дмитрия Яковлевича в средствах массовой информации, целью которых была популяризация археологических знаний.

Выдающимся можно назвать вклад Д.Я. Телегина в охрану археологического наследия Украины. Он стоял у истоков со-

здания Украинского общества охраны памятников истории и культуры, длительное время возглавлял секцию памятников археологии. Благодаря его настойчивым усилиям были разработаны, изготовлены и установлены специальные охранные знаки на выдающихся памятниках археологии. (Между собой работники охраны памятников называют их “Телегинскими стелами”.) 17 областных и несколько районных справочников по археологии Украины были подготовлены при участии Дмитрия Яковлевича. Позднее материалы справочников вошли в состав электронного каталога археологических памятников Украины, разработанного под его руководством.

Д.Я. Телегин был одним из первых и наиболее страстных сторонников привлечения данных естественных наук в археологические исследования, подчеркивая, в частности, значение ископаемых палеоантропологических материалов для истории и археологии. С середины 1950-х годов, отстаивая необходимость возрождения антропологических исследований на Украине, он стал одним из инициаторов создания профессионального антропологического центра. Дмитрий Яковлевич всегда интересовался достижениями современной палеоантропологии, палеоботаники и палеозоологии и широко использовал их в своих работах.

Д.Я. Телегин авторитетно и смело выступал в защиту сохранения природных богатств Украины. Так, только благодаря его убедительному выступлению на общественных слушаниях удалось сохранить для потомков Южнобугский каньон со всеми его уникальными природными и историко-археологическими ресурсами.

За годы плодотворной работы у Дмитрия Яковлевича вышло из печати около 500 научных и научно-популярных работ, в научном архиве Института археологии НАН Украины хранятся 72 отчета о проведенных археологических экспедициях, издано 15 монографий. Деятельность Д.Я. Телегина была высоко оценена государством и учеными: доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии Украины, почетный академик РАН, лауреат премий им. В. Хвойки и “Золотой скиф”.

Трудно переоценить вклад Д.Я. Телегина в утверждение международного авторитета украинской археологии. Десятилетиями он активно и регулярно переписывался с коллегами из Европы и Северной Америки, его научные работы печатались в Великобритании, Италии, Германии, Польше, России, США, Франции, Чехии и др. Большой резонанс у международного научного сообщества имели, в частности, изданные в Оксфорде монографии “Деревка” и “Поселения и могильники эпохи меди Среднего Поднепровья” (1986), “Неолитические могильники и население бассейна Днестра” (1987, в соавторстве с И.Д. Потехиной), а также “Антропоморфные стелы Украины: ранняя иконография индоевропейцев” (Вашингтон, 1994; в соавторстве с Дж. Меллори). Многие зарубежные исследователи считают Д.Я. Телегина своим наставником и учителем в изучении проблем археологии Восточной Европы.

Добиться таких выдающихся успехов, помимо прочего, Д.Я. Телегину помогала его семья, у членов которой он всегда находил понимание и поддержку. Она всегда была его надежным тылом, давала возможность самоотверженно заниматься любимой наукой.

Дмитрий Яковлевич был спокойным, доброжелательным человеком с огромным жизненным опытом. Он никогда не повышал голос. Однако научную полемику мог вести жестко, бескомпромиссно отстаивая свою позицию. В тоже время ему была присуща удивительная деликатность, щепетильность: он никогда не забывал отметить всех своих помощников, коллег, их достижения и успехи.

Масштаб поднятых Дмитрием Яковлевичем вопросов, его разработки многочисленных проблем, раскопанные, найденные и спасенные памятники – все это еще долго будет предметом исследований его учеников, коллег, сторонников, приводя в волнение оригинальностью подходов, выводами, прозорливостью.

Более половины столетия Д.Я. Телегин отдал истории и археологии: его жизнь стала настоящим подвигом во имя науки!

Институт археологии НАН Украины, Киев

С.Ж. Пустовалов

ОЛЕГ АНДРЕЕВИЧ ГРАБАР

03.11.1929–08.01.2011

8 января 2011 г. в г. Принстон (Нью Джерси) скончался Олег Андреевич Грабар – выдающийся ученый, пионер археологии и истории искусства Ислама. Русский человек, родившийся и учившийся во Франции, большую часть жизни проживший в США, а потому чувствовавший себя свободно во всех трех реальностях.

В официальном некрологе трудно передать чувство пустоты от потери этого человека и ученого. Дело не в том, что даже “короткий” список почетных званий и отличий Олега Андреевича слишком длинен, чтобы приводить его целиком. И не в том, что ему легко давалось общение с сильными мира сего, а его престижу в странах Востока могли позавидовать известные политики. Дело в исключительно ярком, чисто русском сочетании глубины ума и силы с мягким юмором и любовью к простым радостям жизни. В полном отсутствии бравады положением и достижениями. В открытости, готовности прийти на помощь, поделиться возможностями.

Олег Грабар родился в г. Страсбург 3 ноября 1929 г. Его отцом был Андрэ (Андрей Николаевич) Грабар – известнейший исследователь Византии, один из создателей ее современной художественной археологии, человек, равно признанный и в

России, и на Западе. Вынужденно оставив родину во время Гражданской войны и пройдя обычный путь эмигранта (сначала Болгария, потом Сербия, наконец Париж), А.Н. Грабар стал французским профессором, но остался русским историком и человеком. Олег Андреевич часто вспоминал эпизоды юности, пришедшейся на годы оккупации Франции нацистами; говорил о сопереживании, о внутреннем участии семьи в борьбе, разворачивающейся на Востоке, о нелегком даже во Франции военном быте (на всю жизнь он сохранил привычку начинать день с тарелки борща, вызывавшую немалое удивление его вполне американского семейства).

Маленького Олега с детства окружал мир интеллектуальной активности и гуманитарных запросов. Он впитал ту особую атмосферу, созданную слиянием художественного текста с гравюрами, музыки – с картинами, в которой прошлое живет как обязательная, насыщенная часть настоящего. После обучения истории искусств в лицеях Claude Bernard и Louis-le-Grand он окончил Парижский университет (1948 г., *Certificat de licence*) по специальности в области древней истории и продолжил обучение, получив степень по средневековой истории в том же университете (1950 г., *Certificat de licence*) и в Гарварде, США (В.А. magna cum laude, 1950), а затем и по специальности “восточные языки, литература и история искусства” в Принстоне (М.А., 1953). Эту специальность он совершенствовал в Иерусалиме, в Американской школе исследований Востока (ASOR) в 1953–1954 гг.

Затем последовала ровная и уверенная линия академической карьеры в США: защита степени в Принстонском университете (Ph.D. 1955), ступени профессуры в университете Мичигана (инструктор – 1954–1955 гг., ассистент – 1955–1959 гг., ассоциант – 1959–1964 гг., фулл – 1964–1969 гг.) и в Гарварде (профессор – 1969–1980 гг., заведующий отделением искусствознания – 1977–1982 гг.; “Ага Хан¹ профессор искусства и архитектуры Ислама” – 1980–1990 гг.; позже эмеретус). Два последних десятилетия он провел в, пожалуй, самом прославленном исследовательском учреждении США – в IAS (Институт передовых исследований, г. Принстон; профессор – 1990–1998 гг.; с 1998 г. – эмеретус). В конце жизни Олег Грабар стал членом многих ученых сообществ Европы (французского, британского, австрийского) и США, лауреатом наград университета Калифорнии (Лос Анджелес), медали Giorgio Levi Della Vida (1996 г.) и Charles Lang Freer (2001 г.), премии Ассоциации преподавателей искусства (2005 г.), премии Ага Хан (2010 г.) за “выдающиеся достижения в распространении и развитии понимания мира архитектуры Ислама, демонстрации географического и хронологического разнообразия, а также определе-

¹ Ага Хан (в переводе с персидского – “господин-хан”) – наследственный титул главы имамата исмаилитов, постоянно проживающего в Великобритании, среди обязанностей которого – развитие духовной жизни в общинах мусульман-шиитов. Специальный Ага Хан Trust в области культуры финансирует также программы развития исторических городов и образования и культуры, среди его главных подразделений – программа по исламской архитектуре в Гарварде и Массачусетском археологическом институте, программы развития музеев и др. Премия Ага Хан – возможно, самая крупная архитектурная премия мира (500 тыс. долларов США), присуждаемая каждые три года (с 1977 г.).

ния ее места в общем политическом, социальном, культурном и экономическом контекстах”.

Впрочем, познакомиться с подробностями научной деятельности О.А. Грабара можно по его скрупулезным CV и списку работ, вывешенным в Википедии и на сайте IAS. Важнее рассказать о смысле его научного наследия.

Исследования Олега Грабара имели глубоко формирующее воздействие на изучение изобразительного искусства, зодчества и археологии Ислама, особенно в США. Прежде всего, это, конечно, было связано с его книгами: и совсем ранними, как “Рождение исламского искусства” (Grabar O. *The Formation of Islamic Art*. New Haven; L., 1973), и зрелого периода, как “Орнамент как медиатор” (Grabar O. *The Mediation of Ornament*. Princeton, N.J., 1992), и поздними, как труд по ранней архитектуре исламского Иерусалима (Grabar O. *The Shape of the Holy: Early Islamic Jerusalem*. Princeton, N.J., 1996) или написанный в соавторстве с Г. Бауэрсоком и П. Брауном передовой “курс” поздней античности, заткнувший “брешь”, образованную в историографии вследствие пересечения мира классического Средиземноморья, эпохи ранней Византии и Ислама (Late Antiquity: A Guide to the Post-Classical World / Eds G. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, M.A., 1999). Но помимо книг важны и обширные полевые исследования, “ученые” путешествия по всему исламскому миру, Африке, Ближнему и Среднему Востоку, Индонезии. Неутомимый путешественник, Олег Андреевич побывал везде, где только можно было побывать на исламском Востоке. Список поездок, включающий только годы и страны, длинен как у туриста-профессионала. Столь же значителен список научных и редакторских проектов (достаточно упомянуть основание ежегодника *Miqatnas*). При этом для Олега Андреевича не было низких жанров в любимой им области: он с равным блеском мог написать текст-сопровождение, публикуя альбом фотографий крытых купольных рынков, или статью для каталога исламских древностей в Кувейте (*Patronage in Islamic Art // Islamic Art and Patronage: Treasures from Kuwait* / Eds O. Grabar, A. Esin. N.Y., 1990).

Олег Грабар, пожалуй, не был археологом в принятом смысле этого слова, но еще в молодости заявив о необходимости развития археологии Ислама, он так много сделал, что нынешние ее успехи на Западе – во многом заслуга Олега Андреевича. Грабара глубоко интересовали археологические сюжеты, часто его статьи были основаны на археологических материалах. Можно указать на прямой вклад Олега Андреевича в полевые работы, проводившиеся на Востоке: именно он в 1964–1972 гг. руководил экспедицией Гарвардского университета, нашедшей город эпохи Омейядов, Каср ал-Хаир ал-Шарки (*Qasr al-Hayr al-Sharqi*) в песках Сирии, в районе, где вообще не предполагались постоянные поселения. Открытые здесь здания первой половины VIII в. существенно изменили представления о всем раннеисламском строительстве (Grabar O., Holod R., Knustad J., Trousdale W. *City in the Desert, Qasr al-Hayr East*. 2 v. Cambridge, M.A., 1978 (*Harvard Middle East Monographs*; № 23, 24)).

Важнее, Впрочем, не сами по себе раскопки, а глубокая “археологичность” О.А. Грабара, проявлявшаяся в подходе к изучаемым объектам даже в тех случаях, когда не было нужды в их раскопках или обмерах. Внимание к деталям, любовь к точности и, более того, к сухой статистике (характерные для французской школы историков, но не так часто встречающиеся в среде искусствоведов); интерес к воссозданию матери-

ального целого на основе сохранившихся частей; включение в арсенал самых современных методов работы, прежде всего, электронных (например, 3D-реконструкция Храмовой горы в Иерусалиме) – все это, скорее, указывало на подход археолога, нежели искусствоведа.

Стоит отметить и то, что Олег Грабар хорошо понимал определяющий для общей истории культуры характер таких направлений, как изучение орнамента и архитектурных памятников в их социальном контексте – понимания и предпочтения редкие среди историков искусства, но очень понятные археологам. Это не означает, что Олег Андреевич не занимался изобразительным искусством – его труды по восточной миниатюре хорошо известны и составляют не менее важную, чем архитектурная часть его наследия (Grabar O., Blair S. *Epic Images and Contemporary History: Illustrations of the Great Mongol Shah-nama*. Chicago, 1980; Grabar O. *Mostly Miniatures: An Introduction to Persian Painting*. Princeton, N.J., 2000; Grabar O. *Masterpieces of Islamic Art: The Decorated Page from the 8th to the 17th Century*. Munich; Berlin; L.; N.Y., 2009).

Тем не менее исследования О.А. Грабара, как ничьи другие, подходят под традиционную и все еще широко принятую в США классификацию дисциплин: это типичная “археология и история искусства” (в России она была вплоть до современности хорошо представлена благодаря школе Н.П. Кондакова и в свое время именовалась “художественной археологией”).

Что еще сказать? Четыре тома, включающие 83 избранные статьи с очень точным названием “На стройке искусствознания Ислама” (Grabar O. *Constructing the Study of Islamic Art*. 1–4 v. Hampshire, 2005–2006), говорят сами за себя. Они аккуратно встанут рядом с широко известным трехтомником статей Грабара-отца, посвященным раннехристианскому и византийскому искусству. Труды сына продолжили и развили исследования отца и в хронологическом, и в культурно-историческом аспектах: Андрей Николаевич Грабар вывел на авансцену истории искусства и археологии, вслед за ранним христианством, Византию. Олег Андреевич стал одним из основоположников искусства и археологии Ислама.

В последние десятилетия жизни Олег Андреевич – большой, круглолицый, с щеточкой усов, с круглыми, немного на выкате глазами, – чем-то напоминал спокойного от осознания собственной силы моржа. Живого, энергичного и к тому же наделенного бесконечным чувством юмора. Всюду, где он появлялся, распространялись дружеское тепло и семейный уют, каким-то непостижимым образом соединенные с атмосферой исследовательского нетерпения, неравнодушия. Ученый уделял все больше внимания России, путешествовал по ней “Транссибирским экспрессом”, неоднократно посещал прародину семьи г. Погар (Брянская обл.), возил туда сына, мечтал восстановить дом предков. Изучал семейную историю, готовил к публикации мемуары деда, Николая Степановича (главы Киевского окружного суда и одного из ведущих прокуроров России XIX в., члена Государственного совета), рукопись которых привез из Парижа. Все это не удалось закончить. Но осталось 20 фундаментальных монографий, 120 базовых статей, а самое главное – многочисленные ученики, коллеги, читатели, с которыми Олег Андреевич щедро разделил счастье изучать искусство и археологию Ислама.

ПАМЯТИ АРКАДИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА МОЛЧАНОВА (1947–2010)

18 июля 2010 г., на 64-м году жизни, скончался Аркадий Анатольевич Молчанов – известный историк, археолог, нумизмат, искусствовед, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. А.А. Молчанов – исследователь с чрезвычайно широким диапазоном научных интересов. Его перу принадлежит около 500 научных трудов (в том числе 4 книги) по истории древнего мира и средних веков, славяно-русской археологии, вспомогательным историческим дисциплинам (нумизматике, сфрагистике, генеалогии, геральдике, эпиграфике, исторической географии), истории архитектуры и изобразительного искусства (Молчанова О.В., Молчанов К.А. Список печатных работ А.А. Молчанова // Гербоведъ: Издаваемый Русской геральдической коллегией. № 93. М., 2007).

Аркадий Анатольевич родился 27 февраля 1947 г. в Москве. В 1965 г. поступил на искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. Параллельно с основной специализацией посещал занятия на кафедре археологии исторического факультета МГУ. Закончив в 1970 г. университет с отличием начал трудовую деятельность в отделе нумизматики ГИМ. Одновременно обучался в заочной аспирантуре под руководством члена-корреспондента АН СССР В.Л. Янина. В 1976 г. А.А. Молчановым была защищена кандидатская диссертация на тему “Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси”, основой для которой послужили преимущественно нумизматические и сфрагистические материалы.

Кроме В.Л. Янина своими учителями Аркадий Анатольевич считал С.А. Янину (восточная нумизматика), К.В. Голенко (античная и византийская нумизматика), Н.Я. Мерперта (древности эпохи бронзы), Л.А. Гиндина (античная лингвистическая балканистика).

В 1972–1990 гг. А.А. Молчанов работал в специализированном научно-производственном тресте “Мособлстройреставрация”, где исполнял обязанности штатного археолога и искусствоведа. В 1979–1990 гг. возглавлял Подмосковную архитектурно-археологическую экспедицию, проводил полевые исследования в кремлях средневековых городов (Волоколамск, Коломна, Можайск, Серпухов), в Иосифо-Волоколамском, Новонерусалимском, Серпуховском Высоцком, Троице-Сергиевом монастырях. В 1990 г. А.А. Молчанов перешел в Институт всеобщей истории РАН, где проработал до конца своих дней.

А.А. Молчанов много трудился над дешифровкой текстов древней Эгеиды II тыс. до н.э., главным образом выполненных критской иероглификой и иератической письменностью (в частности, знаменитым фестским диском). Результаты этих исследований представлены в книгах “Таинственные письмена первых европейцев” (М., 1980) и “Посланцы погибших цивилизаций” (М., 1992), а также “Памятники древнейшей греческой письменности: Введение в микенологию” (М., 1988; в соавторстве с В.П. Нерознаком и С.Я. Шарыпкиным). Дешифровка А.А. Молчановым минойской иероглифики – крупнейшее свершение ученого – на сегодняшний день остается не до конца оцененной. С одной стороны, его разработки были высоко оценены такими видными специалистами, как Л.А. Гиндин, В.П. Нерознак и Н.Я. Мерперт, с другой, эти исследования не нашли достойного отклика в современной историографии. Задачи, стоящие перед новой комплексной научной дисциплиной – минойстикой, занимающейся изучением языка

и истории догреческого (минойского) Крита, отраслью антиковедения, фактически созданной А.А. Молчановым, изложены им в монографии “Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тыс. до н.э.: Проблемы источниковедения микенологии и минойстики” (М., 2000).

Около трети научных трудов А.А. Молчанова посвящено нумизматике. Его первая статья (1971 г.), представляющая собой краткое изложение дипломной работы, называлась “Искусство портрета на античном Боспоре (по нумизматическим материалам)”. Профессиональный искусствоведческий подход и в дальнейшем помогал Аркадию Анатольевичу успешно исследовать отдельные сюжеты, связанные с античными монетами. Его привлекало монетное дело Боспорского царства и денежное обращение на его территории. Отдельно рассматривались эмиссии некоторых эллинских городов Северного Причерноморья: Нимфея, Феодосии, Никополя у Истра. Интересны намеченные им источниковедческие подходы, связанные с использованием античной письменной традиции для истолкования полисных эмблем, помещавшихся на античных монетах.

А.А. Молчанов охотно определял обнаруженные в процессе раскопок византийские монеты. Часть этих находок опубликована им с описанием археологического контекста (например, с Гнёздовского селища). Много лет он собирал данные об обращении монет Трапезундской империи XIII–XIV вв. в Северном Причерноморье. Результатом картографирования и накопления соответствующего материала, происходящего из Крыма и Юга

России, стали публикации, введшие эти монеты в научный оборот.

Особое внимание А.А. Молчанов уделял монетам исламского мира. Им описаны клады и одиночные находки куфических дирхемов из Восточной Пруссии, Новгорода, Новгородской земли, Верхневолжья, Подмосковья, Суздальского Ополя и других регионов. Опубликованы неизвестные ранее типы монет Шейбанидов, Сефевидов и Каджаров. На основании анализа нового нумизматического материала Аркадий Анатольевич смог уточнить династическую историю раннесредневековых мусульманских правителей в разных странах: Идрисидов Марокко, эмиров Волжской Булгарии, Джафарилов Тифлиса, Мутидов Испиджаба. А.А. Молчанов первым систематизировал и издал ранее почти не изучавшиеся монеты, чеканившиеся в Хорезме в период правления Джунаид-хана (1918–1920 гг.). Для этого им был собран и детально проанализирован большой по объему нумизматический материал. В последние годы он активно изучал чеканку ряда индийских княжеств. Ранее им уже были опубликованы отдельные заметки по типологии монетных эмиссий Непала разных исторических эпох.

А.А. Молчанов специально исследовал ряд сюжетов в области русской нумизматики. Наибольшее значение имеют его работы о древнейших русских монетах (конец X – начало XI в.). В своих статьях и рецензиях он коснулся всех принципиально важных вопросов, относящихся к изучению сребреников Владимира Святого, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого, монетного чекана князя Олега–Михаила Тмутараканского.

Интересовала А.А. Молчанова и тема частных платежных бонусов дореволюционной России. В этой области он много сделал для сбора и систематизации разрозненных сведений о неофициальных деньгах московских торговых заведений и других предпринимательских структур начала XX в. Им опубликована сводка многочисленных металлических бонусов ресторанно-гостинничного комплекса “Метрополь” (Москва), выпущенных между 1905 и 1917 гг. Необходимо отметить, что ряд специальных изданий по нумизматике был подготовлен при участии А.А. Молчанова как научного редактора.

А.А. Молчанов занимался общественной деятельностью. Как член Секции памятников архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства Центрального Совета ВООПИК он не раз совершал инспекционные поездки по многим городам Европейской России. Активным было его участие в работе Совета по топонимии Советского Фонда культуры (руководитель – Д.С. Лихачев), занимавшегося возвращением исторических названий. С 1990 г. он входил в Центральный Совет Советской ассоциации эллинистов, с 2000 г. – в Геральдическую комиссию РАН.

Аркадий Анатольевич был исключительно доброжелательным и лояльным коллегой, всегда готовым помочь другим исследователям своими советами и консультациями.

А.А. Молчанов похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Институт археологии РАН, Москва

П.Г. Гайдуков, А.В. Чернецов

ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ ЧЕВЕЛЁВ

14.06.1952–04.06.2011

4 июня 2011 г. не стало Олега Дмитриевича Чевелёва. До 60-летнего юбилея ему оставалось прожить совсем немного: чуть больше года.

О.Д. Чевелёв родился в ст. Архангельская Тихорецкого р-на Краснодарского края, в простой семье, так что – коренной кубанец. Отслужил танкистом. В 1979 г. закончил исторический факультет Кубанского государственного университета. С 1978 г. работал в Керченском музее, потом в историко-культурном музее-заповеднике. С середины 1990-х годов остался без работы, вернулся в Россию, на родину. Впрочем, где была его родина: разве не в Крыму?

Олега Дмитриевича знали все специалисты-антиковеды России и Украины, знали и если не любили, то уважали и хорошо относились. Почему? Вероятно, потому, что он был незлобивым, бескорыстным, простым и добрым человеком. И очень хорошим другом. “Дмитрич”, как его все звали, никогда не стремился к благам, признанию и чинам, был равнодушен к славе и лишен честолюбия. Кажется, даже до научного реноме ему не было дела. Тем не менее, оно у него было и было положительное. В свое время он мог бы стать находкой для аспирантуры любого гуманитарного вуза Союза, но не захотел. И писал совсем немного: печатных работ не наберется и с десяток. Это был “полевик” в чистом виде, и какой! Неутомимый, неприхотливый, внимательный и с прекрасным чутьем. Великолепный разведчик и раскопщик от Бога! В Восточном Крыму, где прошла большая часть его археологической деятельности, им или при его участии были исследованы десятки античных памятников. В первую очередь – некрополи: близ г. Тиритака, Мирмекий, Пантикапей, в Анапе (Горгиппия) у горы Хрони, рядом с Сиреновой бухтой, и с. Кыз-Аул и Золотое. Тут удача всегда сопутствовала ему. Находки были изумительные! Некоторые украсили экспозицию Керченского музея и его Золотую кладовую. Но и на поселениях любой сложности он чувствовал себя уверенно, и на его опыт и интуицию всегда можно было положиться. А уж разведки! Мало кто знал Керченский п-ов лучше П. Дюбрюкса, В. Веселова и О. Чевелёва. Мы с ним исходили его весь. И пожалуй самые яркие воспоминания: наши первые разведки и раскопки в Крымском Приазовье, на Караларском побережье, где было открыто и раскопано немало великолепных памятников. В памяти всех, кто работал в Крыму, Олег Дмитриевич и Восточно-Крымская экспедиция остаются неразделимы.

В последние годы поработал он и на Тамани, в составе Восточно-Боспорской экспедиции, и снова с большой пользой для науки, и снова удачно.

Кажется, не было такого античного памятника в Северном Причерноморье, где бы Олег Дмитриевич не побывал. А начинал он, как и многие, студентом в далеком 1974 г., в Анапе. Потом были и Ольвия (с Е. Леви и В. Пругло), и Порфмий (с Е.Г. Кастанаян и Н.С. Беловой), и Фанагория (с М.М. Кобылиной и В.С. Долгоруковым), и Пантикапей (с И.Д. Марченко), и район Новороссийска (с Н.А. Онайко), и Мирмекий, и Илурат, и Херсонес, и вновь Анапа (с Е.М. Алексеевой). И были

встречи: В.Д. Блаватский, Т.В. Блаватская, И.Т. Кругликова, И.Г. Шургая, И.Б. Брашинский.

Не было такого, чтобы Олег Дмитриевич был замешан в какой-нибудь интрижке, о ком-то отзывался плохо, со злобой. Да и у него (редчайший случай!) врагов и недоброжелателей никогда не было. Он никому не мешал, в меру сил помогал, не хвалился, не обещал. Нет, это был не образец стоицизма, но и не безудержный весельчак. Не “железный” боец, но и не предатель как в большом, так и в малом. В известном смысле – “маленький человек” нашей археологии. Но с ним было просто, интересно, уютно.

Олег Дмитриевич, без преувеличения, был настоящим тружеником археологии. Все, кому довелось поработать рядом с ним – от рабочих-землекопов, до научных сотрудников, – никогда его не забудут.

Не забудем и мы – его ближайшие друзья и коллеги – и помянем добрым словом.

Институт археологии РАН, Москва

А.А. Масленников

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЗА 2011 г.

- Аверин В.А.** Мезолитический слой поселения Усть-Шексна в Ярославской области. № 2, 97–102
- Александрова О.И.** см. Хамакава М.
- Алексеев А.Ю.** см. Скорый С.А.
- Алмамедов К.** см. Лионне Б.
- Амиров Ш.Н.** см. Мунчаев Р.М.
- Андреев С.И.** Крестовидная подвеска и ее модификации в культуре среднеднепровской мордвы. № 4,
- Артемьева Н.Г.** Защитное вооружение чжурчжэньского воина. № 4,
- Архипова Е.И.** Andrzej B. Biernacki. Wczesnobizantyjskie elementy i detale architektoniczne Chersonesu Taurydzkiego (Architektura wczesnobizantyjskich budowli sakralnych Chersonesu Taurydzkiego). V. II. Poznań, 2009. № 4,
- Архипова Е.И.** “Новая датировка” Софийского собора в Киеве: критика гипотезы. № 3, 120–129
- Афанасьев Г.Е.** Кто же в действительности построил Левобережное Цимлянское городище? № 3, 108–119
- Ахмедов С.А.** см. Халилов М.Дж.
- Баранова С.И.** Керамические “надписи” в декоре московских храмов XVII в. № 2, 81–86
- Бгажба О.Х.** К 70-летию со дня рождения Ю.Н. Воронова (1941–1993). № 3, 190–191
- Беговаткин А.А.** Две уникальные булавы XII–XIV вв. из Мордовии. № 2, 156–158
- Беговаткин А.А.** Погребение мальчика с музыкальными инструментами из Кельгининского могильника в Мордовии. № 4,
- Белозёрова И.В.** Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях. № 1, 154–165
- Беляев Л.А.** Robert G. Ousterhout. A Byzantine settlement in Cappadocia (Dumbarton Oaks Studies, XLII). Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, D.C., 2005. № 3, 167–171
- Беляев Л.А.** Олег Андреевич Грабар. № 4,
- Беляев Л.А.** Проект “Византийский Иерихон”: работы 2010 г. и перспективы исследований. № 3, 71–85
- Бобринский А.А.** Некоторые данные о технике и технологии куро-аракских гончаров (по материалам поселения Ново-Гапцах в Дагестане). № 4,
- Бобров В.В.** см. Деревянко А.П.
- Буке Л.** см. Лионне Б.
- Буров Г.М.** Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России. № 2, 5–15
- Валиулина С.И.** Художественные изделия из цветного металла Торецкого поселения XV в. № 4,
- Вискалин А.В.** Об этнокультурных процессах на Средней Волге и в Прикамье в мезолите–неолите. № 3, 25–32
- Вискалин А.В.** Чаша из черепа *Bos primigenius* из окрестностей с. Ундоры (Среднее Поволжье). № 4,
- Волков Р.Б.** см. Широков В.Н.
- Вострецов Ю.Е.** Культурная адаптация населения Приморья в среднем голоцене. № 1, 38–47
- Гаврилюк Н.А.** Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов н/Д., 2009. № 3, 180
- Гавритухин И.О.** Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Боспорские исследования. Supplementum 4. Симферополь; Керчь, 2008. № 2, 177–180
- Гайдуков М.П.** Каменные башни XIV в. Окольного города Великого Новгорода: неопубликованные материалы и новые исследования. № 4,
- Гайдуков П.Г.** Памяти Аркадия Анатольевича Молчанова. № 4,
- Гей И.А.** см. Бобринский А.А.
- Гельман Е.И.** см. Вострецов Ю.Е.
- Гомзин А.А.** Фрагментация куфических монет (результаты исследования материалов Среднего и Нижнего Поочья). № 4,
- Горбунов В.С.** Пряхин А.Д. Доно-Донецкая степь–лесостепь в эпоху бронзы. История изучения (вторая половина XIX – начало 90-х годов XX в.). Воронеж, 2010. № 3, 164–165
- Горелик А.Ф.** Каменная антропоморфная статуэтка эпохи бронзы из Восточного Казахстана (оз. Зайсан). № 1, 126–134
- Гречко Д.С.** см. Пеляшенко К.Ю.
- Григорян С.Б.** см. Беляев Л.А.
- Гроотс П.М.** см. Макаров Н.А.
- Гуцалов С. Ю.** Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II. № 1, 81–96
- Демичева И.Ю.** Особенности мужского и женского костюма майя классического периода (по материалам терракотовых статуэток). № 3, 55–70
- Деревянко А.П.** К юбилею Дмитрия Глебовича Савинова. № 4,
- Джелилов Б.** см. Лионне Б.

- Дубовцева Е.Н.** Использование веревки для орнамента-ции неолитической керамики севера Западной Сиби-ри. № 2, 16–26
- Енуков В.В.** О косых острогах северян Посемья. № 4,
Ефимов В.М. см. Вискалин А.В.
- Зайцева Г.В.** см. Макаров Н.А.
- Захаров А.О.** *Tingley N. Arts of ancient Viet Nam: from river plain to open sea. With essays by Andreas Reinecke, Pierre – yves Manguin, Kerry Nguyen-Long, Nguyen Dinh Chien. Houston, 2009. № 3, 177–179*
- Зиливинская Э.Д.** Керамический “ритон” с городища Самосделка. № 2, 149–155
- Зимина М.П.** Курганный могильник у с. Кончанское-Суворовское Новгородской области. № 2, 142–148
- Зиньковская И.В.** О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей. № 2, 72–80
- Игуменшева Е.В.** Пути проникновения импортных из-делий на территорию Южного Приуралья в “савро-матскую” и раннесарматскую эпохи (историография проблемы). № 1, 62–67
- Каргин Ю.Ю.** Новое половецкое изваяние из Аткарско-го района Саратовской области. № 2, 159–160
- Клейн Л.С.** Истоки интеллектуальной империи Кем-бриджа в археологии. № 1, 169–173
- Козенкова В.И.** Путь к призванию (к юбилею Мусы Багаева). № 3, 188–189
- Кокуркина О.В.** Символизм ранних сарматских диаго-нальных погребений. № 2, 67–71
- Коллектив авторов.** Памяти Александра Афанасьевича Бобринского. № 2, 189
- Кореневский С.Н.** см. Моргунова Н.Л.
- Косинцев П.А.** см. Широков В.Н.
- Котов В.Г.** Палеолитическое святилище в пещере Запо-ведная на Южном Урале. № 4
- Кренке Н.А.** Клад украшений с городища Дютково. № 1, 134–148
- Кренке Н.А.** Новые данные по стратиграфии Ушковских стоянок в долине р. Камчатка. № 3, 14–24
- Кузьмина Ю.Н.** О критериях идентификации античных святилищ. № 3, 33–41
- Кузьмина Ю.Н.** см. Толстиков В.П.
- Кузьминых С.В.** см. Белозёрова И.В.
- Кузьмин Я.В.** Труды 19-й Международной радиоугле-родной конференции. Оксфорд, 2006. № 1, 183–185
- Кукушкин И.А.** Металлические изделия раннеандро-новского могильника Ащису (Центральный Казах-стан). № 2, 103–109
- Кулаков В.И.** Клад 1892 г. из окрестностей Кранца/Зеле-ноградска (Калининградская область). № 2, 133–141
- Курбатов А.В.** Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. № 4
- Куринских О.И.** Наконечники стрел ранних кочевников Левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка). № 3, 42–54
- Курсье А.** см. Лионне Б.
- Лазукин А.В.** см. Кренке Н.А.
- Лаптева Е.Г.** см. Широков В.Н.
- Лапшин В.А.** Комплексное исследование древнего и средневекового населения Северо-Восточной Руси. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубен-ском озере / Ред. Н.А. Макаров. М., 2007–2009. № 2, 181–185
- Леонова Е.В.** см. Кренке Н.А.
- Леонова Н.Б.** Дьякова О.В. Военное зодчество Цент-рального Сихотэ-Алиня. М., 2009. № 4,
- Лионне Б.** Могильник эпохи позднего энеолита Союз Булаг в Азербайджане. №1, 48–61
- Лозовская О.В.** Деревянные изделия стоянки Замостье 2. № 1, 15–26
- Лопатин Н.В.** К 90-летию Евгения Альфредовича Шмидта. № 1, 189–190
- Лут С.** см. Лионне Б.
- Лыньша В.А.** Клейн Л.С. “Новая археология”. Донецк, 2009. № 1, 177–182
- Лычагина Е.Л.** Деятельность Камской экспедиции ГА-ИМК на территории Пермского края. № 4
- Макаров Н.А.** Радиоуглеродные даты памятников ран-него железного века – средневековья в Суздальском Ополе. № 4,
- Масленников А.А.** Олег Дмитриевич Чевелёв. № 4
- Матвеева Н.П.** Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новоси-бирск; Берлин, 2001; 2004; 2009. № 2, 173–176
- Махарадзе З.** см. Лионне Б.
- Медведев А.П.** Новая книга по скифологии (Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократи-ческий курган в Днепровском правобережном Надпо-рожье. Дніпропетровськ, 2009). № 3, 166
- Медынцева А.А.** Надписи и рисунки на стенах лестнич-ной башни собора Рождества Богородицы Антониева монастыря (Новгород). № 3, 130–140
- Мелекесцев И.В.** см. Кренке Н.А.
- Митрофанов В.В.** Археологические занятия С.Ф. Пла-тонова. № 1, 166–168
- Михайлов К.А.** см. Спасская Н.Н.
- Мишина Т.Н.** Орнаменты на керамике– хронологи-ческие маркеры для эпохи ранней бронзы (по материа-лам телля Юнаците, Болгария). № 4
- Молодин В.И.** см. Деревянко А.П.
- Моргунова Н.Л.** Конференция “Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Вос-точной Европы”. Оренбург, 2009. № 1, 186–188

- Моргунов Ю.Ю.** Домостроительство летописного г. Снепород. № 3, 154–163
- Моргунов Ю.Ю.** Оборонительные валы и стены X–XIII вв. по летописным источникам. № 1, 97–105
- Мунчаев Р.М.** Поселения Телль Хазна 1 и Кашкашок III в Северо-Восточной Сирии – сравнительный анализ. № 2, 27–42
- Нефедов В.С.** см. Лопатин Н.В.
- Олисаев В.Г.** Хабош Кануков: две стороны одной медали. № 2, 163–168
- Орфинская О.В.** Исследования фрагментов текстиля с Торецкого поселения XV в. № 4
- Осипов Д.О.** Кожаная обувь из погребений Мартирьевской паперти Новгородского Софийского собора. № 4
- Певзнер М.М.** см. Кренке Н.А.
- Песяшенко К.Ю.** Лепные кувшины V–IV вв. до н.э. Днепро-Донской лесостепи. № 1, 68–80
- Петров Д.А.** Антипов И.В. Новгородская архитектура времени архиепископов Евфимия II и Ионы Отенского. М., 2009. № 4
- Пигарев Е.М.** Бронзовые фигурки человека с Селитренного городища. № 2, 161–162
- Платонова Н.И.** см. Лапшин В.А.
- Прасолов Я.В.** Средневековый меч с двойным долом из коллекции музея “Пруссия”. № 1, 149–153
- Прокопец С.Д.** см. Артемьева Н.Г.
- Прошкин О.Л.** Научная конференция “Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области” (Калуга, 2009). № 2, 186–187
- Пустовалов С.Ж.** Памяти Дмитрия Яковлевича Телегина. № 4
- Рейнард С.** см. Лионне Б.
- Румянцева О.С.** Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы. № 3, 86–97
- Рыкунова И.И.** см. Аверин В.А.
- Рыкунов А.Н.** см. Аверин В.А.
- Саблин М.В.** см. Спасская Н.Н.
- Савельев Н.С.** Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья. № 2, 56–66
- Савченко С.Н.** Костяные наконечники стрел с пазами в Среднем Зауралье. № 1, 27–37
- Сакса А.И.** см. Курбатов А.В.
- Салминен Т. И.Р.** Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века. № 4
- Санкина С.Л.** см. Лапшин В.А.
- Сафонов И.Е.** см. Белозёрова И.В.
- Седов Вл.В.** Ранневизантийский храм в Апамее Киботос (Динаре): предварительное сообщение о работах 2009–2010 гг. № 3, 98–107
- Сериков Ю.Б.** Вотивные наконечники стрел с пещерного святилища на Камне Дыроватом (Южный Урал). № 4
- Сидоров В.В.** Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. М., 2008. № 2, 169–172
- Синицын А.А.** Памяти Льва Михайловича Тарасова. № 1, 191
- Сиренов А.В.** Описания древнерусских некрополей в рукописях XVI–XVII вв. № 1, 106–110
- Скобелев С.Г.** Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск, 2009. № 4,
- Скорый С.А.** К юбилею Бориса Андреевича Шрамко. № 3, 185–187
- Смолянинов Р.В.** Каменные челноки (неолит лесостепного Дона). № 3, 151–153
- Соловьев В.С.** Памяти Бориса Анатольевича Литвинского. № 2, 188
- Спасская Н.Н.** Раннесредневековые лошади второй половины IX – начала X вв. на Рюриковом городище. № 4,
- Сулейман А.** см. Мунчаев Р.М.
- Сурков А.В.** см. Смолянинов Р.В.
- Тавлинцева Е.Ю.** см. Кренке Н.А.
- Таймазов А.И.** Основные характеристики индустрии многослойной раннепалеолитической стоянки Айникаб 1 (по материалам исследований 2005–2009 гг.). № 1, 5–14
- Терехова Н.В.** см. Андреев С.И.
- Тихонов И.Л.** Николаев А.Л. Археологические институты дореволюционной России. Нижнекамск, 2008. № 1, 174–176
- Ткачев В.В.** Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы. № 2, 43–55
- Толочко А.П.** см. Архипова Е.И.
- Толстиков В.П.** Новый строительный комплекс в Пантикапее. № 2, 110–122
- Федорина А.Н.** см. Макаров Н.А.
- Федоров В.К.** Яблонский Л.Т. Прохоровка: У истоков сарматской археологии. М., 2010. № 4
- Федюнин И.В.** Мастерская эпохи палеолита на севере Калачской возвышенности. № 2, 87–96
- Хаванский А.И.** О культурной принадлежности некоторых памятников позднего бронзового века у г. Орска. № 4

- Халилов М.Дж.** Погребение воина-контофора из Рустовского могильника (Северо-Восточный Азербайджан). № 2, 123–132
- Хамакава М.** Опыт функционально-планиграфического анализа микродебитажа (по материалам верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II). № 3, 5–13
- Хусейнов Ф.** см. Лионне Б.
- Цетлин Ю.Б.** см. Бобринский А.А.
- Цуциев А.А.** см. Олисаев В.Г.
- Чернецов А.В.** см. Гайдуков П.Г.
- Чжан Лянжэнь.** Международный симпозиум “Археология в Китае и в мире: прошлое, настоящее и будущее”. № 4
- Широков В.Н.** Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал). № 1, 111–125
- Шпилёв А.Г.** Международная научная конференция “Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура” (Курск, 2009). № 3, 181–184
- Энговатова А.В.** Новые данные об Успенском соборе в XIII–XVI вв. в Рубленном городе Ярославля. № 3, 141–150
- Юшко А.А.** Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи единого государства. Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М., 2008. № 3, 172–176
- Яблонский Л.Т.** см. Скорый С.А.
- Яганов А.В.** см. Энговатова А.В.
- Список сокращений. № 2, 191
- Список сокращений. № 3, 192

В процессе печати статьи Е.И. Архиповой, А.П. Толочко «“Новая датировка” Софийского собора в Киеве: критика гипотезы» в № 3 за 2011 г. из-за сбоя программы фрагменты фразы на стр. 125 в последнем абзаце были искажены. Запись месяцеслова в Мстиславовом Евангелии следует читать:

въ тѣ^ж днѣ сѣдникъ стѣѣ софїѣ. иже ѿстъ въ кїевѣ гра^д сѣднѣ ефремѣ митрополитѣмъ